

№ 6/2 2018 (июнь)

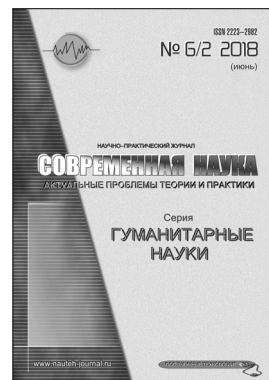
Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Редакционный совет

- В.Л. Степанов – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
 Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, МГАВМиБ им. К.И. Скрябина
 П.В. Акульшин – д.и.н., проф., РГУ им. С.А. Есенина
 Э.Н. Алиева – д.филол.н., доцент, независимый эксперт
 А.Ю. Ватлин – д.и.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Г.И. Воронина – д.п.н., проф., Гуманитарно-социальный институт
 Е.Е. Вяземский – д.п.н., проф., МПГУ
 Н.А. Герасименко – д.филол.н., проф., МГОУ
 Е.Б. Евладова – д.п.н., г.н.с., ИИДСВ РАО
 А.Э. Котов – д.и.н., доцент, С-Петербургский ГУ
 С.К. Лебедев – д.и.н., С-Петербургский институт истории РАН
 П.В. Лизунов – д.и.н., проф., Сев. (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
 А.П. Миньяр-Белоручева – д. филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 М.В. Михайлова – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 Я.М. Нейматов – д.п.н., проф., Президент фонда развития инновационных технологий РФ
 Н.О. Осипова – д. филол.н., проф., Московский гум. университет
 В.В. Петрусинский – д.п.н., проф., РАНХ и ГС при Президенте РФ
 Т.А. Печенёва – д.п.н., Белорусский ГУ
 Н.Л. Пушкарева – д.и.н., проф., Институт этнологии и антропологии РАН
 А.Н. Рыжов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.И. Савостьянов – д.п.н., проф., МПГУ
 А.С. Сенявский – д.и.н., главный научный сотрудник Института экономики РАН
 М.Ю. Сидорова – д.филол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова
 А.М. Сморгчов – д.и.н., проф., РГГУ
 О.Ю. Стрелова – д.п.н., проф., Хабаровский краевой институт развития образования
 В.И. Тюпа – д. филол.н., проф., Институт филол. и истории РГГУ
 Н.М. Щедрина – д. филол.н., проф., МГОУ
 С.Н. Ханбалаева – д. филол.н., преподаватель, МГИМО МИД РФ
 Н.В. Юдина – д. филол.н., проф., ректор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве РФ

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116–1–10
Тел/ факс: 8(495) 755–1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
http: // www.nauteh-journal.ru
http: // www.vipstd.ru

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор

В.Л. Степанов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» – 80015

В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей

несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»

тел./ факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 30.06.2018 г.

Формат 84x108 1/16

Печать цифровая

Заказ № 0000

Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЯ

М.Ш. Абаева – Новые тенденции экономического и социального развития Балкарских обществ в конце XIX – начале XX века
M. Abaeva – New trends of economic and social development of the Balkarkhikh obschestva in the end of the XIX – the beginning of the XX century4

А.В. Блинов – Исторический аспект организационного начала финансирования и контроля за финансовой деятельностью учебных заведений Министерства народного просвещения (на примере Западно-Сибирского учебного округа)
A. Blinov – Historical aspect of the organizational beginning of financing and control over the financial activity of educational institutions of the Ministry of Public Education (on the example of the West Siberian educational district)9

А.С. Борзых – Деятельность вологодской общины сестер милосердия в контексте функционирования вологодского местного управления Российского Общества Красного Креста в к. XIX – нач. XX вв.
A. Borzykh – The activity of the Vologda community of sisters of mercy in the context of the Vologda local government of the Russian Red Cross Society in the XIX – early XX centuries14

А.А. Борисюк – Доходы приходских храмов Москвы в первые годы после революции
A. Borisyuk – The income of the parish churches in Moscow after the revolution19

И.С. Виноградов – История стратегического сотрудничества КНР и стран Африки
I. Vinogradov – The history of strategic cooperation between China and Africa25

Т.М. Головина – Реформы городского законодательства первой половины XIX века
T. Golovina – Reforms of citizen legislation in first half of nineteenth century29

Е.В. Игумнов – Губернские и областные статистические комитеты Сибири в системе государственно-административных и научных учреждений Российской Империи
E. Igumnov – Siberia's gubernia and regional statistical committees in the system of state-administrative and scientific establishments of the Russian Empire31

Ф.Г. Калимуллина – Жизнь и общественно-политическая деятельность узника ГУЛАГА Махмута Будайли (1895–1975)
F. Kalimullina – The life and public-political activity of GULAG prisoner Mahmut Bodily (1895–1975)36

С.Б. Киселев – Современные особенности хозяйства кочевого населения полуострова Канин (Архангельская область)
S. Kiselev – Modern features of the economy of the Kanin peninsula nomadic population (Arkhangelsk region)39

А.Г. Марченко – Д.И. Иловайский в оценках советских историков второй половины XX в.
A. Marchenko – D.I. Ilovajskij in the estimates of soviet historians in the second half of XX century43

А.Н. Моисеев, Т.А. Моисеева – Глубинные причины поражения России в русско-японской войне
A. Moiseev, T. Moiseeva – Depth reasons for the damage of Russia in the Russian-Japanese war46

И.А. Мороз – Попытки реформирования управления торговлей в СССР в 1950–60е годы и их последствия
I. Moroz – Attempts to reform traffic management in the USSR in 1950–60s and their consequences54

А.В. Музалев – Механизмы принятия управленческих решений в Ново-Кузнецке–Сталинске в период первой пятилетки
A. Muzalev – Mechanisms for making management decisions in Novokuznetsk–Stalinsk during the period first five-years plan57

Д.А. Огузова – Правовой статус "свободного" адыгского крестьянства в адатах (первая половина XIX века)
D. Oguzova – The legal status of "free" Circassian peasantry in the ADAT (the first half of the XIX century)61

Л.В. Ольшанская – Основные этапы развития экономического правосудия в Европе
L. Olshanskaya – Main stages of development of economic justice in Europe64

Т.Н. Петухова – Из истории развития различных социальных групп России: история русской эмиграции в Турции
T. Petukhova – From the history of the development of various social groups in Russia: the history of Russian emigration in Turkey68

С.М. Русинов – Раскулачивание в Череповецком округе Ленинградской области в годы коллективизации
S. Rusinov – Dispossession of kulaks in the Cherepovets district of the Leningrad Region in days of collectivization71

С.М. Русинов – Формирование образа врага в советской прессе по материалам периодической печати Вологодского края (газета "Красный Север", 1929 год)
S. Rusinov – Formation of an image of the enemy in the Soviet press on materials of periodicals of the Vologda region (the Krasny Sever newspaper, 1929)76

Сунь Янань – Зарождение сотрудничества Свердловской области и города Харбина в конце 1980-х – начале 1990-х гг.
Sun Janan – Formation of the cooperation between Sverdlovsk region and Harbin at the end of 1980s – beginning of 1990s80

А.М. Фазлиев, М.А. Галева, И.З. Нафиков – Современная система образования российских мусульман перед вызовами времени
A. Fazliev, M. Galeeva, I. Nafikov – The modern system of education of Russian Muslims before current challenges and threats84

Е.С. Чекункова – Основные этапы становления движения айнов на острове Хоккайдо в XX в.
E. Chekunkova – The basic periods of the formation of Ainu Movement in Hokkaido in the XX century87

ПЕДАГОГИКА

Аль-Мохаммедави Хайтам Саад Хасан – Методология этнокультурной исламско-общечеловеческой модели обучения художественному творчеству учащихся начальной школы Республики Ирак
Al-Mohammedawi Haitham Saad Hasan – Methodology of the ethnocultural Islamic-human model of teaching art creativity in primary school pupils of the Republic of Iraq91

О.А. Данько, В.О. Мидова, Е.Т. Минасян – Знаково–контекстная модель обучения как концептуальная основа совершенствования языковой компетенции студентов

O. Danko, V. Midova, E. Minasyan – The sign–contextual model of learning as conceptual basis for improving the language competence of students98

Л.В. Захарова, Л.А. Гунина, И.В. Зарочинцева, Ю.А. Лупиногина – Культура речи как условие эффективного общения будущих инженеров

L. Zakharova, L. Gunina, I. Zarochintseva, Y. Lupinogina – Speech culture as a condition of future engineer effective communication102

М.М. Конколь – Когнитивные стили в обучении иностранным языкам

M. Konkol – Cognitive styles in teaching foreign languages ...107

В.В. Рябкова – ИКТ–компетенция и ее составляющие

V. Ryabkova – ICT competence and its components110

А.И. Семина – Реализация модели смешанного обучения (blended learning) русскому языку как иностранному

A. Semina – The implementation of the blended learning model in teaching Russian as a foreign language113

И.А. Феоктистова, М.Ю. Базарова – Жанры и типы учебного текста–комментария, адресованного иностранным студентам–филологам

I. Feoktistova, M. Bazarova – Genres and types of academic text, a review addressed to foreign students–philologists ...119

ФИЛОЛОГИЯ

Ю.Д. Багров – Проблемы восприятия речевого жанра английского неформального письма

Iu. Bagrov – On the problem of English informal letter genre perception123

Д.Р. Денисов – Особенности использования языковых средств при речевой характеристике героев произведений Сидни Шелдона

D. Denisov – Peculiarities of using language means in speech characteristics of characters of Sidney Sheldon's novels126

Е.О. Зубарева, С.В. Шустова – Миграционная лингвистика: динамические процессы в языке

E. Zubareva, S. Shustova – Migration linguistics: dynamic processes in language132

А.А. Зыков – Вариативность "цыганских" романсов и их бытование в Шадринском уезде в начале XX века (на примере собрания Д. М. Торопова "Новый русский Наутилус")

A. Zykov – Versions of "gypsy's" romances and their application in Shadrinsk province in the early twentieth century (for example, the collection of D. M. Toropova "New Russian Nautilus")137

Е.А. Иваньшина, Ю.М. Ярмонов – Между Гамлетом и Дон Кихотом (к вопросу о театральной и литературной пародии в рассказе А.П. Чехова "Барон")

E. Ivanshina, Y. Yarmonov – Among Hamlet and don Quixote (about theatre and literature parody in story "Baron" by A.P. Chekhov)140

Раадранириана Антса Миангола Малала – Паремия в дискурсе (на примере малагасийской лингвокультуры)

Rahadraniiriana Antsa Miangola Malala – The paremy in discourse (on the example of Malagasy lingvoculture)145

Г.С. Рамбердиева – Языковые средства усиления воздействия в английских текстах политических выступлений (на материале современного английского языка)

G. Ramberdiyeva – Language Means of Influence Strengthening in English Political Speech (based on contemporary English) ...152

Д.О. Ремяникова, С.Л. Мишланова – Критический анализ метафтонимии в рекламных слоганах

D. Remyannikova, S. Mishlanova – Metaphtonymy critical analysis in advertising slogans157

М.В. Рябова – "Стихи мне стали казаться ненужными": особенности стиховой формы поэморомана С.Е. Нельдикхена "Праздник (Илья Радалёт)"

M. Ryabova – "Poems seemed to be useless for me": peculiarities of the verse form of S.E. Neldikhen's "Holiday (Ilya Radalyet)" poem–novel164

О.В. Сарыгёз, А.О. Победоносцева Кая, И.Ш. Абилов – Апеллятивация имен собственных в турецком, курдском и талышском языках

O. Sarigoz, A. Pobedonostseva Kaya, I. Abilov – Appelative forms of proper names in Turkish, Kurdish and Talysh169

А.Ю. Соколова – Нефинитные формы в современном английском языке: основные проблемы и перспективы исследования

A. Sokolova – Modern English non–finite forms: problems and prospects for research176

Цзяо Фэньюэ – Концепт жизнь как фрагмент русской языковой картины мира в текстах Л. Петрушевской

Jiao Fengyue – The concept of life as a fragment of the Russian language picture of the world in L. Petrushevskaya's texts ...181

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors186

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале188

№ 6/2 2018 (июнь)

CONTENTS

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БАЛКАРСКИХ ОБЩЕСТВ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

NEW TRENDS OF ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT OF THE BALKARKHIKH OBSHESTVA IN THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

M. Abaeva

Annotation

The article analyzes the issues of economic and social development of Balkaria in the late XIX – early XX centuries. In particular, the development of cattle breeding and farming, the construction of the first wheel roads that connected the mountain gorges with the plane, highlighted the issues of exploration of mineral deposits, land leases, the allocation of pasture lands to Balkars and the process of splitting up the elite of the Balkar people.

Keywords: cattle breeding, agriculture, wheel roads, mining, land rent, begenda, ortak, production of dairy products, dissolving.

Абаева Мадина Шамилевна

*Аспирант, Северо-Кавказский институт
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при президенте РФ г. Пятигорск*

Аннотация

В статье анализируются вопросы экономического и социального развития Балкарии в конце XIX – начале XX веков. В частности, развитие скотоводства и земледелия, строительство первых колесных дорог, связавших горные ущелья с плоскостью, освещены вопросы разведки месторождений полезных ископаемых, аренды земли, выделения балкарцам пастбищных угодий и процесс раздворянивания элиты балкарского народа.

Ключевые слова:

Скотоводство, земледелие, колесные дороги, добыча полезных ископаемых, аренда земли, бегенда, ортак, производство молочных продуктов, раздворянивание.

Последствием падения крепостного права в России явилось развитие капиталистических отношений в стране. В процессе своего развития российский капитализм естественным образом потянул за собой все народы Кавказа, в том числе и Балкарию. Взламывая обособленность балкарских обществ, капиталистические отношения способствовали разрушению прежней замкнутости горцев и ускоряли процесс их социально-экономического развития.

Сопоставление данных за 1867 и 1895 годы показывает, что за 30 лет прошедших после отмены крепостного права уровень развития скотоводства в Балкарии значительно возрос. Так количество лошадей увеличилось почти в два раза (с 3072 до 5682 – в 1895 году), овец в 2 раза (с 106041 до 205085), а число крупного рогатого скота почти в 3 раза (с 16676 до 46082) [1, с.99]. В первые годы XX века животноводство продолжало расти и к 1906 году количество лошадей достигает – 7083 голов, крупного рогатого скота – 53794 голов, овец – 222781 головы.

Скотоводство в Балкарии начало приспособляться к все возрастающим потребностям рынка. Каждый год большие партии крупного рогатого скота, овец и лошадей поступали на крупнейшие ярмарки региона в Георгиев-

ске, Ставрополе, Пятигорске, а также в Закавказье и в центральные районы России.

Постоянными покупателями крупного рогатого скота у балкарцев были сваны и имеретинцы – жители Рачинского уезда Кутаисской губернии. Имеретинцы почти ежегодно закупали большие группы крупного рогатого скота и перегоняли их через перевал Штулу. С каждым годом, в пореформенный период торговля скотом продолжала возрастать: с 588 голов скота, проданного в 1867, до 2–3 тысяч голов в конце XIX века и с 4–4,5 тысяч овец, продававшихся ежегодно в конце 60–х годов XIX века, до 14 тысяч к концу XIX века. В начале XX века балкарцы ежегодно сбывали от 3 до 6 тысяч голов крупного рогатого скота и в среднем около 15 тысяч овец [1, с. 125].

Торговля скотом приносила бывшей феодальной знати – таубиям и членам других разбогатевших сословий большие доходы. Торговля постепенно стала приобретать такие размеры, что ею стали заниматься не только приезжие торговцы, но и скупщики-посредники из среды самих балкарцев. Они скупали у своих соплеменников лошадей и крупный рогатый скот, давая за них лишь задаток и обещая уплатить остальную часть после продажи в Закавказье. К примеру, такой момент был отмечен в докладной записке председательствующего Временного

отделения Нальчикского горского словесного суда начальнику Нальчикского округа от 29 октября 1886 года, где сообщалось, что "20 сего октября житель Урусбиевского общества Хаджи Ахматов, словесно заявил суду, что несколько месяцев тому назад он купил у односельца своего Мурзабека Тевоева лошадь за 80 рублей, в счет которых отдал ему, в виде задатка, 10 рублей, условившись оплатить остальную сумму, после возвращения из Закавказья" [2, с. 162, 163].

В Балкарии с давних времен действовали такие нормы землепользования как "бегенда" и "ортак". Собственник земли, отдавал свой участок в "бегенду" за определенную сумму с тем, чтобы участком, взятым в "бегенду" пользовались до тех пор, пока он или его наследники не возвратят полученную в залог сумму. В договоре по "бегендному" праву срок не указывался, и отношения по "бегенде" переходили по наследству из поколения в поколение, растягиваясь иногда на десятки и сотни лет.

В пореформенный период "бегенда" постепенно стала утрачивать свой первоначальный характер и стала приближаться в своей сущности к обыкновенной ссуде под залог недвижимости. После повышения цен на землю залогодержатели всячески стремились, во что бы то ни стало завладеть "бегендными" землями. Они чтобы крепче держать в кабале своих дебиторов, при малейшей нужде спешили им на помощь, выдавая дополнительные ссуды. Таким образом, затягивая накинутую на своих заемщиков петлю все туже и туже, кредиторы достигали полного и беспрепятственного владения "бегендными" землями навсегда, и только в редких случаях при особенно благоприятных условиях земли выкупались обратно.

Земельные участки сдавались в аренду по разным причинам: разоряющееся крестьянство сдавало свой клочок земли из нужды, так как не всегда было в силах обрабатывать его, князья сдавали свои участки земли с целью повышения своих доходов, либо выгодного обмена одного участка земли на другой. Насколько большую роль стала играть "бегенда" в экономической жизни горцев к концу XIX века, можно судить даже по тому, что к этому времени около половины всех земель балкарских князей находилось в "бегенде".

Ортак состоял в том, что собственник земли мог отдавать свои угодья другим лицам, с тем, чтобы те исправно содержали участок, обрабатывали его, следили за состоянием оросительных каналов и за это он получал с них половину всего снятого хлеба или сена.

По рассказам моего отца Абаева Шамиля Меджидовича 1934 года рождения во время сенокоса Абаевы выдавали своим работникам с каждых десяти копен сена половин [3].

С 70-х годов XIX века в Балкарии отмечено стремление наладить производство молочных продуктов. М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер описывая свое путешествие в горские общества упомянули о попытке Хамзата Урусбиева наладить сыроваренное производство в Балкарии. Проведя несколько лет на военной службе, он уехал в Швейцарию, где изучив правильное сыроварение, открыл в урочище Хаюко в 1874 году первый сыроваренный завод в Баксанском ущелье. Сначала дело пошло на лад: сыр изготавливаемый новым способом, оказался прехвосходен и находил сбыт даже во Владикавказе [4, с. 152]. Урусбиев сдавал сыр на комиссию в Пятигорск, в магазин Эрина, а во Владикавказе осуществлял продажу на базаре. Но вследствие падежа 200 дойных коров, производство пришлось закрыть. В июле 1887 года один из братьев Урусбиевых Александр смог восстановить производство сыра, но в более скромных размерах.

На Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 года в отделе молочных продуктов был проэкспонирован круглый сыр урусбиевского завода. Он был удостоен малой серебряной медали [5, с. 277].

В конце 80-х годов XIX века возникали идеи, об устройстве в Балкарии "одной или нескольких передвижных маслоделен-сыроварен, мастера при которой могли бы давать населению ближайших селений "советы, указания и наглядный пример производства" [1, с. 101]. Предполагалось также, "не изменяя издавна усвоенных туземным населением способов выделки сыров", устроить подвалы для их выдержки.

В начале XX века в Чегемском обществе Балкароковым (Балкоруковым) был организован сыроваренный, а Барасбиевым маслодельный завод, куда население этого общества сбывало часть молока [6, с. 250].

Открытие связанных с рынком сыроварен и маслоделен в Балкарии показывало не только новые черты в развитии хозяйства горцев, но и служило доказательством того что к развитию капиталистических отношений стали принаравливаются все стороны хозяйства жителей балкарских обществ.

Земледелие в 80-90-е годы XIX века в Балкарии вследствие малоземелья носило в основном натуральный характер: его продукты на рынок не поступали, предназначались исключительно для местных нужд, и не всегда удовлетворяли даже свои собственные потребности.

О размерах посевов в горах можно судить по распространенным там в то время единицам измерения: кулач – 2–2,5 аршина, аяк-узун – длина ступни ноги, таш-орун – место под одним камнем, черен-орун – пахотное место, дающее 1 копну овса [1, с. 101].

В пореформенный период усилились объемы применения удобрений и искусственного орошения. В этот период балкарцы сеяли в основном ячмень, но уже с 80-х годов XIX века стал получать распространение картофель.

В начале XX века посевные площади в Балкарии составляли: в 1900 году – 1942 десятины, в 1901 году – 2104 десятины, в 1903 году – 1717 десятины, в 1906 году – 1864 десятины. Земля здесь, по-прежнему, ценилась очень высоко: стоимость пахотной колебалась от 600 до 5000 тысяч рублей, а луговой и пастбищной – от 270 до 2000 тысяч рублей за десятину [5, с. 122].

В начале XX века балкарцы стали выращивать новые культуры: овес, яровую пшеницу, кукурузу и масличные. В 1906 году в балкарских обществах было посеяно: овса – 352 дес., кукурузы – 150 дес., подсолнуха – 8 дес. [1, с. 123]. В 1909 году: овса – 351 дес., кукурузы – 690 дес., подсолнуха – 20 дес [5, с. 262].

Некоторые хозяйства имели небольшие огороды, которые были преимущественно засеяны луком, морковью и редькой.

Развитию торговли с горцами царское правительство придавало большое значение. Русскими торговцами здесь сбывались в основном малоценные товары и в обмен на это они вывозили продукты земледелия, скотоводства и сырье для промышленности Центральной России.

В пореформенный период в балкарских аулах появлялись стационарные торговые лавки, постепенно вытесняя меновую торговлю. М. Кипиани в 1881 году осматривая селение Чегем, "нашел здесь лавку с красным товаром, где торгует русский человек из Нальчика" [7, с. 64]. Естественно уровень развития социально-бытовой инфраструктуры в аулах напрямую был связан с численностью его жителей. Конечно, важную роль играло местоположение селения и время его возникновения. По сведениям за 1897 год, в Хасауте имелась 1 мелочная и 1 мануфактурная лавки, в Хуламе 1 мелочная и 3 временные мануфактурные лавки, в Гунделене – 1 мелочная и 3 мануфактурные лавки, в Урусбиевском поселке – 3 мануфактурные лавки, в Чегеме – 2 мелочные и 7 мануфактурных лавок [6, с. 250].

Вторая половина XIX – начало XX вв. были отмечены важным событием, разомкнувшим изолированный образ жизни горцев – строительство колесных дорог. Закрытые в труднодоступных ущельях балкарцы остро нуждались в удобном колесном сообщении с плоскостью.

В 1861 году Исмаилом Урусбиевым была предпринята первая попытка построить колесную дорогу по Баксанскому ущелью. В своем донесении он писал: "Кроме

разработанной дороги я успел поставить новый мост через реку Баксан, и горцы, до сих пор не понимавшие выгоды этой дороги, теперь сплошь запаслись к весне арбами, чтобы бросить навсегда свои вьюки" [8, с. 181].

Н. Грабовский в своих путевых заметках за 1867 год отмечал, что "дорога весьма хороша и удобна не только для верховой, но и для колесной езды в небольшом экипаже. Устройство ее, а также восьми прочных и довольно широких мостов через реку Баксан принадлежит исключительной заботливости прапорщика Исмаила Урусбиева" [8, с. 381].

Взялись за строительства дороги в 1880 году жители Хуламского и Безенгиевского обществ, пробив ее в очень труднодоступных местах. Строительство дороги от местности Чирфы до местности Тах-та для жителей вышеуказанных обществ обошлось в 19 тысяч рублей, 380 баранов "ищегрик" и пятьсот мер ячменя и кукурузы. Первая часть означенной дороги начиналась с местности Чирфы до местности Тыжинты-тюп, с одним зигзагом; вторая часть оттуда до Агран-тюп; третья часть от Агран-тюп до спуска к реке Жагараш; четвертая часть по ложбине реки Черек до реки Кара-су и пятая часть от Кара-су, через Гидче-чат до Тых-та [2, с. 151].

Много усилий вложили в строительство дороги жители Балкарского общества. Начав строительство в 1884 году, они на протяжении 10 лет прокладывали этот путь. Дорога была построена по правую сторону течения реки Черка начиная от поселка Тюбел-Чегем около дома Джилкибаевых и до поляны под названием "Бабугент". Кроме суммы в 40 тысяч рублей серебром жители Балкарского общества обязаны были по требованию подрядчика давать еще четыре рабочих силы с каждого двора, то есть две тысячи человек на один рабочий день, партиями, при разработке части дороги от речки Шинань-кол до дома Джилкибаевых, но только не во время полевых работ. Рабочие эти должны были быть на своих харчах. Кроме того, Балкарское общество обязано было дать подрядчику четыреста девяносто три пуда пороха для разрыва скал [2, с. 147, 148].

Вложив огромный труд, затратив сумму в 40 тысяч рублей, сотни пудов пороха и приплатив также большое количество скота, Балкарским обществом была проложена в 1894 году колесная дорога по Черекскому ущелью.

Следуя примеру Балкарского общества, жители Чегемского ущелья также провели с гор на плоскость колесный путь за счет своих средств [8, с. 191]. Дорога была построена от поселка Чегем по берегу реки Чегем к Хутору Балкарокова под названием Актотрак, от Актотрака через местности Ифчик и Жигат к реке Кесенты, затем по берегу реки Кесенты к Баксанской дороге [2, с.

190]. При разработке дороги Чегемскому обществу было безвозмездно выделено из казны 690 пудов пороха [2, с. 192]. Вследствие неудовлетворительного состояния дороги при окончании ее строительства, подрядчикам Чегемским обществом вместо оговоренной в начале строительства суммы в 32 тысячи рублей была выдана сумма в 16 тысяч рублей.

Прокладка колесного пути сквозь неприступные скалы из Балкарского, Чегемского, Баксанского, Хуламского и Безенгиевского обществ на плоскость явились настоящим подвигом балкарского народа, вызвавшим восторг и удивление, как русского, так и соседних народов.

В условиях развернувшейся во второй половине XIX – начале XX века "горнопромышленной лихорадки" в Балкарии началась интенсивная разведка месторождений полезных ископаемых. Мещанин Житомирской губернии Зейпик Фрахтман и кабардинец Измаил Лиев хлопотали о разрешении добывать каменный уголь на землях, принадлежащих частным собственникам Балкарукову, Кучукову и Барасбиеву.

В связи с изысканиями в Балкарии на всех общественных землях всякого рода полезных ископаемых и переговорами об отведении участков "для эксплуатации" рудных месторождений, в документах неоднократно упоминаются жители Хуламского общества – братья Муллаевы. Студент Харьковского технологического института Магомет Муллаев получил разрешение Хуламского общества на разработку киноварной руды, а его брат Исхак Муллаев добился от безенгиевцев разрешения провести разведку горных богатств на землях общества, прокладывать для заводских надобностей дороги, ставить мосты, пользоваться силой рек, камнем и песком для построек. Но царская администрация запретила разработку руд в горских обществах частным предпринимателям, ссылаясь на то, что земля находится лишь в пользовании балкарских обществ и недра ее принадлежат не им, а казне.

В пореформенный период очень большое значение приобрела аренда земли. Нововведением в развитии аренды было то, что "арендная плата стала братья деньгами, раньше же, до сближения с русскими, бралась натурой – баранами и молоком" [1, с. 104]. Крупные арендаторы брали в аренду большие массивы земли, а затем часть земель они дробили на участки и сдавали в аренду крестьянам за цену, превышающую первоначальную стоимость. Это вело к росту арендных цен на землю и разорению многих крестьянских хозяйств.

Развитие скотоводства в связи с ростом предпринимательства, усиление социального расслоения и рост численности населения в Балкарии настолько обострили земельный вопрос, что царская администрация была вы-

нуждена заняться вопросом обеспечения сопредельных с Большой Кабардой горских обществ: Балкарского, Безенгиевского, Хуламского, Чегемского и Урусбиевского пастбищными землями.

По подсчетам топографа Н. П. Тульчинского, детально изучившего все общества Балкарии, в конце XIX века балкарцам из общих пастбищ было выделено следующее количество земли: для Баксанского общества в одном участке 6208 дес., для Чегемского в четырех местах 8923 дес., для Хуламского в трех местах 4000 дес., для Безенгиевского в четырех местах 2151 дес., и для Балкарского в 18 местах 12109 дес. [9, с. 349].

Внутри обществ общинные пастбищные угодья были распределены крайне неравномерно: таубии и кулаки, имевшие большое количество скота и лошадей, пользовались большим числом десятин, а остальные имевшие не более 2–3 голов скота, объединялись в группы от 5 до 10 человек, которым сообразно с количеством скота, выделялась определенная площадь.

За пользование пастбищами взимался подесятинный сбор. Упорядочение пользования пастбищами содействовало развитию скотоводства, прежде всего, наиболее состоятельной части населения Балкарии. По исследованию Абрамовской комиссии, к началу XX века земли в Балкарии распределялись крайне неравномерно: "В пяти горских обществах Нальчикского округа, за исключением Баксанского ущелья, у 139 таубиев, или 6% всего населения, находилось пахотной земли 500 десятин или 20% всей земли, имеющейся у общества, покосной 5762 десятины или 43%, пастбищной 26947 десятин или 30%" [10, с. 173, 174].

Во второй половине XIX века Балкарию коснулся процесс раздворянивания феодальной элиты. Он выражался в том, что князья, основной функцией которых являлось управление аулами и подвластными им землями, стали заниматься, не свойственными для них функциями. Они открывали сыроварни, маслодельни, занимались строительством колесных дорог. Происходил процесс усложнения самосознания традиционной знати, представителям которой приходилось играть множество социальных ролей. Теперь они становились не только представителями знатной фамилии, владельцами горского общества, но также адвокатами, публицистами, врачами, музыкантами, предпринимателями и чиновниками.

Этот процесс начался еще в первой половине XIX века, когда в Георгиевскую крепость были привезены балкарские аманаты, которые проходили там курс обучения русскому языку и письму. После окончания курса обучения они заменялись другими представителями балкарских княжеских родов и стали первыми проводниками российской культуры в горские общества.

Балкарские князья, получившие образование в учебных заведениях Российской империи во второй половине XIX века вели большую просветительскую работу. Выступали инициаторами открытия школ, гимназий, библиотек, пытались организовать выпуск периодических изданий (Сафарали Урусбиев), осуществляли первые шаги по созданию письменности на кириллице (Сафарали и Науруз Урусбиевы). Благодаря их усилиям к концу XIX века были открыты первые светские учебные заведения [11, с. 4].

Имена таубиев Асламурзы, Кургоко (Гергока) и Мисоста Абаевых часто упоминаются в документах, посвященных строительству Балкарской общественной колесной дороги. Асламурза Абаев наряду с Геурги Кюйгеновым и Умаром Темукуевым входил в число дорожных поверенных Балкарского общества, которые в течение десяти лет занимались всеми проблемами дороги: они выбирали направление и отстаивали свой выбор перед начальством, земляками и подрядчиками, нанятыми ими же, добывали бесплатный порох, распоряжались денежными средствами, следили за строительством дороги, а затем вошли в состав приемной комиссии, в то же время они никому не подчинялись и были ответственны только перед обществом, которое наделило их такими большими полномочиями [12, с. 5].

С именем князей Урусбиевых связана первая попытка постройки колесной дороги из Баксанского ущелья на плоскость в 1861 году. Работы велись два года, и к весне 1863 года дорога протяженностью в 60 верст, от аула Урусбиева достигла Кабардинской плоскости. В 1869

году братья Урусбиевы продолжили дорогу в глубь ущелья до Донгуз-оруна и получили для строительства порох для взрывных работ, железо и необходимый инвентарь [6, с. 246, 247].

В социально-политической интеграции балкарских обществ в состав Российской империи, определенную роль играло получение представителями горских элит светского образования, приобщение их к русской и мировой культуре было фактором, по выражению М. С. Воронцова, который был способен несмотря ни на что приобщить окраины к общерусской гражданственности и связать "разноплеменной край с империей" [6, с. 243].

Таким образом, социально-экономическое развитие Балкарии в конце XIX – начале XX века показывает, что масштабы включения балкарских обществ в систему рыночных отношений в этот период были существенными. Балкарцы втягивались в рыночные отношения почти исключительно через реализацию продуктов традиционных промыслов и животноводства. Случаи предпринимательской активности по переработке сельскохозяйственной продукции, в строительстве дорог и разработке полезных ископаемых носили единичный характер. Сохранилось безусловное доминирование традиционных видов деятельности. Вовлечение представителей немногочисленной элиты Балкарского общества в сферу русской культуры привело к формированию личностей способных осознать и отстаивать интересы своего народа в постоянно меняющемся мире и адаптировать его к общероссийскому историческому процессу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории балкарского народа. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. – 220 с.
2. Документы по истории Балкарии (40–90 гг. XIX в.) / Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 264 с.
3. Полевой этнографический материал 2016 года. Сообщение информатора Абаева М. Ш. 1934 г.р.
4. Исследование обычного права балкарцев М.М. Ковалевского, В.Ф. Миллера и И.И. Иванюкова (1883–1890)/Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М., ООО Издательство "Перо", 2012. – 464 с. Т. 11.
5. Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. – 420 с.
6. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.
7. Кипиани М. Пять горских обществ Большой Кабарды или Таули/Балкария: Страницы прошлого. Вып. 1. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 112 с.
8. Кучинаев М. Ю. История Балкарии с древнейших времен и до конца XX века. Книга 1. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 414 с.
9. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды (1903). Извлечение /Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права Балкарии. М., ООО Издательство "Перо", 2012. – 464. Т.11.
10. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 190 с.
11. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в./ Сост. пред, стат. об авторах и коммент. Т. Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 248 с. Т.2
12. Темукуев Б. Б. Балкарская общественная колесная дорога. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 672 с.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИОННОГО НАЧАЛА ФИНАНСИРОВАНИЯ И КОНТРОЛЯ ЗА ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (на примере Западно-Сибирского учебного округа)

HISTORICAL ASPECT OF THE ORGANIZATIONAL BEGINNING OF FINANCING AND CONTROL OVER THE FINANCIAL ACTIVITY OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION (on the example of the West Siberian educational district)

A. Blinov

Annotation

Funding issues are key to the activities of educational institutions. The proposed article, on the example of the West Siberian educational district, examines the system of financing and control over the use of financial resources by educational institutions of the Ministry of Public Education during the Russian Empire. Based on the analysis of sources, the principles of financing and control systems are shown, which, firstly, involve the Ministry of Public Education as a founder and control structure, and secondly, a rigid system of accountability by the regional and academic administration.

Keywords: Ministry of Education, educational district, financing, character, regulations, treasury.

Блинов Алексей Владимирович
К.и.н., доцент,
ФГБОУ ВО "Кемеровский
государственный университет"

Аннотация

Вопросы финансирования являются ключевыми в деятельности учебных заведений. В предлагаемой статье, на примере Западно-Сибирского учебного округа, рассматривается система финансирования и контроля по использованию финансовых средств учебными заведениями Министерства народного просвещения в период Российской империи. На основе анализа источников, показаны принципы финансирования и системы контроля, предусматривающие, во-первых, участие Министерства народного просвещения, как учредителя и контрольной структуры, а, во-вторых, жесткую систему отчетности со стороны региональной и учебной администрации.

Ключевые слова:

Министерств народного просвещения, учебный округ, финансирование, устав, положение, казначейство.

Одним из организующих начал в деятельности учебных заведений является система финансирования, в основе которой лежит ряд принципов: плановость (средства предоставляются при составлении бюджета), целевая направленность (использование средств допускается только на предусмотренные планом объекты и цели), безвозвратность (у получателя средств не возникает обязательств по их возврату), экономия (рационального расходования средств). В рамках образовательной стратегии периода Российской империи был накоплен богатый опыт организации финансирования деятельности учебных заведений и системы контроля. Одним из примеров может служить Западно-Сибирский учебный округ, учрежденный в 1885 г. в составе Тобольской, Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей [1].

Время существования Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917) стало временем активного разви-

тия учебных заведений, представленных начальными, средними и высшими учебными заведениями, открываемыми на основании общеимперских уставов и положений. Если к моменту учреждения округа, на административно-территориальных единицах, вошедших в его состав, располагалось 173 учебных заведения Министерства народного просвещения, то к 1917 г. – 2021. На долю начальных приходилось 1951 (96,5 %), средних – 69 (3,4 %), высших – 3 (0,1 %) [2].

Каждый вид учебных заведений, в зависимости от правил, прописанных в уставной документации, имел своего учредителя, т.е., физическое или юридическое лицо, имеющее право на открытие учебного заведения, а, соответственно, обязанность проявлять заботу о его материальном благосостоянии и источниках финансирования. Право на открытие высших учебных заведений и мужских гимназий на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось прерогативой Министерства

народного просвещения. С остальными учебными заведениями ситуация обстояла намного сложнее и зависела от их статуса. Реальные училища ("Устав", 1872) могли открывать наряду с Министерством народного просвещения и высшее региональное учебное руководство, женские гимназии и прогимназии ("Положение", 1870) – высшее региональное учебное руководство, учительские институты ("Положение", 1872) и семинарии ("Положение", 1870) – Министерство народного просвещения; промышленные училища ("Положение", 1888) – Министерство народного просвещения и попечитель, но последний, при условии отсутствия финансирования из средств казны.

Индивидуальный подход распространялся и на начальные учебные заведения. Например, по "Уставу" (1828), предусматривающему учреждение уездных, городских и сельских приходских училищ, право на открытие уездных имел губернатор, а городских и сельских приходских училищ директор губернской гимназии на основании решения местного общества. Начальные народные училища по "Положению" (1864) могли учреждать министерство, городские и сельские общества, частные лица; городские училища по "Положению" (1872) – высшее региональное учебное руководство, городские общества и частные лица; высшие начальные училища по "Указу" (1912) – министерство и частные лица, но с разрешения попечителя [3,4,5,6,7,8,9,10,11,12,13].

Анализ материалов, посвященных вопросам финансирования учебных заведений изучаемого периода, позволяет выделить несколько источников поступления средств в учебные заведения: ассигнования государственного казначейства (бюджетные средства); проценты с капиталов (переданных, пожертвованных), принадлежавших учебным заведениям; частные пожертвования; плата за обучение и содержание учащихся; доходы от "привилегий", предоставленных в пользу учебных заведений; освобождение от налогов и иных платежей; доходы от специально созданных предприятий; доходы от продажи имущества учебных заведений.

Финансирование учебных заведений по линии Министерства народного просвещения, как и любому другому, определялось ежегодной государственной росписью, включающей все предстоящие целевые ведомственные государственные расходы (сметы) по ученому комитету министерства. На основании "Правил о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет Министерств и Главных Управлений" принятых 22 мая 1862 г. был утвержден алгоритм формирования и утверждения ведомственной сметы, включающей несколько этапов: подача "частных росписей" с мест, составленных на основании штатных расписаний, положений и высочайших повелений в отраслевое ведомство (п. 11, 14); рассмотрение годовой сметы на уровне Министерства финансов и передача в департамент Государственной экономии Государствен-

ного совета не позднее 1 ноября текущего года (п. 18–21); рассмотрение на общем собрании Государственного совета и утверждение верховной властью (п. 28) [14].

Финансовая смета должна была включать четыре раздела: перечень доходов и расходов; подробная роспись доходов и расходов; приложения и объяснительную записку [15]. На основании финансовых смет утвержденный объем финансирования поступал в казенную палату. В основу финансирования учебного заведения из средств казны были положены так называемые штаты, утверждаемые верховной властью и отображающие все основные виды расходов по содержанию учебных заведений и органов управления ими за счет государственных средств.

В соответствии с утвержденными сметами средства поступали на счет казенной палаты по целевым статьям для каждого вида учебного заведения (табл. 1).

Объем государственного финансирования увеличивался пропорционально росту учебных заведений. Например, если в 1885 г. на все типы учебных заведений отпускалось 722340 руб. 14 коп., в 1900 г. – 1363415 руб. 63 коп., то с 1910 г. – 3578284 руб. 81 коп.

Частная инициатива в деле образования традиционно находилась под особым контролем учебного ведомства. Одним из первых законодательных примеров может служить "Устав" 1828 г., определяющий сложную схему по открытию дополнительных курсов в уездных училищах. Согласно § 62, инициатор (частное лицо, общество) обязано было обратиться по вопросу о надобности и средствах учреждения курсов обратиться к смотрителю уездного училища, тот выйти с представлением на директора губернской гимназии, директор, рассмотрев его предложение и собрав необходимые дополнительные сведения, обращался к вышестоящему начальству [3].

Архивные и опубликованные источники содержат богатый, но разрозненный массив фактов частной благотворительности в деле образования, что, зачастую, позволяет лишь оперировать отдельными фактами.

Пожертвования частных лиц для учебных заведений Западно-Сибирского учебного округа к 1 января 1907 г. составляли 236 капиталов на общую сумму 1433227 руб. и распределялись на 61 учебное заведение по целевому назначению: на пополнение стипендиального фонда, оказание материальной помощи учащимся, содержание учебных заведений [16].

Помимо ежегодных источников финансирования, каждое учебное заведение имело экономические суммы, включающие остатки от штатных сумм, и других источников финансирования деятельности учебного заведения. Сюда же относились и средства, собираемые за учение. По окончании отчетного периода они записывались на счет учебного заведения и в дальнейшем могли использоваться в качестве дополнительных средств по основным статьям расхода на следующий год. Использование экономических сумм в качестве сверхштатных выплат в качестве добавок к годовому содержанию служащего

Таблица 1.

Государственное финансирование учебных заведений
Западно-Сибирского учебного округа (в руб. и %).

Зависимая	1877		1885		1900		1908		1910	
	Выделяемая сумма									
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
высшие учебные заведения			-	-	259848	19,1			998673	27,9
Мужские гимназии	86897		159608	22	187598	13,8			235274	6,5
Реальные училища	9090		63245	8,7	104752	7,7	44834		182679	5,1
женские гимназии	2000		63495	8,8	80134	5,9	12585		367519	10,2
Женские прогимназии	7000		39561	5	76211	5,6	16421		24763	0,6
Технические училища			33522	4,6	87217	6,4			93754	2,6
Учительский институт			-	-	-	-	19780		34469	0,9
Учительские семинарии	16698		19952	2,7	23408	1,7			88615	2,4
Городские училища (пол.1872г)			47203	6,5	59504	4,4	132249		214215	5,9
уездные училища			37366	5	43653	3,2			1338320	37,4
сельские училища МНП.			-	-	59943	4,4				
приходские по уставу 1828 г.	16675		89624	12,4	111673	8,2				
Учебные заведения разных ведомств, подчин. МНП.			168759	23	269468	19,8				
<i>Всего:</i>			722340		1363415				3578284	

Источник: Составлено по: Всеподданейшие отчеты Министра народного просвещения за 1877, 1885, 1900, 1908, 1910 гг. - СПб., 1886, 1901, 1911.

могло производиться только с разрешения Министерства народного просвещения. Руководителю регионального учебного ведомства предоставлялось право давать учебным заведениям разрешение на использование специальных средств в ограниченных размерах и на хозяйственные нужды. Попечитель имел право (глава регионального учебного ведомства) имел право на надобности учебных заведений (наем помещений и служителей; приобретение книг и учебных пособий; командировочные расходы директоров, инспекторов, смотрителей; оплату дополнительных учебных часов) до 1000 руб. единовременно [17]. На уровне учебного заведения такое право регулировалось учредительным документом. Например, по "Уставу" (1828), смотритель уездного училища для мелкого текущего ремонта мог потратить из экономических сумм в течение года не более 50 руб. (§ 83); если сумма составляла от 50 до 500 руб. требовалось разрешение директора, но для этого необходимо было собрать комиссию (смотритель, почетный смотритель, городничий) для освидетельствования предстоящих затрат и определения необходимой суммы (§ 84); для получения суммы свыше 500 руб. требовалось разрешение министерства (§ 85). Механизм права получения средств из экономических сумм для директоров гимназий был аналогичным, разли-

ца была лишь в размере суммы: единолично можно было тратить до 100 руб. (§ 189), по факту решения комиссии с предоставлением сметы на утверждение вышестоящего регионального руководства – от 100 до 500 руб. и более 500 руб. – на утверждение министерства (§ 190) [3].

Для начальных народных училищ "Устав" (1872) давал право использовать средства, получаемые учебным заведением от сборов за учение на основании представления инспектора на имя попечителя (высшего регионального учебного начальства) по следующим расходным статьям: вознаграждение преподавателей за дополнительные занятия с учениками, оставленными после окончания полного курса для приготовления к поступлению в учительские институты; на пособие для указанной категории учащихся; нужды училища; награды и пособия служащим училища (§42) [5].

Согласно уставной документации, все финансовые средства, причитающиеся учебному заведению, должны были храниться в губернском или уездном казначействе.

До конца 1820-х гг. в Российской империи не существовало общих (счетных) правил, определяющих процедуру формирования расходно-доходных статей, процедуры финансовой отчетности, и каждое ведомство разрабатывало их самостоятельно. Одним из первых законо-

дательных актов Министерства народного просвещения, устанавливающий источники финансирования, принципы расходования и правила отчетности стал "Устав" (1804) в котором помещался специальный раздел "О хозяйственной части гимназий, уездных и приходских училищ" [18]. Согласно "Уставу", во-первых, устанавливались правила содержания учебных заведений: гимназии и уездные училища "содержатся от казны на штатном положении", однако допускались и дополнительные источники: гимназии, уездные и приходские училища могли содержаться за счет "Приказов общественного призрения, городских обществ, селений и частных благотворителей" (§ 160, 164); во-вторых, на администрацию учебного заведения возлагалась ответственность за их целевым расходованием финансовых средств: "директоры гимназий, смотрители уездных и начальники приходских училищ, производят жалованье всем к училищам принадлежавшим чинам и служителям по штату ежемесячно, снабжают училищные дома и учителей дровами, и свечами и прочими надобностями" (§ 168); в-третьих, на руководство учебного заведения возлагалась обязанность получения средств и отчетность за их расходование: "они делая выдачу всех на содержание училищ получаемых средств, ведут приходам и расходам книги с надлежащею точностью" (§ 163), а "в конце полугодия, равно и при истечении года, сверенные счета о приходе и расходе сумм по училищам, за подписанием директора отсылают в университет" (§ 169); в-четвертых, над руководством учебных заведений устанавливался контроль за сверхштатным расходованием финансовых средств со стороны попечителя учебного округа: "начальство гимназий, уездных и приходских училищ не иначе может сделать какой-либо расход сверх штата, как по предварительном разрешении на то Попечителя, для доведения которому Директор должен представить в Университет, объясняя всем необходимость, или пользу такой издержки" (§ 170). Данные правила оставались неизменными и нашли отражение в последующих уставных документах учебных заведений.

По мнению Ю. В. Гинзбурга, контроль за законностью эффективностью расходования финансовых средств является одной из обязательных частей системы управления [19]. Ведомственное постановление, регулирующее принципы расходования финансовых средств и определяющее правила финансовой отчетности, было принято на основании указа от 24 декабря 1830 г. и сохраняло свое значение до конца имперского периода [20]. Согласно закону "О правилах отчетности по Министерству Народного Просвещения", как и уставной документации учебных заведений, на региональном уровне полнота ответственности за ведение всей приходно-расходной финансовой документации и контроль за поступлением и расходованием средств возлагалась на администрацию учебных заведений и руководителя учебного ведомства.

Согласно "Указу" (1830) под финансовую отчетность попадали: штатные суммы (выделяемые из государ-

ственного казначейства согласно ежегодным росписям на содержание учебных заведений и поступающие от государственных сборов на содержание учебных заведений из приказа общественного призрения); суммы хозяйственные (доходы от коммерческой деятельности учебного заведения и средств, выделяемых на содержание казенных пансионеров); суммы пенсионные (§ 1–3). Вся отчетная финансовая документация по региональному учебному ведомству должна была предоставляться в казенную палату (§ 9, ст. 6) по следующему алгоритму: приходские и уездные училища предоставляли документацию директорам губернских гимназий не позднее 1 февраля; директор в казенную палату не позднее 1 марта (§ 18). Казенная палата, проведя проверку предоставленной документации к 1 июля обязана была передать ее в министерство народного просвещения (§ 20). Исключение делалось только для Восточной Сибири по причине разбросанности учебных заведений: предоставление документации в казенную палату продлевалось до 1 апреля, в министерство народного просвещения – до 1 сентября.

В казенной палате поступившая отчетная документация проверялась по формальным признакам (наличие шнуровки, печати, сохранность листов, соответствие содержания прилагаемой описи, соответствие структуры отчета форме) и по содержанию (§ 46, 47). При проверке содержательного наполнения отчета обращалось внимание на соответствие прихода и расхода по учебным заведениям согласно утвержденным годовым сметам. Итогом проверки являлась выдача каждому учебному заведению квитанции (§ 53).

Помимо ведения и своевременного предоставления всей финансовой документации на администрацию учебных заведений и учебного ведомства возлагалась обязанность своевременно сообщать обо всех финансовых изменениях, как планируемых на следующий финансовый год, так и произошедших в текущем. Например, "Устав гимназий и прогимназий" (1871), рассматривая полномочия педагогического совета, отмечал, что "по предложениям об отступлении от нормального устройства учебной части, о временном или постоянном увеличении числа уроков по каким-либо предметам в одних классах и уменьшении их в других классах..., или об улучшениях, которые потребовали бы новых средств от казны" заключения педагогического совета должны быть представлены на утверждение высшего начальства (§ 75) [21]. В противном случае, несвоевременное сообщение о перерасходе могло повлечь административное взыскание, а не информирование о предстоящих (вне штатных) расходах к проволочке в решении вопроса. В связи с этим неслучайно при средних (мужских) и высших учебных заведениях законодательно были учреждены хозяйственные комитеты, в обязанности которых входило не только наблюдение за сохранностью и исправностью материальной части учебного заведения, но и проверка приходно-расходных счетов и составление

смет на новый год. Впервые хозяйственные комитеты вводятся на уровне мужских гимназий и прогимназий на основании указа от 19 июня 1871 г., вносящего изменения в §11 "Устава" (1864), согласно которой из ведения педагогического совета были выведены хозяйственные вопросы: "важнейшие дела для гимназий и прогимназий, относящиеся до учебной и воспитательной работы, обсуждаются в их Педагогических Советах или Комиссиях; дела же хозяйственные – в Хозяйственных Комитетах" [22].

К числу не вносимых в ежегодную смету расходов по учебному ведомству входили лишь командировочные издержки для региональных руководителей учебного ведомства или их курьеров на основании положения о "Пособиях командированным Чиновникам" от 14 июня 1832 г. [23].

Проблема финансирования на протяжении всего рассматриваемого периода являлась ключевой в деятельности представителей учебной региональной системы управления. Во-первых, финансовая сторона организации учебного процесса являлась наиболее контролируемой,

что требовало особого внимания как со стороны администрации учебных заведений, так и представителей территориального учебного ведомства к ведению финансовой документации. Во-вторых, перед представителями учебной администрации, в том числе и в рамках уставной документации, одной из задач являлось проявление заботы о благоустройстве учебных заведений и поиске дополнительных источников финансирования учебных заведений. В-третьих, несмотря на то, что в большинстве случаев, финансирование учебных заведений складывалось из двух основных источников: государственных дотаций и благотворительных пожертвований (включая общества и частных лиц), однако их неравноценное долевое распределение зачастую ставило учебные заведения в неравное положение. Более тяжелая ситуация наблюдалась в отношении тех учебных заведений, которые вовсе не имели источников финансирования со стороны государства. В-четвертых, финансовые проблемы не позволяли в полном объеме реализовать намеченные планы по модернизации как учебного процесса, так и элементов административного контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об учреждении Западно-Сибирского учебного округа // ПСЗРИ: Собр. 3. Т. V. Закон № 2808". С. 102.
2. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Изд. 8-е. Томск: Товарищество "Печатня С. П. Яковлева", 1916. 567 с.
3. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // ПСЗРИ: Собр. 2. Т.3. Закон № 2502 (§ 38, 41, 79–81, 136, 184–187). С. 1097–1120;
4. Положение о начальных народных училищах // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 39. Ч. 1. Закон № 41068 (§ 9–10). С. 613–618;
5. Положение о городских училищах // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 47. Ч. 1. Закон № 50909 (§ 5). С. 727–736;
6. Положение об учительских институтах // ПСЗРИ: – Собр. 2. Т. 47. Ч. 1. Закон № 50909 (§ 5). С. 732–736;
7. Положение о Молодечнянской учительской семинарии // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 45. Ч. 1. Закон № 48147 (§ 3). С. 270–272;
8. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 39. Ч. 2. Закон № 41472 (§ 6, 8). С. 167–179;
9. Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 46. Ч. 2. Закон № 49860 (§ 6–7). С. 85–99;
10. Устав реальных училищ Министерства народного просвещения // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 47. Ч.1. Закон № 50834 (§ 5). С. 626–636;
11. Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 45. Ч. 1. Закон № 48406 (§ 3). С. 701–705;
12. Основные положения о промышленных училищах // ПСЗРИ: Собр. 3. Т. 8. Закон № 5057 (§ 7, 11). С. 78–83;
13. О высших начальных училищах // ПСЗРИ: Собр.3. Т. 32. Ч. 1. Закон № 37513 (§ 1–2). С. 949–958.
14. Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет Министерств и Главных Управлений // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 37. Ч. 1. Закон № 38309. С. 468–477.
15. Правила о составлении финансовых смет министерств и главных управлений // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 37. Ч. 3: Штаты и табели. Приложение к закону 38309. С. 468–477.
16. Сборник сведений о специальных капиталах учебных учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. – Вып.5, Западно-Сибирский учебный округ. СПб., 1915. С. 139.
17. Положение об Учебных Округах Министерства Народного Просвещения // ПСЗРИ: Собр. 2. Т.10. Ч. 1. Закон № 8262. С. 757.
18. Устав учебных заведений, подведомственных университетам // ПСЗРИ: Собр. 1. Т. 28. Закон № 21501. С. 636–649.
19. Институт финансового контроля в Российской Империи: дискуссионные проблемы возникновения // Государственный контроль. 1811–2011: сб. науч. тр, Курск, Москва, 2011. С. 46.
20. О правилах отчетности по Министерству Народного Просвещения // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 5. Ч. 2. Закон № 4219. С. 556–569.
21. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 46. Ч. 2. Закон № 49860. С. 85–99
22. Высочайше утвержденные изменения и дополнения в устав гимназий и прогимназий, высочайше утвержденном 19 ноября 1864 г. // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 46. Ч. 1. Закон № 49744. С. 903–911.
23. О пособиях командированным чиновникам // ПСЗРИ: Собр. 2. Т. 7. Закон № 5430. С. 379–380.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КРАСНОГО КРЕСТА в конце XIX - начале XX вв.

THE ACTIVITY OF THE VOLOGDA
COMMUNITY OF SISTERS OF MERCY
IN THE CONTEXT OF THE VOLOGDA LOCAL
GOVERNMENT OF THE RUSSIAN RED
CROSS SOCIETY
(in the XIX - early XX centuries)

A. Borzykh

Annotation

This article examines the activities of the Vologda Community of sisters of mercy in the end of XIX – early XX centuries. Author traces the close relationship between Vologda the Local Office of the ROCK and the sisters of mercy Community in Vologda. The article considers various aspects of sisters' activity. The work of the sisters of mercy Community in Vologda is analyzed on the basis of an extensive source base.

Keywords: charity; medicine; Sisters of Mercy; the Russian red cross Society; Vologda.

Борzych Анастасия Сергеевна
Аспирант, Череповецкий
Государственный Университет

Аннотация

В статье изучается деятельность Вологодской Общины сестер милосердия в к. XIX – нач. XX вв. Автор прослеживает тесную взаимосвязь между Вологодским Местным Управлением РОКК и Общиной сестер милосердия в г. Вологда. В статье рассмотрены различные аспекты деятельности сестер. На основе обширной источниковой базы анализируется работа Общины сестер милосердия г. Вологды.

Ключевые слова:

Благотворительность; медицина; сестры милосердия; Российское Общество Красного Креста; г. Вологда.

Первые общины сестер милосердия в России появились в первой пол. XIX века. Постепенно их деятельность распространилась не только в крупных городах, но и на периферии. Практически одновременно с появлением общин РОКК возникает интерес к изучению специфики работы этой организации, который, к сожалению, фактически приостанавливается в годы советской власти и активно возрождается в последнее десятилетие. В 1912 году вышла в свет книга "Первые сестры милосердия" Леонида Федоровича Черского. В ней описывается становление сестринского движения в России в период Крымской войны [28]. Наиболее значимые современные исследования принадлежат авторам: Ю.Е. Хечинову [27], А.В. Постернаку [25], П.В. Власову [1], Е.Н. Козловцевой [13].

Несмотря на большой интерес и значительную источниковую базу, некоторые вопросы все еще нуждаются в дополнительном освещении. Одно из таких "белых пятен" – деятельность региональных общин сестер милосердия.

В этой статье мы рассмотрим деятельность Вологодской Общины сестер милосердия в контексте функцио-

нирования Вологодского Местного Управления РОКК.

Местное отделение РОКК в г. Вологде, согласно своему Уставу, имело широкий спектр деятельности, в основе которого лежала идея безвозмездной помощи нуждающимся. Ежегодно Местное отделение выплачивало пособие увечным воинам. Самая большая сумма была выплачена в 1897 году и составила 145руб. 17 коп., ею воспользовались три лица из воинских чинов (1 офицер и 2 нижних чина). Размер пособия определялся соответственно степени беспомощности обращающегося. Преимущество при назначении пособия получали лица, не имеющие трехрублевого пособия от казны, а также в силу преклонных лет, упадка сил или болезненного состояния нетрудоспособные и не имеющие родных, которые могли бы их содержать. Оказание помощи такому небольшому количеству воинов ничтожно мало, даже для небольшого г. Вологды [4].

Еще одним направлением деятельности Общества являлось оказание помощи пострадавшим от неурожая. В сохранившихся источниках есть информация лишь об одном таком случае. В 1907 году Управлением производился сбор пожертвований в церквях г. Вологды и Вологодской губернии; специальные кружки для сбора

средств были установлены в сорока трех Вологодских церквях. Наибольшее количество средств (80 руб. 26 коп.) было получено из Андреевской церкви во Фрязино. Всего же было выручено 1317 руб. 72 коп кружечного сбора и 749 руб. 59 коп. от Волостных Попечительств и других учреждений [22. С.4].

Преследуя главную и основную цель РОКК – подготовку санитарного персонала для ухода за больными в военное время, а в мирное – для командирования сестер милосердия в места, пораженные эпидемиями и в случаях общественных бедствий, – Местное Управление занималось содержанием и развитием Вологодской Общины сестер милосердия с лечебницей, и амбулаторией. Ежегодно в отчетах Местного Управления ключевым направлением использования поступающих денежных средств оставалось оказание материальной поддержки Общине сестер милосердия и состоящей при ней хирургической лечебницы.

Тесные взаимосвязи личного состава Местного Управления и Попечительского Совета Общины способствовали быстрому решению административных вопросов, принятию положительных решений в оказании материальной помощи Общине. Так, председателем Вологодского Местного Управления РОКК являлся Вологодский губернатор Действительный Статский советник М.Н. Шрамченко, а попечительницей Общины была его супруга А.К. Шрамченко [21. С.1].

Главной задачей общин РОКК была подготовка высококвалифицированных кадров сестер милосердия. Сестринское служение, как указывалось в документах, было очень трудным, требовало нравственной силы и физической выносливости. Поэтому в общинах существовал строгий отбор и тщательная подготовка кандидаток. Сестры должны были безоговорочно подчиняться всем требованиям руководства, их жизнь в общине детально регламентировалась. За нелегкий труд полагались определенные "льготы": во время работы в общине сестры полностью обеспечивались всем необходимым, а после 15–20 лет службы получали право на пенсию. В большинстве случаев в число сестер милосердия принимались девушки из всех христианских исповеданий.

Основным служением сестер милосердия являлся уход за больными, соответственно, главными учреждениями в общинах были больницы и лечебницы. В первые десятилетия существования общин сестры милосердия трудились, в основном, в городских клиниках. Но постепенно практически в каждой общине появляются собственные лечебные заведения. Количество больниц и их вместимость зависели от финансовых возможностей организаций [12]. Отметим, что Красный Крест регулярно выделял своим общинам субсидии.

Первые упоминания о работе вологодских сестер милосердия появляются в период русско–турецкой войны. Создание новых общин в провинции было обусловлено нуждами военного времени. Так, в 1877 году Вологодское отделение общества попечения о раненых и больных воинах отправило в действующую армию не только денежную и материальную помощь, но и передвижной госпиталь [26, 17].

Согласно уставу РОКК перед тем, как отправиться на фронт, сестры прошли предварительную подготовку, а значит и деятельность вологодской организации началась раньше, чем это стало достоянием общественности. Решение об обучении сестер было принято на собрании 6 сентября 1876 г. Девушек, согласно уставу, должны были начать готовить к квалифицированной волонтерской работе на фронте, а также к помощи врачам земских больниц во время эпидемий. В сестры принимались девицы и вдовы в возрасте от 18 до 45 лет, умеющие читать и писать. Перед зачислением наводились тщательные справки о нравственном, умственном и религиозном развитии кандидаток. Они должны были написать заявление на имя председателя организации и подготовить пакет документов: метрическое свидетельство о летах, удостоверение Полиции о благонадежности, разрешение от мужа и родителей отправиться на фронт, если такое потребуется, паспорт на отлучку. В течение двух лет сестры состояли в разряде испытуемых, затем они допускались к экзамену, после удачной сдачи которого принимались в сестры милосердия.

В первый год о своем желании стать сестрой милосердия заявили 18 девушек. Все они были направлены в Вологодскую Земскую больницу, где их обучением занимались врачи. Затем девять сестер были отправлены на фронт [26, 51].

После окончания боевых действий экстренная потребность в Вологодском местном отделении общества попечения о раненых и больных отпала, оно было закрыто, а остатки денежных средств переведены в Главное Управление на особый счёт. В октябре и декабре 1890 года от председателя Российского Общества Красного Креста было получено предложение о восстановлении Вологодского отделения Красного Креста и расширении его полномочий в мирное время. В результате с 1891 года Вологодское отделение Красного Креста возобновило свою работу [3].

Именно тогда вновь и всерьез заговорили о создании Общины сестер милосердия в г. Вологда, тогда вологодскому губернатору М.Н. Кормилицину было отправлено подробное письмо, в котором доказывалась необходимость готовить сестер милосердия для работы на фронте. Причем, как указывалось в документе, обучение должно

было стать системным и проходить в мирное время. Инициатива такого обращения исходила от Московского Округного Военно-Медицинского Управления [11. Л.2].

Необходимо отметить, что согласование всех нюансов деятельности вологодских сестер милосердия затянулось на несколько лет. Так, губернская земская управа не посчитала возможным организовать для девушек практику в подведомственной Земской больнице. Тем более не шла речь об оплате работы практиканток. Возможно, это было связано с наличием в Вологде фельдшерской школы, ученицы которой уже практиковались на базе данного лечебного заведения [11. Л. 15]. Лишь в 1896 году Вологодская Губернская земская управа согласилась на ежедневные дежурства в больнице двух сестер милосердия с жалованием 360 руб. в год [11. Л. 44]. Для обустройства и содержания самой Общины также пришлось искать собственные источники финансирования: речь идет о бюджете местного отделения РОКК, а также о субсидиях главного управления организации в размере 600 рублей в год [11. Л.23].

Торжественное открытие Вологодской Общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста состоялось 7 апреля 1896 года [3]. В первое время местное управление организации ограничивало число сестер милосердия только шестью девушками. При этом одна, уже прошедшая испытания и назначенная старшей, была приглашена из "Московской Общины Христианской помощи" [13].

Очень скоро (уже в первый год работы) число обучающихся возросло с пяти человек до 10. Четыре девушки были "приходящими", т.е. не проживали в Общине. Впрочем, количество сестер год от года менялось как в большую, так и в меньшую сторону. Не считая первых лет работы Общины, когда при ней числились лишь "испытываемые" сестры милосердия, наименьшее число сестер проживало в Вологодской Общине в 1913 году, когда было 6 сестер милосердия (одна из которых являлась старшей), 8 "испытываемых", но при этом 16 девушек считались запасными, они получили звание сестры милосердия, но дальнейшую жизнь с этим не связали и оставались лишь обязанными отправиться на фронт в случае военных действий в течение пяти лет или более при изъявлении своего желания [23, 27]. Так, в 1914 году по истечении пятилетнего срока ни одна из запасных сестер милосердия Вологодской Общины не подтвердила своего желания состоять в запасе [24, 8]. Наибольшее число штатных сестер милосердия было зарегистрировано в 1904 году, тогда в Общине проживали 22 штатные сестры и 8 "испытываемых" [19, 35].

Теоретические курсы при вологодской Общине стартовали 1 августа 1896 года. Учебное расписание было достаточно плотным и тщательно спланированным. Так,

будущие сестры за первый учебный год выслушали 188 лекций, кроме того, девушки посещали практические занятия в больнице и аптеке [14].

Программа занятий строилась следующим образом: по утрам с 9 до 12 часов два-три раза в неделю девушки посещали больницу или аптеку, каждый день с 17 до 20 часов читались лекции (от двух до трех лекций). Теоретические занятия организовывались даже по праздникам, правда, с вечерних часов в этом случае они переносились на дневное время (проходили с 14 до 16 часов). При организации узкоспециализированных занятий расписание перестраивалось. Например, в июне и июле 1897 г. первый набор обучающихся под руководством врача В. А. Баженова занимался теоретическим и практическим оспопрививанием, при этом других лекций не проводилось. Прошедшие курс девушки получили официальные свидетельства оспопрививателей [17].

Торжественное мероприятие по случаю завершения первых двухгодичных курсов Вологодской Общины сестер милосердия РОКК состоялось 9 мая 1898 года. Каждой сестре милосердия при благословении вручили отличительные эмблемы нового звания: нагрудный знак и повязку с изображением красного креста, которая повязывалась на левом рукаве. Все это отныне необходимо было носить при выполнении служебных обязанностей. О высоком статусе проведенной церемонии, о признании важности подготовки волонтеров для нужд фронта говорит тот факт, что свидетельства на звание сестры милосердия на празднике лично вручал губернатор [14].

Почти через два года после этого события состоялось другое, гораздо менее замеченное в обществе, но очень важное для вологодского отделения Красного Креста: 14 ноября 1900 года открылась хирургическая лечебница при Общине сестер милосердия г. Вологды. Появление этой небольшой больницы помогало решить главную задачу организации – проводить качественную подготовку сестер милосердия [10. Л. 79].

Сестры, проживающие в Общине, вели совместное хозяйство. Большую статью расходов составляла закупка продуктов питания. Стоит отметить, что рацион сестер был разнообразным. Он включал в себя различные виды мяса и субпродуктов, овощи, крупы, молочную продукцию [20].

Сестры милосердия, проживающие в Общине, всегда были готовы к отправке на фронт, так, в 1900 году в связи с военными действиями в Китае председателем Местного Управления А.П. Лаппо-Старженецким были заготовлены на пожертвованные деньги вещи для обмундирования сестер милосердия. Поскольку таковой необходимости не случилось, то вещи передали Общине на хранение до момента отправки сестер в зону конфликта. Прав-

да, как выяснилось уже в 1902 году, часть вещей была роздана сестрам милосердия, часть безвозвратно утеряна, те же вещи, которые сохранились, постепенно приходили в негодность из-за ненадлежащего за ними ухода. Было принято решение оставшиеся вещи продать, а вырученные средства добавить к капиталу на нужды военного времени [9. Л. 23].

В связи с изменением законодательства с 1901 года [8. Л. 21] происходит отчисление пенсионного вычета в размере 12 руб. в год за каждую сестру милосердия в Вологодское Казначейство [6. Л. 12].

В 1903 году Вологодская Община сестер милосердия насчитывала уже 21 сестру милосердия, 8 девушек проходили обучение. Сестры трудились в приюте "Ясли", в интернате Мариинской женской гимназии, в Вологодской, Кадниковской и Тотемской земских больницах, у частных лиц. О высоком уровне подготовки персонала говорят положительные отзывы в личных книжках сестер [18].

В это время содержание общины обходилось в 6200 рублей в год. Большая часть этих средств расходовалась на выплату жалования сестрам милосердия и прислуге. Стоит отметить, что почти на 2/3 Община находилась на самоокупаемости. Наибольший доход Общине приносили дежурства у частных лиц и суммы, полученные от концертов, спектаклей или лотерей. Несмотря на постоянные дежурства сестер милосердия в больницах и приютах, вырученные за это деньги были невелики, так что Община не могла обойтись без значительных пособий от Главного Управления [7. Л. 1].

Ввиду начавшейся в январе 1904 года Русско-Японской войны большая часть сестер милосердия Вологодской Общины была отправлена на фронт. Так, 27 апреля 1904 года последовала отправка на войну Вологодского плавучего лазарета, в состав которого вошли десять сестер милосердия, девять из которых были членами вологодской общины. Согласно распоряжению Исполнительной Комиссии Главного Управления РОКК по оказанию помощи больным и раненым воинам, 19 мая 1904 года еще 12 сестер отправились в Самару для дальнейшего

распределения по фронтовым госпиталям. При общине остались работать 13 девушек, которые продолжали исполнять свои обязанности в городе. В этот период, вследствие необходимости отправлять персонал на фронт, расходы общества составили 8080 рублей. [19].

С началом Первой Мировой Войны количество сестер вновь увеличилось. К концу 1914 года в штате числилось 27 человек, 10 из которых были отправлены в Выборг для работы в военных лазаретах. 21 августа 1914 г. по указанию Главного Управления на фронт отправился сформированный общиной этапный лазарет, а вместе с ним и 11 подготовленных сестер милосердия [24].

Таким образом, видно, что основным аспектом деятельности Вологодского Местного Управления РОКК была работа по содержанию Вологодской Общины сестер милосердия. Постепенно труд сестер милосердия позволил им выйти фактически на самоокупаемость, но без помощи Главного и Местного Управления Община не могла решать важные задачи, которые часто требовали крупных материальных вложений. Стоит отметить, что именно деятельность Общины сестер милосердия была наиболее разноплановой и заметной в Вологде.

Таким образом, после открытия в конце XIX века Вологодской Общины РОКК стало возможным заниматься качественной и системной подготовкой сестер милосердия в Вологодской губернии. На двухгодичных курсах (включавших теорию и практику) могли обучаться добровольцы – отвечающие необходимым требованиям кандидатуры. Благодаря системному подходу в обучении, по качеству этой работы вологодская община не уступала столичным организациям. Вологодские сестры милосердия оказывали неоценимую помощь в лечебницах и приютах в мирное время, а также в военных госпиталях на фронте.

Несмотря на все сложности, вологодской общине удалось добиться главных целей, которые ставило перед собой РОКК, – качественно подготовить сестер милосердия для оказания помощи гражданам. Специальные курсы закончили не один десяток девушек, многие из которых во время войны отправились на фронт спасать жизни соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России – М.: Центрполиграф, 2001. – 479с.
2. Вологодская Община сестер милосердия Российского Красного Креста //Вологодские Губернские Ведомости. – 1897. – №15. – С.6.
3. Вологодские губернские ведомости. – 1891–№49. – С.9
4. Вологодские губернские ведомости. – 1898 – №18. – С. 8
5. Вологодские губернские ведомости. – 1900. – № 303. –С. 1
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО) Ф.732. Оп. 1. Д.8
7. ГАВО Ф.732. Оп.1. Д. 15
8. ГАВО Ф.732. Оп.1. Д. 2

9. ГАВО Ф.732. Оп.1. Д. 9
10. ГАВО Ф.732 Оп. 1. Д. 4
11. ГАВО. 732, Оп. 3. Д. 1
12. Козловцева Е.Н. Деятельность московских общин сестер милосердия во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник ПСТГУ. – 2004. – № 3. – С.37–59.
13. Козловцева Е.Н. Московские общины сестер милосердия в XIX– начале XX века. – М.: ПСТГУ, 2010. – 270с.
14. О торжествах по случаю окончания учебы в Вологодской общине сестер милосердия Общества Красного Креста //Вологодские Губернские Ведомости. – 1898. – №20. – С.4.
15. Об открытии Вологодской Общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста //Вологодские Губернские Ведомости. – 1896. – №15. – С.5.
16. Открытие Вологодской Общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста, 7 апреля 1896 года //Вологодские епархиальные ведомости. – 1896. – №9. – С.158.
17. Отчет Вологодского местного управления Общества Красного Креста за 1897 год //Вологодские Губернские Ведомости. – 1898. – №18. – С.9.
18. Отчет Вологодского Местного Управления РОКК за 1903 год – Вологда: Тип. Губернского Правления, 1904. – 60с.
19. Отчет Вологодского Местного Управления РОКК, Вологодской общины сестер милосердия и состоящей при ней хирургической лечебницы, а также Временных Дамских Комитетов образованных в Вологодской губернии для сбора пожертвований и изготовления вещей для больных и раненых воинов на Дальнем Востоке за 1904 год – Вологда: Тип. Губернского Правления, 1905. – 138с.
20. Отчет Вологодского местного управления Российского Общества Красного Креста, Вологодской общины сестер милосердия и состоящей при ней хирургической лечебницы за 1908 год. – Вологда: Тип. Знаменского и Цветкова, 1909. – 49с.
21. Отчет Вологодского местного управления Российского Общества Красного Креста, Вологодской общины сестер милосердия и состоящей при ней хирургической лечебницы за 1911 год. – Вологда: Тип. Губернского правления, 1912. – 68с.
22. Отчет Вологодского Местного Управления Российского Общества Красного Креста, Вологодской Общины сестер милосердия и состоящей при ней хирургической лечебницы за 1907год – Вологда: Тип. Знаменского и Цветкова, 1908. – 54с.
23. Отчет Вологодского местного управления Российского Общества Красного Креста, Вологодской общины сестер милосердия и состоящей при ней хирургической лечебницы за 1913 год. – Вологда: Тип. Губернского правления, 1914. – 88с.
24. Отчеты по Вологодскому Местному Управлению РОКК за 1914 год и по Вологодской Общине сестер милосердия за время с 1 января по 22 августа, а также по открытым в Вологодской губернии, на время войны, Комитетам и их отделам для сбора пожертвований на больных и раненых воинов за время с начала войны по 1 января 1915 года. – Вологда: Тип. Губернского правления, 1916. –126с.
25. Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. –М.: Свято–Димитриевское училище сестер милосердия, 2001.– 304 с.
26. Российское общество Красного креста. Обзор деятельности и отчет Вологодского местного управления общества попечения о раненых и больных воинах, а равно и Никольского комитета за 1877 год. – Вологда: Тип. В. А. Гудкова–Белякова, 1878. – 68с.
27. Хечин Ю. Е. Ангелы хранители. – М.: Реклам.–изд. агентство "ДЮМ", 1996. – 463 с.
28. Черский Л. Ф. Первые сестры милосердия. – М.: М.В. Клюкин, 1912. – 24 с.

© А.С. Борзых, (Laigyshonok@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ДОХОДЫ ПРИХОДСКИХ ХРАМОВ МОСКВЫ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Борисюк Андрей Анатольевич

Аспирант,

Православный Свято-Тихоновский

Гуманитарный Университет

THE INCOME OF THE PARISH CHURCHES IN MOSCOW AFTER THE REVOLUTION

A. Borisjuk

Annotation

The article analyzes the income of the Moscow Orthodox parish churches of Moscow in the first years of Soviet power. The specificity of the revenue part of the parish budgets is investigated, changes in the structure of parish incomes before and after the revolution are revealed, the volumes of funds entering the churches are compared, the financial and economic conditions of the Church's existence in the atheistic state are analyzed.

Based on the analysis of archival data, the author concludes that the most serious blow to the budgets of parish churches in Moscow occurs as a result of the liquidation of rental income. Shrinking budgets also occurs as a result of global financial crisis that gripped the whole country. The author shows that the crisis situation is complemented by a rapid outflow of believers from churches.

The found material allows to estimate the first years of the Soviet power as the most difficult period for Church in the financial and economic plan. However, even in the most difficult years, despite poverty, churches remain open, and Church service continues. The parish Councils act as an effective governing body. Meanwhile, the parish priesthood has to go through many difficulties and financial hardships during the period under review.

Keywords: History of Russian Church, History of Moscow, Orthodox Parishes, the Parish Council, the revenues of the Church, the financial situation of the Church, the financial situation of the priesthood, persecution, revolution, Patriarch Tikhon.

Аннотация

В статье анализируются доходы московских православных приходских храмов города Москвы в первые годы советской власти. Исследуются специфика доходной части приходских бюджетов, выявляется изменения в структуре приходских доходов до и после революции, сравниваются объемы поступающих в храмы средств, анализируются финансово-экономические условия существования церкви в атеистическом государстве.

На основе анализа архивных данных автор приходит к выводу, что наиболее серьезный удар по бюджетам приходских храмов Москвы происходит в результате ликвидации арендных статей дохода. Общее сокращение приходских бюджетов происходит также в результате глобального финансового кризиса, охватившего всю страну. Автор показывает, что кризисная ситуация дополняется еще и стремительным оттоком верующих из храмов.

Найденный материал позволяет оценить первые годы советской власти, как труднейший период для церкви в финансово-экономическом плане. Тем не менее, даже в труднейшие годы, несмотря на нищету храмы остаются открытыми, а богослужение продолжается.

Ключевые слова:

История Русской Церкви, История Москвы, Приходские храмы, Приходской Совет, доходы церкви, Материальное положение церкви, материальное положение священства, гонения, революция, патриарх Тихон.

Финансово-экономическое положение Церкви в первые годы после революции до сих пор является малоизученной темой. Некоторые аспекты этой проблематики изучались лишь обзорно: материальное положение органов высшей церковной власти, епархиальные бюджеты, механизмы взаимодействия хозяйственных органов церкви и власти [43], [44], [45], [45], [47]. При этом многие аспекты финансово-экономического положения Церкви в рассматриваемый период до сих пор практически не изучались – материальное положение штатного приходского священства, бюджеты приходских общин, доходы и расходы приходских храмов, хозяйственная деятельность Приходских Советов – новых органов приходского управления, заложенных постановлениями Собора 1917–1918 гг., связь приходского, епархиального и общецерковного бюджетов.

В соответствии с Приходским Уставом 1918 года, храмовый доход является источником обеспечения, ремонта, отопления храма, а также источником содержания причта храма. Кроме того, храмовый доход становится источником пополнения общепархиального бюджета [49, с. 33]. Изучение дохода приходских храмов в первые годы советской власти является перспективной темой для новых исследований, так как позволит внести ясность в финансово-экономические условия существования православных храмов и их причтов в начале эпохи гонений.

Сам процесс выработки на Соборе 1917–1918 гг. новых принципов материального обеспечения приходских храмов – механизмов получения доходов и их распределения, уже изучался, [40] в то время как фактически

кое воплощение в жизнь этих принципов на примере приходов и приходских храмов отдельного региона остается неизученным.

Недостаточно исследованными является доходы приходских храмов и в предреволюционные годы особенно на региональном уровне. На территории Московской Епархии исследованным является материальное положение только сельских храмов, [41] положении храмов и приходов непосредственно на территории Москвы до сих пор остается неизвестным.

В рамках данной статьи частично восполняется рассмотренный пробел в историографии – исследуются доходы московских православных приходских храмов в первые годы советской власти: изучаются источники дохода, оцениваются объемы поступающих денежных средств, анализируется финансовая обеспеченность приходского духовенства, исследуется деятельность Приходских Советов, направленная на увеличение доходов.

С целью выявления масштабов произошедших после революции изменений, объемы доходов и структура доходной части московских храмовых бюджетов в первые годы советской власти сравниваются с аналогичными показателями до революции.

До революции Московская Епархия являлась самой богатой в Русской Церкви [48, с. 11, 12]. Структура дохода храмов Московской Епархии имела свою специфику – главной статьёй дохода являлись оброчные доходы – сдача храмовой недвижимости в аренду. В 1915 году на эту статью приходилось около 30% всего дохода в целом по епархии [48, с. 11, 12]. Непосредственно на территории Москвы эта статья обеспечивала около половины общих доходов всех приходских храмов [2, л. 6–34]. В некоторых храмах эти статьи обеспечивали почти весь доход. Так, например, в 1916 году храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Малой Дмитровской или Варваринская Церковь на Варварке существовали с оброчных статей на 91% и 96% соответственно [3, л. 6–22]. Приходские храмы тесно взаимодействовали с коммерсантами и предоставляли церковную недвижимость торговым домам. Храм в честь Всех Святых на Кулишках сдавал имущество под фруктовый магазин, перчаточный магазин, ювелирный магазин, кондитерский магазин, склад, двухэтажный дом для магазина и конторы [5, л. 9]. Богородице-Рождественский храм в Столешниках сдавал недвижимость писчебумажному предприятию [5, л. 23], храм в честь святителя Николая Чудотворца на Мясницкой сдавал храмовую территорию под склад машин [5, л. 2]. Сведения о долгосрочных контрактах с коммерсантами имеются и по другим московским храмам [5, л. 2–27]. При храмах существовали и собственные доходные заведения: гостиницы, книжные лавки, иконные мастерские, заведения различных промыслов [1, л. 70].

После прихода к власти большевиков и введения в действия декрета об отделении Церкви от государства структура храмовых доходов радикально меняется. Согласно Декрету, Церковь теряла права юридического лица и право собственности. Эти изменения лишили Русскую Церковь возможности ведения какой-либо хозяйственной деятельности и получения от нее доходов. Эти изменения сказались не только на количестве средств, но и на статусе храма по отношению к верующим – теперь он стал полностью зависимым от прихожан и их пожертвований.

Декрет об отделении Церкви от Государства был проведён в жизнь не единовременно. В первой половине 1918 года еще встречаются храмы, существующие в основном на арендные статьи дохода. Так, например, в структуре дохода храма в честь святителя Николая Чудотворца у Москворецких Ворот арендные статьи составляли 68% [34, л. 6], в честь Святителя Николая Чудотворца "Большой Крест" – 62% [23, л. 11 об.], в честь святителя Николая Чудотворца "Красный звон" – 61% [38, л. 13 об.], в честь святителя Николая Чудотворца в Кошелях – 55% [7, л. 26–29]. Понимание, что эта важнейшая статья дохода будет утрачена, что болезненно ударит по всей приходской жизни, мотивировало верующих становиться на защиту храмового имущества и направлять письменные протесты представителям власти [19, л. 20–20 об.]. Так, например, в тексте протеста верующих храма в честь Николая Чудотворца в Заяицкой Слободе указано, что "именно приходское имущество составляет главный источник содержания храма, причта и существующих при храме благотворительных и просветительских учреждений", а на действие власти приходится смотреть как на насилие [19, л. 20 об.].

Тем не менее, власть проявила настойчивость. Согласно специальной инструкции Наркомата Юстиции от 24 августа 1918 года "О проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства" [42, с. 626, 677] всё небогослужебное имущество храмов ("дома, земли, угодья, фабрики, свечные и другие заводы, рыбные промыслы, подворья, гостиницы, капиталы и все прочие доходные имущества") [42, с. 626] должно быть немедленно отобрано. Таким образом, уже в течение первого года после установления советской власти, начинается масштабная кампания по отъему приходской недвижимости.

В финансовой документации московских храмов за 1920 год данных об арендных статьях более уже не встречается. Храмы становятся полностью зависимыми от пожертвований. В тоже время население страны в целом и Москвы в частности столкнулось с инфляцией [51, с. 368], систематической невыплатой зарплат [39, л. 102–110, 303], и резким подорожанием цен на продукты [52, с. 226, 227], что, разумеется, сказалось на

уровне пожертвований. Общее катастрофическое положение, вызванное рассмотренными выше обстоятельствами, прослеживается на частных примерах отдельных храмов.

Увеличение численного показателя общего дохода необходимо сопоставить с покупательной способностью советской валюты. В следствии инфляции, в течение 1921 года советская валюта стремительно обесценивалась: в начале 1921 года 1 дореволюционный рубль 1913 года равнялся 38 327 советским рублям [51, с. 368], а в конце – уже 228 184 [51, с. 368]. Доход храма по месяцам в сопоставимых величинах представлен в табл.2.

Реальный доход этого храма в 1916 году составлял 8 065 р. в год. (в ценах 1913 года – ~ 4 032,5 р.) [53, с. 227]. Получается, что доход храма в сопоставимой валюте с 1916 по 1921 гг. упал с ~ 4 032,5 р. до 61,16 р., то есть ~ в 65 раз.

Расчет может быть примерным, но он, как минимум, передает общий порядок изменений. Рассмотренный масштаб падения дохода представляется закономерным в условиях полной зависимости от пожертвований граждан, которые сами находятся в состоянии финансовых бедствий, вызванных инфляцией и голодом. Существенное падение дохода наблюдается и по в других московских храмах, например, в честь Григория Богослова на

Таблица 1.

Структура доходов храма в честь Сошествия Святого Духа у Пречистенских Ворот (1916, 1918, 1921) [11, л. 11-100].

Статья дохода	1916	1918	1921
Арендный доход	65%	58%	0%
Тарелочный и кружечный сбор	4%	4%	4%
Пожертвования	2%	5%	48%
Продажа свечей и огарков	24%	30%	48%
Общий доход (руб.)	8 065	10 634	7 664 372

Таблица 2.

Доход храма в честь Сошествия Святого Духа у Пречистенских Ворот в 1921 году по месяцам.

Месяц	Доход в 1921 г. [11, л. 11-100]	Индекс цен. [51, с. 368] (Цены 1913 взяты за 1)	Доход в ценах 1913 г.
Январь	47 860р.	38327	1,25р.
Февраль	94 665р.	51749	1,83р.
Март	110 124р.	70567	1,56р.
Апрель	245 976р.	67144	3,66р.
Май	318 895р.	70039	4,55р.
Июнь	885 174р.	84369	10,49р.
Июль	380 491р.	97909	3,89р.
Август	220 392р.	97081	2,27р.
Сентябрь	248 045р.	86843	2,86р.
Октябрь	1 020 330р.	110115	9,27р.
Ноябрь	889 432р.	161863	5,49р.
Декабрь	3 202 988р.	228184	14,04р.
Год	7 664 372р.	-	61,16р.

Большой Дмитровке [10, л. 9–66 об.], в честь Трех Святителей у Красных Ворот [17, л. 1–10] и др.

В этих условиях со стороны нового органа приходского управления – Приходских Советов наблюдаются активные меры, направленные на поиск денежных средств, необходимых на содержание храмов. На каждый дом, находящийся в окрестностях прихода, назначается специальный уполномоченный, который совершает обход жильцов с целью сбора средств "кто сколько сможет" на поддержание храма [14, л. 2]. В соответствии со своими обязанностями, Приходские Советы выплачивают настоятелю и причту пособие на съем жилья [13, л. 74 об.], решают вопросы, связанные со снабжением и ремонтом храмов [20, л. 1], занимаются приглашением и поиском средств на оплату певчих и церковных служащих [19, л. 29]. Одним из важных источников дохода приходских храмов в рассматриваемый период становится "самообложение прихожан" пожертвованиями [18, л. 3 об.]. Пожертвования в храмовый бюджет наблюдаются и из личных средств священников [8, л. 36]. Финансирование приходских храмов налаживается и за счет внедрения разнообразных сборов. В отчете о доходах Трехсвятительской Церкви у Красных ворот за 1921 год содержатся сведения о 20 различных видах сбора: на дрова, на певчих, на артос, на сторожа, на электричество, на ремонт, на общую свечу, на электрические лампочки, на неугасимую лампаду и так далее [17, л. 1–10]. Существенной статьей дохода становятся взносы членов Приходского Совета. Например, в октябре 1921 года эта статья составила 25% всего месячного дохода рассматриваемого храма [17, л. 9 об.]. Основной статьей дохода становится продажа свечей, но кроме них в храмах осуществляется продажа серебряных цепочек и крестиков, календарей, книг, ладана, просфор, а зимой даже ёлок [17, л. 2 об.]. При этом реализация товара приносила крайне малую прибыль, составлявшую менее 3% и без того скромного годового бюджета [17, л. 1–10 об.].

Общее кризисное состояние храмов как финансово-экономической единицы, а также кризисное положение в стране в целом, разумеется, сказалось на материальном положении московского приходского священства. Подробная информация о доходах и материальном положении приходского священства содержится в "анкетах служителей религиозного культа" за 1921 год, хранящихся в документации по регистрации Московских приходских храмов учетными органами Моссовета (ЦГА М. Ф. Р–1215. Оп. 2, 3, 4). В этих же анкетах содержится информация и о дореволюционном материальном положении священников.

Согласно этим данным, доход московских священников до революции мог составлять 4 [24, л. 38], [28, л. 76], [26, л. 108], 5 [29, л. 200], [30, л. 123 об.], [24, л. 39], 6 [33, л. 26], [31, л. 131] или даже 12 тыс. рублей в год [26,

л. 106]. Эти в прошлом обеспеченные люди оказались в буквальном смысле на дне жизни, а их служение стало настоящим исповедничеством. В 1921 году их суммарный доход с учетом подработок редко превышал 150 000 р. в месяц [32, л. 158] – в сопоставимой валюте это в десятки раз меньше, чем до революции. В анкетах священники свидетельствуют: "До 1917 года семья была сыта, теперь голодна" [27, л. 35 об.], "Живем в буквальном смысле в нужде насущным хлебом" [35, л. 52 об.]. Изменились условия жизни: если ранее священники могли жить "при готовой квартире, освещении и отоплении" [36, л. 56], то в 1921 году они были вынуждены искать средства для съема жилья, так как "квартиры причта все отняты. Дома в приходе почти все заняты советскими учредителями" [50, с. 197]. Для священства наступил период тяжелых испытаний.

Доход храмов и положение московского священства в более поздний период – с 1922 по 1923 гг. сопоставлять в конкретных численных показателях с предыдущими годами крайне сложно. Советская финансовая система продолжает оставаться в глубоком кризисе. К началу 1922 года (к февралю) 1 рубль 1913 года соответствует уже более миллиона советских рублей [51, с. 368]. Государственная валюта обесценивается более чем в миллион раз. В 1922 году в оборот поступает новая валюта – "совзнаки", курс которых все время меняется. Стабилизация валюты происходит только в 1924 году, в связи с фактическим введением в оборот новых денежных знаков – червонцев, обеспеченных золотом. Покупательная способность новых денег соответствовала дореволюционной валюте образца 1916 года [54, с. 214], [53, с. 227], что упрощает сравнение доходов Московских приходских храмов в 1924 году с 1916 годом.

В 1924–1925 годах доход Московских приходских храмов, хотя и определенным образом увеличивается, но по-прежнему уступает дореволюционному

Вместо оброчных статей, главными статьями дохода теперь становились продажа свечей и пожертвования [13, л. 68–79], [9, л. 53 об.]. Стабилизация общей экономической обстановки в стране, а также эффективная деятельность Приходских Советов, позволили Московским Приходским храмам в середине 1920-х годов начать выходить из того тяжелейшего кризиса, с которым они столкнулись в первые годы советской власти. В тоже время необходимо отметить, что и труднейшие времена, когда храмовый доход обрушился в десятки раз, а священство столкнулось с нищетой, храмы, тем не менее, оставались открытыми, а Приходские Советы сумели обеспечить их необходимым. В составе Приходских Советов московских храмов нередко стояли яркие и видные люди – профессора [37, л. 8 об.], боевые офицеры [21, л. 8]. В тоже время здесь присутствовали и простые рабочие [22, л. 11] и даже студенты [37, л. 8 об.].

Таблица 3.

Доход отдельных Московских приходских храмов 1916, 1924 (руб.).

Храм	1916	1924
Сошествия Святого Духа у Пречистенских Ворот [11, л. 11-21], [15, л. 16-62]	8 065	5 967
Рождества Пресвятой Богородицы в Столешниках [4, л. 53], [9, л. 22]	33 059	14 238
Святого Иоанна Предтечи на Лубянке [4, л. 83], [16, л. 2]	5 439	2 372
Святителя Николая "На Курьих Ножках" [12, л. 3-67]	6 822,2	3 456,6 *
Мученика Никиты на Старой Басманной [4, л. 20], [6, л. 15-28]	24 138	16 503

* Приведены данные за 1925 г., т.к. данные за 1924 год не полные.

Приходским советам удается выстроить опору на народ, не только во враждебной политической и экономической обстановке, но и в условиях оттока верующих из храмов. Причем этот отток, судя по найденной документации, имел огромные масштабы. Так, например, число прихожан храма в честь Вознесения Господня за Серпуховскими Воротами сокращается в период с 1920 по 1925 гг. с 10 до 2 тыс. человек [1, л. 292], [27, л. 72], число прихожан Казанского храма у Калужских Ворот – с 5 до 2,5 тыс. человек [1, л. 242], [32, л. 57], Петра и Павла на Якиманке – с 2,5 до 1,25 тыс. человек [1, л. 179], [25, л. 81]. Отток верующих наблюдается повсеместно. Тем не менее, Приходским Советам удается выстроить опору на тех, кто продолжал сохранять верность Церкви.

Основные трудности, связанные с обеспечением московских приходских храмов в рассматриваемый период

состояли, во-первых, в ликвидации арендных статей дохода и появляющейся в следствие этого зависимости от пожертвований, во-вторых в ухудшении финансового положения прихожан – источника пополнения бюджетов, в-третьих, в сокращении численности прихожан. Ни одна из этих тяжелейших проблем не стала фатальной.

Опыт хозяйственной деятельности Приходских Советов в первые годы советской власти уникален, так как является воплощением принципиально новых механизмов управления, заложенных постановлениями Поместного Собора 1917–1918 гг. В тоже время реализация этих принципов со второй половины 1920-х годов осложняется. Меняется система епархиального управления.

В истории приходского управления начинается совершенно отдельный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 409.
2. ЦГА М. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2882
3. ЦГА М. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2612
4. ЦГА М. Ф. 203. Оп. 746. Д. 1856.
5. ЦГА М. Ф. 203. Оп. 746. 1875
6. ЦГА М. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1505а
7. ЦГА М. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1696.
8. ЦГА М. Ф. 2123. Оп. 1. Д. 1706.
9. ЦГА М. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 1689.
10. ЦГА М. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 1922.
11. ЦГА М. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 1308.
12. ЦГА М. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 988.
13. ЦГА М. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 999.
14. ЦГА М. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 1220.
15. ЦГА М. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 1312.
16. ЦГА М. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 508.

17. ЦГА М. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 851
18. ЦГА М. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 35.
19. ЦГА М. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 44.
20. ЦГА М. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 128.
21. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 2. Д. 75
22. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 2. Д. 81.
23. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 2. Д. 83.
24. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 6.
25. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 12.
26. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 18.
27. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 20.
28. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 37.
29. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 41.
30. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 42.
31. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 44.
32. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 49.
33. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 54.
34. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 62.
35. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 63.
36. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 80.
37. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 103.
38. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 4. Д. 17.
39. ЦГА М. Ф. Р-1215. Оп. 5. Д. 21.
40. Беглов А. Л. Приходской вопрос в истории и трудах Священного Собора Православной Российской Церкви // Документы священного собора Православной Российской Церкви. Т.14. Протоколы заседаний и материалы отдела о благоустройении прихода. М. 2017.
41. Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М. 2010.
42. Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР. М. 1926.
43. Кашеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20 – 30-х гг. (Новые и мало изученные вопросы). СПб., 1997.
44. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917 – 1922). М., 2005
45. Кашеваров А. Н. Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999
46. Кашеваров А. Н. Финансово-экономическое положение Русской Православной Церкви в первые годы советской власти // Ресурс: http://history-mda.ru/publ/finansovo-ekonomiches_43.html (Дата обращения: 23.12.2017).
47. Крапивин М. Ю. Церковная организационная комиссия (1919–1920 гг.): Адаптация православных верующих к религиозной политике Советского государства // Вестник Церковной Истории. №3–4 (27–28) 2012. С. 260–307.
48. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг. 1917.
49. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 3.
50. Соловьев. И. Церковно-приходская жизнь Москвы в начале 1920-х годов // Церковь и время. № 50, М., 2010
51. Статистический ежегодник 1921 год. Выпуск второй. М. 1923.
52. Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии 1914–1923 гг. М. 1925.
53. Статистический ежегодник Москвы 1914–1923 гг. Выпуск 1.М. 1925.
54. Статистический ежегодник Москвы 1914–1925 гг. Выпуск 2.М. 1927.

© А.А. Борисюк, [Andreyborisyuk@yandex.ru], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

**«Специфические языковые расстройства у детей:
вопросы диагностики и коррекционно-
развивающего воздействия»**

23-26 2018 года
августа

ИСТОРИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И СТРАН АФРИКИ

THE HISTORY OF STRATEGIC COOPERATION BETWEEN CHINA AND AFRICA

I. Vinogradov

Annotation

This article analyzes relations and the deepening of cooperation between China and African countries since the founding of the PRC. Relations between the PRC and African countries, starting with the first contacts under Mao Tse-tung, passed a rapid development path to a comprehensive strategic partnership by the beginning of the 21st century. China initially considered Africa as a region for ideological and political expansion, since the 80s of the 20th century has exclusively moved to deepening economic cooperation and at the beginning of the 21st century established strategic partnership with the countries of Africa with the corresponding political and economic mechanisms.

Keywords: PRC, Africa, developing countries, strategic cooperation, modernization.

Виноградов Илья Сергеевич
Московский педагогический
государственный университет

Аннотация

Статья посвящена анализу отношений и углублению сотрудничества между Китаем и странами Африки с момента образования КНР. Отношения между КНР и странами Африки начиная с первых контактов при Мао Цзэдуне прошли стремительный путь развития до всеобъемлющего стратегического партнёрства к началу XXI века. КНР изначально рассматривая Африку как регион для идеологической и политической экспансии, с 80х годов XX века исключительно перешла к углублению экономического сотрудничества и в начале XXI века установила со странами Африки отношения стратегического партнёрства с соответствующими политическими и экономическими механизмами.

Ключевые слова:

КНР, Африка, развивающиеся страны, стратегическое сотрудничество, модернизация.

КНР и Африка имеют достаточно долгую историю отношений. Отправной точкой можно считать конференцию стран Азии и Африки, прошедшую в Индонезии в городе Бандунг в апреле 1955 года. В ходе этой конференции премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай впервые встретился с лидерами Египта, Ливии, Эфиопии, Судана, Ганы, Либерии. На Бандунгской конференции не присутствовали лидеры Западных стран и СССР, поэтому конференция носила независимый характер и являлась претечей движения неприсоединения.

Мао Цзэдун позиционировал Китай как лидера стран третьего мира, защищающего интересы стран Африки, борющихся против неокOLONиализма, эксплуатации и угнетения. Именно такая позиция благоприятно сказалась на дальнейшем ходе развития китайско-африканских отношений, действительно, и Китай, и страны Африки долгое время находились под гнётом эксплуатации западных держав, которые использовали их в качестве источника экономической неживы и которые в течение 20го века добились независимости, встали на путь самостоятельного развития и, конечно, в этом плане разговор о единстве судеб Китая и Африки имеет под собой исторические основания.

Дипломатические отношения между Китаем и странами Африки активизировались сразу после Бандунг-

ской конференции, 30 мая 1956 года были установлены отношения между КНР и Египтом, затем с Алжиром, Марокко, Суданом и Гвинеей.

Китай стал оказывать различную поддержку странам Африки в их борьбе за независимость отстаивания своих интересов на мировой арене. Китай поддержал Египет в шестидневной войне, Мао Цзэдун передал Насеру свои стратегические предложения, также была оказана финансовая помощь Египту, отправлены необходимые медикаменты.[7, с.63]

С начала 60-х годов Китай выдвинул тезис, который гласил, что "борьба народов Африки – это борьба Китайского народа".[5, с.79] Согласно данному тезису КНР начала проводить активную пропаганду в странах Африки революционной борьбы китайского народа. Так, КНР оказывала материальную помощь и переправляла оружие алжирскому народу, и в 1958 году признала Временное правительство Алжира.

Также активно КНР участвовала в антиимпериалистической борьбе народа Конго, и в 1960 году Китай при- ветствовал объявление независимости Конго.

Были подписаны торговые соглашения с Египтом, Марокко, Тунисом. КНР поставляла в Африку продукцию сельского хозяйства, минеральное сырьё, в свою очередь, Африка экспортировала фосфаты, хлопок и кустарные изделия.[7, с.64]

Часто торговые отношения являлись помощью со стороны КНР странам Африки, которая имела важное значение для африканского региона и для дальнейшего продвижения КНР на континент. Например, когда в 1954–1955 годах Запад в качестве меры воздействия на Египет снизил закупки хлопка, Китай закупал хлопковую продукцию, тем самым поддерживая экономику страны. Примерно такая же ситуация сложилась в Судане, где КНР также приобретала хлопок, хотя необходимости в данном товаре в Китае не было. [12, с.246–247]

Важным событием явилось признание КНР Францией в 1964 г., что позволило установить отношения с рядом франкоязычных стран континента. К 1965-му году КНР уже установила дипломатические отношения с 18-ю государствами Африки такими, как Египет, Алжир, Бурунди, ЦАР, Конго (Браззавиль), Дагомея, Гана, Гвинея, Мали, Сомали, Марокко, Мавритания, Танзания, Тунис, Уганда, Кения, Замбия и Судан. К этому времени товарооборот между Китаем и Африкой составил 246,73 млн. долларов. [4, с.270]

В 1963–1964 гг. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай нанёс исторический визит в 10 африканских стран и в ходе этого визита он провозгласил 5 принципов взаимоотношений Китая со странами Африки:

1. Поддерживать народы всех африканских стран в их борьбе против империалистов, колониалистов и неоколониалистов для завоевания и сохранения национальной независимости.

2. Поддерживать политику мира, нейтралитета и нерприсоединения африканских стран.

3. Поддерживать стремление африканских стран к солидарности и единству средствами, выбранными самими странами континента, а также поддерживать их усилия по урегулированию разногласий путем мирных переговоров.

4. Требовать от других стран соблюдения суверенитета африканских государств.

5. Бороться против агрессивных и других форм иностранного вмешательства. [2]

Мы видим, что эти принципы соответствовали основному руслу китайской внешней политики того времени, а именно стремление выстраивать свою линию в международных делах, опираясь на теорию трёх миров Мао Цзэдуна и баланса в международных отношениях, развивая идею неприсоединения.

Китай видел в Африке большой конгломерат стран, которые будучи полем битвы холодной войны, определялись в своём политической ориентации и были во многом близки по духу китайским товарищам, которые также строили своё государство в горниле борьбе за власть, за мир и процветание своих народов. И, конечно, Китай искал в Африке союзников, этот вопрос особенно остро встал после разладов в отношениях с Советским Союзом и обострением идеологического непонимания в социалистическом лагере. В середине 60х годов Китай пытался

усилить свою особую роль в международной политике и значимость китайской революционной идеологии Мао Цзэдуна начал активную пропаганду национально-освободительных движений и революционных войн, что спровоцировало некоторые осложнения в китайско-африканских отношениях.

У СССР, как и США были свои союзники в Африке, и те, и те, нуждались в военной и материальной помощи, Китай тоже выстраивал сложную политику, лавируя меж двух огней, но идя свои путём и протягивал руку помощи африканским странам. Так, в 70е годы, Китай в Анголе совместно с США поддерживал ЮНИТА, воюя против советскокубинского блока, а в это же время в Танзании и Замбии Китай оказывал военную поддержку фронту борьбы с апартеидом.

В 70е годы, Китай преодолел перегибы культурной революции, смягчив риторику во внешней политике, сумел восстановить отношения с некоторыми странами Африки и расширил свои дипломатические связи на чёрном континенте. К 1970-му году КНР установила дипломатические отношения с Экваториальной Гвинеей и Эфиопией, в 1971 г. – Нигерией, Камеруном, Сьерра-Леоне, Руандой, Сенегалом и Суданом, в 1972 г. – Ганой. [5, с.72]

Китай, невзирая на политические режимы поддерживал страны Африки в их борьбе с колониализмом, расширял межгосударственные отношения и поддерживал торговые связи.

Важным позитивным фактором, значительно укрепившим авторитет КНР в мире в целом и в Африке явилось принятие резолюции ООН №2758 от 25 октября 1971 г. об "восстановлении законных прав" КНР на постоянное членство в СБ ООН вместо Тайваня. Стоит указать, что 25 голосов из 76 за принятие Китая было получено от государств Африки, что даёт основания утверждать, что присоединение КНР к ООН является заслугой в том числе и Африканских стран. [10, с. 15] Отдельно в контексте африкано-китайских отношений (впрочем как и с другими странами мира) стоит вопрос признания Тайваня. Китай и по сей день автоматически разрывает отношения с теми государствами, которые признают Тайвань как отдельное государство.

Эй пленум ЦК КПК 11го созыва стал поворотной точкой в истории Китая, были сформулированы новые принципы в экономической политике КНР, заложены основы политики построения социализма с китайской спецификой. Также во многом и поменялись подходы во внешней политике Китая. Если ранее КНР активно пропагандировала борьбу с гегемонией сверхдержав при помощи революций, то теперь основным являлось стремление к сохранению мира и стабильности.

Важно отметить, что в этот период акцент делался не только на реализации интернациональных, но и государственных интересов. С этого момента КНР начала налаживать контакты с региональными организациями Африки. Откорректированная внешнеполитическая стратегия Китая стимулировала развитие политических и дип-

ломатических отношений с Африканскими странами. [1, с. 55.]

Важным событием 80х годов в китайско-африканских отношениях стал визит премьера Госсовета КНР Чжао Цзяяна в 11 африканских стран в 1982–1983 гг., в ходе которого он провозгласил четыре принципа в отношениях с Африкой. И на этот раз делался акцент уже на стремление сторон к самообеспечению, на первое место ставилась взаимодополняемость экономик. Китай стал сокращать экономическую помощь Африке, стал отказываться от торговли в кредит и переходить на торговлю за наличный расчёт. После некоторого спада в экономических отношениях товарооборот между Китаем и Африкой с середины 80х годов начал расти, стали создаваться совместные предприятия, Китай экспортировал в Африку различную продукцию перерабатывающих отраслей промышленности, вооружения, импортировал нефть, руды, алмазы.

К 1988 году КНР сумела расширить свои контакты в сфере торговли с африканскими государствами, установив торговые отношения с 55 страной Африки и подписав соответствующие соглашения с 40 из них. [4, с. 278]

Активизация сотрудничества в сфере образования и культуры привела к значительным сдвигам. В 80–е годы более 2000 студентов из Африки получали образование в китайских учебных заведениях, около 250 китайских преподавателей и студентов были направлены в Африку, многие университеты КНР установили контакты с африканскими вузами. [6, с.250]

В этот период особое значение приобрела концепция Юг–Юг о сотрудничестве между развивающимися странами на равноправной основе. Несмотря на то, что Китай признал важность проведения диалога Север–Юг, он, как и в прежние времена, провозглашал себя страной "третьего мира", твёрдо отстаивающего интересы развивающихся стран.

90–е гг. характеризовались значительными геополитическими изменениями в мире, с учетом которых КНР резко активизировала африканское направление своей внешней политики.

Настоящий прорыв во взаимоотношениях Китая и Африки произошёл на рубеже тысячелетий, когда в октябре 1999 года председатель КНР Цзянь Цзэминь выдвинул инициативу создания специальных рамок для китайско-африканского партнёрства.

Стоит отметить, что это инициатива была оглашена в период китайского экономического бума второй половины 90х годов, когда китайская экономика переживала невероятно бурный рост ВВП и выход на мировые рынки.

В 1999–2000 гг. в организации африканского единства (ОАЕ) при поддержке председательствовавшего Алжира в Пекине прошла первая министерская встреча, на которой было объявлено о создании нового механизма. В этом форуме участвует Китай и 49 стран Африки.

В апреле 2002 г. документ о создании форума был ратифицирован и вступил в силу. Встречи министров иностранных дел являются основным форматом работы

ФСКА (форму сотрудничества Китай–Африка) и проводятся каждые три года. В 2006 г. в Пекине состоялся первый саммит (встреча глав государств и правительств). С 2002 г. на регулярной основе проводятся встречи старших должностных лиц. Программа форума продолжает расширяться за счет иницилируемых обеими сторонами новых мероприятий – конференций и семинаров, деловых форумов, выставок и ярмарок и т.д. [8]

В ноябре 2000 г. в Китае была создана межведомственная комиссия действий по реализации решений саммитов и министерских встреч ФСКА, в которую вошли представители 26 партийных и государственных структур. Межведомственные комиссии также были созданы в африканских странах. В июле 2006 г. между секретариатом китайской межведомственной комиссии и секретариатом Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД) был подписан Меморандум о взаимопонимании, укреплении консультаций и сотрудничества.[8]

Таким образом, мы видим, что Китай в начале XXI века стал реализовывать чёткий план по углублению сотрудничества с Африкой с учётом полного комплекса проблем и с возможностью оперативного решения задач по средству новых отлаженных механизмов.

Назвав Китай и Африку хорошими друзьями, партнерами и братьями, перед которыми лежит общее будущее, Си Цзиньпин заявил, что они всегда были "сообществом с единой судьбой" со схожим историческим опытом, который привел к глубокой дружбе между народами.[11]

В официальной китайской статистике имеются также данные по общему объёму заключённых договоров с китайскими компаниями на различные строительные проекты. И по этим показателям Африка уступает в общем только странам Азии. В 2015 году Китай заключил со странами Африки строительных контрактов на сумму более 54,7 млрд дол. (для сравнения с Россией на сумму 1,41 млрд дол, со всеми странами Европы 8,78 млрд дол.), это также превышает стоимость строительных контрактов, заключённых со странами Латинской Америки–16,4 млрд дол. [14, с.195]

Китай активно участвует в различных инфраструктурных и строительных проектах в Африке. Тем самым Китай на деле помогает африканским странам, способствуя их модернизации и улучшению жизни.

Однако, несмотря на все положительные моменты от китайской мягкой силы в Африке, на Западе имеется чёткая позиция в отношении китайской политики в Африке, на Западе имеется чёткая позиция в отношении китайской политике в Африке. Она имеет критический оттенок в отношении мотивов китайской заинтересованности в Африке, которая в основном сводится к тезису "помощь в обмен на ресурсы". И тут, конечно, можно согласиться, что Китаю нужна Африка как источник необходимых ресурсов для могучей китайской экономики и Китай нужен Африке как источник материальной помощи. Но вопрос гораздо глубже, нежели поверхностные прагматичные объяснения западных СМИ об экономической политике Китая в Африке. Также можно отметить, что друж-

ба с Африкой, где находится большое количество стран, которые имеют свой голос в ООН также очень важна для Китая.

Во-первых, стоит отметить отличие насильственной эксплуатации западных стран Африки в недавнем прошлом и китайской мягкой экспансии. При этом стоит отметить как Запад умело подчинил себе Африку в 20 веке, навязав границы странам, поджигая гражданские войны, исходя в основном из своих экономических соображений.

Во-вторых, стоит отметить объём экспансии Китая и Запада в Африку. Доля экспорта и импорта КНР среди африканских торговых партнёров неуклонно растёт, в то доля бывших метрополий (Великобритании и Франции) и США снижается. Согласно статистике ООН по Африке, Китай к 2015 году стал главным внешнеторговым партнёром Африки, отгнав США. Так, например, в Египте доля Китая в импорте этой страны составила 13%, доля США 6%, в Нигерии на Китай приходится 32% импорта, на США только 8%, в Алжире на КНР приходится 16%, а на бывшего главного торгового партнёра Францию (бывшую метрополию) уже 10,5%. [13]

Начиная с 2000 года Китай участвовал более чем в 1700 проектов в Африке, выделив на это по ориентировочным оценкам до 125 млрд дол и вышел на первое место среди торговых партнёров чёрного континента. При этом Китай ввозит в Африку помимо ширпотреба сложные машины и оборудование, также осуществляет различные проекты по модернизации сырьевых баз стран Африки, строит инфраструктуру.

Для примера: Китай помог проложить в Африке более чем 2200 км железный и около 3400 км шоссейных дорог. [9]

В-третьих, стоит отметить уровень взаимного доверия, Китай и страны Африки стали добрыми партнёрами, которые видят друг в друге надёжную опору во взаимном экономическом развитии и понимании на международной арене.

Политически, Китай и африканские страны равны, не вмешиваются во внутренние дела, не добиваются особых прав.

По словам бывшего президента Замбии К.Каунды, Китай "нам помогает как друг", а президент Руанды П. Кагаме отметил, что деятельность западных стран не помогла Африке, Китай же принёс Африке нужные ей инвестиции. Китай без всяких политических условий способствует расширению инфраструктуры африканских стран, что благоприятно сказывается на экономическом и социальном развитии континента. [3]

Обе стороны рассматривают друг друга как важных международных партнёров. Африке нужен Китай как важнейший внешнеторговый партнёр, Китаю нужна Африка для укрепления политических позиций на международной арене и как обширное поле для инвестиций.

Для КНР Африка всегда оставалась регионом особых стратегических интересов и изначально с момента установления дипломатических отношений с рядом стран чёрного континента Китай преследовал больше идеологические и геополитические цели, но начиная с 80х годов КНР перешёл исключительно к полноценному экономическому партнёрству и тем самым добился особой роли в судьбе африканских стран, способствуя модернизации, улучшению качества жизни местного населения, при этом не навязывая политической идеологии, и к началу XXI и тем самым завоевав доверие главного стратегического партнёра Африки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейч Т.Л. Китай и Африка. Время перемен (80-е годы). – М.: Наука, 1992. –165 с.
2. Дегтярёв Д.А., Китай–Африка: важные аспекты отношений Мировая экономика и международные отношения. 2005. №5, с. 84–91
3. КНР политика, экономика, культура, Сафронова Е.И. КНР и страны Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, ИДВ РАН, 2011, стр. 240–256
4. Ли Вэньфэн. Непрерывное развитие китайско–африканской торговли / Бесценное единство. – Пекин, 2006. –305 с.
5. Ливишин С.В. Политика Китая в Африке и глобализация. Диссертация кандидата политических наук. – М., 2002. –217 с.
6. Ло Цзяньбо. Интеграция Африки и китайско–африканские отношения. – Пекин, 2006. –350 с.
7. Лу Мяогэн. Исторический вклад Мао Цзэдуна в развитие китайско–африканских отношений. / Бесценное единство. – Пекин, 2006. –330 с.
8. Мардашев А.А. помощь КНР странам Африки. Международные отношения. 2(23) 2012, стр.59–69
9. Пиковер А.В. Африканский вектор экономической политики Китая // сайт ИДВ РАН. [Электронный ресурс]. Дата публикации 22.09.2010. –URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/online/400-afrikanskij-vektor-ekonomicheskoy-politiki-knr> (дата обращения 26.04.2018)
10. Пономаренко Л.В., Титов В.П. Китай – Африка – Россия: феномен мировой политики XXI века. – М., 2008, 152 с.
11. Си Цзиньпин открывает новую главу в китайско–африканских отношениях // Сайт международного радио Китая. [Электронный ресурс]. Дата публикации 5.12.2015. –URL: <http://russian.cri.cn/841/2015/12/05/1s567865.htm> (дата обращения 25.04.2018)
12. Хуан Шэцяо. Искренняя помощь Китая народам Африки. / Бесценное единство. – Пекин, 2006, –330 с.
13. African statistical yearbook 2016 // UNECA: сайт Африканской экономической комиссии ООН [Электронный ресурс]. – URL: https://www.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/african_statistical_yearbook.pdf (дата обращения 26.04.2018)
14. 中国工业统计年鉴 2015 Статистический ежегодник по экономике промышленности Китая – 2015. – Пекин, 2016. – 397 с.

РЕФОРМЫ ГОРОДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

REFORMS OF CITIZEN LEGISLATION IN FIRST HALF OF NINETEENTH CENTURY

T. Golovina

Annotation

The article deals with the main reforms of citizen legislation in the first half of the XIX century in Russia. In particular, the reform projects of Speransky and Balaklavsky, the Provisions of 1846, and the French organization of local citizen government during the occupation.

Keywords: Russia, first half of the nineteenth century, citizen legislation, reforms, self-government.

Головина Татьяна Михайловна

*Ст. преподаватель,
Чебоксарский институт (филиал)
ФГБОУ ВО "Московский
политехнический университет"*

Аннотация

В статье рассматриваются основные реформы городского законодательства в первой половине XIX века в России. В частности, рассмотрены проекты реформ Сперанского и Балугьянского, положения 1846 года, а также французская организация местного самоуправления в период оккупации.

Ключевые слова:

Россия, первая половина XIX века, городское законодательство, реформы, самоуправление.

Первая половина XIX века была временем, когда результаты и достижения первой технической революции уже укрепились в российском и европейском обществе, в то время как вторая техническая революция еще не началась. В связи с чем, глобальных изменений в городской жизни, вызванных техническим прогрессом и преобразованием производственных процессов, в этот период не было. Тем не менее, происходили некоторые преобразования, закрепляющие самоуправление городов.

В 1801 году Александр I восстановил действие Жалованной грамоты городам, которая определяла выборные городские учреждения и увеличивала круг избирателей. В 1808 году проект местного самоуправления представил Сперанский М.М. Чуть позже в 1818 году, для того, чтобы начать реализацию этого проекта были изданы сборники всех законов с 1775 года по 1817 годы. Тем не менее, сам проект Сперанского реализован не был во многом потому, что он требовал слишком радикальных изменений в российском обществе и представлениях о правах и свободах беднейших слоев населения [1]. Позднее в 1820-х годах снова был предложен проект реформ, нацеленный на развитие самоуправления в российских городах, предложенный М.А. Балугьянским [6]. Оба эти проекта предполагали изменение выборной системы, участие дворянства в городском самоуправлении, а также простого населения. Жителей города предполагалось делить не по сословиям, а по районам проживания. При этом, правом голоса обладали все жители города, имеющие имущество стоимостью выше 8 тысяч рублей или входящие в одну из купеческих гильдий.

В первой половине XIX века российское, особенно петербургское законодательство находилось под существенным влиянием Пруссии. К примеру, "Положения об общественном управлении Петербурга" 1846 года, созданные при участии Н.А. Милютина [6]. Дитятин И.И. писал, что данные положения представляют собой исторического приемника (Schutzverwandten) Прусского муниципального статута 1808 года [6]. Более того, рассмотренные выше проекты реформ также основывались на прусских реформах. Для России начало XIX века объединяло в себе стремления к самоуправлению в городах и к централизации единовременно, а также развития общественных элементов с бюрократизацией государственного механизма власти.

В частности, Положения 1846 заменяли Шестигласную думу "всословной" городской. Так, в Шестигласную думу входили домовладельцы, купцы, ремесленники, иностранцы, именитые граждане и рабочие. В то время как во "всословную" думу – потомственные дворяне, обладающие недвижимым имуществом; чиновники, ученые, художники и артисты; купцы; мещане и ремесленники. Иногородние и иностранные граждане, относящиеся по своему статусу или роду занятий к одной из перечисленных пяти групп, также входили в городскую думу 1846 года. Каждое сословие избирало в думу 100–150 человек. Поэтому, общая численность Общей думы была существенной. Из Общей думы избиралось 12 человек, которые составляли Распорядительную думу и являлись исполнительным органом.

Электоратом Общей думы, не говоря уже о том, чтобы иметь право выбираться в нее, были только мужчины,

чем имущество в городе приносило не менее 100 рублей в год, а также приписанные к городскому обществу не менее 2 лет. Таким образом, голосовать за членов Общей думы имели право около 1,2% населения Петербурга. Городской голова назначался правительством из кандидатов высших сословий, владевших недвижимостью в размере не менее 15 тысяч рублей [7]. Таким образом, несмотря на представленность в Общей думе всех сословий, фактическим правом голоса обладали исключительно богатейшие граждане города. Подобная ситуация во многом обуславливала фактические интересы, представляемые всесословной думой. Важно отметить, что изначально Положения касались только жителей Петербурга, однако позднее распространились и на другие города России.

Канцелярия Общей думы, находящаяся фактически под опосредованным контролем царской власти, подменяла собой самостоятельность думы и самоуправление. В то время как на деле огромный штат чиновников создавал ряд предложений по развитию города в соответствии с интересами короны, имитируя инициативу населения и выбранных членов думы. Поэтому цели развития городского хозяйства и самоуправления достигнуты не были [1]. Основными полномочиями думы было фактическое распределение средств между различными многочисленными нуждами города, включавшими обслуживание улиц и площадей, строительство дорог, обслуживание рынков и общественных скверов. Тем не менее, большая часть денежных средств шла на содержание полиции и сопутствующего чиновничьего аппарата. Городской бюджет ежегодно сводился с дефицитом, несмотря на общее возрастание как доходных, так и расходных статей.

Напомним, что ранее в XVIII веке уже существовали выборные органы местного самоуправления, однако ни

тогда, ни в первой половине XIX века они не играли существенной роли в городском развитии. Вместо этого все фактическое управление городом было в ведении полиции во главе с обер-полицеймейстером, подчинявшимся генерал-губернатору. Значение полиции еще более возросло после того, как обер-полицеймейстер был приравнен в своих правах к гражданскому губернатору. Отметим, что с 1809 года Адресная экспедиция, являвшаяся частью полиции, и фактически выполнявшая роль миграционной службы, начала регистрацию всех вольных рабочих Петербурга и стала выдавать им "виды на жительство", без которых проживание в столице запрещалось [8].

Помимо Положений 1846 года, в первой половине XIX века в России было множество небольших изменений в городском законодательстве. Часть из них была тесно связана с Отечественной войной 1812 года. Так, французы на оккупированных территориях вводили местное самоуправление на основе действовавшего в то время во Франции законодательства, отвечавшее принципам военного управления. Так, в губерниях были созданы муниципалитеты с преобладанием в них правительственного и бюрократического элементов [9]. После войны, при Александре I были созданы "собственные муниципальные учреждения" на территории, ранее принадлежавшей Польше, в частности в Белостокской области.

Таким образом, можно с уверенностью сделать вывод о том, что общий вектор городских реформ, проводившихся в первой половине XIX века в России во многом основывался на прусских реформах. А, кроме того, имел характер формального самоуправления и децентрализации. Однако фактически местные органы власти опосредованно подчинялись царю, а избирательным правом обладала лишь малая группа горожан, составлявшая чуть более 1% фактического населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов А. В. Из истории становления городского самоуправления // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2007. №7. С. 91–94.
2. Головина Т.М. Формирование органов городского самоуправления на губернском уровне 1785–1870 // Закон и право. – № 7. – 2013. – 33–39.
3. Дитятин И.И. Городское самоуправление в России. Т. 2. Городское самоуправление до 1870 года. Ярославль, 1877.
4. Зайцев М.В. Николай Милютин и реформа городского самоуправления 1846 года в Санкт-Петербурге // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. №3. С. 275–282.
5. План государственного преобразования М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 года). М., 1905.
6. Сборник Императорского русского общества. СПб., 1984. Т. 90.
7. Свиридова Т. А. Городские реформы в России и Пруссии в первой половине XIX века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2008. №12. С. 7–13.
8. Тарасов А.Ю. Особенности развития паспортной системы и паспортного режима в Российской империи в первой половине XIX века // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №9. С. 11–15.
9. Уланов В.Я. Организация управления в занятых французами областях // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т.4.

ГУБЕРНСКИЕ И ОБЛАСТНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ СИБИРИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

SIBERIA'S GUBERNIA AND REGIONAL STATISTICAL COMMITTEES IN THE SYSTEM OF STATE-ADMINISTRATIVE AND SCIENTIFIC ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

E. Igumnov

Annotation

The article covers the administrative statistics nascence in the Russian Empire in the context of the historical development of statistical establishments in European countries. A note is made of the scientific workers' role in the formation of the state statistics management organs. There is the coverage of the process of the creation and of the reformation of gubernia and regional statistical committees in 1830s–1860s. It is being proven that Siberian statistical committees were inextricably connected with the regional administration. There is an investigation of the issue concerning the place of Siberian committees within the system of the state and public scientific establishments. There is a presentation of data that confirm the significance of the statistical committees in the organization of the study of Siberia in XIX – early XX century.

Keywords: state statistics; local history; statistical committees; scientific societies; Siberia.

Игумнов Евгений Владимирович
К.и.н., доцент, Санкт-Петербургская
государственная академия
ветеринарной медицины

Аннотация

В статье в контексте исторического развития статистических учреждений в европейских странах рассматривается возникновение административной статистики в Российской империи. Отмечается роль научных работников в становлении органов государственного управления статистикой. Прослеживается процесс создания и реформирования губернских и областных статистических комитетов в 1830–1860-е гг. Доказывается, что статистические комитеты Сибири были неразрывно связаны с региональной администрацией. Исследуется вопрос о месте сибирских комитетов в системе государственных и общественных научных учреждений. Приводятся сведения, подтверждающие значение статистических комитетов в организации изучения Сибири в XIX – начале XX в.

Ключевые слова:

Государственная статистика; краеведение; статистические комитеты; научные общества; Сибирь.

Статистика возникла на начальной стадии развития государственно-организованного общества как практика хозяйственного учета и народоисчисления. В эпоху Нового времени были заложены теоретические и методологические основы статистической науки, ускорилось накопление и повысилось качество систематизации статистической информации. В XVIII–XIX вв. развернулось создание специальных статистических бюро, призванных сосредоточить в едином месте поток данных, собираемых разными ведомствами и учреждениями, подготовку и осуществление всеобщих переписей населения. Являясь частью системы государственного управления, статистические бюро обладали определенными административными ресурсами и полномочиями. Занимаясь организацией социально-демографического обследования населения, разработкой программ статистического изучения промышленности и сельского хозяй-

ства, здравоохранения и образования, они опирались на современные научные знания, привлекали к работе известных ученых (Ж. Фурье – во Франции, А. Кетле – в Бельгии, К. Черниг – в Австрии, Г. Рюмелин – в Германии, Ф. Берг – в Швеции и др.). Большую роль в становлении официальной статистики сыграли международные статистические конгрессы, в которых совместно участвовали государственные деятели, представители статистических органов и науки различных стран.

К 1811 г. относится начало формирования российской государственной статистики [15, с. 5]. В течение XIX в. система статистических учреждений претерпела ряд изменений, при этом, в процессе ее преобразования активно использовались отечественные традиции администрирования, опыт, накопленный другими государствами. Несмотря на то, что российские статистики не

смогли присутствовать на международных статистических конгрессах 1853 и 1855 гг., российские власти внимательно прислушивалась к рекомендациям зарубежных делегатов [17]. Значительная часть докладов последних была посвящена обсуждению вопросов развития централизованной системы управления статистикой, взаимосвязи правительственных органов с научными работниками. Согласно пожеланиям Брюссельского конгресса (1853 г.), главный статистический департамент "должен состоять из руководителей всех отделов государственного управления с добавлением некоторых лиц, выдающихся в области статистической науки, которые своими исследованиями и специальными знаниями могут способствовать практике и решению трудностей, относящихся к науке" [18, с. 3]. Как и во многих странах Европы, в процессе образования статистической службы в Российской империи были задействованы видные ученые, и среди них: К.Ф. Герман – начальник Статистического отделения Министерства полиции (с 1819 г. – Статистического отделения Министерства внутренних дел (СОВВД)) в 1811–1834 гг., К.И. Арсеньев – управляющий делами Статистического отделения при Совете МВД в 1834–1853 гг., П.П. Семенов – директор Центрального статистического комитета (ЦСК) в 1864–1882 гг. и председатель Статистического совета в 1875–1897 гг. и др. В становление губернских и областных статистических комитетов заметный вклад внесли краеведы. Сами статистические комитеты на протяжении середины – второй половины XIX в. выполняли не только административные функции, но и представляли собой важные, а, порою, и единственные центры региональной науки.

Цель статьи – рассмотреть роль и место губернских и областных статистических комитетов Сибири в системе государственно-административных и научных учреждений Российской империи.

Возникновение административной статистики в России связано с реформированием органов государственного управления в период царствования Александра I. 8 сентября 1802 г. вышел манифест "Об учреждении министерств", в соответствии с которым каждому министру предписывалось в конце года подавать письменный отчет императору о деятельности своего ведомства. В 1804 г. введена годовая письменная отчетность губернаторов перед министром внутренних дел. В 1811 г. в ходе реорганизации министерской системы образовано Министерство полиции. Тогда же при нем создано Статистическое отделение, отвечавшее за разработку плана устройства статистической части, усовершенствование губернаторских отчетов, обработку подаваемых губернаторами данных и составление сводных отчетов. В 1819 г. Статистическое отделение было отнесено к канцелярии МВД, в 1823 г. включено в состав Департамента полиции исполнительной [1, с. 15]. Таким образом, в

первой четверти XIX в. началось институциональное оформление государственной статистики, заложены традиции губернаторской отчетности [5].

Для развития административной статистики, улучшения информационного взаимодействия между центральной и местной властью особое значение имело создание региональных статистических учреждений. С 1835 г. в губернских городах стали образовываться статистические комитеты, напрямую вpletенные в краевой бюрократический аппарат. На основании Высочайше утвержденных в декабре 1834 г. "Правил для Статистического Отделения при Совете Министерства Внутренних Дел и Статистических Комитетов в Губерниях" комитеты передавались под управление гражданских губернаторов. В состав комитетов в качестве неперенных членов включались губернские предводители дворянства, вице-губернаторы, почетные попечители гимназии, прокуроры, инспекторы врачебной управы, управляющие удельными конторами, губернские директора училищ и члены духовной консистории [9, с. 282]. Их деятельность заключалась в доставлении сведений о состоянии вверенных им частей, хозяйственно-экономическом описании губерний, составлении итоговых отчетов и таблиц. После этого, рассмотренные и одобренные членами комитетов материалы направлялись для последующей доработки в Статистическое отделение при Совете МВД.

В 1835–1836 гг. статистические комитеты возникли в Томске, Иркутске, Красноярске, Омске, Тобольске. В связи с особенностями территориально-административного устройства (в 1822 г. Сибирь была поделена на Восточно- и Западно-Сибирское генерал-губернаторства) они состояли в "главном ведении" генерал-губернаторов Восточной и Западной Сибири. В случае отсутствия в составе чиновничьего корпуса лиц, предусмотренных "Правилами", губернаторам, по согласованию с министром внутренних дел, разрешалось заменять их представителями других ведомств. Иркутский гражданский губернатор И.Б. Цейдлер, докладывая в июне 1835 г. в МВД о приготовлениях к открытию статистического комитета в Иркутске, сообщал, что исполнявшим обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири С.Б. Броневским вместо губернского предводителя дворянства был назначен председатель Иркутского губернского правления, вместо управляющего удельной конторой – советник хозяйственного отделения казенной палаты [11, лл. 1–2 об.]. В донесении от 1 октября 1835 г. управляющий Омской областью полковник И.Д. Талызин доводил до сведения министра внутренних дел, что генерал-губернатор Западной Сибири вместо губернского предводителя дворянства назначил председателя областного суда статского советника Янжула Михайловского, вместо почетного попечителя гимназии – надворного Советника Лидина, вместо инспектора врачебной управы – дивизион-

ного доктора коллежского советника Орлова, вместо директора училищ – инспектора классов училища сибирского линейного казачьего войска есаула Шрамова, протоиерея Владимирова и областного прокурора коллежского асессора Похвалинского [12, л. 2–3].

В 1850–1860-е гг. система статистических учреждений подверглась очередной трансформации, завершившейся созданием Центрального статистического комитета (ЦСК) и Статистического совета при МВД, реорганизацией деятельности губернских статистических комитетов. Циркуляром от 30 декабря 1853 г. МВД ус-танавливались правила сбора и обработки статистическими комитетами материалов, губернаторам предоставлялось право отчислять в их распоряжение до одной тысячи рублей в год и привлекать дополнительные источники финансирования. В декабре 1860 г. вышло "Положение о губернских и областных статистических комитетах", которое, 19 февраля 1865 г., отдельным положением "Об устройстве статистической части в губерниях и областях Западной и Восточной Сибири" было распространено на Иркутскую, Енисейскую, Томскую и Тобольскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области.

Согласно "Положению" 1860 г., в целях развития административной статистики, во всех губернских и областных городах образовывались статистические комитеты [10, с. 505]. Им вменялось в обязанность собирание, с учетом требований правительства и ЦСК, статистических сведений о народонаселении, количестве и качестве земель, производительных силах, проверка и распределение данных по формам, установленным МВД, составление статистических таблиц для ЦСК, ведомостей, прилагаемых к всеподданнейшим отчетам губернаторов и прочее. Были определены внутренняя структура и состав статистических комитетов. В число постоянных членов включены: губернский или областной предводитель дворянства, вице-губернатор, руководители подразделений, представлявших министерства финансов, государственных имуществ, императорского двора и уделов, члены от духовной консистории православного исповедания и иных религиозных конфессий, городской голова и др. В регионах, управляемых по особым учреждениям, у генерал-губернаторов сохранялась возможность замены сотрудников. В отличие от ранее принятых нормативно-правовых актов в структуре появилась постоянная должность секретаря комитета, избираемого и утверждаемого начальником губернии, и имевшего чин, сопоставимый со званием правителя канцелярии гражданских губернаторов и старшими секретарями губернских правлений. На содержание статистических комитетов назначалась штатная сумма в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей серебром в год.

С преобразованием системы государственной статистики, реорганизацией административно-территориального управления Сибири во второй половине XIX в., наряду

с комитетами в Томске, Омске, Иркутске и Красноярске, были открыты Забайкальский, Якутский, Семипалатинский, Амурский и Приморский статистические комитеты. В результате, сформировалась опорная сеть для развития статистической службы в Сибирском регионе.

В дореволюционный период в России сложилась группа научных учреждений, которые занимались организацией целого комплекса исследований, имевших как фундаментальное, так и краевое значение в сфере экономики, истории, культуры и образования. Большая часть из них была зафиксирована и классифицирована по ведомственному признаку в 11 томе, части 1 "Свода законов Российской империи", изданном в 1893 г. Опираясь на данный источник, можно выделить четыре вида субъектов, осуществлявших научную деятельность: 1) ученые учреждения Министерства народного просвещения; 2) учреждения, состоявшие в ведении других министерств – внутренних дел, императорского двора, Главного управления землеустройства и земледелия; 3) ученые общества при университетах; 4) самостоятельные научные общества. [13, с. 16]. В настоящее время к числу государственных организаций, выполнявших исследовательскую работу, и, при этом, тесно взаимосвязанных с местной общественной жизнью, также причисляют статистические комитеты [2, 7]. Губернские статистические комитеты, отмечает Г.П. Пирожков, были "первыми государственными учреждениями, включившимися в краеведческую деятельность" [8, с. 177]. По мнению В.А. Скопы, законодательные положения и циркуляры МВД 1860–1865 гг., определили и закрепили линию "на превращение статистического комитета в научно-административное общественное учреждение" [14, с. 107].

По своей структуре статистические комитеты были схожи с научными обществами. Помимо постоянных членов, назначаемых на основании занимаемых ими должностей, законодательством предусматривались выборные члены из числа добровольных лиц, пожелавших оказывать содействие комитетам своими трудами. В соответствии с "Правилами" 1834 г. в состав статистических комитетов входили члены-корреспонденты, избравшиеся из постоянных жителей губерний и утверждавшиеся министром внутренних дел [9, с. 282]. В дальнейшем были введены звания действительных и почетных членов. Действительные члены избирались из лиц, преимущественно проживавших в районе деятельности комитетов и выражавших намерение участвовать в статистических и ученых работах. Кроме того, звание действительного члена присваивалось руководителям научных экспедиций и ученым, выполнявшим исследования в губернии или области по заданию правительства. Звания почетного члена могли быть удостоены общественные и научные деятели, добившиеся известности благодаря занятиям наукой и статистикой или пожертвовавшим значительные суммы для статистических

целей. Действительные и почетные члены обладали правом голоса в заседаниях комитетов наравне с непременными членами [10, с. 507].

"Положением" 1860 г. были обозначены основные исследовательские задачи статистических комитетов. Им предлагалось заниматься подробным описанием губерний и областей в топографическом, этнографическом, историческом, сельскохозяйственном, торговом и промышленном отношениях. На практике направленность исследовательской работы зависела от множества факторов: состава, деятельного участия и научно-краеведческих интересов членов и секретарей комитетов, запросов и распоряжений, поступавших со стороны различных ведомств, ЦСК, краевой администрации и других научных организаций [16, с. 198]. Во второй половине XIX – начале XX в. сибирские статистические комитеты занимались вопросами изучения и улучшения производительности сельского хозяйства, рыболовства и звероводства, горной промышленности, транспортно-сообщения, земледельческой колонизации, социально-экономического состояния и быта, сохранения культурно-исторического наследия населения Сибири, метеорологическими наблюдениями и т.д. Естественным продолжением их деятельности являлись подготовка и издание "Трудов", "Записок", "Обзоров", "Памятных книжек", публикация статей в периодической печати, формирование библиотечных коллекций, создание краевых музеев. В последней трети XIX в. музеи были образованы в Тобольске (1870 г., Тобольский комитет), Семипалатинске (1883 г., Семипалатинский комитет) и Якутске (1891 г., Якутский комитет).

Становление административной статистики приходится на время возникновения в Сибири первых научно-общественных учреждений, с которыми у статистических комитетов установилось прочное взаимодействие. Сотрудничество между ними проявилось в организации однодневных городских переписей населения, реализации разработанных научными обществами исследовательских программ, совместном проведении экспедиций. В 1875 г. Сибирский (с 1877 г. – Восточно-Сибирский) отдел Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО) откликнулся на призыв Иркутского комитета и согласился принять участие в переписи населения Иркутска [3, с. 169]. Якутский комитет в 1894–1896 гг. стал участником, подготовленной ВСОИРГО Сибиряковской экспедиции в Якутской области. В обя-

занности комитета входило осуществление на месте координации всех исследовательских мероприятий, поддержание связи между членами экспедиции и ВСОИРГО. В 1902 г. при содействии Семипалатинского комитета был открыт Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела ИРГО [4, с. 82].

Таким образом, формирование государственной статистики в Российской империи началось одновременно с большинством европейских стран. В течение XIX в. в России сложилась централизованная система статистических учреждений, в которой ключевую роль на региональном уровне играли губернские и областные статистические комитеты. Образование статистических комитетов способствовало развитию вертикально-властных отношений, выработке управленческих решений с учетом статистической информации.

Статистические комитеты были неразрывно связаны с региональной администрацией. Сибирские комитеты состояли под управлением гражданских и военных губернаторов и находились в главном ведении генерал-губернаторов. Основная часть статистических сведений поступала по официальным каналам через непременных членов – руководителей и сотрудников местного бюрократического аппарата.

К числу так называемых "необязательных" занятий статистических комитетов, призванных обеспечить исправное содержание административной статистики, относилась научная деятельность. "Комитет, – говорится в отчете Иркутского статистического комитета за 1869 г., – не довольствовался для производства работ своих официальными данными, которым перестал доверять еще с 1864 г., после однодневных исчислений населения губернского города Иркутска и со времени командирования своих членов по губернии, для проверки на местах статистических данных, доставляемых в комитет официальным путем и оказавшихся едва подходящими к действительности, почему и должен был своими средствами домогаться постепенного достижения более точного собирания требующихся данных для своих работ" [17, с. 6].

Во второй половине XIX – начале XX в. статистические комитеты вместе с научными обществами исполняли роль координационных научных центров и внесли весомый вклад в изучение Сибирского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елисеева И.И., Дмитриев А.Л. История российской государственной статистики: 1811–2011. М.: ИИЦ "Статистика России", 2013. 143 с.
2. Захарова И.М. Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики: Автореферат дисс. ... к.и.н. Санкт-Петербург, 2005. 32 с.
3. Игумнов Е.В. Участие статистических комитетов и научных общественных организаций Сибири в проведении переписей населения во второй половине XIX

века // Научный диалог. 2018. № 3. С. 162–173. DOI: 10.24224/2227–1295–2018–3–162–173.

4. Каланчина И.Б. К вопросу создания Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества // Ползуновский альманах. 2017. Т. 2. № 3. С. 81–84.
5. Минаков А.С. Годовые всеподданнейшие отчеты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М.: Наука, 2013. С. 37–55.
6. Отчет о деятельности и занятиях Иркутского губернского статистического комитета в 1869 г. // Иркутские губернские ведомости. 30 мая 1870. № 22. С. 6–7.
7. Первушкин В.И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза: ПГПУ, 2007. 214 с.
8. Пирожков Г.П. Российское родино(крае)ведение: зарождение и развитие (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2–2. С. 175–182.
9. ПСЗРИ–II (Полное собрание законов Российской империи. Собрание II). Т. XI. Отд. II. 1834. № 7684. СПб., 1835. С. 280–283.
10. ПСЗРИ–II. Т. XXXV. Отд. II. 1860. № 36453. СПб., 1862. С. 504–511.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1290. Оп. 1. Д. 48.
12. РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 59.
13. Свистунов А.А. Роль государства в становлении науки в Российской империи // История государства и права. 2015. № 19. С. 13–17.
14. Скопа В.А. История статистических учреждений Западной Сибири и Степного края в XIX – начале XX века. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 411 с.
15. Суринов А.Е. О развитии системы государственной статистики в России в 1811–2011 годах // Социология власти. 2011. № 5. С. 7–21.
16. Хорина В.В. Провинциальная наука: городские музеи и научные общества Енисейской губернии последней четверти XIX – начала XX в. Красноярск: Красноярск. гос. аграрн. ун-т, 2018. 463 с.
17. Ямагути А. Пропущенный конгресс: влияние первого международного статистического конгресса на становление российской государственной статистики // Вопросы статистики. 2017. № 1 (9). С. 84–88.
18. Levi L. Resume of the Second Session of the International Statistical Congress Held at Paris, September, 1855 // Journal of the Statistical Society of London. 1856. Vol. 19. № 1 (Mar.). Pp. 1–11.

© Е.В. Игумнов, (eigmnov@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

672003, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Трактовая, 35а
т. +7 (3022) 36-80-38, 36-76-20, e-mail: chita.office@alsglobal.com

www.als-russia.ru

ПРЕДОСТАВЛЯЕМ ЗАКАЗЧИКАМ ВЫБОР АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ:

РЕКЛАМА

- золота, платины и палладия
- золота и серебра с использованием гравиметрического окончания
- объемной плотности зерновых и бороздовых проб
- многоэлементный (до 35 элементов) анализ (почти полное разложение)
- общего, органического и карбонатного углерода
- железа магнетита и массовой доли оксида железа (II)
- следовых содержаний (литогеохимия, вторичные изменения)
- общей, сульфатной и сульфидной серы

ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЗНИКА ГУЛАГА МАХМУТА БУДАЙЛИ (1895-1975)

THE LIFE AND PUBLIC-POLITICAL ACTIVITY OF GULAG PRISONER MAHMUT BODILY (1895-1975)

F. Kalimullina

Annotation

This paper examines the biography of one of the first political victims of the Stalinist repression, state figure of Tatarstan of the 1920s, M.K.Bodily. His life path, spheres of professional activity are analyzed. Highlights the contribution of M. Bodily in Tatar journalism, in the formation of the Tatar press. The example of the fate of one person shows the tragedy of an era.

Keywords: M. Bodily, Tatarstan, Turkestan, "Kyzyl-Sharyk", the political repression, the GULAG.

Калимуллина Фирдаус Галимовна

К.и.н., с.н.с., ОП ГНБУ

"Академия наук РТ" "Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ",

г. Казань

Аннотация

В работе рассматривается биография одной из первых политических жертв сталинских репрессий, государственного деятеля Татарской АССР 1920-х гг. М.К.Будайли. Анализируется его жизненный путь, сферы профессиональной деятельности. Подчеркивается вклад М.Будайли в татарскую журналистику, в становление татарской печати. На примере судьбы одной личности раскрывается трагедия целой эпохи.

Ключевые слова:

М.Будайли, ТАССР, Туркистан, "Кызыл Шарык", политическая репрессия, ГУЛАГ.

Политический деятель, журналист и писатель Махмут Кашфельгадиевич Будайли, более 25 лет проведший в ссылках и тюрьмах, прожил сложную и долгую жизнь. Он проявил себя во многих сферах деятельности, был одаренным и талантливым человеком. Однако необоснованные политические обвинения перевернули всю его жизнь, многие его стремления остались неосуществленными. Его трагическая биография напоминает биографии тысяч людей той эпохи и в то же время имеет свои особенности.

Биография М.Будайли на сегодняшний день не достаточно полно изучена, нет комплексной монографии, посвященной данному общественно-политическому деятелю. В рамках подготовки к празднованию столетия образования Татарской АССР (2020 г.) назрела необходимость в более детальном изучении жизни и деятельности первых государственных лиц, участвовавших в организации и становлении республики. В данной статье нами предпринята попытка воссоздания основных вех биографии М.Будайли, выявления особенностей разных периодов его жизни.

М.Будайли родился 3 апреля 1895 г. в д. Старый Максим (ныне Ямашево) Мамадышского уезда Казанской губернии. Известно, что его отец был грамотным человеком: окончил медресе с. Биклянь Мензелинского уезда Уфимской губернии, г. Троицк. Махмут был пер-

вым ребенком в семье. Уже в детстве его ожидало серьезное испытание: в 1908 г. умерла мать, примерно через год не стало и отца. Оставив младших братьев и сестер на попечение родственников, Махмут отправился в Оренбургскую губернию, летом подрабатывал пастухом в казацких степях, зимой обучался в медресе Троицка. В 1912 г. устроился в троицкую типографию "Энергия" наборщиком татарского журнала "Акмулла" и казахского "Айкап". С 1914 г. сам начал публиковаться в журнале "Акмулла", в качестве собственного корреспондента был направлен в Туркестан, одновременно сотрудничал с газетой "Вақыт" ("Время") и журналом "Шура" ("Совет") [1]. В эти годы размещал свои статьи на узбекском языке в ташкентском джадидистском (сторонников новометодного обучения) журнале "Садои Туркестон" ("Голос Туркестана"), в которых писал о неравноправном положении мусульман в империи, за что был арестован царскими властями. Благодаря ходатайству издателей журнала М.Будайли был освобожден с условием, что он навсегда покинет Туркестан [5].

В 1915 г. М.Будайли был призван в армию, на Юго-Западный фронт, в 1916 г. был ранен и долго пролежал в госпитале. Учитывая организаторские способности и профессию журналиста, в 1917 г. его избрали председателем Совета воинов-мусульман 11-й армии и редактором армейской газеты "Иптэш" ("Товарищ"). В 1918 г. М.Будайли был демобилизован, он вернулся в

родные края, организовал там выпуск уездной мусульманской газеты "Мамадыш тавышы" ("Голос Мамадыша"). В эти годы М.Будайли вступил в ряды ВКП(б), был избран военным комиссаром Мамадышского уезда [4, с. 56].

В 1919 г. М.Будайли был избран делегатом 2-го съезда Коммунистической организации народов Востока и 7-го съезда Советов РСФСР. В Москве он познакомился с В.И.Лениным. Вождя революции заинтересовал тот факт, что М.Будайли кроме татарского и русского владел казахским, киргизским, узбекским и арабским языками. В.И.Ленин принял решение привлечь М.Будайли к установлению и укреплению советской власти в Средней Азии. В 1920 г. он был назначен редактором газеты "Кызыл Шарык" агитпоезда ВЦИК "Красный Восток", направленного в Туркестан. В 1920–1922 гг. М.Будайли занимал в Туркестане ответственные посты: являлся наркомом печати Бухарской Народной Советской Республики и одновременно заместителем наркома по делам национальностей Туркестана, Чрезвычайным Послом РСФСР в Хорезмской Народной Советской Республике [2, с. 65].

В 1922 г. М.Будайли был направлен на государственную службу в Татарскую АССР. Его назначили заместителем наркомов здравоохранения, юстиции ТАССР, управляющим Казанским отделением "Резинотреста". Одновременно он работал редактором газеты "Кызыл Татарстан" ("Красный Татарстан"), являлся одним из организаторов и первым редактором журнала "Чаян" ("Скорпион"), членом редколлегии журнала "Кызыл шэрык яшьлэре" ("Молодёжь Красного Востока"). Журнал "Чаян" и в настоящее время является популярным юмористическим изданием, с 1956 г. издаётся его русскоязычная версия. Основные цели издания: народный юмор, высмеивание нелепостей и глупостей жизни.

В 1920–е гг. М.Будайли заочно обучался на физико-математическом факультете Казанского университета. Как член Центрального исполнительного комитета ТАССР в 1923 г. он ходатайствовал о переименовании его родной деревни Старый Максим в Ямашево в честь известного революционера Х.М.Ямашева, а соседней деревни Новый Максим – в Вахитово в память об общественно-политическом деятеле М.М.Вахитове [3].

В начале 1920–х гг. в стране встал вопрос о национальном самоопределении нерусских народов, велась полемика, в результате которой началось преследование лиц, недовольных проводимой И.В.Сталиным национальной политикой. М.Будайли не мог оставаться в стороне от национального вопроса. Он поддерживал националистические взгляды известного политического деятеля М.Х.Султан-Галиева [5].

М.Х.Султан-Галиев был одним из теоретиков советского национально-государственного строительства, поддержал создание Башкирской АССР, участвовал в составлении проекта Декрета об образовании Татарской АССР. Во взглядах на пути решения национального вопроса расходился с руководством Коммунистической партии, выступал против некоторых аспектов национальной политики РКП(б) и Советского государства, против сталинского плана автономизации республик. В период подготовки образования СССР выступил против деления наций на ранги, за повышение статуса автономных республик, предоставление им права быть субъектами СССР, настаивал на непосредственном вхождении автономных республик РСФСР и Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав СССР, на целесообразности включения полномочных представителей автономных республик в ЦИК и СНК СССР. За резкую критику национальной политики И.В.Сталина 4 мая 1923 г. он был арестован по обвинению в создании националистической организации [6]. Было сфабриковано дело о "султангалиевщине", в ходе которого в "национал-уклонизме" обвинили многих татаро-башкирских государственных, партийных деятелей. В конце января 1940 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР М.Султан-Галиев был расстрелян (реабилитирован в 1991 г.) [7].

Участником дела о "султангалиевщине" стал и М.Будайли. В январе 1924 г. он подписал "Письмо 39-ти", подготовленное членами Татарского обкома РКП(б) и адресованное членам Политбюро и секретариата ЦК РКП(б). В письме отмечалось, что в кадровой работе обкома проявляется дискриминация татар. Данный поступок членов Татарского обкома в Москве был оценен крайне негативно, вследствие чего подписание "Письма 39-ти" стало рассматриваться как антипартийное и антисоветское выступление и открыло путь к репрессиям [7]. В 1929 г. М.Будайли был обвинен в "султангалиевщине" и исключен из рядов ВКП(б). В 1930 г. его приговорили к пяти годам лагерей. Сначала он попал в Бутырскую тюрьму, потом – на Соловки (система ГУЛАГа), где участвовал в строительстве Беломорканала. В 1938 г. М.Будайли был вновь арестован за "организацию преступной группы с целью ликвидации существующего строя и реставрации капитализма в СССР" и осуждён на восемь лет лагерей. Во избежание преследований семья Будайли была вынуждена отказаться от него. После отбытия наказания он жил и работал в г. Коканд. Но на этом бедствия М.Будайли не закончились, в 1949 г. его в очередной раз арестовали и приговорили к высылке на поселение [8]. Суть политики НКВД была такова, что ссыльных политических заключённых переводили с места на место, не давая им обосноваться и встать на ноги в одном поселении. Позже М.Будайли признавался своим друзьям, что это было очень изнурительно и отни-

мало у ссыльных силу воли и надежду на выживание: "Смириться с этим было нелегко. Но с сомнением там не выжить. Ну в лагере еще куда ни шло – там все такие, как и ты. А вот в ссылке... Нам сразу объявили, что ссылка – вечная. Возврата к прежней жизни нет и быть не может. Людей сажали только за один факт знакомства со мной" [5].

После смерти И.В.Сталина в 1955 г. Президиумом Верховного суда ТАССР и в 1957 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР за отсутствием состава преступления уголовное дело в отношении М.Будайли было прекращено [4, с. 58]. Он был освобожден в 1955 г. и направился в Казань. Ему удалось выдерживать тяготы репрессий и не сломаться. В Казани он продолжил литературную деятельность, занимался составлением татарской национальной антологии юмора и сатиры, в 1966 г. опубликовал книгу "Юмор һәм сатира" ("Юмор и сатира"). Удивительно, что после четверть века заточения М.Будайли смог вернуться к жанру юмора. Люди, лично знакомые с ним, восхищались его силой воли, оптимизмом. Писатель Р.А.Мустафин так охарактеризовал его: "Это была колоритная и неординарная фигура. Невысокий, коренастый, крепкий. На круглой, гладкой, как бильярдный шар, голове – огромные очки и доброжелательная и в то же время немного лукавая улыбка. О нем ходили легенды. Это была одна из тех личностей, которые после Октябрьской революции поднялись со дна жизни на самый верх и впоследствии были безжалостно растоптаны. Ему было 34 года, когда его арестовали в первый раз. Для многих это был крах жизни, трагедия. А он и в тюрьме сохранил присутствие духа" [5].

Известно, что М.Будайли сильно переживал из-за ложных обвинений, после освобождения писал письма на имя Н.С.Хрущева, А.Я.Пельше с просьбой пересмотреть его дело и восстановить в рядах КПСС. За него ходатайствовал видный военный деятель, генерал-лейтенант Я.Д.Чанышев. "Неужели я умру, так и не добившись справедливости?" – говорил он с горечью своим друзьям. Однако при жизни М.Будайли так и не дождался официального оправдания, окончательно был реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС лишь в 1989 г. Скончался М.Будайли 15 апреля 1975 г. в Казани [4, с. 63].

М.Будайли проявил себя и как писатель. Первые его литературные опыты относятся к 1926 г. Он в основном публиковался под псевдонимом "Кигэвен" ("Овод"), "Махмут Хади". М.Будайли является автором сборников юмористических и сатирических рассказов и стихов, научно-популярных брошюр. Публиковался в прессе, занимался изучением псевдонимов татарских литераторов [3].

Несмотря на то, что большую часть жизни М.Будайли провел в колониях, он смог внести достойный вклад в развитие татарской журналистики, создание татарских газет и журналов, существующих и поныне. Он является основоположником татарской сатирической журналистики. В начале своей карьеры М.Будайли искренне верил в идеалы коммунизма, гордился личным знакомством с В.И.Лениным, участвовал в установлении советской власти в Средней Азии; становлении Татарской АССР. Он выступал за равноправие всех народов, против односторонней национальной политики советского государства, за что и был репрессирован.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будайли Махмут // Татарская энциклопедия / гл. ред. М.Х.Хасанов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002. – Т. 1. – С. 474.
2. Гарифуллин Д. Время в судьбах и документах: М.Будайли // Эхо веков = Гасырлар авазы. – 2003. № 1/2. – С. 65–69.
3. Гарифуллин Д. Бөдэйли М. // Мэйдан. – 2014. – № 11. – с. 136–141.
4. Султанбеков Б. Будайли М. // Возвращенные имена. Документальные очерки. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. – С. 57–63.
5. Мустафин Рафаэль. Вечный скиталец // Республика Татарстан. – 22.11.2001. – 22 ноября.
6. Султанбеков Б.Ф. Султан-Галиев М.Х. // Татарская энциклопедия / гл. ред. М.Х.Хасанов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2010. – Т. 5. – С. 471–472.
7. Султанбеков Б.Ф. "Султангалиевщина" // Татарская энциклопедия / гл. ред. М.Х.Хасанов. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2010. – Т. 5. – С. 472.
8. Эйди Т. Рухы сынмаган көрәшче: Бөдэйли // Казан. – 1997. – № 5–6. – С.86–88.

© Ф.Г. Калимуллина, (kfirdaus@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И И МИБО

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВА КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАНИН (Архангельская область)

MODERN FEATURES OF THE ECONOMY OF THE KANIN PENINSULA NOMADIC POPULATION (Arkhangelsk region)

S. Kiselev

Annotation

The article is devoted to the study of the transformations traditional nature management of the of the Arkhangelsk regions nomadic population at the turn of the 20th – 21st centuries. The work separately examines the changes that occurred in the main sectors of the economy Nenets and Komi-Izhemtsy: reindeer herding, hunting and fishing. The key factor that influenced the changes in nature management in the twentieth century was the reorganization of reindeer husbandry and the concentration of the industry within collective farms and, later, in agricultural cooperatives. It is this circumstance that led to a change in the role of reindeer herding, hunting and fishing and to structural changes in the system of nomadic economy as a whole.

Keywords: Ethnology, Nenets, Komi-Izhemtsy, Arkhangelsk region, modern nomadic economy.

Киселев Станислав Борисович

Ст. преподаватель,

Санкт-Петербургский

Государственный Университет

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей трансформации традиционного природопользования кочевого населения севера Архангельской области на рубеже XX – XXI веков. В работе отдельно рассматриваются изменения, произошедшие в основных отраслях хозяйства ненцев и коми-ижемцев региона: в оленеводстве, охоте и рыболовстве. Ключевым фактором, который повлиял на изменения в природопользовании в XX веке, стала реорганизация оленеводства и сосредоточение всей отрасли в рамках колхозов и, позже, в рамках сельскохозяйственных промысловых кооперативов. Именно это обстоятельство привело к изменению роли отдельных промыслов и к структурным изменениям в системе экономики кочевников в целом.

Ключевые слова:

Этнология, ненцы, коми-ижемцы, Архангельская область, современное кочевое хозяйство.

Полуостров Канин до настоящего времени остается одним из наименее изученных регионов Европейского Севера России. Во многом эта ситуация обусловлена его удаленностью от крупных административных центров и крайней труднодоступностью. Он расположен целиком за Северным полярным кругом и разделяет Белое и Баренцево моря. Территория Канинского полуострова входит в состав Ненецкого автономного округа и граничит с запада с Мезенским районом Архангельской области. Практически целиком пространство полуострова занимает Канинская тундра, переходящая на юго-востоке в Тиманскую тундру и сменяемая лесотундровой зоной на юго-западе в бассейнах рек Мезени и Пезы.

Канинская тундра считается крайним западным районом массового расселения ненцев. Помимо ненцев в Канинской тундре в настоящее время проживают коми-ижемцы и русские. Всего на полуострове по данным Всероссийской переписи 2002 года проживает 1621 человек, из которых 594 человека – русские, 718 человек – ненцы, 301 человек – коми. По Всероссийской пе-

реписи населения 2010 года на полуострове было зафиксировано 1624 человека с сохранением характера распределения по этническим группам [13].

Исторически основой хозяйства местных ненцев и коми-ижемцев было частное кочевое оленеводство с сохранением значимости охоты, рыболовства и собирательства.

В начале 1930-х годов произошла реорганизация оленеводства в регионе, что отразилось на всех отраслях местной экономики. Был образован колхоз "Канин" с центром в селе Несь. Начало его фактической деятельности относится к 1 апреля 1930 года, а устав был принят 5 июня 1930 года [2, л. 101, 114.]. В 1929 году в Канинской тундре был образован промысловый колхоз "Ненец", в который вошли 4 хозяйства, а в августе 1935 года хозяйства распавшегося колхоза вошли в товарищество "Октябрь" [3, л. 83–86]. 22 октября 1934 года в канинской тундре было образовано 4 новых товарищества: "Тато" ("Искра"), "Виль-Туй" ("Новая дорога"), "Октябрь", "Виль-Олем" ("Новая жизнь") [4, л. 27–29; 5,

73–75]. В 1936 году на Канине было образовано еще 3 товарищества: "Нарьяна–Ханяна" (15 хозяйств), "Нарьяна–Вындер" (14 хозяйств) и "Кий" (13 хозяйств). Всего на 1 января 1937 года в Канинской тундре было объединено 103 хозяйства из 232 [6, Л. 30]. В 1939 году ТСВО (Товарищество по совместному выпасу оленей) "Ким" и "Нарьяна–Вындер" объединились в один колхоз, которому дали название "им. Чкалова". В нем, как и в образованных ранее артелях произошло обобществление оленей. Также в 1939 году было проведено объединение артелей "Выльолем" и "Октябрь" в один колхоз, которому в начале дали название "Октябрь", а потом он был переименован в колхоз "им. Ленина" [7, Л. 193–196]. В том же году подобное объединение провели товарищества "Тато" и "Выль–Туй" – новый колхоз получил название "Северный полюс" [8, Л. 212–218]. После ряда преобразований, в 1960 году на общем собрании колхозников было принято решение об объединении колхозов "Красный промышленник", "Канин", "им. Ленина", "Северный полюс" в один колхоз "Северный полюс" [9, Л. 23], который в свою очередь в 1990–х годах был преобразован в СПК "Община "Канин". Крое него сейчас в регионе осуществляет свою деятельность СПК "Восход" с центром в с. Ома, чьи пастбища располагаются вдоль западного берега Чешской губы.

В настоящее время характер кочевания канинских оленеводов, сохранив в целом свой меридиональный характер, претерпел некоторые изменения, связанные с изменениями в оленеводческой отрасли: произошло исчезновение малооленных групп хозяйств, которые кочевали на протяжении всего года в северо–таежной и лесотундровой зоне к югу от полуострова Канин; стал более протяженным и единообразным маршрут кочевания, при котором все бригады летом выходят на побережье Баренцева моря в северной части полуострова, что продиктовано задачами по развитию оленеводства в рамках СПК.

В конце XX – начале XXI века численность поголовья оленей на полуострове в среднем была сопоставимой с показателями середины 1920–х годов. После резкого сокращения в начале 1990–х годов, когда из–за общего экономического кризиса количество оленей уменьшилось до 25 тыс., произошел рост поголовья, которое к 2007 году достигло численности в 31 тыс. голов (около 13 тыс. общественных и около 18. тыс частных оленей, выпасавшихся в составе общинных стад) [15], после чего количество оленей стабилизировалось. Так, по официальным данным, опубликованным в Постановлении губернатора Ненецкого автономного округа, общественное поголовье в СПК "Ненецкая община Канин" на 01.01.2012 насчитывало 13 100 голов оленей [17, Таблица 2]. В 2014 году эти показатели также практически не изменились [10].

Низшей единицей землепользования является оленеводческая бригада, за которой закреплены пастбища и маршруты кочевания. Количество семей, составляющих оленеводческую бригаду, обычно колеблется от 3 до 6. Причем такие показатели характерны для всего региона. Так, например, в состав СПК "Индига" (Тиманская тундра НАО) входят 5 бригад, в которых работает 29 оленеводов (3–4 семьи на одну бригаду) [11]. В состав СПК "Дружба народов" (северо–восточная часть Большеземельской тундры и о–в Вайгач) входят 6 бригад, в которых работает 38 оленеводов (4–5 семей на одну бригаду) [16]. Несмотря на реорганизацию отрасли, количественный состав стойбища по сравнению с началом XX века изменился очень мало: от 2–6 семей при частном оленеводстве до 3–6 при общинном или кооперативном, что продиктовано, прежде всего, нуждами самого оленеводческого хозяйства.

Более крупный социальный уровень составляют оленеводческие бригады, относящиеся к одному СПК или общине: выделенные регионы кочевания, частые переходы из бригады в бригаду, заключение браков внутри такой группы бригад, тяготение к нескольким поселкам на территории кочевания, куда часто уходят жить представители старшего поколения, все это создает условия для формирования относительно замкнутых групп оленеводов [12].

В конце XX – начале XXI веков по сравнению с первой четвертью XX века изменились принципы кооперации и формы взаимодействия оседлого и кочевого населения, при сохранении значимости таких экономических связей для региона в целом. В настоящее время на Европейском Севере России исчезла практика выпаса оленей, принадлежащих русскому оседлому населению, в составе стад кочевников. Развитие и доступность различных средств передвижения привело к исчезновению мотивации для содержания ездовых оленей.

Вместе с тем кооперация между оседлым и кочевым населением в отношении выпаса оленей сохраняется. Однако теперь это касается взаимодействия тундровиков и оседлых ненцев и коми. Жители поселков также могут владеть оленями, которые выпасаются в составе стад их родственников в тундре. При этом характер экономических взаимоотношений (наличие или отсутствие платы за выпас) между ними в каждом отдельном случае зависит от степени родства и других факторов [15].

В настоящее время оленеводство сохраняет товарное значение для местных оленеводов – доходы от продажи продукции оленеводства наряду с денежными поступлениями от заработной платы, различного рода пособий и от других источников, также имеет значение для формирования бюджета кочевых хозяйств.

Однако структура сбыта продукции оленеводства кочевниками достаточно сильно изменился. Среди основных видов сбываемой продукции можно отметить: 1. сбыт окостеневших рогов. Сбором рогов, сброшенных оленями, занимаются практически все кочевые хозяйства, после чего рога скупает СПК; 2. продажа пантов (молодых рогов оленя). Спиливанием пантов на полуострове занимается сравнительно небольшое количество хозяйств. Причина небольшой популярности реализации пантов заключается в том, что после спиливания есть вероятность того, что в рану попадет инфекция, что, в свою очередь, может привести к смерти оленя. Продаются панты также в СПК; 3. сбыт оленьих шкур оленеводами осуществляется лишь эпизодически оседлому населению притундровых деревень. Если в прошлом жители таких деревень закупали оленьи шкуры для изготовления одежды, то сейчас одежда практически повсеместно покупная, что сужает области применения такой продукции. В свою очередь СПК из-за ограниченности спроса также практически не закупает оленьи шкуры; 4. продажа оленьего мяса. Непосредственная реализация засоленного мяса оседлому населению также практикуется лишь эпизодически. Причина здесь заключается в том, что оленеводы предпочитают сдавать мясо личных оленей непосредственно в СПК во время общего забоя: закупочные цены на мясо относительно высокие и нет необходимости в заготовке и транспортировке продукции к месту сбыта [15].

Таким образом основным путем сбыта является сдача продукции в СПК "Оленеводческая община "Канин" или СПК "Восход", где работают оленеводы. В свою очередь продажа продукции в поселках, что являлось основным направлением сбыта в первой четверти XX века, существенно снизилась; структура сбыта в таких условиях продиктована спросом на отдельные виды продукции со стороны оленеводческих предприятий и общин: основными видами сбываемых товаров являются мясо и рога.

В начале XXI века на полуострове Канин, с учетом трансформации традиционных форм природопользования, о которых было сказано выше, определенные изменения претерпел и рыболовный промысел. В 1920-х годах товарным морским ловом рыбы занимались малооленные хозяйства, где оленеводство было подчинено нуждам других промыслов и имело транспортное значение. Организация колхозного и, позже, кооперативного оленеводства привела к исчезновению хозяйства, ориентированных на рыболовный промысел, а, следовательно, и к снижению значения товарного рыболовства для кочевых хозяйств региона. В 1990-х – 2000-х годах морское рыболовство практиковалось только оседлыми жителями притундровых поселков (Несь, Шойна и др.).

Вместе с тем до настоящего времени продолжает со-

храняться речной и озерный лов рыбы, который осуществляется попутно при перекочевках. Причем такой лов часто ведется не только для внутреннего потребления, но и для продажи продукции промысла. Заготавливают (солят) рыбу для продажи зимой, когда из-за близости к поселкам рыбу удобнее сбывать [1, Л. 16, 20 об., 21]. Однако с учетом наличия заработной платы, различного рода пособий, а также дохода, извлекаемого от продажи оленины, роль денежных поступлений от рыболовного промысла в структуре доходов кочевых семей оказывается незначительной.

Из орудий труда для лова рыбы сейчас используются только сети – различного рода ловушки уже вышли из употребления. Сам лов организационно имеет форму семейного (каждая семья осуществляет промысел самостоятельно) или родственного (несколько братьев сообща ловят рыбу и делят улов поровну между своими семьями) [15]. Т.е. снижение роли рыболовства в структуре экономики оленеводов привело к исчезновению сложных форм артельной кооперации между оседлыми и кочевыми хозяйствами региона и в организационном плане свело сам промысел к чисто семейному\родственному.

Охота на пушного зверя из-за снижения спроса на пушнину в регионе практически не ведется. В свою очередь охота на птицу на полуострове Канин сохраняет свое значение. Данные полевых исследований, проведенных в 2007 году среди кочевников полуострова, показали, что количество добытой птицы составило 19 штук в среднем на одного охотника в год [15]. Однако при сравнении этих данных с материалами первой четверти XX века обращает на себя внимание тот факт, что объем добычи птицы в настоящее время значительно уменьшился: в первой четверти XX века на одного охотника в год приходилось до 100 добытых птиц [13, С. 270–273]. Причина такого изменения показателей, на наш взгляд, заключается в том, что, в прошлом птицу добывали в основном средние и мелкооленные хозяйства, которым для самообеспечения было необходимо активно заниматься рыболовством и охотой. Сейчас основным занятием кочевников является оленеводство, от которого они извлекают денежный (заработная плата) и натуральный (продукция, получаемая от личного стада, выпасаемого в составе общественного) доход, из-за чего необходимость в активном ведении других промыслов снижается.

Любопытно, что информация, собранная в пос. Шойна (находится на западном побережье в средней части полуострова) в 2007 году показала, что поселковые охотники добывали большее количество птицы по сравнению с кочевниками – в среднем более 50 гусей на охотника [13, С. 274]. Среди способов охоты в настоящее время продолжает сохраняться как индивидуальный промысел птицы ружьем, так и коллективная охота, ко-

торая представляет собой небольшие облавы на линяющих птиц.

Таким образом в настоящее время облик экономики кочевников полуострова Канин в значительной степени изменился. Сосредоточение всей отрасли в рамках оленеводческих предприятий привело к формированию единого типа кочевого оленеводства на всем полуострове и сходства его основных характеристик. Специфика

кочевого экономики региона в настоящее время выражается прежде всего в преобладании оленеводства в структуре основных занятий и в значительном снижении роли других занятий в системе жизнеобеспечения населения региона. Кроме этого, полностью исчезает охота на пушного зверя, продукция которой в прошлом формировала значительный объем денежных поступлений кочевых хозяйств. Снижается и значение рыболовного промысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив кафедры этнографии и антропологии Исторического факультета СПбГУ. Северная экспедиция – 2007. Хапаев Д.В.
2. Государственный архив Ненецкого автономного округа (далее ГАНАО). Фонд 8, опись 1, дело № 13.
3. ГАНАО. Фонд 1, опись 1, дело № 79.
4. ГАНАО. Фонд 83, опись 1, дело № 40.
5. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 4.
6. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 24.
7. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 76.
8. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 76.
9. ГАНАО. Фонд 226, опись 1, дело № 11.
10. Движение поголовья оленей за 2014 год СХПК "НО "Канин". (Материалы оленеводческой общины "Канин").
11. Информационное письмо СПК "Инди́га" о количестве оленеводов на 01.07.2016.
12. Киселев С.Б. Кочевое оленеводство канинских ненцев: что изменилось за 80 лет? Сравнительный анализ систем хозяйства оленеводов полуострова Канин в 1920–е и 2000–е годы // Приполярная перепись 1926–27 на Европейском Севере. Архангельская губерния и автономная область Коми. СПб., 2010. С. 301–317.
13. Клоков К.Б. Роль охотничьего промысла в традиционном хозяйстве Европейского Севера в 1920–е годы // Приполярная перепись 1926–27 на Европейском Севере. Архангельская губерния и автономная область Коми. СПб., 2010. С. 237–283.
14. Муниципальное Образование "Канинский сельсовет" НАО. <http://www.znao.ru>
15. Полевые материалы автора. Полевые исследования на полуострове Канин (Ненецкий автономный округ). Июль 2007.
16. Полевые материалы автора. Полевые исследования в пос. Каратайка (Ненецкий автономный округ). Август 2012.
17. Постановление губернатора Ненецкого автономного округа № 41–пг от 13 мая 2015 года "Об утверждении схемы размещения, использования и охраны охотничьих угодий на территории Ненецкого автономного округа". Источник: <http://docs.cntd.ru/document/429000837>

© С.Б. Киселев, (stak0607@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

УГОЛОВНАЯ, ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА. ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ КОМПЛАЕНС В КОМПАНИИ

23 июля 2018

Конгресс-центр ГК "Космос", Москва

www.asergroup.ru
АСЭР
 ГРУПП

ГК Агентство Социально-Экономического Развития
 тел: (495) 971-5681
<http://www.asergroup.ru>

Реклама

Д.И. ИЛОВАЙСКИЙ В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

*Марченко Анна Георгиевна
Аспирант, Московский
областной государственный
университет, г. Москва*

D.I. ILOVAJSKIJ IN THE ESTIMATES OF SOVIET HISTORIANS IN THE SECOND HALF OF XX CENTURY

A. Marchenko

Annotation

The article reflects the influence of historical events, as well as class and political positions of the leading Soviet historians on their assessment of The concept of D. I. Ilovaisky in the domestic historiography of the second half of the Twentieth century. A comparative analysis of the study by various scientists of his socio-political and theoretical and methodological views. The dynamics in the development of the study of its concept is reflected. Features of studying of his works by them are revealed. Also formulated and identified the main points that distinguish it from other representatives of the noble and protective historical science.

Keywords: historiography, historical sources, official protection concept, historical science, historian, scientist.

Аннотация

В статье рассматривается и отражается влияние исторических событий, а также классовых и политических позиций ведущих советских историков на оценку ими концепции Д.И. Иловайского в отечественной историографии второй половины XXго века. Проводится сравнительный анализ изучения различными учёными его общественно-политических и теоретико-методологических взглядов. Отражена динамика в развитии изучения его концепции. Выявлены особенности изучения ими его трудов. Также сформулированы и выявлены основные моменты, отличающие его от иных представителей дворянско-охранительной исторической науки. Автор подробно изучает влияние политической ситуации на оценку концепции учёного.

Ключевые слова:

Историография, исторические источники, официально-охранительная концепция, историческая наука, историк, учёный.

"История – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого..." [3]. Изучение исторической науки не является простым любопытством, уходом в прошлое ради самого прошлого. Данная фраза великого русского историка говорит о том, что опыт истории должен исследоваться для осмысления событий современности и предвидения будущего. Однако, оценки исторических событий, выводы, сделанные на их основании, диктуются прежде всего теоретико-методологическими и философско-политическими позициями историков. Дореволюционная историческая наука России в конце XIX – начале XXвв. была полем борьбы различных идейных направлений и школ. Что определялось противоречиями общественного строя и социума того времени.

Известный академик А.М. Сахаров, выделял, что для анализа процесса утверждения новых концепций необходимо изучать не исследовательскую литературу, а учебную, которая наиболее точно отражает воздействие на общество [6, с.32]. В доказательство вышесказанного, учёный отмечал, что Д.И. Иловайский пытался подстроить теорию государственной школы к концепции дворянско-монархической историографии. А.М. Сахаров отмечал: "Тео-

рия Иловайского была призвана нейтрализовать идею объективной исторической закономерности" [7, с.164].

Советские историки изучали историческое наследие Г.В. Плеханова, Н.Е. Федосеева, которые были представителями марксистского направления, ведь с их именами было связано зарождение и распространение марксистского направления в отечественной историографии в 80-х – начале 90-х гг. XIXв. [11, с.17]. были произведены специальные монографические исследования об исторических воззрениях А.Н. Радищева, декабристов, революционеров-демократов [2, с.36], историка-демократа А.П. Щапова, революционных народников 70-х гг. XIX в. [10, с.43].

В числе малоизученных историографических направлений находились представители дворянской официально-охранительной исторической науки второй половины XIX – начала XX вв. Советскими учёными были даны лишь общие обзоры состояния и теоретических основ официально-охранительной историографии и давалась краткая характеристика деятельности её выдающихся представителей, в том числе и Д.И. Иловайского.

Колосова Э.В. в своей работе "Исторические воззрения и общественно-политические взгляды Д.И. Иловайского и Н.П. Барсукова" [7, с.12], указывает, что получая привилегии со стороны государственной власти, пользуясь постоянной политической и материальной поддержкой правящих кругов царской власти, они могли и влияли на развитие общественной мысли. Она отмечает, что Д.И. Иловайский своей научной деятельностью препятствовал возникновению и распространению передовых общественных идей. Э.В. Колосова отмечает также, что главной задачей Д.И. Иловайский видел выбор фактов, в решении вопроса, какие события можно пройти молча, а какие упомянуть слегка, на каких необходимо остановиться подробнее, как на события, которые более точно характеризуют эпоху [4, с.48].

Отрицательную оценку получила попытка Иловайского определить, в связи с задачами историографического изучения, социальную структуру общества, а также внутренний строй общественной жизни. В советской историографии отмечалось, что Иловайский в своих трудах делал упор на роль правителя в развитии страны. В своих учебниках он восхвалял монархическую форму правления, как истинно правильную. Что полностью соответствовало требованиям действующего правительства. Он всячески противостоял проникновению в школу демократических, либеральных и в особенности марксистских идей. Данная критика нашла своё отражение и на, издаваемой им газете "Кремль", где он утверждал, что учение К. Маркса не приемлемо и даже губительно для России.

Его осуждали за сознательное затушёвывание социальных моментов в религиозном движении. На примере борьбы старых церковных обрядов с русской государственностью, что объяснял свойствами национального русского характера. А победу православной церкви над раскольниками, признавал, как возвышение важности государственного значения православной церкви. С иронией отмечалось, что, хотя Д.И. Иловайский и считал представителей духовенства народными наставниками, совершенно иное мнение он высказывал о представителях католической церкви. Описывая властолюбивое стремление папства.

Отдельно выделялась позиция учёного в отношении национального вопроса. П.А. Зайончковский отмечал, что Д.И. Иловайский строго отстаивал национальный вопрос и на примере "петербургского общества", в том, что оно "охотно" отдавало командные высоты в промышленности, транспорте и торговле немцам, способствуя тем самым государственному разъединению. Он осуждал Иловайского, за признание действительными и практически универсальными средствами возрождения и укрепления русского государственного и общественного организма – еврейские погромы и разжигание национальной розни [1, с.135].

До 1983 года в советской историографии не было специальных исследований, которые бы рассматривали труды Д.И. Иловайского с историографической точки зрения, первым это сделал Фукс А.Н. В своей работе он выявил некоторые тенденции развития русской исторической мысли, была рассмотрена эволюция официально-охранительной концепции отечественной истории [8, с.45]. Он отмечает, что наиболее распространённой официально-охранительная концепция Д.И. Иловайского была в учебниках по русской истории для младшего звена. Где из 29 учебников, 21 содержали в себе дворянско-монархическую схему русской истории [9, с.26].

Советские историографы признавали несостоятельность теоретической схемы Иловайского, что было подтверждено кризисом помещичье-буржуазного строя царской России. Основным доказательством несостоятельности было то, что выдвинутая историком схема не могла объяснить революционной борьбы народа, а также полностью убирала её из истории.

Отмечалось, что в начале XXв. Иловайский перестал дополнять свою концепцию элементами буржуазной историографии. На протяжении сорока лет, учебники не изменялись и не дополнялись. Взгляды учёного не претерпели эволюции. Основной причиной было то, что сложившаяся политическая и социально-экономическая ситуация в стране полностью исключала возможности "совершенствования" дворянско-монархической концепции. В тот период бурно развивались капиталистические отношения, росла революционная борьба пролетариата, а официально-охранительная схема зашла в тупик, полностью изжив себя. На лицо была видна несостоятельность охранительной концепции исторического процесса, которую интерпретировал Д.И. Иловайский.

В.Е. Иллерицкий считал, что воззрения Иловайского на важность исторической науки являются архаичными и заимствованными у Карамзина [5, с.84]. Это суждение было связано с определением абсолюта субъективного момента в творчестве историка, всяческое отвержение объективности исторического познания.

"Краткие очерки русской истории" определялись в советской историографии как апология самодержавия. Изложение исторического материала по царствованиям и определение каждой главы по царствованию и княжению определённого правителя, признание сотворения истории исключительно личностями, а не народом – вызывало жёсткую критику со стороны советских учёных.

Отсутствие изучения экономических процессов, отсутствие экономической проблематики, основание исторического процесса только на политическом факторе считалось искажённым пониманием средневековой истории [9].

Таким образом можно сделать вывод, о том, что на следие Д.И. Иловайского позволило советским учёным сформировать ряд моментов, отличавших историка от других представителей дворянско-охранительной исторической науки конца XIX – начала XX вв. Его признавали преемником и продолжателем традиций дворянской официальной охранительной историографии предшествующего периода. Они отмечали, что поставленная задача диктовала определённый подход к отбору исторических фактов и источников. Награждение историка орденами, званиями, подарками, призами и наградами различных научных обществ, а также рекомендации их работ, советские учёные напрямую связывают с политической направленностью научно-общественной деятельности

Иловайского [11, с.18].

Источниковедческая ценность работ Д.И. Иловайского ограничивалась, по мнению советских историков, предвзятостью автора, так как источники получали ангажировку в соответствии с их идейно-политической позицией. В этом выявляли трудности, ставили под сомнение степень научной добросовестности.

Признавался факт обнародования Д.И. Иловайским новых источников, в том числе и архивных материалов из малодоступных того времени хранилищ и библиотек. Ведь это позволяло полнее и глубже изучать отдельные периоды русской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайончковский П.А. "Кризис Российского самодержавия в конце XX столетия". М.; – 1970. С. 135–136
2. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. М., – 1965г.
3. Ключевский В.О. <https://moiarussia.ru/luchshie-aforizmy-klyuchevskogo>
4. Колосова Э.В. исторические воззрения и общественно-политические взгляды Д.И. Иловайского и Н.П. Барсукова // МГУ им. Ломоносова. М.; – 1975 г
5. Очерки истории исторической науки в СССР. М.; 1960г., Т.П. с.84
6. Сахаров А.М. О некоторых вопросах историографических исследований. Вестник московского университета. №6, 1973г. С.32
7. Сахаров А.М. Историография истории СССР. М.; 1978г. С. 164
8. Фукс А.Н. Историографическое значение учебников и учебных пособий по русской истории для средних учебных заведений (90-е гг. XIX в. – 1917г.). М.; – 1983г.
9. Фукс А.Н. Школьные учебники по русской истории официально-охранительного направления исторической науки второй половины XIX – начала XXв. Вестник Московского государственного областного университета. №2. М.; 2009г. с.26
10. Цамутали А.Н. очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х гг. XIX в., Л., – 1964г.
11. Черных А.Г. "В.И. Ленин против плехановской концепции социалистической революции в России"// "История и историки", М.; – 1965.

© А.Г. Марченко, (89684905120@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Московский областной государственный университет, г. Москва

ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

DEPTH REASONS FOR THE DAMAGE OF RUSSIA IN THE RUSSIAN-JAPANESE WAR

*A. Moiseev
T. Moiseeva*

Annotation

The article deals with the relevance of studying the experience of the Russian–Japanese war that took place at the beginning of the XX century. The motives of the origin of the prerequisites for the initiation and conduct of hostilities are investigated. Determined by the characteristics of the parties in the preparation for war, the main directions and the deeper causes of Russia's defeat in the war with Japan in 1904–1905, the Role and place of the tsarist government and the Military of the Ministry of Finance and the current supply of the Russian army with everything necessary and management in the course of the war.

Keywords: The Russian–Japanese war, private mobilization, the army, the causes of defeat, the Japanese–Chinese war, Manchuria and Korea, the Simonosek world, the Portsmouth world, the Cool–Baikal railway, the mobilization of the economy, the military Department, the military management system, the system of trading, administrative and economic activities, the main artillery Directorate, the main intendant Directorate, The main military medical Directorate.

События позабытой, более чем столетней давности, "маленькой победоносной" (В. К. Плеве) как называли тогда и "позорной" как называют сейчас, русско-японской войны не дают покоя исследователям истории. Казалось бы, что все давно и так подробно изучено, разобрано пошагово и чуть ли не поминутно, каждое событие, роль каждого участника, проверены все гипотезы и источники, определены виновные и сделаны соответствующие выводы. Однако, рассматривая тот военный конфликт через призму времени, современных взглядов, рисков, посланий и доктрин лидеров ведущих стран мира, еще раз убеждаемся, что некоторым ключевым составляющим, таким как мобилизационная готовность, не отводилось должного внимания. За просчеты при подготовке перехода от мирного ко времени страна или коалиция стран платят многократную цену. К сожалению, в XX веке именно Россия и СССР как ее

Моисеев Андрей Николаевич
К.в.н., доцент, Зам. начальника,
филиал Военного учебно-научного центра
Военно-воздушных сил "Военно-воздушная
академия" им. профессора Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина, г. Сызрань
Моисеева Татьяна Алексеевна
Аспирант,
Ульяновский государственный
педагогический университет
им. И.Н. Ульянова

Аннотация

В статье говорится об актуальности изучения опыта прошедшей в начале XX века, Русско-японской войны. Исследуются мотивы возникновения предпосылок к развязыванию и ведению боевых действий. Определяются особенности сторон в подготовке к войне, основные направления и более глубокие причины поражения России в войне с Японией в 1904–1905 гг. Роль и место царского правительства и Военного министерства по финансированию и снабжению действующей Русской армии всем необходимым и управлению ею в ходе войны.

Ключевые слова:

Русско-японская война, частная мобилизация, действующая армия, причины поражения, Японо-китайская война, Манчжурия и Корея, Симоносекский мир, Портсмутский мир, Кругобайкальская железная дорога, мобилизация экономики, военное ведомство, система военного управления, система торгов, административно-хозяйственная деятельность, Главное артиллерийское управление, Главное интендантское управление, Главное военно-медицинское управление.

приемник, минимум трижды, по этой причине, заплатили самую высокую цену в войнах столетия, в особенности кровью и жизнями людей, потерей генофонда не родившихся поколений.

Но вернемся в исследуемый период. Осуществляя свои внешнеполитические замыслы, Япония в июле 1894 года без всякого предупреждения вероломно напала на слабый и беззащитный Китай. Разгромив в короткий срок китайскую армию и флот, перебросила свои войска в Корею, вторглась в Манчжурию и захватила Ляодунский полуостров, Пескадорские острова и остров Формозу (Тайвань) [1].

Российское правительство по причине болезни царя Александра III среагировало на вероломство Японии слишком поздно, лишь после подписания между Япони-

ей и Китаем Симоносекского мира, 17 апреля 1895 года. Как в прочем и другие заинтересованные в освоении Дальневосточного Китая страны, Германия, Франция и США. Всех их не устроили итоги данного мирного договора, позволяющие Японии в будущем стать конкурентной региональной и мировой сверхдержавой. Каждая из упомянутых стран, стремилась к своей выгоде, и наспех "скооперировавшись", стали требовать от Японии пересмотра результатов Симоносекского мира [2].

Ультиматум возымел свое действие. Набирающая силу Япония все еще чувствовала себя слабой перед коалицией европейских держав и вынуждено удовлетворилась захватом Формозы, Пескадорских островов и получением контрибуции в повышенном по сравнению с договором размере. Что касается Кореи, то она была отторгнута от Китая как независимая страна.

Вмешательство России, Франции и Германии в итоги Симоносекского мира между Китаем и Японией, выставило последнюю в роли кота, у которого изо рта отобрали пойманную мышь. По мнению Японского правительства, основным виновником данного "мероприятия", являлась Россия, так как она имела свои Дальневосточные владения в непосредственной близости к Манчжурии и Корее и желала их расширения. Но отказываться от своих притязаний на облюбованные земли, Япония не собиралась, а, наоборот, с 1896 года, стала решительно готовиться к войне с Россией, дабы реализовать свои планы по захвату Кореи и отторжению Манчжурии от Китая [3].

Японо-китайская война пробудила захватнические аппетиты ведущих стран Европы, которые открыто стали на путь раздела слабого Китая. Под видом аренды и концессий сначала Германия, а затем Россия, Англия и Франция приобретают отдельные территории Китая. Так, в 1897 году германия захватывает Циндао, в следующем, 1898 году англичане оказываются хозяевами китайской гавани Вэйхайвей, а Франция получает гавань Гуанчжоувань, юго-западнее Кантона.

В этот же период, в 1897 году, правительство царской России, правда не без помощи Франции, предоставило Китаю заем и заключило с ним договор на постройку через территорию Манчжурии Китайско-Восточной железной дороги. А в 1898 году, Россия получила от Китая в длительную аренду сроком на 25 лет, южную часть Ляодунского полуострова, так называемую Квантунскую область с городом Порт-Артур.

Европейские державы Германия, Франция и Англия, не взирая, на факт приобретения упомянутых гаваней в свое подчинение, прекрасно понимали дальнейшую более выигрышную перспективу России, с ее "ползучим" воцарением в Манчжурии, а возможно и в Корее [4].

Удаленность от этого региона Европейских держав, требовала от них колоссальных финансовых, экономических и военных вложений, чтобы противостоять России. Исходя из создавшегося положения, они выбрали путь всяческой поддержки Японии в военном отношении и в первую очередь перевооружение ее армии и флота. Конечной целью данного проекта, явилось "выращивание" достаточно сильного, лояльного себе и непримиримого России противника в Манчжурии и Корее. В последующем, к этой негласной коалиции, враждебно настроенных держав в отношении России, присоединились и США [4].

В свою очередь, российское царское правительство попыталось закрепиться в Китае, оставив после подавления "восстания ихэтуаней" (известного еще как "боксерское восстание") свои войска в Манчжурии. Естественным образом такое положение вызвало протест со стороны Японии, Германии, Англии и США, нежелающих усиления России на Дальнем Востоке. Особенно противилась Япония, которая 17 января 1902 года добилась подписания англо-японского союзного договора, между строк которого фактически содержалась закамуфлированная договоренность о военной помощи Англии Японии в будущей войне с Россией. Одновременно Японии удалось получить финансовую поддержку США.

В политике России, прослеживалась нерешительность царя Николая II и правительства в построении стратегических планов в данном регионе. Государь в силу своей молодости и не опытности, одновременно, не желал войны с Японией и потери российского влияния в Манчжурии и Корее. Он лишь хотел сохранить там русские интересы и не допустить оккупации Кореи японцами. Не предпринималось при этом, и ни каких действий по исключению утечки информации на всех уровнях. В том числе и от самого Николая II, который в беседе со своим "германским родственником", рассказал о своем отношении к создававшемуся конфликту интересов с Японией. "Я не хочу брать себе Корею, – писал император еще в 1901 году принцу Генриху Прусскому, но не коем образом не могу допустить, чтобы японцы там прочно обосновались. Это было бы casus belli. Столкновение неизбежно, но надеюсь, что оно произойдет не ранее, чем через четыре года – тогда у нас будет преобладание на море. Это наш основной интерес. Сибирская железная дорога будет закончена через 5–6 лет" [5].

Российское общество в основном безразлично и в отдельных случаях резко отрицательно, относилось к возможной войне России с Японией. Считая ее захватнической и развязываемой в интересах небольшой, как сказали бы теперь, "кучки олигархов", так называемой "безобразовской клики", состоящей из доверенных лиц царя и влиятельных лиц правящей династии [6, с. 272].

Царское правительство, как и сам Николай II, в угрожаемый период развития предвоенных событий, начиная с 1901 года, не предприняло ни каких мер по повышению патриотического настроения населения, некоторые слабые попытки натыкались на стену непонимания Российского общества, одурманенного либералами. Первые и последующие неудачи действующей армии на Дальнем Востоке, были восприняты или равнодушно, или с нескрываемой радостью и моральной поддержкой врага, в целях низвержения царской династии Романовых, почти всеми слоями российской общественности [7].

Двадцатый век, с его бурным началом развития индустриализации экономик ведущих стран мира, стал предъявлять повышенные требования к военному искусству. Теория войны предопределила необходимость тотального напряжения всех сил и средств воюющих государств, полной мобилизации экономики и общества и постановки их на всецелое удовлетворение потребностей безжалостной войны.

Известно, что большая часть успеха военной компании зависит от скоротечности организации и проведения мобилизации и качественного и своевременного сосредоточения армии к театру военных действий. Россия не имела значительных воинских контингентов в регионе Дальнего Востока и Сибири, а осуществить своевременную подвозку войск на войну за 10000 верст не было технической возможности. Железная дорога не соответствовала требованиям военного времени.

Транссибирская железнодорожная магистраль (Транссиб) начала строиться в 1891 году при Александре III, и к 1904 году еще не закончена. В этот же промежуток времени, в спешном порядке приступили к прокладке южной ветки Транссиба Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая явилась единственной транспортной артерией, связывающей Россию и Маньчжурию. Рельсовый путь еще одной Кругобайкальской части Транссиба, по которому осуществлялся подвоз войск и грузов, прерывался Байкалом, и переправа через него отнимала много времени. Кроме того, на станциях не было платформ, запасных путей, достаточного количества подвижного состава.

К тому же, порядок, состав перемещаемых и развертываемых частей, графики перемещения второочередных формирований и многие другие секретные сведения попадали к противнику из неконтролируемой российской печати. Примером тому служат данные размещенные в военной газете "Русский инвалид" [13]. Отсутствие должного контроля за утечкой секретных сведений из Военного министерства способствовало успехам японской разведки, проводившей анализ информации из различных источников. Еще до начала военных действий наводнившей Дальний Восток, включая Приамурье и

Забайкалье, всю территорию Кореи, Маньчжурии своими агентами, работавшими под видом торговцев, парикмахеров, прачек, содержателей гостиниц, публичных домов и т.д. Развернуты были японские шпионские сети в Санкт-Петербурге, Одессе, в Прибалтике и других крупных городах Российской империи.

Российская же разведывательная и контрразведывательная службы не смогли оказать должного противодействия противнику по ряду причин. Прежде всего, из-за беспечного преуменьшения сил противника, чему способствовало отсутствие квалифицированных кадровых разведчиков, переводчиков, достаточно хорошо владеющих японским языком и соответственно, подготовленной тайной агентурой с опорой на местное население, условия и источники. Военный атташе и другие члены русского посольства в Японии полностью находились под контролем японских спецслужб. Передаваемая через подобные каналы информация естественно соответствовала настроениям руководства российской армии, полагавшейся на силу духа русского солдата и его умение бить противника. Своевременно поданная дезинформация о предполагаемой численности японской армии к началу войны, не позволила России заблаговременно перебросить на Дальний Восток дополнительные вооруженные силы.

В XIX веке разведывательная служба России ни в чем не уступала своим зарубежным конкурентам. Однако с началом XX века наступила эпоха бурного развития военной и другой техники, сформировалась теория тотальной войны. Значительно возросла роль агентурной разведки, в разы увеличилось число объектов и способов ее ведения. Перед войной разведслужба России не успела, своевременно перестроится к современным требованиям и значительно проигрывала Японской, в том числе и из-за недофинансирования. Главному штабу Российской армии до войны с Японией на разведку, ежегодно выделялась сумма в 56950 рублей в год, в то время как Япония, готовясь к войне с Россией, затратила на подготовку тайной агентуры около 12 миллионов рублей золотом [13].

С началом войны руководство разведкой перешло к командованию действующей армии, но ему не удалось наладить взаимосвязь разведывательных органов с войсковыми частями.

Тактическая подготовка Российской армии находилась на низком уровне. Маневры отличались надуманностью, схематичностью и полной оторванностью от реальной действительности. Слабо отрабатывалось взаимодействие трех основных родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии. Тактические учения проводились по устаревшим шаблонам. Армия Российской империи имела в своей организации феодальный оттенок, еще

сохранилось особое пристрастие к шагистике и парадмам. Недостаточное внимание уделялось огневой подготовке войск, преувеличивалось значение штыковой атаки. Превалировали лозунги: "Пуля – дура, штык – молодец", "Навались миром, хотя бы и с дубинами, и всякий враг будет сокрушен" [13].

Негативное влияние на работу Военного министерства оказывала "оккупация" кабинетов управлений более чем престарелыми генералами, которые освобождали руководящие должности только лишь в случае смерти от старости [10]. К тому же, административное руководство армией, на тот период времени не имело централизованной вертикали власти и управлялось высокопоставленными "назначенцами" из рядов знати и династической семьи. В основе своей, не имеющих ни военных, ни организаторских заслуг, ни способностей, кроме титулов, наград и званий. Взаимодействие военного министерства с другими министерствами, построенными по тем же принципам и укомплектованными такими же "деятелями", носило эпизодический характер, да и большей частью светский, нежели деловой. Отсутствие четкой определенности во взаимоотношениях главных, военнорядовых и строевых управлений, вело к децентрализации и сепаратизму в войсках и обществе [6]. Устаревшая и отставшая от ведущих стран, система военного управления функционировала плохо. С началом военных действий не была проведена тотальная мобилизация экономики, отсутствовали чрезвычайные координационные органы военного времени.

Основным источником комплектования действующей армии во время Русско-японской войны стала мобилизация запасных чинов. Проводилась она путем девяти частных мобилизаций, выборочно по местностям. Данная система, разработанная теоретиками Главного штаба в конце XIX века, была применена впервые, оказалась малоэффективной, и повлекла за собой массу негативных последствий. Во-первых, в войска попало множество запасников старших возрастов, от 35 до 39 лет, давно утративших боевые навыки и знакомых с новым оружием, в частности с винтовкой образца 1891 года, так называемой "трехлинейкой" [11], они были физически слабыми, не обученными и не дисциплинированными. Во-вторых, основная масса мобилизованных из запаса шла на войну без всякого желанья. С началом боевых действий увеличилось число уклонистов. А в неохваченных мобилизацией уездах, оставались по домам молодые и здоровые парни, совсем недавно закончившие действительную службу. По неподтвержденным данным, одной из причин некачественного и путанного от мобилизации и отправки на фронт мобресурсов, являлась скрытая вражда военного министра В.В. Сахарова и главнокомандующего А.Н. Куропаткина. В-третьих, на фоне частных мобилизаций, стихийно возникали массовые беспорядки в стране, устраиваемые мобилизуемы-

ми запасниками, их родственниками и сочувствующими. В-четвертых, увеличилось количество случаев членоредительства, которое, в отдельных местностях достигло 12–13 % от числа призываемых на фронт [11].

Несмотря на явные недостатки, система комплектования действовала вплоть до конца Русско-японской войны. Всего за период войны было призвано из запаса 1045909 нижних чинов. На первом этапе мобилизация осуществлялась из корпусов Сибирского военного округа (СибВО) и Приамурского военного округа, до 100 тысяч человек, с учетом достаточно быстрой их переброски на театр военных действий (ТВД). В последующем планировалось пополнять армию из внутренних российских корпусов. Необходимо отметить то, что на фоне частных мобилизаций, в этом регионе была проведена всеобщая мобилизация, которая составила в сумме с ратниками государственного ополчения и новобранцами – от 230 до 240 тыс. человек [12].

Для переподготовки призываемых из запаса нижних чинов, формировались учебные батальоны, как правило, в местностях, ближайших к театру военных действий. С началом Русско-японской войны в наместничестве Сибирском и Сибирском военном округе были сформированы 19 учебных батальонов, но этого количества было не достаточно для качественной подготовки мобилизуемых. В связи с настойчивыми просьбами и требованиями А.Н. Куропаткина в Харбине, к середине 1904 года сформированы еще 6 запасных, учебных батальонов, но и этого количества тоже не хватало [13].

В тоже время, ограниченное расширение штатов учебных батальонов, привело к утрате запасными батальонами статуса учебных. Они превратились в тыловое формирование или запасные "депо", где солдаты только снабжались обмундированием, вооружением и снаряжением, а оставались не переподготовленными и не обученными к ведению современной войны в специфических условиях. Данная безалаберность и пренебрежение к русскому солдату, привели к серьезным поражениям практически во всех сражениях Русско-японской войны. Только к декабрю 1904 года, после сдачи Порт-Артура в Европейской России сформировали 100 запасных батальонов, но данное несвоевременное решение не принесло качественных перемен, к тому же, разработанная главным штабом система переподготовки, была далеко не совершенна. Она базировалась на старых методиках и примитивных программах обучения, не учитывала опыт и недостатки начала боевых действий в Русско-японской войне [13].

Параллельно с комплектованием действующей армии рядовыми обнаружилась проблема и с призывом офицерского состава. Причиной явился недостаточный выпуск из военных и юнкерских училищ, а также уклоне-

ние части офицеров от участия в войне различными способами: переход на нестроевые должности, оформление различных отсрочек, неявок на призывные пункты под разнообразными предлогами, в том числе использовались и коррупционные, например, по ходатайствам государственных учреждений, комитета Красного Креста. По этим и другим причинам, план по мобилизации офицерских чинов запаса пехоты удалось выполнить лишь только на 60%. Несмотря на принимаемые Главным штабом меры некомплект данной категории военнослужащих наблюдался до самого окончания войны [14]. Постоянные же запросы главнокомандующего А.Н. Куропаткина к военному министру, в том числе и накануне сражений под Ляояном, Мукденем и на реке Шахэ, натывались на стену преступного непонимания и мнимых обещаний с их стороны. А незначительные командированные на Дальний Восток офицеры зачастую были не пригодны к службе вследствие нравственного ценза (неизлечимые алкоголики, впавшие в нищенство) и т. д. они не доезжали до своих частей предназначения, спивались по пути, устраивали кутежи и дебоши, попадали под уголовную ответственность.

Не малый вред принесли так называемые "воскресшие покойники", резко заболевшие генералы и штаб-офицеры, отправленные на излечение в Европейскую часть России, которые после по окончании войны выздоровели и стали возвращаться на свои должности после подписания Портсмутского договора. А в период войны их обязанности временно исполняли другие офицеры, но на должности небыли назначены, так как они не являлись вакантными [14].

Остро стояла проблема некомплекта медицинских чинов различных категорий: врачей, фармацевтов, фельдшеров, сестер и санитаров, как в войсках, так и в самом Главном военно-медицинском управлении, к которому относилась общая организация медицинского дела в армии, в том числе кадровые и снабженческие вопросы. Дефицит медицинских специалистов спровоцировала неэффективная организация системы обучения и распределения Военно-медицинской академией. Деление студентов на "казеннокоштных" и "своекоштных", с последующим целенаправленным или свободным выпуском по окончании академии, влекло за собой нежелание "своекоштных" выпускников идти служить в армию, а тем более ехать на войну. Кроме этого, студенты Военно-медицинской академии отличались политической неблагонадежностью и повышенной революционностью, постоянно бастовали и принимали активное участие в первой русской революции. Врачи под любыми предлогами не желали отправляться на Русско-японскую войну. Отправленные студенты в качестве помощников врачей и санитаров, до 60 % возвращались обратно, используя любой повод и причину, а эффективность оставшихся, была весьма низкой.

Главное военно-медицинское управление не особо себя утруждало решением проблем качественного комплектования медицинскими специалистами подразделений и частей действующей армии. Оно еще в самом начале войны отказалось от услуг иностранных врачей, желающих поступить добровольцами в русскую армию. При укомплектовании воинских частей врачами, призванными из запаса, управление осуществляло распределение специалистов разных профилей: психиатров, гигиенистов, акушеров, педиатров и так далее, по госпиталям, лазаретам и полкам без учета специальности, руководствуясь только мобилизационными нарядами. Назначение на руководящие медицинские должности в действующей армии, носило аналогичный характер халатности и безалаберности. В связи с этим, часто на большинстве ответственных постов оказывались лица, не имеющие ни какого отношения к медицине. Из-за недостатка, а порой и непрофессионализма врачебного персонала на призывных пунктах медосмотр имел формальный характер работы врачей. Врачебная комиссия осматривала только тех, кто заявлял о своей болезни. Для военных медиков призываемые солдаты все без исключения были симулянты и лодыри, зачастую даже совсем больные люди редко освобождались от призыва [18]. Фиксировались случаи призыва лиц с явными физическими недостатками, как то отсутствие глаза, или ноги, руки. В отдельных местностях негодность призываемых по состоянию здоровья или иным причинам, превышала 50 %.

Обеспечение действующей армии медицинским имуществом находилось не в столь плачевном состоянии. Однако в работе Главного военно-медицинского управления царил суматоха, горячка при выполнении указаний командования, непонимание масштабов, характера и потребностей войны, наблюдался недостаток ассигнований.

Снабжение армии провиантским, фуражным, вещевым, денежным довольствием, которые находились в ведении Главного интендантского управления, пополнило список проблем, т. к. в рассматриваемый исторический период, высшими военными ведомствами России признавалось второстепенным по сравнению с вооружением и боеприпасами. В связи с этим, на интендантство постоянно выделялось меньше средств, чем требовалось. Неприкосновенные запасы данного вида довольствия были подготовлены только по количеству солдат, призываемых по мобилизации, а чрезвычайные, предназначенные для пополнения недостающих номенклатур интендантского перечня, на случай утраты и порчи, отсутствовали. На протяжении длительного времени, с момента окончания войны 1877–1878 гг., в армии России не производились заготовки впрок комплектов белья и теплых вещей [17]. Плачевной была организация обозного хозяйства и различных средств обеспечения.

Транспортные средства для перевозки больных и раненых устарели по конструкции и были непригодны для климатических и рельефных условий Манчжурии. К началу Русско-японской войны, войска России в Манчжурии имели запасы продовольствия, в расчете на 8–9 месяцев, причем на то количество личного состава, которое соответствовало началу боевых действий, что составляло менее ста тысяч человек [15]. Должная оценка будущего театра военных действий не была проведена. В результате остались неудовлетворенными потребности действующей армии в одежде, обуви, белье, пищевых продуктах, непромокаемых вещах и так далее. Усугублялось положение дел отсутствием, хоть какого то, предварительного плана по организации снабжения войск в ходе ведения войны на Дальнем Востоке. Из-за этого, складывалась неразбериха, сумбур и сумятица в действиях интендантских служб по снабжению воюющих войск.

По этим же причинам в самом начале войны возник острый дефицит снарядов и патронов, не удалось и вовремя перевооружить полевую артиллерию новыми образцами пушек, гаубиц и боеприпасами к ним [20]. Не лучше ситуация складывалась и в Военно-Морском Флоте, Он был ослаблен распылением, связанным с необходимостью защиты Порт-Артура, Владивостока и Сахалина. Помимо этого, Порт-Артур не имел судоремонтных заводов, доков и складов с необходимыми запасами, в связи с этим, при серьезном ущербе нескольких кораблей, русская Тихоокеанская эскадра должна была надолго утратить возможность вести активные боевые действия на море, что и произошло в ходе начала и развития войны [8].

Повсеместная неготовность военно-промышленного комплекса России к выполнению усиленных заказов военного назначения в условиях ведения войны складывалась из-за ограниченных технических возможностей заводов, их слабой материально-технической базы и революционных забастовок рабочих. Попытки выправить ситуацию с помощью срочных закупок за границей недостающего вооружения и боеприпасов к нему не возымели должного действия, а изъятие Главным артиллерийским управлением номенклатуры военного потребления из неприкосновенных запасов западных военных округов, сказалось в свою очередь на их мобилизационной готовности. В этих условиях, Россия оказалась безоруженной на своих западных и азиатских границах [19].

Помимо вооружения, не были так же запасены перед войной в достаточном количестве средства сообщения и связи: полевые железные дороги, имущество воздухоплавательных батальонов, телеграфы, телефоны, не хватало шансового инструмента. К тому же, многое имущество инженерной номенклатуры, просто не произво-

дилось в стране, и его, так же как и вооружение, приходилось закупать за границей. Главным образом телефонные, телеграфные и электроосветительные аппараты, электрические кабели и проводники, всевозможные электроприборы, кабели и тросы для мин. Пагубной оказалась для войск, внедренная система обеспечения всем необходимым, путем закупок товаров военного потребления с торгов в самой России [19]. Целесообразность данной системы определялась экономией финансовых средств, так как во время проведения торгов, предпочтение отдавалось фирме и, или предпринимателю (купцу), предлагавшим минимальную цену закупок необходимого товара. Однако, организация торгов (как и в армии современных Вооруженных сил Российской Федерации, внедренной экс-министром обороны А. Сердюковым) занимала сроки по времени не менее 1,5–2 месяцев, которые явились абсолютно неприемлемыми в условиях военного времени.

Анализ показывает, что заведомый проигрыш России в войне с Японией был заложен не только в перечисленных ранее причинах, но и во многих других аспектах. Одним из них был, низкий бюджет финансирования военного ведомства, длящийся на протяжении почти тридцати лет с момента окончания войны 1877–1878 гг. А с 90-х годов XIX века еще более урезанный по инициативе министра финансов С.Ю. Витте. Недостаток финансирования сказывался на качестве снабжения русской армии, развитии военной техники, вооружения, разведки и т. п., а также на пропитании, обмундировании и денежном довольствии солдат и офицеров [9]. Кроме упомянутого выше масона С.Ю. Витте, стремившегося к развалу и Российской армии, добавлялись "старания" его многочисленных "подельников", внедрявших в народ мысль о чрезмерном финансировании военного ведомства, методами словесной, печатной и наглядной агитации. Недостаток финансов в мирное время правительство пыталось наверстать с началом и в ходе ведения боевых действий, но время уже было упущено.

Вышеизложенный анализ причин и факторов, оказавших влияние на ход и проигрышный исход в Русско-японской войне в отношении России, позволяет сделать следующие выводы:

1. Император Николай II недооценил силы и намерения противников России в данном Дальневосточном регионе. Под влиянием советников царя взвешенный курс сменяется нетерпеливым стремлением закрепиться на дальних рубежах (в Порт-Артуре, Корею) в ущерб укреплению тылов (российского Приморья). За пять лет аренды Квантунской области было сделано немало – протянута из России ветка железной дороги, созданы современные порты – Дальний и Порт-Артур, в которых базировался Тихоокеанский флот. Но это могущество оставалось достаточно призрачным из-за крайней удаленности от основных центров. Незрелость российского

Дальнего Востока, его слабая связь с европейской частью страны по причине низкой пропускной способности Сибирской железнодорожной ветки ограничивали военные возможности России в этом регионе. Японцы максимально использовали отпущенное им время для подготовки армии и флота, не только в техническом, но и в морально-психологическом плане.

Японские воины были хорошо вооружены, дисциплинированы, храбры, агрессивны и нацелены на победу. Японцы подготовились к войне быстрее русских. Так, российская программа наращивания флота на Тихом океане отставала от японской более чем на год. Тем не менее, из-за разницы экономических потенциалов (Япония в то время была в целом слабее России) японские вооруженные силы могли достичь успеха, прежде всего, в кратковременной, а не в затяжной войне. Царь и его окружение не верили в способность Японии в одиночку напасть на Россию. Они предполагали, что японцы будут искать себе союзников в Европе. Таким образом, первоначальная концепция этой войны строилась на отражении двойного удара с запада и востока. Российское командование считало главным театром военных действий – западный, а восточный – второстепенным.

Разгром российского флота позволял японской стороне организовать быструю десантную операцию и нанести русским поражение на суше до подхода к ним подкреплений. Царским правительством не был учтен факт того, что судьба первого этапа кампании решалась на море.

2. Российское общество в основном безразлично и в отдельных случаях резко отрицательно, относилось к войне России с Японией. Царское правительство, как и сам Николай II не предпринимало ни каких мер по повышению патриотического настроения населения накануне вступления России в войну с Японией.

3. Новая теория войны предопределяла необходимость тотального напряжения всех сил и средств воюющих государств, полной мобилизации экономики и общества и постановки их на всецелое удовлетворение потребностей безжалостной войны. Ни царь, ни его правительство, не учитывали того, что война влечет за собой необходимость мобилизации всего народного хозяйства, мобилизации населения, промышленности, сельского хозяйства, путей сообщения, финансов и принятия других мер для кропотливого продвижения к Победе в войне. В таких условиях резко возрастала роль управленческого аппарата Военного министерства, и теперь оно должно было работать в плотном, непосредственном контакте с другими частями государственного механизма. Но в России оно оставалось по-прежнему "одним из многих" и действовало само по себе, практически без помощи других государственных учреждений.

4. Из-за недальновидности правительства и стараниями агентов влияния (вроде С.Ю. Витте) в конце XIX века резко сократились военные расходы, в результате чего военное ведомство довольствовалось нищенским бюджетом, повлекшим за собой чрезмерную централизацию в расходовании средств. Отсутствие четкой регламентации во взаимоотношениях ее центральных и местных органов вело к пагубной в условиях войны децентрализации в управлении, медлительности и неповоротливости аппарата.

5. Непродуманная система частных мобилизаций привела к тому, что действующая армия оказалась, укомплектована наихудшим из возможных контингентов солдат. Отсутствие необходимого количества учебных частей, прямым виновником которого был Главный штаб, привело к тому, что запасные солдаты попадали в действующую армию без необходимой переподготовки. Военное министерство не смогло справиться с некомплектом офицерского состава и медицинских кадров, допускало грубые ошибки при решении организационных вопросов.

6. Недостаточное финансирование и плохая организация военной разведки повлекли за собой абсолютную неготовность к войне. Кроме того, пришлось лихорадочно менять все планы и расчеты Военного министерства. Из-за дезорганизации в работе военной цензуры она не сумела предотвратить проникновение секретной информации на страницы печати, что создало на редкость выгодные условия для работы вражеской агентуры, а неэффективность нашей контрразведки обеспечила ей почти полную безнаказанность.

7. Армия, находясь в прямой зависимости от поставок оружия, боеприпасов и снаряжения из Европейской России, не получала оперативно того, что требовалось для успешного ведения боевых действий.

Наиболее тяжелая ситуация сложилась в сфере снабжения войск обмундированием, снаряжением и продовольствием, что объяснялось недопониманием значения интендантства со стороны руководства Военного министерства и финансированием его по "остаточному" принципу. Даже в условиях военного времени интендантству приходилось закупать почти все с торгов по "наидешевейшей" цене, что привело к неимоверному затягиванию сроков поставок и низкому качеству предметов интендантского довольствия.

Таким образом, Военное министерство в период Русско-японской войны не сумело оперативно и эффективно, полностью и своевременно обеспечить потребности действующей армии, поскольку для обеспечения эффективности ее действий были необходимы:

а) достаточное и заблаговременное финансирование, четкое понимание условий и потребностей войны

еще до ее начала; своевременное проведение подготовительных мероприятий;

б) рациональная организация управленческой структуры, быстрая перестройка самого Военного министерства и методов его работы в условиях войны;

в) тесные связи и взаимопомощь с другими государственными учреждениями, поддержка общественного мнения и патриотический подъем населения.

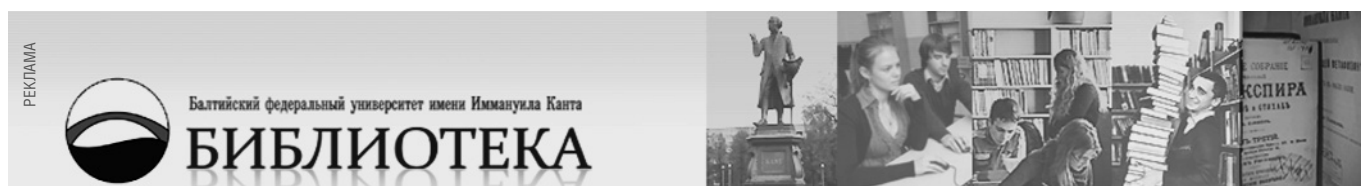
Ничего этого в описываемый период сделано не было.

Работа управленческого аппарата Военного министерства во время войны самым непосредственным образом влияла на состояние действующей армии и явилась хотя не единственной, но одной из важнейших причин поражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая история России [Электронный ресурс]: Русско-японская война 1904–1905 гг. Кратко. URL: <http://historykratko.com/russko-yaponskaya-voyna-1904-1905-kratko> (дата обращения: 10.04.2018).
2. Николай II последний русский император [Электронный ресурс]: Русско-японская война (1904–1905). URL: <http://nikolai2.ru/russko-yaponskaya-voyna-1904-1905-gg.html> (дата обращения: 20.03.2018).
3. Военное обозрение: электрон. версия журн. Начало Русско-японской войны. Часть 4. Планы русского и японского командования. URL: <https://topwar.ru/40154-nachalo-russko-yaponskoj-voyny-chast-4-plany-russkogo-i-yaponskogo-komandovaniya.html> (дата обращения: 5.04.2018).
4. Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море // Русско-японская война. ? М.: Изд-во Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica 2003.
5. Император Николай II – принцу Генриху Прусскому // ГАРФ. Ф.601. Оп. 1.
6. Писчикова Н.П. Финансовая помощь России и Японии со стороны США в 1904–1905 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – № 43–1. Т.17. 2007. С. 272.
7. Военная энциклопедия. Армии и солдаты. Предпосылки Русско-японской войны 1904–1905 гг. URL: <http://armedman.ru/voennye-kampanii/1900-1918-voennye-kampanii/predposylki-russko-yaponskoj-voyny-1904-1905-gg.html> (дата обращения: 15.04.2018).
8. Информационный портал фонда "Русский мир". Невыученный урок Русско-японской войны. – Фонд "Русский мир". URL: <https://russkiymir.ru/publications> (дата обращения: 21.03.2018).
9. Апушкин В.А. Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. ? СПб.: Изд-во С.–Петербург. ун-та, 2005.
10. Русская историческая библиотека: История России. Русско-японская война – соотношение сил сторон. URL: <http://rushist.com/index.php/russia/3730-russko-yaponskaya-voyna-sootnoshenie-sil-storon> (дата обращения: 1.03.2018).
11. Русско-японская война. Причины: экономика, стратегия и дипломатия. URL: <http://www.lessons-of-war.ru> (дата обращения: 25.02.2018).
12. РГВИА по истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Переписка управления начальника военных сообщений Манчжурской армии с комендантами и начальниками этапов о состоянии запасов продовольствия и фуража. Ф.487. Оп.1. Д.153.
13. Доклады Управления главного полевого интенданта Манчжурской армии о снабжении войск продовольствием и фуражом. Ф.487. Оп.1. Д.192.
14. Ведомость солдат запаса, призванных на действительную службу во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Ф.487. Оп.1. Д.52. Л.1–11.
15. Обозник. История тыла Российской армии [Электронный ресурс]: Вещевое обеспечение войск в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. URL: <http://www.oboznik.ru> (дата обращения: 6.03.2018).
16. Условия тылового обеспечения войск перед и в начале Русско-японской войны 1904–1905 гг. URL: <http://www.oboznik.ru> (дата обращения: 6.03.2018).
17. Финансирование русской армии перед и в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. URL: <http://www.oboznik.ru> (дата обращения: 11.03.2018).
18. Обозник. История тыла Российской армии [Электронный ресурс]: Медицинское обеспечение русской армии в Русско-японскую войну. URL: <http://www.oboznik.ru> (дата обращения: 6.03.2018).
19. Тиванов В.В. Денежные капиталы в русской армии. М.: Воениздат, 1996.
20. Победоносцев Ю. Гибель империи. Тайные страницы большой геополитики (1830–1918 гг.). М.: АСТ: Астрель, 2010.

© А.Н. Моисеев, Т.А. Моисеева, (vertolet_k27tb@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТОРГОВЛЕЙ В СССР В 1950-60-е ГОДЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

ATTEMPTS TO REFORM TRAFFIC MANAGEMENT IN THE USSR IN 1950-60s AND THEIR CONSEQUENCES

I. Moroz

Annotation

In the article on the basis of archival data the author formulated the main problems of trade management in the 1950s and 1960s. The reasons for reforming the bodies, guiding trade in the country and on the periphery are singled out. Particular attention is paid to the consequences of reform attempts in the structure of trade management and their results.

Keywords: trade, management, ministry, state and cooperative trade, reform.

Мороз Ирина Анатольевна

Преподаватель,

*Брянский филиал Российского
экономического университета
им. Г.В. Плеханова*

Аннотация

В статье на основе архивных данных автором сформулированы основные проблемы управления торговлей в 1950–60е годы. Выделены причины реформирования органов, руководящих торговлей в стране и на местах. Особое внимание обращено на последствия попыток реформ в структуре управления торговлей и их результаты.

Ключевые слова:

Торговля, управление, министерство, государственная и кооперативная торговля, реформа.

Вопросы управления всегда находились в центре внимания советской и российской науки. Но основной акцент при рассмотрении управленческих проблем делался на организационных и финансовых вопросах. В данной статье автор предпринимает попытку проанализировать исторические аспекты осуществления реформ управления в сфере торговли в 50–60е годы XX века. Поэтому целью работы является анализ полномочий действовавших и новых органов управления торговлей в стране, а также последствий, к которым привели осуществляемые мероприятия.

К началу 1950х годов в управлении торговлей существовала усложненная структура со множеством излишних звеньев, действовало большое количество систем, различного рода управлений, торгов, трестов, отделений и других органов. Все эти многочисленные торговые организации часто дублировали друг друга, порождая безответственность в обслуживании покупателей и увеличивая расходы государства на содержание управленческого аппарата [7, с.41].

Безусловно, основным торговым предприятием всегда являлся магазин. От того, как организована его работа, в значительной степени зависел своевременный завоз необходимых товаров, товарооборот и культура обслуживания покупателей. Однако к середине 1950х годов накопилась огромная масса нерешенных проблем, так как вопросам улучшения работы розничных предприятий не уделялось достаточного внимания. Этим объяснялось наличие двух, казалось бы, взаимоисключающих

проблем: с одной стороны, дефицита, и многие смирились с постоянными очередями в магазинах, а с другой стороны, образование больших запасов неходовых и залежалых товаров, не пользующихся спросом у населения [6, с.64].

Чтобы коренным образом улучшить работу розничных торговых предприятий, необходимо было внести существенные изменения в существующую систему управления торговлей.

Главную роль в руководстве торговлей в 1950–60е годы играло Министерство торговли СССР. Характеризуя деятельность министерства в рассматриваемый период, можно выделить его основные функции:

- ◆ разработка и проведение в жизнь мероприятий по улучшению торгового обслуживания населения;
- ◆ составление проектов планов товарооборота, развития и специализации торговой сети в целом по стране и представление их на утверждение Правительства СССР;
- ◆ участие в разработке балансов ресурсов хлебопродуктов, продовольственных и промышленных товаров и представление правительству своих заключений по этим балансам;
- ◆ предъявление промышленности требований по производству товаров массового потребления в необходимом ассортименте;
- ◆ согласование с поставщиками планов завоза товаров по областям, краям и республикам;

◆ подготовка вопросов законодательства о торговле и утверждение для всех торговых организаций правил торговли, контроль их выполнения [5, с.36].

Указом Верховного Совета СССР №2258 от 24 августа 1953 года Министерство внутренней и внешней торговли СССР было ликвидировано и образовано Министерство торговли СССР с фактическим сохранением существовавших ранее функций и задач [10, л.1].

Указанное Министерство руководило небольшим количеством розничных торговых предприятий, но с большим товарооборотом, имевшим большой удельный вес в торговле. Ему были подчинены предприятия и организации, ведущие торговлю по отдельным группам товаров.

Не только на уровне страны, но и в союзных республиках в соответствии с их конституциями руководство торговлей возлагалось на министерства торговли: они должны были издавать приказы, инструкции и контролировать работу торговых организаций и предприятий, нести ответственность за состояние торгового обслуживания населения города и села. Однако в рассматриваемый период министерства торговли союзных республик своих конституционных обязанностей не выполняли и, как правило, ограничивались руководством работой организаций, находящихся в их непосредственном подчинении в хозяйственном отношении.

Деятельность многочисленных орсов и торговых организаций потребительской кооперации министерства торговли не контролировали, не помогали им и за их работу никакой ответственности не несли. Так, например, Министерства торговли РСФСР в 1962 году на заседаниях коллегии рассмотрело 174 вопроса, из которых ни одного о работе урса Кемеровского совнархоза. Аналогичным было положение в министерствах торговли УССР, БССР и других союзных республик.

Подобные факты привели к неоправданной автономии различных торговых систем как в городе, так и на селе, что в свою очередь приводило к нерациональному размещению торговых предприятий и товарных ресурсов, удорожанию торговых услуг и ухудшению обслуживания покупателей [2, л.12].

Министерства торговли союзных республик неудовлетворительно занимались и подчиненными им организациями. Основными проблемами были – большой административно-управленческий аппарат, ощутимые потери и хищения, неудовлетворительное внедрение новой и плохое использование имеющейся техники и автоматов, слабое изучение передового опыта и медленное внедрение прогрессивных форм торговли. Показательным был факт, демонстрирующий, что в аппарате Министерства торговли РСФСР работали свыше 2 тысяч человек, в то время как непосредственными вопросами организации розничной торговли занимались лишь несколько десятков работников [3, л.10].

Аналогичной были ситуация в краях и областях, где местные управления торговли, так же как и министерства

торговли союзных республик, свои функции в основном видели в управлении местными торгами, а работой орсов и других торговых систем не занимались.

Вопросы, касающиеся размещения торговой сети, капитальных затрат, планов товарооборота и товарного обеспечения всеми торговыми организациями, независимо от ведомственной подчиненности, можно было решать только после согласования министерств торговли союзных республик. Особенно абсурдно выглядела обязанность перераспределять товарные ресурсы между областями и районами или между городом и селом только после одобрения данных действий Министерствами союзных республик [8, л.35].

О неэффективности действовавшей системы управления торговлей говорил и показатель использования рабочей силы в торговых организациях и предприятиях. В государственной торговле на одного работника прилавка приходился один человек административно-управленческого и обслуживающего персонала.

Для руководства работой магазинов и столовых, подчиненных министерствам торговли союзных республик, было создано более 2,5 тысяч торгов, трестов и контор. В том числе горпищеторги, райпищеторги и многочисленные специализированные и узкоспециализированные торги.

Особенно большое количество торгов и трестов было в Москве (65) и Ленинграде (56). Управленческий аппарат московских торгов состоял из 3 тысяч человек. Каждый из торгов имел разветвленную сеть магазинов. Московский хлеб, например, насчитывал свыше 500 предприятий, торг "Мосмолоко" – 120, "Мосовоц" – свыше 100. Сеть городских специализированных продторгов "переплеталась" с магазинами районных пищеторгов, что приводило к неравномерному размещению предприятий, усложняло специализацию сети в пределах отдельных районов города [9, л.12].

К началу 1960х годов среди практических работников сформировалось мнение, что для торговли продовольственными товарами специализация магазинов нужна, а специализация организаций, управлявших данными магазинами, себя не оправдала.

Большинство работников сферы обслуживания и покупателей сходились во мнении, что основным типом продовольственного магазина должен быть универсальный магазин, дающий возможность людям рационально затрачивать время на приобретение продуктов, а специализированные продовольственные предприятия должны лишь дополнять их.

По-иному в рассматриваемый период оценивалась роль специализированных предприятий и организаций, торгующих непродовольственными товарами. Специалисты и покупатели сходились во мнении, что специализацию промтоварных магазинов следует расширять и, особенно, для продажи товаров сложного ассортимента. В середине 1960х годов сеть таких предприятий была недостаточна, особенно в республиках Средней Азии и Ка-

захстана. Большинство практиков высказывали мнение, что в наиболее крупных городах целесообразно сохранить торги по продаже одежды, тканей, посудохозяйственных и культурно-бытовых товаров. Вместе с тем, существование узкоспециализированных торгов в небольших городах было нецелесообразно.

Кроме того, ещё больше усложняла систему управления торговлей изжившая себя к середине 1960х годов система орсов. В рассматриваемый период в стране насчитывалось более 2 тысяч орсов, в управленческом аппарате которых было занято свыше 41 тысячи человек. В 60е годы, когда были ликвидированы трудности военного времени, отсутствовала система нормированного снабжения и широко была развита сеть предприятий государственной и кооперативной торговли существование большинства орсов ничем не оправдывалось [1, с.15].

В одном из отчетов Министерства торговли РСФСР прозвучали впечатляющие данные о сложной структуре подчинения торговых организаций. Так, в Ростове-на-Дону торговлю производили 44 организации, подчиненные 23 ведомствам, в том числе Министерству торговли РСФСР, урсу Волго-Донского пароходства, военторгу, горместпрому, обществу охотников и рыболовов, рыбкоопу, райпотребсоюзу и другим. При этом 86% товарооборота приходилось на систему Министерства торговли и только 14% на остальные 22 ведомства.

К сожалению, не всегда выполняла свое назначение потребительская кооперация, основной целью которой являлось обслуживание сельского населения. Однако, проведенные проверки констатировали многочисленные факты, что потребительская кооперация в погоне за товарооборотом часто распродала в городах и рабочих

поселках товары, выделенные для продажи сельскому населению. Например, в г.Суздале, где имелись магазины государственной торговли, кооператоры продавали 22% всех товарных фондов, выделенных для снабжения жителей села. Поэтому, помимо ненужного дублирования, в одной местности одни и те же товары реализовывались по разным ценам, что создавало условия для злоупотреблений и вызывало недовольство покупателей [4, с.15].

В целях ликвидации излишеств в штатах административно-управленческого персонала и придания большей оперативной самостоятельности розничным торговым предприятиям необходимо было укрупнять торговые предприятия и создавать для них объединенные дирекции.

Положительным примером создания объединенной дирекции для нескольких магазинов служило объединение на базе Московского центрального универмага 22 близлежащих магазинов, которые раньше подчинялись 11 различным организациям. В результате вместо двух дирекций и девяти директоров магазинов и такого же числа заместителей была организована одна общая дирекция, а штат управленческого аппарата сокращен на 44 человека. Однако широкого распространения этот положительный опыт не нашел.

Таким образом, представленные и проанализированные выше примеры показывают, что реформирование системы торговли было вызвано объективными причинами. Однако не все проведенные изменения привели к положительному результату. Жизнь требовала более продуманных и эффективных реформ, которые должны были ликвидировать параллелизм и модернизировать систему управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоberman Г. Снижение издержек обращения в орсах // Советская торговля. 1956. №6. С.14 – 18.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А410. Оп.1. Д.1561. Годовой статистический отчет по системе Министерства торговли РСФСР за 1960 год.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А410. Оп.1. Д.1968. Отчеты по форме 72-к о составе и движении руководящих работников, специалистов и материально-ответственных лиц за 1965 год.
4. Денисов М. Дальнейший подъем сельского хозяйства и задачи потребительской кооперации // Советская торговля. 1962. №6. С.12–16.
5. Ломоватский Е.Г., Громова Г.М. Управление государственной внутренней торговлей в СССР. М.: Госюриздат, 1957. 176с.
6. Никитин В.М., Милов В.В. Анализ хозяйственной деятельности в торговле. М.: Экономика, 1966. 168с.
7. Павлов Д.В. Советская торговля в современных условиях. М.: Экономика, 1965. 222с.
8. Российский государственный архив экономики. Ф.195. Оп.1. Д.58. Протоколы совещаний у Председателя Государственного комитета Совета Министров по торговле. 17 февраля – 23 декабря 1964г.
9. Российский государственный архив экономики. Ф.195. Оп.1. Д.356. Материалы Управления организации торговли и обмена опытом по вопросам развития новых форм торгового обслуживания населения.
10. Российский государственный архив экономики. Ф.7971. Оп.1. Предисловие.

МЕХАНИЗМЫ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В НОВО-КУЗНЕЦКЕ-СТАЛИНСКЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

MECHANISMS FOR MAKING MANAGEMENT DECISIONS IN NOVOKUZNETSK-STALINSK DURING THE PERIOD FIRST FIVE-YEARS PLAN

A. Muzalev

Annotation

In the article, based on archival sources studied the mechanisms of decision-making in Novokuznetsk–Stalinsk during the first five-year plan. It considered the vision of the situation and typical ways of responding to the emerging problems of the leaders of the Party organizations of Stalinsk and the West Siberian Territory in the conditions of large-scale social, economic and demographic changes caused by the processes of accelerated industrialization and urbanization. The features of the development of the city during the First Five-Year Plan are described. Examples of decisions on housing and work supply are given. Particular attention is paid to identifying the causes of difficulties encountered by the leadership and the city's population. The conclusion is drawn that the decisions, in the prevailing circumstances, were opportunistic and ideological in nature, which is explained by the peculiarities of party cadres and the lack of resources for an adequate response to the challenges created by the accelerated modernization in the USSR.

Keywords: management decisions, Stalinsk, industrialization, modernization, party organization, ideology.

Музалев Антон Владимирович

*Ст. преподаватель,
Новокузнецкий филиал (институт)
Кемеровского государственного
университета*

Аннотация

В статье на основе архивных источников исследуются механизмы принятия управленческих решений в Ново-Кузнецке-Сталинске в период первой пятилетки. Изучается видение ситуации и типичные способы реагирования руководителей партийных организаций Сталинска и Западносибирского края на возникающие проблемы в условиях масштабных социальных, экономических и демографических изменений, вызванных процессами ускоренной индустриализации и урбанизации. Приводятся примеры решений по вопросам обеспечения жильем и рабочего снабжения. Особое внимание уделяется определению причин трудностей, с которыми сталкивалось руководство и население города. Делается вывод о том, что решения, в сложившихся условиях, носили конъюнктурный и идеологизированный характер, что объясняется особенностями партийных кадров и недостатком ресурсов для адекватного ответа на вызовы, порожденным ускоренной модернизацией в СССР.

Ключевые слова:

Управленческие решения, Сталинск, индустриализация, модернизация, партийные органы, идеология.

История становления Сталинска–Новокузнецка представляет интерес по целому ряду причин. С одной стороны, в ней проявились очень многие тенденции социального и политического развития СССР периода индустриализации. С другой стороны, в истории Сталинска 30-х гг. есть своя специфика, которую он разделяет с Магнитогорском – масштабное строительство нового крупного города при заводе в условиях отсутствия планов и катастрофического недостатка средств.

История Кузнецкстроя неплохо изучена, в значительной степени освещены и проблемы, с которыми столкнулось руководство города и городской парторганизации при строительстве Ново-Кузнецка–Сталинска [1]. Реакция на эти проблемы представляет значительный интерес. Особенности понимания ситуации, видения проблем и их решения характеризуют управленческую культуру, которая сложилась к началу 1930-х гг., и в до-

кументах, в частности, в протоколах заседаний бюро горкома и крайкома, стенограммах партконференций это можно увидеть.

В общем виде алгоритм принятия управленческого решения состоит из четыре этапов:

1. Определение проблемы
2. Поиск вероятных решений
3. Выбор
4. Реализация управленческого решения

На каждом этапе вмешиваются внешние и внутренние факторы, среди последних и следует выделить управленческую культуру, которая определяется профессиональной подготовкой, жизненной траекторией, системой ценностей и картиной мира человека, причастного к принятию решения. В данной ситуации мы остановимся преимущественно на особенностях первых двух этапах принятия управленческих решений.

Как отмечалось выше ситуация в Сталинске в период первой пятилетки была уникальной. Одна из самых масштабных строек осуществлялась в условиях катастрофического дефицита ресурсов и отсутствия адекватной инфраструктуры [2, с. 81]. Взрывной рост населения, строительство, по сути, нового города на болотистой местности создавало препятствия в выполнении планов и указаний центральных и краевых органов власти. Дополнительные сложности возникали из-за пересмотра параметров строительства комбината и города [2, с. 60–70]. При том, что население города быстро росло, нехватка рабочих рук, особенно при строительстве города, ощущалась постоянно. "Текучка" кадров, вызванная плохими условиями труда и жизни, недостаточное финансирование и постоянное давление со стороны вышестоящих органов дополняло картину первых лет существования и развития Ново-Кузнецка–Сталинска.

Руководство Горсовета, Горкома и Кузнецкстроя, сталкиваясь со множеством трудноразрешимых проблем, нередко видело их причины не в объективных обстоятельствах: нехватка рабочей силы, отсутствие адекватных планов строительства города, дефицит материальных средств, а в факторах личностных, недостатках работы конкретных людей.

Проблемы обозначались руководством партийных органов, в частности на партконференциях. Помимо фиксации проблемы, необходимо было указать причины возникших сложностей и предложить адекватное решение.

На III партийной конференции осенью 1930 года, тогдашний секретарь райкома Кузнецкстроя Станкин, характеризуя ситуацию с жилищным строительством, отмечал: "В бараках работают сектанты, вредители, кулаки, а наша массовая работа срывается, не ведется" [3, Л.5]. Как видим, причины неудач при строительстве временного жилища для рабочих видятся в "неправильном" социальном происхождении и в политической неблагонадежности строителей, к тому же среди них должным образом не ведется массовая работа. Увлечь, заразить энтузиазмом, вот выход, который предлагает секретарь райкома. Исключить фактор отсутствия энтузиазма нельзя, часть упомянутых "кулаков" – это спецпереселенцы и тылоополченцы, люди несвободные и действительно немотивированные на ударный труд. С другой стороны, завербованные рабочие, не всегда "горели" работой, об этом свидетельствует названное секретарем райкома количество прогулов: 58.199 [3, Л.4]. Исключение, в определенной степени, составляла молодежь, на которую методы, предложенные Станкиным могли подействовать [4].

Еще одна проблема, прозвучавшая в докладе секретаря райкома: бегство женщин–работниц с производ-

ства. Причина, по его оценке, "в грубом нетоварищеском отношении к работнице–женщине" [3, Л. 6]. Способ исправления ситуации видится в решительной борьбе с подобным отношением и улучшение жилищно–бытовых условий. В частности, речь идет о строительстве для одиноких женщин–работниц отдельных бараков [3, Л. 7]. Что скрывается за подобными фразами можно только предполагать, но ясно что методы борьбы с этим явлением делятся на идеологические и "реальные". Идеологические не раскрываются, а практические выглядят достаточно конкретно, хотя и трудноисполнимо в условиях Кузнецкстроя. Фактически в каждом выступлении партийных функционеров мы видим это сочетание: реальных сложностей и идеологически выверенных способов борьбы с ними. Сам формат партийных собраний, в особенности партийных конференций, по–видимому, подталкивал к такой риторике.

В условиях перманентного пересмотра планов строительства города и комбината представители местной власти не могли увидеть общую картину, в полной мере представить алгоритм своих действий, работать на завтрашний день. Тактический подход превалировал над стратегическим.

3 ноября 1930 г. в рамках партконференции выступил один из секретарей Запсибкрайкома М.В. Зайцев со следующим тезисом: "Снабжение и жилищный фонд на службу производству" [3, Л. 10]. Невыполнение этого призыва приводит, по мнению секретаря крайкома к текучести кадров. Далее М.В. Зайцев приводит конкретный случай: "Мне кажется, что кое–что для ликвидации жилищного кризиса у вас не использовано. Например, Горсовет и его отделы размещаются очень широко. Имеется, например, комната, а в комнате стоит один стол, который не всегда занят. Почему бы не занять эту комнату под квартиру" [3, Л. 10]. Редко встречаются фразы, которые полностью характеризуют степень понимания проблем и путей их решения как в данном случае. Желание решить вопрос здесь и сейчас, самым простым путем. Не учитываются дальнейшие перспективы города, а значит и аппарата Горсовета. Опять мы видим сочетание лозунгов и конкретных мер, которые направлены лишь на сиюминутное решение вопроса, без учета дальнейшего развития ситуации.

Схожим образом, уже в рамках бюро горкома, решались вопросы дефицита, плохого качества ремонта и эксплуатации жилья. Разбирались конкретные проблемы: невыполнение плана строительства, низкое качество жилья. Решения бюро, как правило, предлагают административное давление на ответственных за ошибки и неисполнение решений, часто можно встретить фразы "ускорить", "поставить на вид", "в кратчайший срок закончить", "принять самые решительные меры" [5; 6].

Ускоренные темпы строительства, низкая квалификация сказывались на качестве жилья. На секретариате Сталинского горкома от 11 сентября 1932 г. было предложено; "Заслушать особо вопрос о дооборудовании и ремонте каменных домов" [5]. Речь идет о домах только что построенных и введенных в эксплуатацию, жилье в которых было привилегией. То есть высокие темпы строительства, обеспеченные в том числе, "нажимом" горкома приводили к печальным последствиям, которые в свою очередь служили поводом для оргвыводов.

Попытки навести порядок в обеспечении жильем нельзя признать удачными. Они справедливо рассматривались в контексте преодоления кадрового дефицита. Поэтому горком уделяет особое внимание вопросу о выделении жилья инженерно-техническим работникам, учителям и врачам. В случае с ИТР можно было получить поддержку руководства Кузнецкстроя, в отношении жилья для учителей и врачей приходилось полагаться на ресурсы Горсовета, которых часто было недостаточно. Конечным распределением жилья ведал коммунальный отдел Горсовета, который судя по критике со стороны Горкома, выдавал 2–3 ордера на квартиру, что приводило к конфликтам.

Еще одной сквозной проблемой города и Кузнецкстроя, было неорганизованное и недостаточное снабжение рабочих, трудившихся на строительстве города и комбината. Создание сети столовых и распределение продовольственных карточек в условиях Кузнецкстроя оказались нетривиальной задачей.

Нарушения в распределении продуктов в условиях их дефицита привычно рассматривались как вредительство и часто приводило к смене руководящих кадров в сфере рабочей кооперации и других снабжающих организациях. Питание в столовых и получение продуктов по карточкам было нормой жизни СССР первой половины 1930-х гг. На заседании бюро райкома 1 декабря 1930 г. ЦРК (Центральный рабочий кооператив) прямо указывают на недостатки работы и "разбазаривание" продовольственных карточек представителями рабочей кооперации в конкретных цехах: утеря в доменном цехе и кража в мартеновском [6]. Но в существенно большем масштабе встречалась непропорциональная выдача карточек, которым они были не положены, либо сверх нормы. В резолюции бюро райкома констатирует систематические недостатки работы ЦРК в том числе растраты. Но не нужно думать, что данная проблема Кузнецкстроя уникальна, подобные факты вскрывались по всему СССР, например, в Башкирии [7]. В условиях локального дефицита возникал огромный соблазн для злоупотреблений. Вместе с тем и потребители пытались всеми правдами и неправдами получить необходимое для жизни и с вовлечением снабженцев или без него

способствовали расхищению, неправильному распределению и т.д.

Ситуация естественно усугублялось взрывным ростом населения, за которым не успевало развитие инфраструктуры. Это касалось не только столовых, но и ларьков, магазинов, овощехранилищ. Кадровые проблемы не обошли и эту сферу, в частности, не хватало квалифицированных поваров и на это бюро горкома списывало однообразие и низкое качество обедов в рабочих столовых.

Что же предлагали члены бюро Горкома, чтобы выправить тяжелое положение? Смена руководства ЦРК и ОРСов (отделы рабочего снабжения), жесткий контроль за распределением продовольственных карточек, перевод столовой для ИТР на хозрасчет, организация овощных заготовок, проведение массовой работы, создание постоянных столовых комиссий, выделение особой квоты снабжения ИТР промтоварами [8;9].

Все эти решения принимались, исходя из аксиомы, что, если приложить достаточные усилия, заразить энтузиазмом, избавиться от вредителей – все проблемы будут разрешены. Партийные функционеры отчасти верили в это, отчасти должны были верить. Любая попытка сослаться на объективные обстоятельства, на ошибки планирования вышестоящими организациями, острого недостатка ресурсов наталкивались на уничтожающую критику со стороны вышестоящего руководства [10]. Это и произошло на собрании партийного и хозяйственного актива г. Сталинска 2 августа 1933 г., новый секретарь горкома Р.М. Хитаров попытался объяснить неудачи в строительстве комбината и города недостаточной помощью вышестоящих инстанций. И каждый последующий выступающий настаивал на то, что виновато во всем исключительно местное руководство, что вся возможная помощь предоставлена и жалобы вызваны желанием снять с себя ответственность.

И жилищные проблемы, и проблемы снабжения были порождены существующей тогда политической и социальной системой. В попытках решить чрезвычайно серьезные проблемы строительства города и КМК, партийные руководители приходили к привычным схемам и приемам, которые складывались в 20-х начале 30-х гг., по мере становления советской бюрократии.

Тон, безусловно, задавало высшее руководство, которое точно таким же образом, занималось поиском вредителей, предлагало идеологические решения реальных проблем, спускало директивы о необходимости ускорить работу, выполнить план, наказать виновных. Решение конкретных проблем на местах не могло идти иначе, порождая неэффективность, хаос, напряженность и недоверие.

Еще одной причиной примитивных способов достижения результата был общий уровень культуры и образования руководящих работников. Джеральд Истер в своей работе посвященной региональной партийной элите 1920–1930-х гг. приводит сведения об уровне образования первых секретарей обкомов, крайкомов и республиканских парторганизаций: большинство имело начальное образование [11]. Руководители рангом ниже также не отличались высоким уровнем образования. Главными "университетами" в их жизни для значительной части партийных функционеров этого периода были подпольная работа до революции и Гражданская война после. Не были исключением Р.М. Хитаров первый секретарь Горкома ВКП (б) Сталинска и его непосредственный руководитель Р.И. Эйхе первый секретарь Запсибкрайкома ВКП (б).

Ситуация в Сталинске складывалась под влиянием множества факторов. И мы далеки от мысли, что она яв-

лялась результатом исключительно решений партийных органов. Следует признать, что ключевую роль в рамках Сталинска играл не горком, и тем более не горсовет, а руководство Кузнецкстроя во главе с С.М. Франкфуртом [2, с. 83–87]. Но даже в совокупности, с опорой на вышестоящие органы (Наркомат тяжелой промышленности СССР, Запсибкрайисполком, Запсибкрайком), контролировать всё не удавалось. Последствия и побочные эффекты модернизации и урбанизации были слишком масштабны и сложны, чтобы контролировать их с помощью тех методов, которые были в распоряжении власти.

Таким образом, ключевыми особенностями принятия решения в Сталинске в условиях первой пятилетки их тактический, конъюнктурный характер, опора на привычные идеологические штампы о "массовой работе", "энтузиазме" при определении путей разрешения проблем и "вредительстве" при определении причин их возникновения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев В.И. Социальные проблемы формирования Урало-Кузнецкого комплекса // Урал и Сибирь в Сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 126–138
2. Борин А.Г. Формирование городского образа жизни в индустриальном городе (на материалах города Сталинска 1929–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 215 с.
3. Стенограмма III партийной конференции райкома Кузнецкстроя // ГАНО. Ф. 3, Оп. 3. Д. 182. ЛЛ. 1–24
4. Исаев В.И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе, условия и механизмы социализации 1920–30-е гг. Новосибирск, 2003. 156 с.
5. Протокол № 24/с заседания секретариата Горкома ВКП (б) Сталинска от 11 сентября 1932 г. // ГАНО. Ф. 3, Оп. 5. Д. 385. ЛЛ. 1–7.
6. Резолюция бюро райкома Кузнецкстроя по докладу фракции ЦРК от 01 декабря 1930 г. // ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 182. ЛЛ. 35
7. Антошкин А.В. Продовольственное снабжение рабочих и служащих Башкирии в 1930–1934 гг. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 9. С. 4–9
8. Протокол № 24/б заседания бюро Горкома ВКП (б) Сталинска от 20 сентября 1932 г. // ГАНО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 385. ЛЛ. 8–9
9. Постановление к протоколу № 37/б Горкома ВКП (б) Сталинска от 25.10.1932 // ГАНО, Ф. 3. Оп. 5. Д. 385. Л. 75
10. Стенограмма заседания партийного и хозяйственного актива г. Сталинска от 02.08.1933 // ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 972. ЛЛ. 1–60
11. Истер Дж. М. Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России /пер. с англ. Т. Н. Саранцевой. М., 2010. – 254 с.

© А.В. Музалев, (musalew2@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ШКОЛА «УМНИК» в НФИ КемГУ для 7-9 классов

Запись по телефонам: 33-05-01, 8-904-996-46-85

Смогут изучить:

Устройство роботов

Математику

Научную работу

Информатику

Компьютерное 3D-моделирование

РЕКЛАМА

ПРАВОВОЙ СТАТУС "СВОБОДНОГО" АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В АДАТАХ (первая половина XIX века)

THE LEGAL STATUS OF "FREE" CIRCASSIAN PEASANTRY IN THE ADAT (the first half of the XIX century)

D. Oguzova

Annotation

When studying the status of certain categories of Adyghe society, in particular, the peasantry, such kind of sources as ADATs is of great importance. In the first half of the XIX century ADATs remained the main regulator of social relations and consideration of the status of "free" Adyghe peasantry through it will allow to reveal more deeply the features of the situation of this category of population. When studying the status of certain categories of Adyghe society, in particular, the peasantry, such kind of sources as ADATs is of great importance. In the first half of the XIX century ADATs remained the main regulator of social relations and consideration of the status of "free" Adyghe peasantry through it will allow to reveal more deeply the features of the situation of this category of population.

Keywords: the peasantry, the adygs, the Circassians, the North Caucasus, adat, customs.

Огузова Динара Аслановна

Аспирант,

Северокавказский Институт-филиал РАНХиГС, г. Пятигорск

Аннотация

При изучении статуса отдельных категорий адыгского общества, в частности, крестьянства большую важность имеет такой род источников, как адаты. В первой половине XIX века адаты оставались основным регулятором общественных отношений и рассмотрение статуса "свободного" адыгского крестьянства через него позволит глубже раскрыть особенности положения данной категории населения.

Ключевые слова:

Крестьянство, адыги, черкесы, Северный Кавказ, адаты, обычаи.

До присоединения к России народы Кавказа в своей общественной жизни руководствовались нормами обычного права (адатами), которые передавались из поколения в поколение и были обязательными для исполнения всеми членами общества. Термин "адат" арабского происхождения и означает "закон предков". "Древние обычаи, которыми управляются все народные дела" – определение, которое дает адатам начальник Центра Кавказской линии князь В.С. Голицын в 1844 году. Еще одно важное толкование – "местный закон, имеющий обязательное действие" [1, с. 5].

В силу сложившейся традиции, адатам следовали беспрекословно. Народ не рассуждал, справедливы и разумны ли требования, установившегося обычая. Подрастающее поколение, воспитанное в духе полного преклонения перед старшими, поступало по уже установившимся обычаям [2, с. 1].

В первой половине XIX века обычное право оставалось не писанным законом, регулировавшим общественные отношения.

До нас адаты дошли, главным образом, через труд профессора Ф.И. Леонтовича "Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного

Кавказа" (Одесса, 1882). Представленные в нем материалы дают возможность ознакомиться с правовым положением ряда народов Северного и Восточного Кавказа. Наибольший интерес представляют разделы: Адаты черкесов бывшей причерноморской кордонной линии, Адаты черкес Кубанской области и Адаты кабардинцев.

По материалам обычного права адыгское крестьянство первой половины XIX века выступает раздробленным на отдельные группы, отличающиеся особенностями своего социального, юридического, семейного положения [3, с. 132].

К крестьянам относились: тфокотли, азаты (шхашахуж или вольноотпущенники), оги, логанauty, унауты и пшитли. Самым многочисленным и могущественным сословием были тфокотли [4, с. 135] (льфокотли, фокотлы, тлухотлы). Они составляли 75% всего населения [5, с. 51]. Чаще всего тфокотлей рассматривали как среднее сословие свободных общинников, незакрепощенных крестьян. Это было ядро адыгов и самый производительный их элемент [6, с. 147].

Профессор Ф.И. Леонтович отмечал, что в обычном праве горцев сохранилось немало институтов глубокой старины. Так, обычаи кровной мести, похищения невест-

ты, гостеприимство, почитание стариков, существовали у всех горцев, отражая вековые традиции и весь их жизненный уклад.

В адатах "свободный народ" выделяется как отдельное сословие и отмечается, что они признают в некоторой степени над собой власть князей, но вместе с тем это власть поверхностная, не имеющая ничего постоянного; Поэтому они пользуются совершенной свободой, особенно в тех группах адыгов, в которых нет князей [1, с. 132].

Простой свободный народ может пользоваться землей, лесом и, также, заниматься свободно скотоводством, не платя за это ни князьям, ни дворянам, кроме выполнения ряда обязанностей. Если же они работают на князей и дворян в нужное для них время, то делают это по приглашению и по своей воле. Эта работа не вменяется ему в непременную обязанность [1, с. 133]. Свободное сословие может иметь крепостных людей, которых они получают по наследству или покупают, распоряжаясь ими и их имуществом по-своему усмотрению, как своей собственностью. Свободный черкесский народ имеет голос в общественных собраниях, где обсуждаются планы набегов и другие вопросы, касающиеся народа. На такие собрания отправляются избираемые представители сословия, чаще всего самые опытные и известные своим умом люди [1, с. 135].

Вольные люди, подвергшиеся несправедливой обиде со стороны своего князя, имеют право уйти тайно к другому князю, к какому и просить разбирательства. Князь, к которому обратились за помощью, уговаривает господина, обратившегося к нему за помощью человека, чтобы он обходился лучше; проситель возвращается по-прежнему к господину. Обстоятельство это может повториться несколько раз, если господин будет продолжать свои притеснения [1, с. 223].

Такая неопределенность феодальных повинностей тфокотлей, связанная с незавершенностью процесса превращения их из свободных общинников в феодально-зависимую категорию крестьянства, усугублялась и тем обстоятельством, что для тфокотлей считалось не-обязательным выходить на барщину. То есть, их эксплуатация прикрывалась "добровольностью" возлагаемых на них трудовых повинностей. Провозглашением такой мнимой "добровольности" феодалы как бы отдавали дань прежней действительной независимости тфокотлей [3, с. 202].

Категория тфокотлей делилась внутри себя на группы и по другому признаку: в первую входили вольные земледельцы в племенах имеющих народное правление ("демократические"). Они не знали над собой никакой власти и составляли, практически, самостоятельную со-

циальную общность. Независимость каждого из них была сопряжена с безопасностью целого общества; во вторую входили земледельцы в княжеских владениях ("аристократические"). Они имели больше возможностей в ведении своего хозяйства в отличие от крепостных людей, но состояли в определенной административной и поземельной зависимости от князей и дворян [7, с. 159]. Хан-Гирей также пишет, что они считались свободными людьми, но, тем не менее, выполняли определенные повинности в пользу князей и первостепенных урков. В основе этой формы взаимоотношений лежала верховная собственность пши, тлекотлешей и деженуго на землю, на которой жили и работали тфокотли [7, с. 261]. Ключевым здесь становится сочетание слов "тем не менее", которое, по сути, уже не позволяет говорить о свободе.

Адыгское обычное право состояло, с одной стороны, из приспособленных господствующим классом к своим интересам правил адыгэ хабзэ, а, с другой стороны, из совершенно новых правил, обязательных к исполнению. Классовый характер вводимых ими норм затушевывался и те нормы обычного права, которые не взяты из адыгэ хабзэ, а выработаны и установлены вне связи с ним также получали название хабзэ (нормы).

То есть, с установлением господства пши и урков и подчинением ими традиций прошлого своим интересам, адаты перестают быть единой нравственностью всего адыгского общества [8, с. 41].

Возьмем обычай "покровительства": князья, опираясь на традиционный институт патроната, присвоили право верховных собственников земли. Потеря покровительства означала в условиях адыгского общества того времени возможность ограбления, пленения, закабаления самого тфокотля и членов его семьи, а то и продажа их в рабство. Поэтому "вольные земледельцы", как правило, безропотно выполняли распоряжения князя. Получалось, что тфокотль позволял князю себя эксплуатировать, чтобы остаться "свободным" и обеспечить свободу членов своей семьи [9, с. 104].

"Свободное крестьянство" выступает как важный атрибут феодальных отношений. Так, Ю.И. Семенов пишет о феодальном способе производства как таковом: верховная частная собственность на землю никогда не существует без верховной частной собственности на личности людей, обрабатывающих эту землю. Верховный собственник земли – всегда одновременно верховный собственник личности подчиненных собственников земли, а тем самым и их рабочей силы. Здесь существует внеэкономическая зависимость, но только не полная, а верховная. Поэтому крестьянин в отличие от раба – собственник своей личности и рабочей силы, но только не полный, а подчиненный [10, с. 2].

Таким образом, возникают закономерные вопросы: так каков статус "свободного" крестьянства, что мы вкладываем в это понятие, и можно ли вообще так их называть, исходя из прав и обязанностей, которые мы рассматриваем. В поисках ответов обратимся к значению термина "свобода". В словаре В. Даля он трактуется, как возможность действовать по-своему; отсутствие подчинения чужой воле. Свобода крестьян противопоставляется рабству. Если исходить из такого понимания, то тфокотлей нельзя считать свободным сословием, вопреки общепринятому обозначению. Связано это с тем, что тфокотли несли множество повинностей зафиксированных в нормах адата в пользу господствующих сословий –

князей и дворян. И здесь не идет речь об отсутствии подчинения чужой воле. Поэтому тфокотлей нельзя полностью отождествлять ни с первым, ни со вторым сословием феодального общества.

Очевидным становится тот факт, что сословие, которое в историографии принято называть "свободным", было далеко от того, что мы вкладываем в это понятие сегодня. Несмотря на расплывчатость прав и обязанностей, нашедших отражение в адатах, нельзя не заметить, что в основе взаимоотношений между высшими сословиями и "свободным крестьянством" лежали отработочная и продуктовая рента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. 850 с.
2. Темирбулатов И. Адаты кавказских народов. URL <http://www.skfo.ru> (дата обращения: 03.03.2013)
3. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). М., 1967. 331 с.
4. Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик: "Эльбрус", 1974. 336 с.
5. Катанчиев Т.М. Кабардинское обычное право: его особенности. Нальчик, 2003. 192 с.
6. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX веке. Майкоп: Адыг. отд-е Краснодар. кн. изд-ва, 1986. 189 с.
7. Очерки истории Адыгеи / Адыг. НИИ яз., лит. и истории. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во. 1957. Т.1. 484 с.
8. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: "Эльбрус", 1978. 333 с.
9. Куадже Р.З. Правовое положение классов и социальных групп адыгского общества XVIII – первой половины XIX века // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Вып. III. Майкоп, 1980. 197 с.
10. Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Выпуск III. История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. – XX в. н.э.). М., 2001. [Электронный ресурс] URL <http://www.scepsis.net/library> (дата обращения: 5.03.2017)

© Д.А. Огузова, (schurdumova.dinara@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРАВОСУДИЯ В ЕВРОПЕ

MAIN STAGES OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC JUSTICE IN EUROPE

L. Olshanskaya

Annotation

In the article the author considers the prerequisites for the emergence and main stages of the development of economic justice in Western Europe. Particular attention is paid to the specifics of trade relations, the analysis of sources, the reasons for the class nature of commercial vessels and their transformation into special courts. The author draws conclusions about the importance of a special commercial judicial system for ensuring the successful development of entrepreneurial relations.

Keywords: trade, economic relations, maritime, consular, fair courts, merchants, commercial courts, special legal proceedings.

Ольшанская Людмила Владимировна
К.и.н., Московский
политехнический университет

Аннотация

В статье автор рассматривает предпосылки возникновения и основные этапы развития экономического правосудия в Западной Европе. Особое внимание уделяется специфике торговых отношений, анализу источников, причинам сословности коммерческих судов и их трансформации в суды специальные. Автор делает выводы о значении специального коммерческого судоустройства для обеспечения успешного развития предпринимательских отношений.

Ключевые слова:

Торговля, экономические отношения, морские, консульские, ярмарочные суды, купечество, коммерческие суды, специальное судопроизводство.

В жизни различных народов на протяжении веков экономический фактор всегда имел значительную, зачастую первостепенную роль. Во все времена забота о материальном благосостоянии побуждала человека к экономической деятельности, которая расширялась и усложнялась с развитием общества, в свою очередь, способствуя и влияя на это развитие. С течением времени все более упорядочиваясь, организуясь, экономическая деятельность создала целую сеть более или менее сложных хозяйственных отношений. Одним из последствий развития экономической жизни стала деятельность, направленная на посредничество между производителем и потребителем, на взаимный обмен экономическими благами. С. Ю. Витте писал, что "отсюда возникла уже в самом раннем периоде хозяйственной деятельности человека потребность в особом классе посредников, почти исключительным и постоянным занятием которых является обмен, посредничество между производителями и потребителями. Деятельность этого класса, направленная к организации обмена, к постоянному сближению производителей и потребителей, и называется торговлей" [2; с. 168].

Торговый оборот, постепенно развиваясь, создал с течением времени свою особую сферу, со свойственным ему миром интересов и обычаев, которые строго отличались от других отношений общества. Для их урегулирования возникли особые нормы и специальные судебные учреждения, которые призваны были защищать право-

отношения, возникшие из сделок экономического характера. Ставшие порождением торговли, эти судебные учреждения носили на себе своеобразный отпечаток, свойственный духу и особенностям торговли, ее динамичности, универсальности, применяя особый вид судопроизводства.

Условно развитие экономического правосудия, то есть трансформацию торговых, коммерческих судов можно разделить, по мнению Н. А. Победоносцева, на три периода. Первый период характеризуется неупорядоченным возникновением, но строгой сословностью торговых судов, второй – непосредственным участием государства в учреждении коммерческих судов, и третий – кодификацией торгового законодательства [4; с. 2].

Уже в Древнем Риме, в период его расцвета, наряду с общегражданским процессом применялся особый вид судебного разбирательства, применявшийся по отношению к торговым делам (*resciperatio*), особенностями которого было широкое применение обычая, быстрота принятия решений и отсутствие формализма. Но с ослаблением экономической деятельности и сокращением торговых операций дальнейшее развитие института особой торговой юрисдикции приостановилось, и особый процесс слился с общегражданским [3; с. 6].

Идея торгового суда возродилась лишь в Средние века, когда особый уклад средневековой жизни характе-

ризовался ее корпоративной расчлененностью. "При полной разрозненности сословий, каждая отдельная личность не могла считать себя огражденной, не примкнув к какой-либо корпоративной группе, которая охватывала бы всю ее жизнь, все ее отношения. Среди таких общественных союзов вполне обособленно существовало и купеческое сословие городов, сосредоточившее в своих руках, наряду с полицейской и административной, и судебную власть над своими отдельными членами" [1]. Такие суды разбирали споры по всем делам между членами гильдий и цехов, а члены суда избирались из однородной среды.

Специальные торговые суды в первую очередь появились там, где купечество выдвинулось в совершенно особое сословие, а именно в средневековой Италии, важнейшая роль которой в сфере торговли была определена благоприятным географическим положением на берегах средиземноморья, а также теми историческими условиями, которые сделали ее посредником между Европой и Востоком. Так, в Италии возникли два вида торговых судов: морские, разбирающие споры из морской торговли, и консульские, строго сословные, разрешавшие тяжбы в купеческой среде выборными консулами-купцами.

В данный период Италия вела преимущественно морскую торговлю, потому нуждалась в торговых судах с особой компетенцией, которые разрешали дела, возникающие из мореплавания и торговли. Такие суды для вынесения решений руководствовались сборниками обычаев и правил, выработанных морской торговлей, одним из самых древних сборников был Пизанский *Ordo maris*, составленный в XII веке, однако он имел лишь местное значение.

Другой сборник, известный как *Cunsulato del mare* (Морской судебник), применялся, напротив, всеми городами Средиземного моря. Со времени крестовых походов развитие Италии происходило более интенсивно, ввиду того, что итальянские купцы, следуя за рыцарями-крестоносцами, налаживали деловые отношения с торговцами из разных концов Европы и Востока.

Наряду с морской торговлей в Италии начала развиваться сухопутная торговля, и существующие морские суды уже не в состоянии были должным образом ограждать интересы торгового сословия. В этот период возникли новые суды, по своей структуре резко отличающиеся от прежних (*curiae maritimae*), характерная особенность которых заключалась в том, что они носили строго корпоративный характер. Успешное развитие итальянской торговли с одной стороны, и крайнее ослабление феодальной власти с другой – привели к тому, что торговый класс начал играть доминирующую роль в жизни

страны и получил возможность создать себе такую форму жизненного уклада, которая была ему наиболее выгодна. В результате усиления роли торгового класса в итальянских городах возник целый ряд корпораций, совершенно независимых и не признающих за собой иной власти, кроме корпоративной.

Корпорации, на которые купечество подразделялось по предмету своей торговли, имели для своих членов огромное значение. Вне корпорации существование купца было невысказано, он мог торговать только потому, что являлся ее членом. Корпорация защищала его законные интересы, и она же разбирала его споры, возникающие между представителями данного сообщества. Для разрешения таких споров члены избирали из своей среды особых судей, которые носили название консулов, почему эти суды и получили название консульских. Состав консульских судов постоянно менялся: консулы избирались всего на 1 год, а в некоторых случаях всего на 6 месяцев. Однако такая узко-корпоративная организация торговых судов продержалась сравнительно недолго.

Со временем корпорации стали сливаться между собой, и в результате образовали торговое сословие города. Очевидно, что такое слияние имело свои последствия в том, что корпоративные суды должны были уступить свое место таким судам, компетенция которых распространялась на все торговое сословие города. По утверждению председателя коммерческого суда Победоносцева, "вышеуказанный период можно назвать первым периодом в истории развития торговых судов" [4; с. 2]. Характерная особенность данного периода заключается в том, что тогдашние торговые суды были судами сословными в самом узком смысле этого слова. Кроме того, нормы торгового права, которыми руководствовались торговые суды рассматриваемого периода, были лишены какой-либо кодификации, и в судах царил торговый обычай.

С XV века торговое значение Италии постепенно падает, ее место в этом отношении занимает Франция, таким образом, знаменуя "второй период в развитии торговых судов" [4; с. 2]. Характерной чертой данного периода является организация торговых судов посредством государства, в отличие от итальянских, которые возникли без участия государственной власти и контроля с ее стороны.

Особенностью французских торговых судов стала их сословность: во-первых, подсудность напрямую зависела от принадлежности тяжущегося к купеческому цеху, а во-вторых, судьями являлись исключительно купцы, тогда как представителем власти, юристом, был лишь секретарь, следивший за производством и за соблюдением законности решений.

В результате данных процессов начали развиваться торговые отношения между разными городами, что, в свою очередь, делало необходимым учреждение новых торговых судов, которые разрешали бы споры между торговцами различных городов.

Центрами французской торговли были Авиньон, Лион, Арль, Безансон, города Шампани (Труа, Провен, Ланьи, Баре), в которых проводились ярмарки, и для защиты интересов торговцев королевской властью были учреждены особые ярмарочные суды (*cours des foires*). По утверждению Г. Ф. Шершеневича, "необходимость ярмарочных судов обнаруживалась из того, что ярмарка соединяла на время людей, приехавших из разных местностей, с различными правовыми воззрениями. Кратковременность пребывания каждого купца на ярмарке требовала быстроты процесса, не мирилась с волокитой. Многочисленность и сложность столкновений на почве торговых сделок делала обычные суды данной местности совершенно непригодными к ярмарочной жизни" [7; с. 41]. Судьи ярмарочных судов назначались Советом короля, являлись временными (от начала до конца ярмарки), а их решения обжалованию не подлежали.

Наконец, в ноябре 1563 года в Париже был учрежден первый постоянный коммерческий суд с исключительно выборными членами от купечества. Возникнув, таким образом, в 1563 году, постоянный торговый суд функционирует во Франции по настоящее время.

Последующее укрепление особой торговой юрисдикции из купеческим сословием было обусловлено патерналистской политикой государства, которое стремилось из городского населения создать противовес феодалам и реализовавшейся в издании ряда королевских указов, непосредственно направленных на организацию купеческих судов. Так, в царствование Людовика XIV были изданы торговый кодекс "Ordonnance de commerce" (1673 г.) и морской кодекс "Ordonnance de la marine" (1681 г.).

Характер сословности торговые суды сохранили вплоть до XVIII века, когда крупная промышленность стремительно вышла на новый уровень развития, способы производства были усовершенствованы, а цеховая средневековая организация стала "тормозом" для прогрессивной экономической жизни Европы. Нарастающие капиталы требовали свободы, что привело к постепенному распаду корпоративных связей, привилегий феодалов и провозглашения принципы свободы торговли.

Первая французская революция 1789 года, разрушив большинство существовавших до того времени государственных установлений, коммерческий суд оставила и внесла лишь те изменения, которые позволили суду утратить сословный характер. Закон 2 мая 1791

года предоставил для каждого лица свободу производить во Франции торговлю и ремесла, а 14 июля того же года были запрещены все корпорации и союзы.

Третий период развития торговых судов берет свое начало в XIX столетии, когда торговое право было кодифицировано и торговые суды стали руководствоваться не только обычным правом, но и кодифицированными нормами. Кроме того, в данный период торговые суды из сословных окончательно оформились в специальные, то есть их деятельность распространялась на все споры, возникающие по торговым сделкам, безотносительно к сословию тяжущегося. Немаловажно, что круг купечества расширялся за счет притока в торговую среду представителей других сословий, и принадлежность к нему обуславливалась уже не формальной припиской к корпорации того или иного города, а фактическим ведением предпринимательской деятельности. Такие изменения привели к трансформации характера коммерческих судов: из судов сословных они преобразовались в специальные, подсудность которых определялась не по признаку купеческого сословия, а по торговому характеру спорных правоотношений.

Чрезвычайно расширился круг подсудности: в сферу торговых отношений начали входить быстро распространяющиеся банковские операции, транспортная деятельность, посредничество при заключении торговых сделок, сделки, возникающие из обрабатываемой промышленности и т.п. Новое Итальянское торговое уложение включило в торговый оборот операции с недвижимостью. Еще дальше идет в смысле расширения компетенции торговых судов Германское торговое уложение 1897 года. Оно признало торговый характер за всеми предприятиями, которые по свойству своему и объему должны функционировать порядком, принятым для торговых предприятий и распространило подсудность дел коммерческих судов и на часть сельского хозяйства.

Именно в таком виде коммерческие суды, вместе с кодексом Наполеона, проникли во многие государства Европы (Бельгию, Испанию, Голландию, Польшу, Италию), а так же и в Россию, где французское законодательство стало основным источником Устава коммерческого суда для Одессы в 1808 году [5] и Учреждения коммерческих судов и Устава их судопроизводства в 1832 году [6].

К началу XX века коммерческие суды функционировали во Франции, Австрии, Италии, Германии и России. Однако, в Англии, Голландии, Швеции и Испании торговые споры подведомственны общим судебным местам.

Таким образом, на первом этапе развития морские и консульские суды, зародившиеся в средневековой Ита-

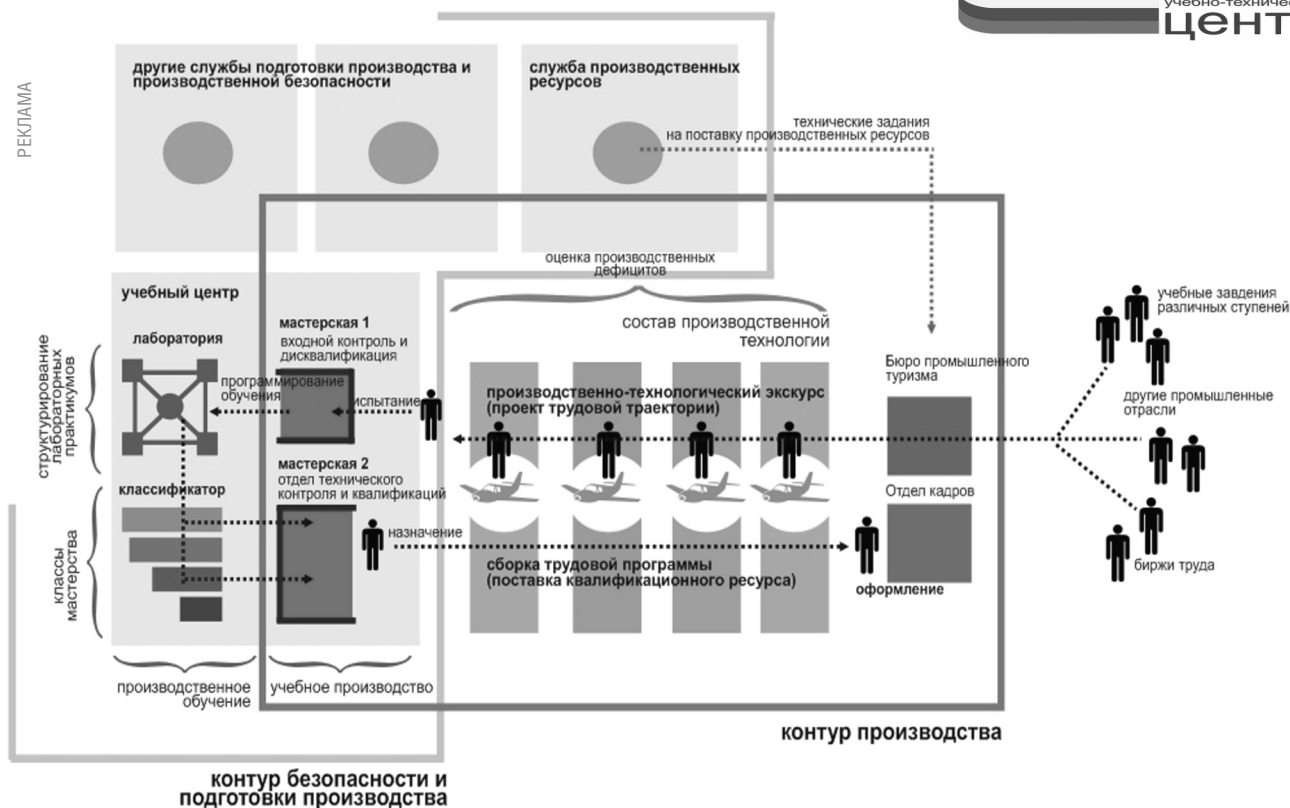
лии, характеризовались строгой сословностью, имели корпоративный характер, применяя для разрешения споров торговый обычай. Второй этап развития торговых судов отличался непосредственным участием государства, когда во Франции законодательно создавались торговые суды, имея судьями выборных от купечества. Третий этап развития коммерческих судов обусловлен кодификацией торгового права и судопроизводства, в результате которого коммерческие суды из судов сословных трансформировались в суды специальные.

Развитие торговли привело к настоящей необходимости в органах, регулирующих торговые споры, судопроизводство в которых отличались бы объективностью и динамичностью производства. Коммерческие суды прошли сложный путь эволюции, поэтапно трансформируясь от судов морских, консульских и ярмарочных, которые имели сословный характер, до судов коммерческих, специальных, имеющих широкий круг подсудности и призванных разрешать споры в сфере предпринимательства, способствуя развитию экономики государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балух В.С. Два века истории хозяйственного правосудия Украины. – Одесса: Астро-принт, 2008. – 414 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.court.gov.ua/sud5037/inform/material/> (Дата обращения: 17. 02. 2018).
2. Витте С. Ю. Конспект лекций о Народном и Государственном хозяйстве 1900–1901. СПб: Типография Акц. Общ. Брокгауз–Ефрон, 1912. – 568 с.
3. Отчет о деятельности Одесского коммерческого суда за 1897 и 1898 годы, с кратким историческим очерком. Одесса: Типография А. Шульце, 1899. – 120 с.
4. Очерк истории Московского коммерческого суда 1833–1908 и его современные деятели / Под ред. пред. Моск. коммерч. суда Н.А. Победоносцева и чл. Суда Т.М. Годзевича. Юбил. изд. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. – 218 с.
5. ПСЗ–I. Т. XXX. № 22886. 10 марта 1808 года. Устав Коммерческого Суда для Одессы. С. 115–124.
6. ПСЗ–II. Т. VII. № 5360. 14 мая 1832 года. Высочайше утвержденное Учреждение Коммерческих Судов и Устав их судопроизводства. С. 268–298.
7. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2003. – 550 с.

© Л.В. Ольшанская, (lvo-1976@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП РОССИИ: ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ТУРЦИИ

FROM THE HISTORY
OF THE DEVELOPMENT OF VARIOUS
SOCIAL GROUPS IN RUSSIA: THE HISTORY
OF RUSSIAN EMIGRATION IN TURKEY

T. Petukhova

Annotation

The article considers the white emigration as a consequence of the revolutionary events in Russia in 1917 and the civil war.

The author considers the peculiarities of arrangement of refugees in Turkey, focusing on the process of proletarianization and lumpenization. In the short space of time before 1927, Russian refugees introduced new phenomena in Turkey, which are controversial from the perspective of traditional Islam.

Keywords: emigration, refugees, civil war, Islam.

Петухова Татьяна Николаевна

*К.ю.н., доцент,
Уральский институт
ГПС МЧС России*

Аннотация

В статье рассматривает белую эмиграцию как следствие революционных событий в России в 1917 году и гражданской войны.

Автор рассматривает особенности обустройства беженцев в Турции, акцентируя внимание на процессе пролетаризации и люмпенизации. За короткий промежуток времени до 1927 года русские беженцы принесли новые явления в Турции, которые являются спорными с позиции традиционного ислама.

Ключевые слова:

Эмиграция, беженцы, гражданская война, ислам.

В период гражданской войны в России в начале ноября 1920 года части Красной Армии, смяв оборону белых, овладели Крымом.

Осознавая неминуемое поражение, А.И. Деникин еще в феврале 1920 года, накануне передачи командования П.Н. Врангелю, приказал готовиться к эвакуации.

Страну покинули тысячи людей, оказавшихся в чужих и непривычных условиях. Началась история русской эмиграции за рубежом.

Общее количество эмигрантов из России на 1 ноября 1920 по подсчётам американского Красного Креста составляло 1 млн 194 тыс. человек [3]. Только с 11 по 14 ноября 1920 года на корабли погружено 15 тысяч казаков, 12 тысяч офицеров и 5 тысяч солдат регулярных частей, 10 тысяч юнкеров, 7 тысяч раненых офицеров, более 30 тысяч офицеров и чиновников тыла и до 60 тысяч статских лиц, в основном, членов семей офицеров и чиновников.

Генерал-лейтенантом П.Н. Врангелем уже 9 января 1921 года учрежден Эмиграционный Совет, в задачи

которого входило "объединение правительственных и общественных органов и частных групп беженцев в общей работе по организации и руководству всем делом русской эмиграции".

Однако вскоре выяснилось, что кроме забот о переселении в другие страны русских беженцев, важным оказался и другой вид деятельности Совета – обустройство беженцев в пределах Турции "на трудовых началах на земле, в форме организации земледельческих колоний в окрестностях Константинополя". В силу этого, с согласия П.Н. Врангеля Эмиграционный Совет был переименован в Совет по расселению русских беженцев.

Самая состоятельная часть русских эмигрантов в течение одной-двух недель, быстро получив визы и купив билеты, уехала в Европу. В Константинополе остались прежде всего малоимущие и неимущие, а также офицеры, казаки и солдаты Русской армии, обладавшие лишь казенным обмундированием и оружием.

Благодаря стараниями одного из последних послов царской России в Турции, Николая Чарыкова, Стамбул стал "портом свободы" для гражданских эмигрантов,

только в нем к началу 1921 года насчитывалось около 150 000 белых русских.

В годы наплыва русской эмиграции Стамбул был оккупирован войсками союзников-победителей в мировой войне. Таковы были условия соглашения в Монтрё от 30 октября 1918 года.

Европейские государства хорошо осознавали проблемы русских беженцев в Стамбуле. По указу бельгийской королевы был создан "комитет помощи гражданам России", и его представительство было направлено в Стамбул [1].

Белые русские были в Стамбуле с 1918 до 1940-х годов, но их влияние на жизнь города наиболее заметно в 1920–1924 годах. Наплыв русских эмигрантов пошел на убыль после того, как большинство белых русских получило визы во Францию, США, Канаду или Аргентину. Многие рассматривали Стамбул только как этап перед окончательным поселением в других странах. Все, кто хотел остаться, должны были принять турецкое гражданство. К 1930-м годам в Стамбуле образовалась небольшая, но устойчивая русская диаспора.

В городе резко обострились продовольственная и жилищная проблемы, безудержно росли цены, возникла угроза массовых эпидемий. Центрами эмигрантской жизни стали здания российского посольства, представительства Российского общества Красного Креста, Всероссийского Земского союза и Всероссийского Союза городов. "Все эти учреждения были центральным нервом всей жизни беженцев в Константинополе. Если кто желал что-нибудь узнать, навести справку, разыскать знакомого, найти или предложить работу, – все шло сюда со всех концов города. Обычным местом сбора был посольский двор, своего рода беспроволочный радиотелеграф и клуб. Здесь получались всевозможные сведения, невероятные слухи и распространялись отсюда с неправдоподобной быстротой по всему городу и "беженскому миру".

Уже в начале 1921 г. среди эмигрантов выделилась своеобразная элита, которая могла позволить себе жить на широкую ногу и не спешила уезжать в Европу, наживаясь на нужде и отчаянии своих соотечественников. Основную же массу, напротив, быстро охватил беспощадный процесс пролетаризации и люмпенизации.

Русские беженцы становились плотниками, каменотёсами, кузнецами, портными, садовниками и т.д. Русские изготавливали торшеры, паруса и рыболовные сети; сами становились рыбаками на Босфоре или матросами греческих торговых судов. Можно было устроиться подносить чемоданы или чинить обувь. Олег Онегин, когда-

то полковник белой армии, освоил изготовление кнутов с посеребренными ручками и продавал их извозчикам.

Офицеры работали грузчиками и открывали мастерские, дамы из "общества" служили официантками и кельнершами, нередко зарабатывая на жизнь и проституцией. Немало было и таких, кто влачил жалкое существование, прося милостыню, ночуя в общежитиях и питаясь по талонам в столовых,

Прилив беженцев принес в Стамбул слово *harasho*: оно так часто звучало в русских ресторанах, барах, клубах, магазинах и кафе, что стало узнаваемым. Это слово появилось в газетных статьях, анекдотах и на карикатурах.

По разным подсчётам Турция, предоставляя русским мигрантам приют и работу, спасла до 400 тысяч беженцев из революционной России. Сами турки проявили большое гостеприимство: в ноябре 1920 года турецкие моряки пришли на помощь трем тонущим у берегов Килоса кораблям, полным русских беженцев. А жители и местные власти районов Мода и Кадыкой, куда приходили корабли с беженцами, одевали русских, кормили и обеспечивали их кровом.

Множество русских ресторанов открывалось в Стамбуле в двадцатилетие между 1920–1940 годами. С приходом русских изменилась ночная и светская жизнь Стамбула. Эмигранты стали открывать кафе, рестораны, бары, кофейни и игорные заведения, с характерными русскими названиями: "Георгий Карпыч", "Московит", "Максим", "Киевский", "Медведь" и т.д. Некоторые заведения продолжают работать и сегодня.

За это время в меню "обосновались" борщ, бефстроганов, котлеты по-киевски и всевозможные сорта водки.

Самым знаменитым рестораном Стамбула был "Режанс". Открытый в 1930-х годах Тефиком Манарсом, Вероникой Протопоповой и Верой Чирик недалеко от улицы Истякль, "Режанс" стал легендой своего времени.

В 40-е годы в ресторане играл балалаечный оркестр; ему на пианино подыгрывала известная баронесса Валентина Ташкина. В 1960-х музыки в ресторане не стало. В 1975 году в результате пожара ресторан был разрушен. Исчезли солидные дубовые панели и массивные колонны. В 1977-м ресторан открылся совершенно обновленным.

Ресторан "Айяпаша" был открыт в начале 1940-х годов Юдифью Кржижановской и ее мужем-венгром. В основном в нем готовили те же блюда, что и в "Режансе", но цены были ниже и посетители проще. Хозяйка управляла рестораном до самой смерти в 1980-х годах.

Не все русские из оказавшихся в Стамбуле посвятили себя индустрии развлечений, искусствам или коммерции. Георгий Кирпичев, родившийся в 1902 году, был одним из лучших боксеров своего времени. Он приехал в Стамбул в 1920 году, а после 1922-го стал привлекать внимание прессы не как Кирпичев, а как Боксер Кирпич.

В Стамбуле Кирпич занялся боксом и через два года стал заметной фигурой. В 1923 году он выиграл матч у французского чемпиона Мэтра, победил нокаутом чемпиона Англии Леоланда и чемпиона американского флота Сиписа. В 1924 году он вышел на ринг против американского чемпиона Гарри Смита и в конце девятого раунда победил нокаутом. Его превосходная техника сравнима только с его безупречной дисциплиной: болельщики гордились джентльменским, истинно спортивным поведением боксера.

Появилась лотерея и другие, запрещенные в исламе, способы заработка. Конечно, не всем нравились новые традиции и обычаи, привнесенные белыми эмигрантами.

Итак, за короткий период времени, в 1927 году истек срок их разрешенного пребывания в стране, русские эмигранты заложили основы современных обычаев:

- ◆ наиболее склонная к переменам часть женского населения Стамбула заменила вуали марлевыми повязками, тюрбанами, появились короткие стрижки;
- ◆ заложены традиции продажи цветов на улицах города, открытия кондитерских магазинов, работающих 24 часа в сутки, балы-маскарады, танцы и чайные посиделки;
- ◆ пляжный отдых в Турции связан с русскими эмигрантами [2].

Данные новшества спорны с позиции традиционной мусульманской страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И. Российская эмиграция. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/69462-ocherk-ob-istorii-russkih-emi-grantov-v-stambule>
2. Ногманов Б. "Их нравы": русский Стамбул. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/69462-ocherk-ob-istorii-russkih-emi-grantov-v-stambule>
3. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М.: ОГИ, 2005.
4. Раев М. Россия за рубежом. – М.: Прогресс-Академия, 1994.
5. Стародубцев И. Россия – Турция. 500 лет беспокойного соседства. – М.: Литагент, 2017.

© Т.Н. Петухова, (tatyana.petukhova@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Уральский институт ГПС МЧС России

РАСКУЛАЧИВАНИЕ В ЧЕРЕПОВЕЦКОМ ОКРУГЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Русинов Сергей Михайлович
Аспирант,
Череповецкий Государственный
университет

DISPOSSESSION OF KULAKS IN THE CHEREPOVETS DISTRICT OF THE LENINGRAD REGION IN DAYS OF COLLECTIVIZATION

S. Rusinov

Annotation

In this article, one of the most tragic moments of the peasantry in the history of the Soviet state, the process of dispossession, was analyzed on the basis of archival documents and materials of the local periodical press. The author examines the main points of the policy of dekulakization by the example of the data of the Cherepovets district of the Leningrad region during the years of collectivization. On the basis of archival materials, the idea of who was the kulak and what categories of kulaks were singled out by the Soviet authorities was revealed. The data presented on the methods and methods of dekulakization, the number of peasant families subject to eviction from the territories they occupy show the scope of the anti-kulak policy on the ground. The article also gives examples of how peasant households, classified as "kulaks", resisted the authorities and how the peasants managed to move from the category of kulaks to the middle peasants.

Keywords: collectivization, class fight, fist, dispossession of kulaks, periodicals.

Аннотация

В данной статье на основе архивных документов и материалов местной периодической печати проанализирован один из самых трагичных моментов крестьянства в истории советского государства – процесс раскулачивания. Автор рассматривает основные моменты политики раскулачивания на примере данных Череповецкого округа Ленинградской области в годы коллективизации. На основе архивных материалов раскрыто представление о том, кто являлся кулаком и какие категории кулачества выделялись советской властью. Представленные данные о способах и методах раскулачивания, количестве крестьянских семей, подлежащих выселению с занимаемых ими территорий, показывают размах антикулацкой политики на местах. В статье также приведены примеры того, как крестьянские домохозяйства, отнесенные к категории "кулаки", оказывали сопротивление властям и какими способами удавалось крестьянам переходить из категории кулаков в середняков.

Ключевые слова:

Коллективизация, классовая борьба, кулак, раскулачивание, периодическая печать.

Коллективизация сельского хозяйства, начавшаяся в СССР в конце 1920-х гг. стала одним из самых сложных и драматичных периодов в судьбе русского крестьянства. Несмотря на большое количество работ, посвященных данной тематике, остается малоизученным ход коллективизации в некоторых регионах нашей страны. В данной статье рассматривается процесс раскулачивания в 1929 – 1931 гг. на территории Череповецкого округа Ленинградской области (с 1937 г. данная территория входит в состав Вологодской области). Отдельные аспекты проведения коллективизации в данном округе затрагивались в статьях А. Белуничева [1] и Л. Мамченко [5], основанных на архивных материалах, но многие аспекты раскулачивания еще нуждаются в изучении.

Большой вклад в изучение психологии крестьянства в период сплошной коллективизации внесли и социологи. Поэтому интересной является работа Гуцзина Н.Я. "Раскулачивание в Сибири (1928 – 1934 гг.): методы, этапы, социально – экономические и демографические последствия" [3]. В ней автор ставит перед собой задачу

на основе преодоления традиционных идеологических концепций, используя новые документальные материалы, реконструировать историю "раскулачивания" в Сибири: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия.

Важнейшей составной частью коллективизации была политика, направленная против кулачества. Если в 1920-е гг. удар по кулачеству наносился только в политической (лишение избирательных прав) и экономической (усиление налогообложение) сфере, то с конца 1929 г. власть объявила о переходе к реализации главной стратегической задачи, определенной большевистской партией, – ликвидации "класса единоличного крестьянства" и созданию "класса колхозного крестьянства". Переход к политике "ликвидации кулачества как класса" был провозглашен И.В. Сталиным в ноябре 1929 г. в речи на конференции аграрников-марксистов, в которой было объявлено о "настоящем наступлении на кулачество" [4, С. 30]. К этому времени, в преддверии сплошной коллективизации, 21 мая 1929 г. СНК СССР определил признаки кулацких хозяйств, достаточно расплывчатые и

неопределенные, которые затем были несколько уточнены при разработке закона о едином сельскохозяйственном налоге на 1930 г.

Кулацкий слой делился на три категории: к первой отнесли контрреволюционный актив, организаторов террористических актов и антисоветских мятежей. Они подвергались аресту и предавались суду. Вторую категорию составляли кулаки, бывшие полупомещики, выступавшие против коллективизации. Им предстояло выселение из районов сплошной коллективизации в северные и отдаленные регионы страны. Порядок расселения кулаков третьей категории возлагался на окрисполкомы. Это наиболее многочисленная группа кулаков подлежала расселению в пределах районов на специально отводимых за пределами колхозов землях. Кулачеству, отнесенному к третьей категории, предстояла частичная конфискация, с сохранением трудовой нормы для ведения хозяйства с твердыми заданиями по сдаче сельскохозяйственной продукции. Отдельной группой крестьян являлись подкулачники. Так называли крестьян, которые во время коллективизации действовали в интересах кулаков или выступали на их стороне.

В Череповецком округе мероприятия по ликвидации кулацких хозяйств в районах и сельсоветах сплошной коллективизации состояли в следующем:

1 – выселение за пределы районов сплошной коллективизации элементов кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, относимых ко 2-ой категории.

2 – расселение в пределах Череповецкого округа на специально отведенных землях за пределами колхозных хозяйств кулаков, относимых к третьей категории.

3 – конфискация у всех выселяемых кулаков всего имущества (при этом кулакам оставляли необходимое количество предметов домашнего обихода, средств производства, продовольствие и деньги согласно установленным нормам).

Для проведения подготовительной работы по выявлению и учету кулацких хозяйств, подлежащих выселению с конфискацией имущества, во всех районах сплошной коллективизации при Районных исполнительных комитетах создавались "тройки" в составе председателя Райисполкома, секретаря Райкома ВКП(б) и председателя колхозного объединения [10]. Одновременно с этим районные исполкомы, совместно с сельскими советами с привлечением правлений колхозов, развернули широкую работу с беднотой, батрачеством, колхозниками по вынесению приговоров о конфискации имущества и выселению кулаков и их семейств, а также о передаче имущества ликвидированных кулацких хозяйств в неделимый капитал колхозов.

Высылаемые кулаки направлялись из мест проживания в сборные пункты в городе Череповце и в центрах Пришекснинского и Бабаевского районов. Данные по выселяемым кулацким хозяйствам на 1930 г. приведены в табл. 1. [14].

Итого к выселению подлежало 936 хозяйств с 5061 жилой душой. Для выселения потребовалось 151 вагон, в том числе 24 вагона для вещей. Если переводить на эшелоны (считая по 12 вагонов – эшелон) потребовалось 12 составов с отправкой в каждой из них в среднем по 422 человека.

К 1 марта 1930 г. представители Райисполкомов должны были провести работы по выявлению участков земли внутри округа, возможных к заселению кулачеством, разработать к этому сроку особый план расселения, организовать поселки с управлением, с таким расчетом, чтобы расселение производилось небольшими поселениями и управление осуществлялось специально назначенными тройками или уполномоченными, назначенными Райисполкомами с утверждением Окрисполкомов [11].

Для заселения расселяемыми внутри округа кулачки-

Таблица 1.

Количество выселяемых кулацких хозяйств в Череповецком округе на 1930 год.

Наименование района	Кол-во хозяйств	Кол-во душ	Сборный пункт
Абакановский	104	525	Череповец
Бабевский	98	641	Бабаево
Мяксинский	90	480	Череповец
Ник. Торжский	147	750	Шексна
Пришекснинский и Петриневский	215	1200	Шексна
Уломский	112	565	Череповец
Череповецкий	170	900	Череповец
<i>Итого</i>	936	5061	

ми хозяйствами 3 категории выделили колонизационный фонд земли по Ножемскому, Киямскому, и Борисов–Судскому учлесхозам; границами массива являлись: с Северо–Восточной стороны река Ивода и землепользования; селения: Пондальского и Куйского сельсоветов Шольского района; с Юго–Восточной стороны селения Кьямского сельсоветов и верховьев рек Кьярда и Шолица; с Юго–Западной стороны селения Ножемского сельсовета, Борисов–Судского района и реки Ножемка; с северо–западной – окружная граница с Лодейно–Польским округом. Всего был выделен участок размером в 60 тыс. гектаров, из которых 30 тыс. га. покрыто разновозрастным лесом, 18 тыс. га. пустырей, гарей и не облесившейся вырубки и 12 тыс. га. неудобных земель, болот, озер и прочего [14].

Кроме того, в Череповецкий округ предполагалось переселить кулаков из других округов области. Так, например, из Псковского округа в Вашкинский и Шольский районы предполагалось переселить 1000 хозяйств, из Ленинградского округа в Петриневский и Кирилловские районы 880 хозяйств, а из Лужского округа в Белозерский и Борисов–Судский районы 250 хозяйств [14]. В итоге это решение было признано не целесообразным из-за того, что это районы сплошной коллективизации, из которых намечалось провести выселение Окрисполкомом.

У кулаков конфискации подлежало имущество, средства производства, скот, хозяйственные постройки, производственные и торговые предприятия, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества, а также наличные деньги [2, С. 2].

Кулакам оставляли лишь самую необходимую часть предметов домашнего обихода, средств производства, в соответствии с характером района на месте переселения (пила, топор, лопата, шлея, хомут) и минимум продовольствия, необходимый на первое время. Вся земля и конфискованное имущество за исключением части, подлежащей сдаче в доход государства на покрытие задолженности кулачества, передается колхозам, которые были обязаны обеспечить полный засев передаваемой им земли. Конфискованные у кулаков жилые постройки передавались на общественные нужды сельсоветов и колхозов. При отсутствии поблизости колхоза, конфискованное имущество использовалось как стимул для организации нового колхоза в данном селении. Кулаков, выселенных на новые земли, использовали как рабочую силу в особых трудовых дружинах и колониях на лесозаготовках, корчевках, лесонасаждениях, строительных, дорожных, мелиоративных, лесоустроительных и других работах.

В ходе проведения работ по "ликвидации кулачества как класса" имелись существенные перегибы. В ряде районов Череповецкого округа работы проводились не в связи с коллективизацией, ликвидировали, помимо ку-

лацких, и середняцкие хозяйства [11]. Имелись факты, когда лишались избирательных прав бедняки и середняки, их хозяйства облагались сельхозналогом в индивидуальном порядке, зачастую выше стоимости самого хозяйства, проводилась продажа хозяйств [10].

Раскулачивание охватило все сельсоветы, причем процент экспроприированных крестьянских хозяйств был почти одинаково высоким как в районах сплошной коллективизации, так и в районах, где она еще не проводилась. В число раскулаченных попадало много мелких торговцев, активно проявивших себя в период НЭПа. Так, в деревне Еремеево было раскулачено три крестьянских хозяйства, которые несколько лет торговали разной мелочью, развозя товары по деревням [1, С. 4].

В борьбу против кулачества активно включилась и часть крестьянского населения. Череповецкая газета "Коммунист" из номера в номер публиковала письма крестьян с требованиями отобрать у зажиточных крестьян часть имущества: "Требуем раскулачить Петрова К.С., имущество передать хозяйству социалистического сектора" [8, С. 3]. Отметим, что, как правило, эти письма были анонимными или заканчивались такими псевдонимами как: "Грач", "Борец", "Петрович", "Правдолюб", "Свой", "Знающий". Во многих случаях выявления кулацких хозяйств беднота и колхозники активно поддерживали мероприятия по выселению кулаков, за исключением тех случаев, когда допускались ошибки со стороны советских органов. Так, пленум Чаромского сельсовета, Пришексинского района, лишил права на землепользование 8 середняков только потому, что они когда-то были против вхождения в колхоз [14].

Видя, что в проведении раскулачивания существенное слово принадлежит бедноте, некоторые кулаки старались войти в доверие к этой группе крестьян и найти защиту с ее стороны. Вот что сообщалось в одном из докладов из Петриневского района: "В деревне Кнutowo, когда проводилось общее собрание в продолжение собрания бедноты, о выселении кулаков, коллективизации и весенней посевкомпании, то на это собрание пробрались кулаки и, узнав о решении бедноты о высылке их – "расплакались" и стали подпольным порядком собирать подписи от бедноты, на освобождение от сельхоз налога в индивидуальном порядке и не высылке из пределов своего района" [14].

Зажиточные крестьяне и те, кого называли подкулачниками, принимали все меры к тому, чтобы противодействовать проведению работ по раскулачиванию. Имелись случаи созыва после собрания о выселении, второго собрания без участия работников сельсоветов, с целью изменения первого решения. Бывали случаи, когда кулаки спаивали водкой часть бедняков для получения поддержки с их стороны. Такой случай зафиксирован в Николь-

ском сельсовете (кулак Ручинин спивал бедняков). Кроме того, из районов сообщали факты, когда кулаки, предвидя конфискацию своего имущества, раздавали его в пользование бедноте или пытались его продать частью сами, частью – через бедняков и середняков [14].

Укрывали и способствовали укрытию имущества в большинстве случаев подкулачники, являвшиеся по имущественному положению середняками, но наблюдались случаи и со стороны бедняков. Способы были разнообразными: под видом продажи, искусственного брака и пр. Например, крестьянин–середняк Зареченского сельсовета женился на дочери кулака Кунина, по договоренности развелся с женой, и через 2 дня зарегистрировал брак со второй дочерью того же кулака, который всю основную часть своего имущества передал зятю в приданое [13].

Случаи так называемого "самораскулачивания" имущества имелись во всех районах, о чем говорят материалы, поступавшие председателю череповецкого окрисполкома. Так, в Крешевском сельсовете Пришекснинского района кулак В.И. Соколов сам раскулачился. 11 января 1930 г. он привез в канцелярию сельсовета для пользования один мягкий с шелковой обшивкой диван, два мягких стула и одно кресло [13]. Кулак Голубев Кнуровского сельсовета Петриневского района продал дом совхозу "Романцево" и уехал [14]. Отмечались также случаи бегства кулаков. Из Петриневского района сообщали, что кулак Крылов Анишинского сельсовета, будучи оштрафованным за не сдачу контрольных цифр по хлебозаготовкам, после проведения описи имущества, уехал в Ленинград [14].

В табл. 2 [14] приведены данные о рассмотренных делах по раскулачиванию и выселению кулацких хозяйств в

Череповецком округе окружной Тройкой по ликвидации кулака, как класса по состоянию на 19 апреля 1930г.

Всего на 1 марта 1930 г. к индивидуальному обложению было выявлено 2973 кулацких хозяйства из общего количества 114729. Из них индивидуально обложено 2380 хозяйств или 2,07 % к общему числу хозяйств.

Естественно кулаки пытались всячески сопротивляться политике раскулачивания. В Череповецком округе не редко бывали случаи нападений кулаков на селькоров, колхозных активистов, общественников деревни и др. Подобный случай произошел в Кадуйском районе – в деревне Заозерье в праздник "тихвинскую" кулак–лишенец М. Сизов со своим сыном пытались избить местного уполномоченного сельсовета [5, С. 3]. В деревне Паново Мяксинского района зажиточные крестьяне напали на представителей бедноты, а в Абакановском районе лишенец револьвером угрожал члену Избиркома и требовал восстановления своих прав [9]. В деревнях Кустец и Костяево Мяксинского района группа кулаков и зажиточных крестьян совершила покушение на селькора–активиста С. Серова [10]. Причина покушения заключалась в том, что Серов вел активную работу в печати против кулачества, сгруппировавшегося при церковном совете Усищевской церкви. Кроме того, он вел широкую антирелигиозную агитацию, выступал против восстановления Усищевской церкви. В ночь на 1 апреля 1930 г. в Войловском сельсовете Петропавловского района был убит кандидат ВКП(б) крестьянин–бедняк, писмоносец–селькор–активист–колхозник И.Г. Еличев за работу по проведению коллективизации. В деревне Медвежья Кустовского сельсовета Пришекснинского района убили бывшего члена колхоза "Новая жизнь" Н.Е. Егорова–Малолетова за то, что он сообщил уполномоченному РИКа о со-

Таблица 2.

Данные по количеству раскулаченных домохозяйств в Череповецком округе по состоянию на 19 апреля 1930 года.

Наименование района	Поступило дел	Рассмотрено дел	Из них			Отложено	Осталось не рассмотрено
			По 2 категории	По 3 категории	Не попали под кулац. хоз		
Бабаевский	30	30	17	5	1	6	-
Кадуйский	14	14	6	2	2	-	-
Мяксинский	38	15	13	1	-	1	23
Петриневский	2	2	-	2	-	-	-
Петропавловский	4	-	-	-	-	-	4
Пришексн.	73	73	11	12	34	16	-
Череповецкий	10	10	6	2	2	-	-
<i>Итого</i>	171	142	53	26	41	23	27

Таблица 3.

Изменения сельскохозяйственного налога в 1931г.

Размер облагаемого дохода	Размер с.-х. налога
До 500р.	По 20к. с каждого руб. дохода
Свыше 500р до 700р.	100р. + 30к. с каждого руб. дохода
Свыше 700р до 1000р.	160р. + 40к. с каждого руб. дохода
Свыше 1000 до 3000р.	280р. + 50к. с каждого руб. дохода
Свыше 3000р до 6000р.	1280р. + 60к. с каждого руб. дохода
Свыше 6000р.	3080р. + 70к. с каждого руб. дохода

крытии одним из кулаком дров во время описи его имущества [12]. Таких примеров, опираясь на документы, можно привести множество. Некоторые из этих преступлений носили скорее личный, нежели антисоветский характер; однако власти всем этим фактам давали трактовку как "кулацкий террор" или "кулацкие выступления".

Подвергнувшись процессу раскулачивания люди не восстанавливались в правах. Положение раскулаченных усложнилось в середине 1931 г., когда был установлен новый размер сельскохозяйственного налога. С хозяйств кулаков, облагаемых в индивидуальном порядке, налог исчислялся исходя из размеров, приведенных в табл.3. [7, С. 2].

Таким образом, реальная политика ликвидации кулачества как класса началась в Череповецком округе в марте 1930 г. В зону сплошной коллективизации вошли практически все районы округа. Батрацко-бедняцкие крестьянские группы оказывали властям активную поддержку и помощь в этой работе. Выселенным кулакам оставляли производственный фонд в размере месячной потребности семьи, инструменты (лопату, топор, пилу), одежду (что могли одеть на себя). Имущество кулаков и

конфискованные средства производства передавалось в колхозы в качестве вступительного взноса батраков и бедняков. Если не выселяли, то коров, лошадей забирали и назначали высокий сельскохозяйственный налог. Приведенные в таблицах данные охватывают не все районы Череповецкого округа, так как оперативные сводки поступали не из каждого района, а часть документов утрачена или находится в плохом состоянии.

Имеющиеся данные говорят о значительных размерах раскулачивания в Череповецком округе. Из имеющихся на начало 1930 г. 114729 хозяйств раскулачиванию и индивидуальному налоговому обложению подверглось 2973 хозяйства, за пределы округа переселено свыше тысячи хозяйств, т.е. около 3,5% от общего числа хозяйств [13]. Тех кулаков, кто не подлежал выселению со своих земель, облагали высокими налогами и нормами обязательных сдач. Кулакам, выселяемым за пределы района, предоставлялись сложные для введения хозяйств территории в болотистых, лесистых и т.п. местностях. В итоге политика "ликвидации кулачества как класса" привела к тому, что большинство кулацких хозяйств Череповецкого округа прекратило свое существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белуничев А. Как создавались колхозы: [в Череповецком районе] // Сельская Новь. 2009. 18 апреля.
2. Гришина Г. Путь колхозов – единственный правильный. Из истории коллективизации в Череповецком районе // Сельская Новь. 1973. 4 января.
3. Гуштин Н. Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): Методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. – Новосибирск, 1996г.
4. Зеленин И. Е. "Революция сверху": завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28 – 42.
5. Кулацкая агрессия // Коммунист. 1929. 22 сентября.
6. Мамченко Л. Так начинались колхозы (Из архивных документов 1930 года) // Речь. 1991. 8 ноября.
7. Размер сельхоз налога // Коммунист. 1931. 11 мая.
8. Раскулачить // Коммунист. 1930. 6 февраля.
9. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 2. Оп.6. Д. 8. Л. 3.
10. ЧЦХД. Ф. 2. Оп.6. Д. 21. Л. 23.
11. ЧЦХД Ф.5 О.1 Д. 47
12. ЧЦХД. Ф. 2. Оп.6. Д. 30. Л. 5, 6, 10.
13. ЧЦХД. Ф. 2. Оп.6. Д. 31. Л. 1 – 20.
14. ЧЦХД. Ф. 2. Оп.6. Д.15. Л. 5 – 10.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ (газета "Красный Север", 1929 год)

FORMATION OF AN IMAGE OF THE ENEMY
IN THE SOVIET PRESS ON MATERIALS OF
PERIODICALS OF THE VOLOGDA REGION
(The Krasny Sever newspaper, 1929)

S. Rusinov

Annotation

In this article, the author on the basis of a study of the materials of the regional party edition – the newspaper "Krasny Sever" for the period from January to March 1929, inclusive, reveals the specific weight of the "kulak" theme in the press. With the help of the content analysis, the scope of the ideological and propaganda company on the formation of the enemy image in the Soviet mind is considered. As the indicators that make it possible to classify a particular newspaper material as a "kulak" theme, the author chose the following words and phrases: "kulak", "kulaks", "clerk", "class enemy in the village", "exploiter" (in the village), The "capitalist element" (in the village), and others.

Keywords: seal, image, kulak, "enemy of the people", Soviet ideology, class struggle, dispossession.

Русинов Сергей Михайлович

Аспирант,

Череповецкий Государственный

университет

Аннотация

В данной статье автор на основе исследования материалов областного партийного издания – газеты "Красный Север" за период с января по март 1929 года, включительно, выявляет удельный вес "кулацкой" темы в печати. При помощи контен-анализа рассматривается размах идеолого-пропагандистской компании по вопросам формирования образа врага в советском сознании. В качестве индикаторов, позволяющих отнести тот или иной газетный материал к "кулацкой" теме, автором были выбраны следующие слова и словосочетания: "кулак", "кулачество", "подкулачник", "классовый враг в деревне", "эксплуататор" (в деревне), "капиталистический элемент" (в деревне) и др.

Ключевые слова:

Печать, образ, кулак, "враг народа", советская идеология, классовая борьба, раскулачивание.

Период с конца 1920-х по начало 1930-х годов был одним из самых важных периодов в процессе формирования советского общества. Решающая роль в этом процессе, несомненно, принадлежала государству. Советская власть широко применяла методы борьбы с чуждыми новой идеологии элементами. К инструментам давления на такие элементы относились: ограничения при приеме на работу, в учебные заведения, репрессии и отправки в ссылку, заключения, лишения избирательных прав и др. В целях строительства новой социальной структуры, помимо административного метода, активно применялись и идеолого-пропагандистские компании, призванные сформировать в общественном сознании образ "врага". В данной работе на примере формирования образа "кулак", была предпринята попытка проанализировать черты пропагандистской компании.

Географические рамки статьи обозначаются территорией Вологодского района, образованного в 1929 году из состава бывшей Вологодской губернии.

Хронологические рамки статьи ограничиваются периодом с января по март 1929 года – это обуславлива-

ется интересом автора к вопросу о формировании образа "врага народа" на примере политики коллективизации еще до начала борьбы с "кулачеством как классом".

Современная российская историография рассматривает процесс коллективизации как насильственную политику государства в отношении крестьянства. Так же нет общего мнения и о причинах начала такой политики. Одной из основных версий является попытка рассмотреть коллективизацию как стремление власти к огосударствлению различных сфер общественной жизни [10, С.82] и, в частности, к "ликвидации крестьянства как класса самостоятельных товаропроизводителей" [7, С.4]. Исходя из этого, например, С.Н. Ушакова делает вывод, что процесс "коллективизации" стоит понимать, как "процесс насильственного огосударствления крестьянского хозяйства" [10, С. 4].

Вопрос формирования образа "врага" в отечественной историографии начал изучаться в контексте изучения событий периода революции 1917 г. и Гражданской войны. Наиболее значимой работой, на взгляд автора, является труд И.Л. Архипова об общественной психоло-

гии петроградских обывателей в период революции. В работе изучается начальный этап формирования образа "врага народа". И.Л. Архипов попытался выделить механизму, способствующие закреплению в сознании понятия "враг", для этого власть пыталась привить употребление в повседневной речи словесных клише, например: "provokator", "буржуй", "торговец-спекулянт". [2, С. 57]. Другой значимой работой является исследование Е.А. Сазонова. Автор в своем труде пришел к выводу, что в подготовке и осуществлении Октябрьской революции огромную роль сыграл образ "врага народа" формируемый политикой большевиков [9].

С конца 1990-х гг. в исследованиях, рассматривающих процесс создания образа "врага народа", стали доминировать проблемы механизма и способов формирования образа в общественном сознании. Н.Б. Арпаутов в своем труде обратил внимание на то, что в идеологической компании советского правительства в зависимости от приоритетов использовались три основные функции: укреплению идеократической "картины мира"; использованию режимом мобилизационного потенциала для решения практических задач; стратификационному приписыванию персон и социальных групп к категории "врагов народа" [1, С.18]. Г.Ф. Доброноженко считает, что целью выделения крестьян в категорию "врагов", при проведении социальной политики, было необходимым для противопоставления ее другим социальным категориям и для дальнейшей ликвидации [3]. С.Н. Ушакова при описании идеологической компании против "кулаков" применяет метод контент-анализа, который дает возможность наглядно увидеть весь процесс формирования образа "врага" народа благодаря периодической печати [10].

"Антикулацкая" пропагандистская компания была развернута в Вологодском районе с 1929 года, как часть хлебо- и лесозаготовительных компаний. Главным источником пропаганды против кулаков на местах, помимо собраний бедноты, являлись районные и областные газеты. В Вологодской области можно выделить два крупных издания – "Коммунист" в Череповецком районе, и "Красный Север" в Вологодском районе. В этих газетах отражались важные события для страны в целом и области в частности. Вопросам коллективизации и развития сельского хозяйства выделялось две страницы из четырех. Еще с 1928 года на страницах "Коммуниста" и "Красного Севера" начались печататься статьи направленные против "кулака". Вот, например, как заканчивалась статья в газете о подготовке к выборам в сельсоветы: "Кулаки не спят. Кулаки пытаются пролезть в советы" [4, С.3]. Почти в каждом номере писалось про разоблаченные кулацкие махинации "Кулаки пытались развалить комвзаим", "Как кулак Баулов надул крестьян", "Кулацкие махинациям дадим отпор", "Кулак Пахомов обманул целую деревню" и т.д.

Во все сельсоветы области отправлялись рабселькоры, задача которых была выявлять кулаков и их проделки. По этому поводу в газете появилась памятка рабселькору, которая рассказывала о классовой борьбе и кулацким проделкам в деревне. Статья гласила, что "рост коллективизации – прямым путем бьет кулака", однако "кулак сдаваться не хочет. Он пускается на все уловки, на всевозможные способы тормозить социалистическое строительство, а где можно и прямо его срывать" [6, С.2]. В связи с этим рабселькорам, наблюдающим классовую борьбу в деревне, "широко и всесторонне выявляли каждого кулака, все его проделки и махинации" [Там же, С.2]. Рабселькоры должны были написать анкеты, в которых им предстояло ответить на следующие вопросы: какие вы наблюдали случаи противодействия кулаков в провидении агроминимума, их агитация против расширения посевных площадей, очистки зерна, против землеустройства, уничтожения межников; как кулаки ведут агитацию среди окружающего крестьянства – их доводы, подкуп, запугивание, явные формы вредительских выступлений, срыв помощи бедноте, клеветничество по адресу колхозов и тому подобное [Там же, С.2]. Также перед рабселькорами стояла задача проследить, не проник ли где кулак в советские, общественные и кооперативные организации. Разоблачая кулака, описывая различные проявления классовой борьбы рабселькор должен был "писать не вообще, а указывать определенные местные факты, называя подлинных лиц, точно указывая место и время" [Там же, С.2]. Все эти задачи должны были решить главную цель "смело, решительно, без утайки и замазывания, без сглаживания классовых противоречий – до конца разоблачать каждого кулака" [Там же, С.2].

Заметим, что несмотря на самостоятельность редакций в освещении коллективизации и "раскулачивания", местная печать не была освобождена от ответственности за допущенные ошибки. По части статей, в которых упоминались преступления со стороны "кулаков", проводились расследования. Так в статье в газете "Коммунист" писалось, что "группой кулаков было разогнано собрание бедноты. Не успели они и повестки дня объявить, как с шумом влетела группа кулаков и требовала прекратить собрание. В результате собрание бедняков было сорвано, а кулаки тут же объявили свое кулацкое собрание" [5, С.3]. При проведении расследования выяснилось, что селькор, мало того, что сам не присутствовал на собрании и написал заметку с чьих-то слов, так еще и было место преувеличения фактов [11].

Для того чтобы понять размах пропагандистско-идеологической компании против кулачества нами был проведен контент-анализ газеты "Красный Север" за 1929 год, в течение которого количество номеров составило 74 единицы. Газета сохранилась в полном объеме, благодаря чему можно полностью проанализиро-

вать размах идеолого–пропагандисткой компании в данном источнике.

При проведении контент–анализа решалась следующая задача определения степени внимания прессы к "кулацкой" теме, а именно выявление ее удельного веса среди других тем.

В указанный период задачей советской печати было не объективное отражение ситуации в борьбе с кулаком, а стремление сформировать образ "врага", который можно было бы использовать для конкретных политических целей.

В 1928–1929 гг. законодательно закрепился термин "кулак", а также определены классовые признаки и социально–экономический статус данного класса.

В Постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 г. "О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде" впервые были четко определены законодательно критерии, на основании которых индивидуальное крестьянское хозяйство можно было квалифицировать как "кулацкое" в том случае [8]: если на данном хозяйстве систематически применялся наемный труд; имеется строение, относящееся к промышленному предприятию (мельница, маслобойня и др.), с использованием на нем механического двигателя; сдает в аренду сложную сельскохозяйственную технику, помещения; а также если занимались торговлей или имели не трудовые доходы.

Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г., объединив две экономические разновидности эксплуататорских хозяйств (эксплуататоров в сфере производства, систематически применяющих наемный труд, и представителей непроизводственного капитала, торгового и ростовщического), законодательно закрепило синонимичность понятий "кулак" и "сельская буржуазия" ("сельский эксплуататор").

Исходя из выше перечисленного, в нашем исследовании под "кулацкой" темой подразумевается всякое упоминание в "Красном Севере" этой группы крестьян.

Для определения удельного веса темы, то есть отношения количества газетных материалов, где упоминается "кулак", к общему их количеству, в качестве единицы текста была выбрана одна газетная публикация, вне зависимости от ее размера и литературной формы. Как отдельные публикации рассматривались названия отдельных статей и сообщений, если они набраны крупным полужирным шрифтом.

В качестве индикаторов, позволяющих отнести тот или иной газетный материал к "кулацкой" теме, нами были выбраны следующие слова и словосочетания: "кулак", "кулачество", "подкулачник", "классовый враг в деревне", "эксплуататор" (в деревне), "капиталистический элемент" (в деревне) и др.

Удельный вес публикаций с определенной нами тематикой определялся нами в общем объеме материалов

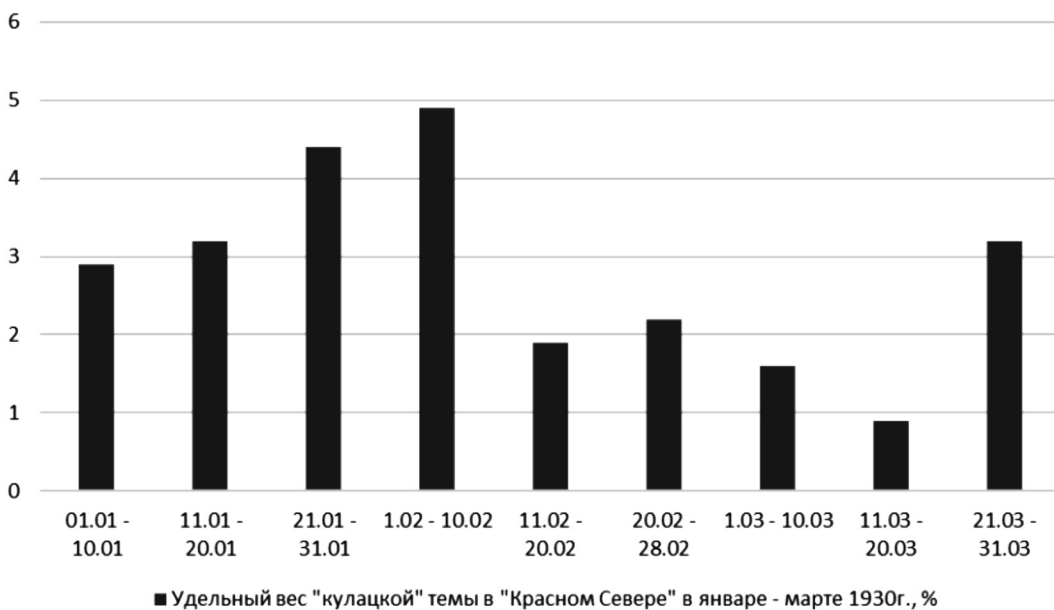

Рисунок 1. Изменение удельного веса "кулацкой" темы в "Красном Севере" в январе - марте 1930г., %.

за 1929 год в целом. Вычисления проводились по формуле $X = a \cdot b \times 100\%$, где a – количество публикаций с упоминанием "кулак", b – общее количество публикаций.

Общее количество публикаций "Красного Севера" в январе – марте 1930 г. составило 3867, из них в 115 встречались слова индикаторы. Таким образом, удельный вес темы составил 2,9 %.

Доля "кулацкой" темы в разные месяцы была неодинаковой: в январе и феврале она составляла 3,5% и 3,2% соответственно, а в марте только 2 %. Данные свидетельствуют о том, что до перехода к политике ликвидации "кулачества" как класса, местные газеты не так сильно использовали "кулацкий" фактор в процессе мобилизации общества для достижения планов весенних заготовок.

Наибольшего пика активности пропаганда достигла в первой декаде февраля (рис. 1), когда проведение лесозаготовительной компании в Вологодской области от-

ставало от запланированных результатов. Это потребовало от органов печати найти виновных в срыве планов. По мере улучшения показаний, тема "кулачества" отходит на задний план уже в первой декаде марта (рис. 1).

Снижение агитационной активности в марте объясняется, прежде всего, начавшейся борьбой с алкоголизмом и "правоуклонистами". Однако в последней декаде марта начинается хлебозаготовительная компания и "кулацкая" тема снова становится актуальной.

Таким образом, полученные результаты показывают, что в региональной прессе присутствовала "кулацкая" тема до официального объявления о переходе к политике ликвидации "кулачества" как класса в декабре 1929 года. Данный показатель служит дополнительным подтверждением того, что власть приступила к реализации этой политики еще в первой половине 1929 года, однако, темпы были не велики, и в основном применялись для мобилизации населения в успешном проведении лесозаготовительной компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпаутов Н.Б. Образ "врага народа" в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010.
2. Архипов И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917г. // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49–58.
3. Доброноженко Г.Ф. "Кулак" как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века (на материалах Европейского Севера России). СПб, 2008.
4. Кулаки не спят // Коммунист. – 1928. – 1 фев. – С. 3.
5. Кулацкие угрозы // Коммунист. – 1929. – 2 авг. – С. 3.
6. Памятка рабселькору: Классовая борьба и кулацкие проделки в осенне-посевной компании // Коммунист. – 1929. – 23 июля. – С. 2.
7. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск: изд-во ИДМИ, 2000.
8. Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г. "О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде" [Электронный ресурс]. URL: <http://ihistorian.wordpress.com/2010/03/13>. Дата обращения: 1.05.2013
9. Сазонов Е.А. Образ "врага народа" в партийной и государственной политике большевиков (июль 1917 г. – июль 1918 г.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.
10. Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские компании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники / Светлана Ушакова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 215с.
11. ЧЦХД Ф. 2. ОП. 6. Д. 8, Л. 54

© С.М. Русинов, (artrusinovsm@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЗАРОЖДЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ГОРОДА ХАРБИНА В КОНЦЕ 1980-х - НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Сунь Янань
Аспирант

УрФУ, г. Екатеринбург

FORMATION OF THE COOPERATION BETWEEN SVERDLOVSK REGION AND HARBIN AT THE END OF 1980s - THE BEGINNING OF 1990s

Sun Janan

Annotation

The article is devoted to the first stage of cooperation between Sverdlovsk region and Chinese city Harbin. It is based on the agreements concluded in 1991 and materials of regional Ural press. Analysis of historical sources shows that formation of legislative base for regional cooperation between Russia and China was begun in Soviet period, during the epoch of Gorbachev's perestroika. First contracts between Ural and Harbin firms were concluded, the Society of Soviet-Chinese friendship was founded in Sverdlovsk region. But potential of cooperation was not realized because of break of Soviet political and social-economic system.

Keywords: Russian-Chinese relations, regional cooperation, Sverdlovsk region, Harbin, Perestroika.

Аннотация

Статья посвящена начальному этапу сотрудничеству Свердловской области с китайским городом Харбин. Она основана на соглашениях, заключенных партнерами в 1991 г., а также на материалах уральской периодической печати. Анализ исторических источников позволил установить, что формирование нормативно-правовой основы регионального взаимодействия РФ и КНР берет свои истоки еще в советский период, относится к эпохе "перестройки" М. С. Горбачева. В тот период были заключены первые контракты между уральскими и харбинскими предприятиями, в Свердловской области возникло Общество советско-китайской дружбы. Однако сформированный в те годы потенциал сотрудничества в полной мере реализован не был, что было связано с крушением советской политической и социально-экономической системы, а также с распадом СССР.

Ключевые слова:

Российско-китайские отношения, региональное сотрудничество, Свердловская область, Харбин, "перестройка" М.С. Горбачева.

В последние 15–20 лет вышло большое количество трудов, написанных как российскими, так и китайскими исследователями, посвященных разнообразным аспектам российско-китайского диалога [2; 3; 4; 5; 6; 8; 12; 16; 17; 18; 21; 25]. В рамках стратегического партнерства Россия и КНР взаимодействуют в самых различных отраслях, причем для России значимость этого сотрудничества в последние годы еще более выросла, учитывая ухудшение отношений с США и Еврозоном. К числу весьма актуальных сюжетов относится проблематика российско-китайского регионального сотрудничества. Одним из ведущих специалистов в этой области является В. Л. Ларин [13]. Следует отметить, что российское руководство отреагировало на выдвижение Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. проекта "Один пояс – один путь", заявив о необходимости его сопряжения с идеей Евразийского экономического пространства. В рамках данного проекта предполагается создание системы соглашений по упрощению регулирования в таможенной сфере, санитарного и фитосанитарного контроля, активизация отраслевого и инвестиционного сотрудничества и т.д. Одним из тех субъектов РФ, которые могут принять участие в этом процессе, яв-

ляется Свердловская область. Проблематика взаимодействия Среднего Урала с регионами КНР уже привлекала внимание исследователей: так, следует выделить труд Г. М. Каеты и А. Д. Кириллова [9]. Однако большинство публикаций посвящено основным направлениям сотрудничества Свердловской области с регионами КНР на современном этапе. Между тем, данный регион РФ имеет достаточно длительный опыт взаимодействия с китайским городом Харбин. Наша статья посвящена анализу процесса зарождения партнерских отношений между Свердловской областью и Харбином в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Источниковой базой для написания данной работы послужили соглашения, заключенные Свердловской областью с Харбином в начале 1990-х гг. [22], а также материалы региональной уральской прессы эпохи "перестройки" М.С. Горбачева.

Контакты между среднеуральским регионом и городом на Северо-Востоке Китая имеют длительную историю. На территории Свердловской области проживало немало репатриантов из Харбина, вернувшихся в СССР после Второй мировой войны. В 1950-е гг. с помощью уральских предприятий и проектных институтов проек-

тировались различные промышленные объекты в Харбине. Однако ухудшение советско-китайских отношений в 1960–1970-е гг. привело к сворачиванию диалога. Новый импульс советско-китайскому сотрудничеству придали изменения внешнеполитического курса СССР в конце 1980-х гг. В условиях "перестройки" М.С. Горбачева начали по-новому выстраиваться отношения со многими странами. Произошла и своеобразная "перегрузка" советско-китайских отношений. Важное значение имел визит М. С. Горбачева в Пекин в мае 1989 г. Начало урегулирования вопроса о границе, вывод советских войск из Афганистана, запуск переговорного процесса по нормализации ситуации в Камбодже открыли путь к активизации диалога между СССР и КНР. Этот диалог имел и региональное измерение.

Осенью 1989 г. были сделаны первые шаги по развитию делового партнерства Среднего Урала и города Харбина. В Свердловске была проведена выставка товаров и бытовой техники, произведенных ведущими предприятиями Харбина. Как отмечала свердловская газета "Уральский рабочий", "о том, что предложение вызвало живой интерес, говорит сумма заключенных здесь контрактов – примерно на 20 миллионов швейцарских франков" [1]. Были установлены прямые связи между свердловским ЦУМом и харбинским универсамом "Чурин", Свердловским областным потребсоюзом и китайской кооперативной компанией. Всего около тридцати организаций и учреждений двух стран начали сотрудничество осенью 1989 г. Были оформлены сделки по обмену современным оборудованием и технологиями.

В начале декабря 1989 г. в Свердловске побывала еще одна делегация предпринимателей из Харбина, которая посетила выставку товаров и услуг, открытую в территориальном государственно-кооперативном производственном объединении бытового обслуживания. По словам корреспондента одной из уральских газет, китайских гостей заинтересовали различные украшения из уральских камней, бижутерия, изделия из отходов мебельного производства и строительства, мраморные плиты, головные уборы. Генеральный директор упомянутого выше объединения Г. Минин отметил, что основная цель переговоров – создание совместного советско-китайского многопрофильного предприятия "Дружба". Предполагалось, что в его составе будут фотолаборатория, оснащенная современным оборудованием, магазин, торгующий разнообразными товарами для фотолюбителей и т.д. [15]. Именно экономическое сотрудничество, кооперация предприятий стали наиболее заметными проявлениями связей между Средним Уралом и Харбином на начальном этапе их взаимодействия. За один год удалось существенно увеличить объемы взаимной торговли: по сравнению с 1988 г., в 1989 г. в три раза вырос товарооборот между Свердловской областью и Харбином.

Развитие экономического взаимодействия привело к необходимости институционального оформления сотрудничества между партнерами. Знаковым событием в деле возрождения советско-китайского регионального сотрудничества стало создание в октябре 1989 г. в Свердловске областного Общества советско-китайской дружбы. Коллективными членами данной организации стали Военно-историческое общество Свердловской области, областная и городская федерации ушу, областной союз кооператоров, общество изучения китайского языка "Полиглот", областное производственно-кооперативное объединение и уральская региональная федерация "Зеленое движение". Председателем правления общества был выбран В. В. Блюхер, заведующий кафедрой Свердловского сельскохозяйственного института, сын известного советского военного деятеля, проявившего себя на полях сражений и в Китае [20].

Состав участников данного общества свидетельствовал о том, что уже в конце 1989 г. сотрудничество Свердловской области с городами и регионами КНР начало затрагивать не только экономическую сферу. В 1989 г. состоялся визит в Свердловск китайской делегации во главе с ректором Харбинского политехнического института Ян Шиченом, которая привезла проект договора о сотрудничестве с Уральским политехническим институтом [23].

В следующем 1990 г. начались поездки уральских руководителей в китайский город-партнер. Так, уральская делегация посетила ярмарку в Харбине, стремясь установить торговые связи с предприятиями города. За 1990 г. товарооборот между Свердловской областью и Харбином вырос в три раза по сравнению с 1989 г. [7].

Начальный этап сотрудничества закончился в апреле 1991 г. подписанием соглашений об установлении побратимских связей и о взаимном дружественном сотрудничестве между Свердловской областью и городом Харбином [22]. Интересным фактом является то, что договорные отношения на региональном уровне появились намного раньше того, как они были формально узаконены правительственными решениями. Только 10 ноября 1997 г. во время визита Б. Н. Ельцина в Китай появилось межправительственное соглашение "О принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики". 2 декабря 1998 г. Государственная дума РФ приняла Федеральный Закон "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации" [18].

После подписания документов о сотрудничестве Свердловской области и города Харбина произошло существенное расширение сферы взаимодействия парт-

неров. Так, летом 1991 г. Свердловск посетила первая официальная делегация КНР. Делегацию возглавлял заместитель мэра Харбина Хуан Чипын, в нее входили заместитель секретаря горкома Компартии Китая Мын Гуан Суй, генеральный директор внешнеторговой компании "Восток" Дуан Юи, а также представители научно-технических и производственных компаний Харбина. В ходе визита китайская делегация познакомилась с деятельностью Уральского отделения Академии наук СССР, Нижнетагильского металлургического комбината, объединения "Уралхимпласт", Сысерстского ПО "Уралгидромаш". Делегация посетила горисполкомы Свердловска и Нижнего Тагила, Свердловский обком КПСС, встретилась с членами общества советско-китайской дружбы.

Выступая в ходе визита, глава делегации Хун Чипын отметил, что отношения со Свердловской областью были приоритетны для Харбина: "Мы планируем модернизацию предприятий с помощью советской технологии... Я обращаюсь к руководителям свердловских предприятий с предложением участвовать в создании совместных предприятий. Мы создадим для них льготные условия. Наши отношения начинались с бартера, за ним последовало создание первого совместного предприятия, надеюсь, что продолжение последует" [10]. В ответ председатель областного отделения Общества советско-китайской дружбы, В.В. Блюхер заметил: "Мы сказали три "да" в наших отношениях: экономическим и торгово-техническим связям, имеющим большие традиции и ещё большие возможности; гуманитарному сотрудничеству в области культуры, образования, человеческого отношения; товарищеским дружеским связям по линии народной дипломатии, общественным связям". Он отметил, что дружба советского и китайского народа "имеет хорошие глубокие связи, которые в будущем могут вывести ее на совершенно новый качественный уровень. Интерес нашего народа к китайской истории, людям этой удивительной страны огромен. И об этом свидетельствует тот факт, что в наше общество потянулась молодежь. Большую популярность приобретают восточные единоборства, открываются секции ушу – известного в Китае вида спорта" [10].

Важным результатом визита стало подписание протокола о сотрудничестве между Свердловской областной организацией КПСС и организацией КПК г. Харбина. Кроме того, был разработан проект нового договора о сотрудничестве между Свердловской областью и городом Харбин. Наиболее важным пунктом в данном проекте было установление эффективных прямых экономических, производственных и научно-технических связей предприятий и организаций партнеров. В частности, предполагалось создание совместных предприятий по производству текстиля, устройств для видеоманитонов, переработке сельхозпродукции, открытие пунктов китайской медицины в городах области. Планировалось

и развитие туризма между Свердловской областью и городом Харбином. Символом сотрудничества должно было стать открытие в Свердловске ресторана "Харбин". Как заметил корреспондент одной из уральских газет, "аналогов, как утверждают, нет в нашей стране. Это именно китайский ресторан. Не в модернизированном, не в приспособленном помещении, а построенном в китайском духе, с национальной кухней, с поварами из КНР" [11].

Вместе с тем, содержание данных документов во многом обусловило и те проблемы, с которыми позднее столкнулись участники межрегионального сотрудничества. Изначально предполагалось сделать акцент на "обмене опытом работы государственных органов, органов самоуправления, партийных, профсоюзных, молодежных, общественных организаций, творческих союзов" [11]. Однако в момент составления и подписания данных соглашений политическая система СССР уже находилась в состоянии распада. Те институты, которые должны были отвечать с советской стороны за реализацию подписанных договоренностей, вскоре были ликвидированы. В результате данные соглашения не принесли того эффекта, на который рассчитывали их авторы.

На смену партийным организациям в качестве ведущих участников политического процесса в СССР стали выступать Советы народных депутатов. Их печатные органы на Урале также проявляли интерес к сотрудничеству с китайскими партнерами. Так, этому была посвящена статья в екатеринбургской газете "За власть Советов" от 6 августа 1991 г. Она передает "дух" времени, настроения оптимизма, характерные для политиков-"демократов" эпохи "перестройки" М. С. Горбачева. Как заявил в интервью газете заместитель председателя Свердловского облисполкома И. А. Осинцев, "мы договорились практически по всем обсуждавшимся вопросам быстро и на основе обоюдного согласия. А то, что обе стороны умеют держать данное слово, мы все убедились за время нашего сотрудничества". Впрочем, корреспондент газеты напоминал о том, что исторический опыт должен предостеречь партнеров от излишней эйфории: "Аплодисменты, обмен подписанными документами, тёплые объятия. Так уже однажды на нашем веку было...". Но и журналист старался сохранять оптимизм: "Специалисты по Китаю утверждают, что полоса "размолвок" пройдена окончательно и возвращение к худшим временам в наших отношениях невозможно – новое поколение не вернется к пройденному. Дай-то Бог!" [11].

1991-й стал последним годом существования СССР. Произошла ликвидация КПСС, ломка всей политической системы страны. В 1992-1993 гг. советские органы стали играть решающую роль в партнерстве России с регионами и городами Китая. Так, в июле 1992 г. в Харбин прибыла делегация во главе с заместителем председате-

ля Свердловского облизполкома В. Задорожным. Этот визит завершился подписанием ряда договоров между предприятиями и коммерческими структурами на общую сумму более 10 млн. долларов. К 1994 г. на территории Свердловской области появилось несколько десятков совместных российско-китайских предприятий. Переживавшие конверсию производства уральские предприятия охотно шли на партнерство с китайским бизнесом. Например, в декабре 1992 г. недалеко от Екатеринбурга, на площадке Уральского приборостроительного завода глава администрации Свердловской области Эдуард Росель и заместитель мэра города Харбина Шан Юй Цзин в торжественной обстановке открыли совместное российско-китайское предприятие "Сунгари", которое специализировалось на производстве бытовой электроники. Совместные с КНР предприятия заработали и в других городах Свердловской области (Качканар, Первоуральск и др.). Они занимались поставками в Китай окатышей Качканарского горно-обогатительного комбината и продукции завода "Хромпик" [24].

Вместе с тем, нужно заметить, что только 42% со-

вместных предприятий, созданных на Среднем Урале, производили продукцию. Остальные работали посредниками в поставке товаров на Урал и вывозе сырья из России.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эпоха "перестройки" М. С. Горбачева является важным периодом в истории регионального сотрудничества между Китаем и Россией. Это было время первых контактов, формирования нормативно-правовой базы сотрудничества. Однако тот потенциал, который был накоплен в конце 1980-х – начале 1990-х гг., удалось реализовать далеко не в полной мере. Это было связано с кардинальной ломкой советской политической и социально-экономической системы, распадом СССР.

Вскоре после подписания соглашений 1991 г. в глупом кризисе оказались многие предприятия Свердловской области, которые могли представлять интерес для китайских партнеров. В результате взаимодействие регионов КНР и России на многие годы приняло торгово-посреднический и сырьевой характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володин В. Содействовать сотрудничеству // Уральский рабочий. Свердловск, 1989. 22 окт.
2. Воскресенский А. Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток-Запад, 2004. 124 с.
3. Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии. М.: Восток-Запад, 2004. 600 с.
4. Галенович Ю. М. Москва – Пекин, Москва-Тайбэй. М.: Изографус, 2002. 656 с.
5. Галенович Ю. М. Россия – Китай. Шесть договоров. М.: Муравей, 2003. 408 с.
6. Галенович Ю. М. Россия: взгляд из Китая. М.: Эксмо, 2017. 320 с.
7. Егоров А. Гости из Китая // Уральский рабочий. 1990. 4 нояб.
8. Жирнов Д. А. Россия и Китай в современных международных отношениях. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2002. 287 с.
9. Каета Г. М., Кириллов А. Д. Китай – Урал: из прошлого в будущее. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2016. – 279 с.
10. Кулешов Н. На огонёк дружбы // За власть Советов. Свердловск, 1991. 3 авг.
11. Кулешов Н. Протоколы о сотрудничестве подписаны // За власть Советов. 1991. 6 авг.
12. Ларин В. Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX– XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
13. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80–е гг. XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
14. Левин А. Харбин-Свердловск: мы побратимы // Вечерний Свердловск. 1991. 1 авг.
15. Левина Г. Товар лицом // Уральский рабочий. Свердловск, 1989. 1 дек.
16. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на Большой Восток (2004–2008 гг.). М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. 448 с.
17. Лузянин С. Г. Россия и Китай в Евразии. М.: ИД Форум, 2009. 288 с.
18. Муратшина К. Г. Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI вв. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2016. 126 с.
19. Непомнин, О.Е. История Китая XX в. М.: ИВ РАН, 2011. 722 с.
20. Новое общество дружбы // Вечерний Свердловск. 1989. 25 дек.
21. Панченко М. Ю. Российско-китайские отношения и обеспечение безопасности в АТР. М.: Научная книга, 2005. 201 с.
22. Соглашение об установлении побратимских связей между Свердловской областью (СССР) и городом Харбином (КНР) от 22 апреля 1991 г. и Соглашение о взаимном дружественном сотрудничестве между Свердловской областью (СССР) и городом Харбином (КНР) от 22 апреля 1991 г. URL: <http://mvs.midural.ru/soglasheniya>
23. С проектом договора // Уральский рабочий. 1989. 1 окт.
24. Уральский рабочий. 1995. 9 ноября.
25. Чэнь Юн. Концептуальные основы "отношений нового типа" в многополярном мире и китайско-российское стратегическое партнерство: Автореф. дис. . . канд. полит. наук. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2008. 22 с.

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ

THE MODERN SYSTEM OF EDUCATION OF RUSSIAN MUSLIMS BEFORE CURRENT CHALLENGES AND THREATS

*A. Fazliev
M. Galeeva
I. Nafikov*

Annotation

The article is devoted to topical issues of development of traditional Islamic education in terms of socio-political transformation of Russia in 1990–2000-ies. The article also aims to analyze security problems from radicalism and extremism, the conceptual aspects of Islamic education development in Russia, namely within the boom of mosque construction, the formation of the Muslim communities and their organizational structures.

Keywords: Islamic studies, spiritual revival, Muslims, education, madrasah, radical groups.

Фазлиев Айваз Миннегосманович

*К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Галеева Марьям Арслановна

*К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Нафиков Ильсур Закирзянович

*К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

Аннотация

Данная статья посвящена анализу концептуальных аспектов развития исламского образования в России. На фоне бума строительства мечетей, формирования мусульманских общин и их организационных структур в 1990–е годы обнаружились и проблемы, беспокоившие наше общество. Такие негативные явления как: дробление и нездоровое соперничество муфтиятов, административно-правовые препоны, мешающие конструктивной социально-духовной деятельности, возникновение на базе зарубежного влияния радикализма и экстремистских идей в молодежной среде.

Ключевые слова:

Исламские исследования, духовное возрождение, мусульмане, образование, медресе, радикальные группировки.

Начиная с середины 1990-х годов в течение 5–7 лет, к примеру, количество мусульманских приходов, ежегодно только в Татарстане, увеличилось почти на 100 общин, одновременно появилось 7 медресе (средних профессиональных учебных заведений). Первоначально, главными источниками пополнения этих структур кадрами стали, во-первых, люди старшего поколения – пенсионеры без специальной профессиональной подготовки, во-вторых, отправка в зарубежные религиозные учебные центры молодых людей на краткосрочные или более длительные курсы обучения [1]. При этом возвращение шакирдов, прошедших религиозную подготовку за рубежом в иных нетрадиционных условиях, проникновение неподходящей к местным условиям ваххабитского толка литературы, преподавание основных религиозных дисциплин в мусульманских учебных заведениях мугаллимами–учителями иностранных государств, слабые познания в религиозном учении основной массы имамов, занимающихся лишь ритуально-культурной деятельностью, стали основой для создания условий радикализации религиозного сознания и поведения части мусульманской молодежи [2–5]. Серьёзным сигналом в развитии ситуации в этом направле-

нии в 90-е годы стало участие ряда шакирдов медресе "Йолдыз" (г. Набережные Челны) в террористических группировках.

В начале 90-х годов ни религиозные структуры, ни государственные органы не оказались готовыми к своевременной оценке и адекватным действиям по взаимодействию в вопросах образования. Мусульманские институты были предоставлены самим себе при нейтральном отношении государства насущным нуждам и проблемам образовательной сферы мусульманской уммы [6, р. 7]. Вместе с тем, позитивное отношение государства и общества к религии подкреплялось конкретными шагами: празднование 1000-летия принятия православия, 1100-летия официального принятия ислама в Волжской Булгарии, принятие демократических законов "О свободе вероисповедования" (1990 г.), "О свободе совести и о религиозных объединениях" (1997 г.) [7, р. 47] и т.д. В русле этой политики в Татарстане в 1997–1998 гг. был предпринят ряд шагов, которые сыграли принципиальное значение для становления мусульманского образования. Во-первых, произошло укрепление госоргана по делам религии при Правительстве РТ с последующим

определением его функций в статье 7 республиканского закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" (1999 г.); Во-вторых, со стороны правительства было оказано содействие в организации объединительного съезда мусульман, что позволило структурировать мусульманские институты. В-третьих, при поддержке руководства республики в 1998 г. был основан Российский исламский университет [8, с. 79]. Ускорился процесс формирования и утверждения трехступенчатого уровня образования: иптадийа (начальное), санавия (среднее), галия (высшее) [9, с. 36].

Причем вопрос регистрации и получения лицензии на образовательную деятельность мусульманскими учебными заведениями рассматривался с двух точек зрения:

1. Сторонники тотального контроля намеревались осуществить регистрацию и лицензирование на всех ступенях образовательной деятельности. На практике такая процедура оказалась невыполнимой.

2. В реальной жизни утвердилось обеспечение государственной лицензией только средних и высших ступеней профессионального религиозного образования, т.е. это касалось тех учебных заведений, которые готовили профессиональных служителей религии.

Такие вопросы как: наличие преподавателей, прошедших подготовки в местных медресе; учебная литература, соответствующая местным мусульманским традициям и труды татарских теологов-джадидов; соотношение светских и религиозных предметов в учебных программах; руководящий состав мусульманских учебных заведений с религиозным и высшим образованием, сходу за один учебный год решить эти вопросы было невозможно. Поэтому в их решении требовалось настойчивость и последовательность на протяжении ряда лет. В 1999–2000 учебном году все учебные заведения уже имели единую программу.

Определение уровня учебного заведения и придание статуса "среднее" или "высшее" – прерогатива учредителя, т.е. ДУМ. Хотя лицензия на высшее религиозное образование предоставляется федеральным министерством образования и науки, тем не менее, практикуется самоназвание "высшее" и при получении лицензии на республиканском уровне (например, Высшее медресе "Мухаммадия", Высшее медресе "им. 1000-летия принятия ислама" в Казани). Ориентир был взят именно на интеграцию религиозного образования в образовательное пространство России. С учетом этого обстоятельства РИУ с момента основания по своей организационно-правовой форме стал негосударственным высшим профессиональным образовательным учреждением, обладающим правом выдачи диплома государственного образца и позволяющим решать социальные проблемы выпускников, расширяя возможности их трудоустройства.

В мусульманской образовательной сфере, к примеру, на начало 2007 года приходилось 75 зарегистрированных средних и высших учебных заведений, а их общее число составило 239, из них 26 – это высшие учебные заведения и 203 – средние [10, с. 100]. Исламская умма конца XX – начала XXI века, многоуровневая структура, решающая в зависимости от векторов своего развития целый ряд задач. На примере Татарстана, по словам одного из мусульманских деятелей Валиуллы хазрата Якупова, мусульманское духовенство – это сложный конгломерат, переживающий динамический процесс трансформации. Оно постепенно наращивает авторитет в обществе, а, значит, и политический вес [11, с. 25].

Развитие мусульманской уммы в контексте данных векторов все чаще определяет основные "локомотивы", самый важный среди которых – образовательный дискурс. При этом, определяя особенности ислама в России в рамках терминологии, возникает некая разобщенность понятий: "татарский ислам", "русский ислам", "евроислам" [12, с. 55], "традиционный ислам". По мнению Р.М. Мухаметшина, мусульманское сообщество у татар стало формой выживания в инновационной среде, что требовало от ислама мобильности, гибкости и приспособляемости к новым условиям [13, с. 221].

Понимание "традиционного ислама" в России скорее носит поисковый характер с тем, чтобы найти такие точки опоры в исламских традициях, которые обеспечивают спокойное и устойчивое развитие общества. В частности, в Кабардино-Балкарии ислам несет в себе традиции балкарцев, кабардинцев, в Чечне, Ингушетии – чеченцев, ингушей, в Дагестане – традиции народов многонациональной республики в симбиозе с шафиитским или ханафитским мазхабом, в Татарстане, Башкирии – традиции татар и башкир с ханафитским мазхабом. На Северном Кавказе традиционным исламом многие считают суфийские тарикаты и ордена, которые существовали столетиями и сохранили традиции народов, уважение к предкам. Формирование исламских традиций в Волго-Уральском регионе построено на неизбежности взаимного сосуществования двух крупных религий – ислама и православия. В России – это прогрессивный ислам, опирающийся на традиции татар-мусульман и динамично развивающийся в соответствии с действующим законодательством на правовой платформе государственно-конфессиональных отношений и межконфессионального диалога.

В условиях глобализации и необходимости интеграции мусульманской уммы в общественно-культурную жизнь страны и российское образовательное пространство, актуальным становится создание конкурентоспособной системы образования применительно к исламскому миру. В Западной Европе обосновалось от 10 до

12 миллионов иммигрантов, чьи родители или они сами приехали из стран, принадлежащих к мусульманскому миру [14, р. 12]. Для России данный вопрос не менее актуален. Миграционная ситуация подчеркивает, что представители Средней Азии и ряда стран, как ближнего так и дальнего зарубежья, где мусульмане составляют большинство, являются наиболее активными субъектами [15, р. 69]. В отличие от стран Европы, в России имеется положительный опыт межконфессионального диалога и сильные традиции ислама. Тем самым, при структурном планомерном формировании системы мусульманского образования, программа адаптации в соответствии с традиционным исламом в России предполагает положительный итог.

Следующий значимый вектор – это противодействие радикализации подрастающего поколения, профилактики экстремизма и препятствования нетрадиционным течением [16, р. 134]. Россия XXI века – это государство, имеющее программу реализации социально-экономического потенциала до 2020 года и разрабатывающее программу мероприятий по формированию российской нации до 2025 года [17, с. 181].

В вопросах содержания образования определяются следующие направления и достижения в них. Наряду с традиционными формами обучения развиваются и цифровые технологии (например, дистанционное обучение). Лекционные и семинарские занятия дополняются ранее неизвестными для сферы конфессионального образования коллоквиумами и индивидуальными репетиторствами. Оценка успеваемости основывается на процентном соотношении согласно внедряемой балльно-рейтинговой системе, что, безусловно, является инновационным в формировании современной системы исламского образования.

Таким образом, исламский образовательный дискурс в вопросах развития мусульманской уммы и ее интеграции в общественные процессы с тем, чтобы обеспечить мирное сосуществование и диалог религий, является исключительно важной стороной социокультурного развития общества [18]. В процессе своего функционального воздействия именно социокультурные факторы становятся значимым рычагом обеспечения сбалансированности и устойчивости российского полиэтноконфессионального государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фазлиев А.М., Нафиков И.З. Педагогика и образование в сфере духовной культуры и воспитания молодежи в 1990–2000-е гг. / А.М. Фазлиев, И.З. Нафиков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 1. – С. 143–146.
2. Shahram Akberzade, 2012, Routledge handbook of political Islam, London: Taylor and Francis.
3. "The Political philosophy of Islamic resurgence," Cultural Dynamics, Vol. 13, # 2. Summer 2001.
4. Ahmad, M., 1999. Moderate and radical Islamic fundamentalism: The quest for modernity, legitimacy, and the Islamic state, Gainesville, FL: University Press of Florida.
5. M.A. Muqtedar Khan, 2004. "Islamic States" in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Eds. Encyclopedia of Government and Politics, New York: Taylor and Francis.
6. Yvonne Y. Haddad, John o. Voll, and John L. Esposito, 1991. The Contemporary Islamic Revival: A Critical Survey and Bibliography, Westport, CT: greenwood Press, pp: 272.
7. Bourdeaux, M. Trends in religious policy, 2002. Eastern Europe, Russia and Central Asia 2003. Third edition: 46–49.
8. Новые кадры для новой России: Сборник научных трудов. – Нижний Новгород, 2009. – 96 с.
9. Векторы толерантности: религия и образование / Под ред. Р.А. Набиева. – Казань: "Магариф", 2006. – 238 с.
10. Силантьев Р.А. Ислам в современной России. Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2008. – 576 с.
11. Якупов В.М. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. – Казань: "Иман", 2005. – 117 с.
12. Хакимов Р.С. Где наша Мекка? (Манифест евроислама). – Казань: "Магариф", 2003. – 52 с.
13. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. – 246 с.
14. Taha Jabir Al-Alwani, 2004. Toward a fiqh for minorities (some reflections). Muslims' place in the American public square: hope, fears, and aspirations / edited by Zahid H. Bukhari ... [et al.]. AltaMira Press, pp: 3–37.
15. Omar Khalidi, 2004. Living as a Muslim in a pluralistic society and state. Muslims' place in the American public square: hope, fears, and aspirations / edited by Zahid H. Bukhari ... [et al.]. AltaMira Press, pp: 38–72.
16. Gest, J., 2010. Apart: Alienated and Engaged Muslims in the West, New York: Columbia University Press, pp: 288.
17. Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма // Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: "Неостром", 2005. – С. 175–221.
18. Фазлиев А.М., Нафиков И.З., Бродовская Л.Н., Буравлева В.В. Векторы толерантности: культура, религия и образование // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 79–84.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ АЙНОВ НА ОСТРОВЕ ХОККАЙДО В XX в.

Чекункова Екатерина Сергеевна

Аспирант

УрФУ, г. Екатеринбург

THE BASIC PERIODS OF THE FORMATION OF AINU MOVEMENT IN HOKKAIDO IN THE XX CENTURY

E. Chekunkova

Annotation

This article is devoted to the development of Ainu movement in Japan in the XX century. It is based on the documents of Association of Ainu in Hokkaido, materials of Japanese legislation, studies by Japanese, Western and Russian historians and ethnologists. The author proves that during XX century Ainu fought for their rights using support of international organizations. The author concludes that to the end of the XX century Japanese government had created conditions for the conservation and development of Ainu culture.

Keywords: Ainu, Japan, Hokkaido, ethnical minorities.

Аннотация

Статья посвящена развитию движения айнов в Японии в XX в. Она основана на документах Ассоциации айнов острова Хоккайдо, материалах японского законодательства, исследованиях японских, западных и российских историков и этнологов. Автор доказывает, что на протяжении всего XX в. айны при поддержке международных организаций вели борьбу за свои права. Сделан вывод о том, что к концу XX в. в Японии были созданы условия для сохранения и развития культуры айнов.

Ключевые слова:

Айны, Япония, Хоккайдо, этнические меньшинства.

Сохранение национально-культурной идентичности малых народов является актуальной темой, которая привлекает внимание многих исследователей. А. Ю. Акулов, Дж. Дечикчиз, К. Мартин уделяют внимание вопросам современного состояния языка и культуры айнов [1; 10; 16]. Политику Японии в отношении айнов рассматривали в своих работах А.Ю. Левковская, Хироси Маруяма, Наохиро Накамура, С. Харрисон, Р. Сиддл [5; 13; 17; 19; 20]. Однако пока еще мало внимания уделяется развитию движения хоккайдских айнов в XX в., чем обуславливается актуальность данного исследования.

На протяжении долгого времени айны насильственно ассимилировались японцами, их самосознание подавлялось, культура пришла в упадок и не имела возможности развиваться. Низкий уровень жизни, ухудшение социально-экономического положения, ассимиляционная и дискриминационная политика Японии послужили причиной для зарождения движения айнов. Главной его целью на протяжении XX вв. стало официальное признание айнов в качестве коренного народа Японии и наделение его соответствующим правовым статусом. Движение начало формироваться еще в XIX в. и прошло несколько этапов своего развития.

Первый этап (1899 – 1945 гг.) начинается с принятия правительством Мэйзиди "Закона о защите бывших аборигенов Хоккайдо" в 1899 г., закрепившего основные принципы жесткой дискриминационной и ассимиляционной политики по отношению к малому народу. Сразу после принятия закона начало формироваться протестное движение на Хоккайдо в районе Асахикава, где недовольные переселением с родных земель айны образовали Союз бывших аборигенов, деятельность которого была поддержана Конституционной партией Японии (кэнсэйто) [14, р. 209]. В 1930 г. возникает первая Ассоциация айнов, которая объединяла тех, кто выступил за пересмотр "Закона о защите бывших аборигенов Хоккайдо". В результате деятельности первых организаций произошли некоторые изменения в статусе аборигенов. В 1937 г. "Закон о защите..." был частично пересмотрен (женщинам айну было предоставлено право на трудоустройство не только в сфере сельского хозяйства, но и в других сферах, отменены обязательные школы для айнов и др.) [2, с. 139], позже он пересматривался еще несколько раз. Весь период в истории айнского движения с 1899 г. по 1945 г. можно охарактеризовать как подготовительный. В этот период движение было стихийным и не имело большого распространения, деятельность организаций айнов не была признана на официальном уровне.

После поражения Японии во Второй мировой войне страна встала на демократический путь развития. Была принята новая конституция, которая гарантировала защиту прав и свобод граждан, провозгласив, что "все люди равны перед законом и не могут подвергаться дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола, социального положения, а также происхождения" [4]. В 1946 г. Ассоциация айнов острова Хоккайдо (далее ААХ) была реформирована, она была признана японским правительством. На момент основания ее членами стали 200 айнов [12, р. 439]. С этого времени начинается новый этап развития движения (1946–1960 гг.). Он проходил в условиях американской оккупации. Наиболее важным для айнов стало решение вопроса землевладения. Закон об аграрной реформе, принятый в 1946 г. американскими оккупационными властями, вызвал недовольство среди представителей малого народа, так как предусматривал экспроприацию всей необрабатываемой земли. В связи с этим земельные наделы, которые ранее были арендованы айнами, но не возделывались, были признаны неиспользуемыми и конфисковались [14, р. 209]. Однако многие земли, выделенные айнам еще при правительстве Мэйдзи, были трудно возделываемыми и непригодными для ведения сельского хозяйства. К тому же айны, традиционно не занимавшиеся земледелием, в большинстве своем не смогли его освоить. ААХ несколько раз ходатайствовала перед японским правительством и штабом оккупационных войск о пересмотре закона, но все обращения были отклонены [12, р. 440]. В результате аграрной реформы айны потеряли 25,6 % всей земли, полученной в период Мэйдзи [11, р. 152].

Другим важным вопросом для айнов стало обсуждение возможности образования автономии на о. Хоккайдо, который айны населяли испокон веков. В 1948 г. представители народа направили петицию в адрес Союзного совета о предоставлении айнам автономии, созданной на основе права народов на самоопределение, которое закрепила Хартия ООН в 1945 г. Петиция была перенаправлена в Государственный департамент США, который оставил ее без ответа [12, р. 440]. В условиях нарастания международной конфронтации и начала холодной войны США не могли позволить ослабить северные границы Японии, которые находились в непосредственной близости от СССР. Американские власти предупредили айнов о необходимости избегать воздействия советской пропаганды. Таким образом, вопрос автономии на долгое время остался неразрешимым, его актуальность и острота вскоре сошли на нет.

Следующий период развития движения айнов (1960 г. – 1980-е гг.) начинается с переименования Ассоциации айнов в "Ассоциацию утари". На языке айнов "утари" означает "братья", "соплеменники", "народ", слово также используется для обозначения людей одной локальной

группы. Изменение названия было сделано, с одной стороны, для того, чтобы избежать дискриминации по отношению к представителям малого народа. С другой стороны, термин "утари" по сути своей гораздо шире, чем слово "айну". Оно может использоваться в отношении тех, кто хочет войти в состав айнской общины, например, путем заключения брака, или же тех, кто разделяет взгляды айнского общества.

В 1960–1970-е гг. происходит подъем национальных и общественных движений во всем мире, возрождается интерес к этнической культуре, языку, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интернационализации экономической и социально-политической жизни, глобализации человеческой деятельности. В 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в статье 2 отмечается, что "все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие" [3]. Данная позиция закрепились во многих документах, таких как Международный пакт о правах человека 1966 г., Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Декларация о расе и расовых предрассудках 1978 г., Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах 1989 г., Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г. и др.

На фоне общемировых тенденций начинается подъем движения айнов. В 1970-е гг. члены Ассоциации начали налаживать контакты с представителями этнических меньшинств в различных странах мира. Формируется идея об этнической независимости и уникальности айнов, которая соответствовала общемировым тенденциям по защите прав малых народов мира. Лидеры айнского движения Каяно Сигеру и Каидзава Тадаси высказали свою позицию таким образом: "Восстановление языка и культуры народа должно стать необходимым ресурсом для эмоциональной поддержки айнов и дальнейшего улучшения уровня жизни и образования айнов" [17, р. 204]. Вместе с открытием в Нибутани в 1971 г. Музея культуры айнов начало развиваться движение за культурное возрождение народа.

С 1974 г. правительство префектуры Хоккайдо начало проводить социологические опросы жителей и принимать исследования качества жизни айнов, на основе которых разрабатывалась политика по обеспечению благосостояния малого народа. На ее реализацию в 1989 г. было потрачено 3.110 млн. йен (22.5 тыс. долларов), из которых 50,9% выделило японское правительство, 34,6% правительство Хоккайдо и 14,5% муниципаль-

ные власти о. Хоккайдо. Эта политика была направлена на развитие образовательной, культурной, экономической сфер жизни малого народа. В результате стало расти членство в ААХ: в 1963 г. в состав организации входили 420 человек, а в 1984 г. это число выросло до 3561 [14, р. 214].

Вместе с тем, официально айны не были признаны коренным народом, имеющим своеобразную культуру и язык. В 1979 г. японское правительство ратифицировало Международный пакт о гражданских и политических правах, его статья 27 гласит следующее: "В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком" [6]. В 1980 г. Япония представила первый периодический отчет Комитету ООН по правам человека, который осуществляет надзор за выполнением пакта в подписавших его государствах. В этом отчете Япония заявила, что "этнические меньшинства, о которых говорится в Международном пакте о гражданских и политических правах человека, не имеются в Японии" [7]. Японское правительство не ратифицировало международные конвенции №107 и №169, касающиеся защиты прав коренных и племенных народов, так как отрицало сам факт их существования. Официально Япония позиционировала себя как "единственную в мире моноэтническую страну" [7].

Руководитель Ассоциации айнов острова Хоккайдо Номура Гиити выразил надежду на то, что международная общественность сможет повлиять на политику Японии в отношении коренного населения. В одной из своих речей он сказал: "Наши потребности соответствуют мировой тенденции на уважение прав меньшинств. Пока японское правительство ничего не делает, в то время как говорит, что оно готово к интернационализации, мы будем противостоять ему в ООН. Давление со стороны внешнего мира имеет огромную силу" [13].

С 1984 г. начался новый этап в истории движения айнов. Он характеризуется активизацией деятельности Ассоциации айнов на международной арене. Айны начали участвовать в мероприятиях, организуемых ООН, таких как "Международный год коренных народов мира" в 1993 г., первое "Десятилетие коренных народов мира" (1995–2004 гг.) и др. Одной из главных целей ААХ стала разработка законопроекта, который должен был стать основой для принятия закона, регулирующего жизнь народа айну, взамен "Закона о защите бывших аборигенов острова Хоккайдо". Проект законопроекта был разработан Ассоциацией в 1984 г. Он состоял из шести статей, в основу которых легли следующие положения: признание айнов как коренного населения Японии, уважение их эт-

нической гордости и соблюдение коллективных прав, участие представителей народа в работе местных и национальных органов власти, возрождение культуры и достижение экономической независимости малого народа [8]. Законопроект был направлен правительством Хоккайдо на рассмотрение в парламент Японии. В 1994 г. первый представитель народа айну Каяно Сигеру был избран в парламент Японии и вошел в верхнюю палату как член Социалистической партии Японии. Во многом благодаря деятельности Каяно Сигеру в 1997 г. был принят "Закон для продвижения айнской культуры и распространения знаний о традициях айнов". Согласно 3-й статье этого закона японское правительство обязалось способствовать продвижению культуры айнов и прилагать все усилия для реализации мер по развитию культуры малого народа [9].

Данный закон был неоднозначно оценен как представителями народа айну, так и многими исследователями. Во-первых, японское правительство, приняв закон, официально не признало айнов коренным народом. Во-вторых, закон 1997 г., прежде всего, предусматривал сохранение и развитие культуры айнов, восстановление их традиционного жизненного пространства, в то время как айны требовали экономической независимости, признания своих исключительных прав [17, р. 205]. Закон вызвал также критику со стороны многих исследователей, поскольку, его вторая статья ограничивала культуру айнов и сводила ее исключительно к традиционной музыке, языку, танцам и ремеслам. Как заметил один из айнов-активистов Тахара Рёко, "культура айнов не ограничивается языком, церемониями или танцами. Это есть сама жизнь. Культура айнов – это все то, что происходит изо дня в день в айнских семьях" [18]. С другой стороны, как отмечает исследователь Наохиро Накамура, принятие данного закона можно рассматривать как первый шаг в направлении к будущему признанию айнов [19, р. 210]. Меры, которые были приняты после принятия закона принесли свои плоды, он стал важным этапом в развитии движения айнов.

Наряду с мерами по улучшению благосостояния малого народа, японское правительство начало предпринимать осторожные действия, направленные на подготовку почвы для признания айнов коренными жителями Японии. В 1991 г. в своем третьем отчете Комитету ООН по правам человека Япония охарактеризовала айнов следующим образом: "Айнский народ, населяющий в основном о-в Хоккайдо, по-прежнему образует отдельную социальную группу с особой культурой и идентичностью, даже после перенесенного социального и экономического ущерба, причиненного в результате политики Японии" [21]. Таким образом, Япония признала айнов этническим меньшинством. В марте 1997 г. районный суд Саппоро в процессе решения дела о строительстве плотины в регионе Нибутани стал первым органом, официально при-

знавшим айнов в качестве коренного населения Японии. Ранее Агентство развития Хоккайдо разработало план строительства плотин в регионе Нибутани, для чего начали разрабатываться земли на реке Сару. Но строительство было приостановлено после того, как два фермера-айна подали в суд и заявили, что правительство незаконно овладело их землями. В результате районный суд Саппоро отклонил их иск, однако признал незаконность экспроприации, проанализировав ее правовое обоснование в соответствии с японским правом и международным правом этнических меньшинств.

Таким образом, Япония проделала долгий путь, прежде чем смогла пересмотреть политику в отношении этни-

ческих меньшинств, признать существование коренного народа айну, создать необходимые условия для поощрения развития его культуры и языка. Большую роль в развитии движения айнов сыграла поддержка со стороны международного сообщества. В современной Японии постепенно складываются благоприятные условия для развития культуры айнов, возрождения утерянных традиций, улучшения условий этнического образования. В движении за распространение айнской культуры и языка принимает участие большое количество молодых людей, которые своим примером показывают подрастающему поколению, что своей идентичности не нужно бояться. Вместе с развитием культуры айнов укрепляется и самосознание народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулов А. Ю. Язык Айну. Прошлое, настоящее, будущее // Материалы VI Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С.82–87.
2. Горян Э.В., Нетрусов Ю.Ю. Признание Россией айну коренным малочисленным народом как фактор решения территориального спора с Японией // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. №24. С. 135–149.
3. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml
4. Конституция Японии. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=37>
5. Левковская А.Ю. История народа айну и их современное положение//Вестник Сахалинского музея. Ежегодник областного государственного учреждения культуры "Сахалинский государственный областной краеведческий музей". №17. Южно-Сахалинск, 2012. С. 195–202.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах. Организация объединенных наций. 16 декабря 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
7. A Statement of Opinion Regarding the Partial Revision of I.L.O Convention № 107. URL: <http://cwis.org/fwdp/Eurasia/ainu.txt>
8. Appendix 2: New Law Concerning the Ainu People (Draft) Adopted at the General Assembly of the Utari Kyokai. URL: https://uwspace.uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/2765/Scott%20Harrison_GSO_Thesis.pdf;jsessionid=6DB62BA149261E75B4243DA6CD0001A9?sequence=1
9. Appendix 3: Law for the Promotion of the Ainu Culture and for the Dissemination and Advocacy for the Traditions of the Ainu and the Ainu Culture. URL: https://uwspace.uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/2765/Scott%20Harrison_GSO_Thesis.pdf;jsessionid=6DB62BA149261E75B4243DA6CD0001A9?sequence=1
10. DeChicchis J. The current state of the Ainu language. URL: <http://www.ksc.kwansei.ac.jp/~jed/MultilingMulticult/Ainu1995/AinuLgState.html>
11. Diversity in Japanese culture and language. Responsibility: edited by John C. Maher and Gaynor Macdonald. Imprint: London; New York: Kegan Paul International; New York: Distributed by Columbia University Press, 1995. 327 p.
12. Eiji Takemae. The Allied Occupation of Japan and Its Legacy. New York: Continuum International, 2002. 751 p.
13. Harrison S. The Indigenous Ainu of Japan and the "Northern Territories" Dispute. URL: https://uwspace.uwaterloo.ca/bitstream/handle/10012/2765/Scott%20Harrison_GSO_Thesis.pdf;jsessionid=6DB62BA149261E75B4243DA6CD0001A9?sequence=1
14. Hunters and gatherers in the modern world: conflict, resistance, and self-determination / edited by Peter P. Schweitzer, Megan Biesele, and Robert K. Hitchcock. New York – Berghahn Books, 2000. 512 p.
15. Inauguration speech. General assembly. URL: <http://www.ainu-assn.or.jp/english/eabout08.html>
16. Martin K. Ainu itak : on the road to Ainu language revitalization URL: https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/47031/1/MS60_005.pdf
17. Maruyama H. Japan's post-war Ainu policy. Why the Japanese Government has not recognised Ainu indigenous rights? // Polar Record, Vol. 49(249), P. 204 – 207
18. Morris-Suzuki Tessa. The Ainu: Beyond the Politics of Cultural Coexistence. URL: <http://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/japan/ainu-beyond-politics-cultural-coexistence>
19. Nakamura N. Realising Ainu indigenous rights: A commentary on Hiroshi Maruyama's 'Japan's post-war Ainu policy. Why the Japanese Government has not recognised Ainu indigenous rights?' // Polar Record, 50(2), 2014, P. 209 – 211.
20. Siddle R. Race, Resistance and the Ainu of Japan. N. Y.: Routledge, 1996. 284 p; The limits to citizenship in Japan: multiculturalism, indigenous rights and the Ainu // Citizenship Studies. Vol. 7, 2003 – Issue 4, P. 447–462.
21. Toshiaki Sonohara. Toward a Genuine Redress for an Unjust Past: The Nibutani Dam Case. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/MurUEJL/1997/16.html>
22. United Nations Organization Chart on Indigenous Issues. The Ainu association of Hokkaido. URL: <https://www.ainu-assn.or.jp/english/issues.html>
23. What is the Ainu Association of Hokkaido? The Ainu association of Hokkaido. URL: <http://www.ainu-assn.or.jp/english/eabout04.html>
24. 平成 25 年北海道アイヌ生活実態調査報告書.北海道環境生活部 (Heisei 25-nen Hokkaido Ainu seikatsu jittai chosa hokoku-sho. Hokkaido kankyo seikatsu-bu. Исследование реальных условий жизни айнов Хоккайдо 2013 г.) URL: http://www.pref.hokkaido.lg.jp/ks/ass/ainu_living_conditions_survey.pdf

МЕТОДОЛОГИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСЛАМСКО-ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТВОРЧЕСТВУ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ РЕСПУБЛИКИ ИРАК

Аль-Мохаммедави Хайтам Саад Хасан
Аспирант,
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева

METHODOLOGY OF THE ETHNOCULTURAL ISLAMIC-HUMAN MODEL OF TEACHING ART CREATIVITY IN PRIMARY SCHOOL PUPILS OF THE REPUBLIC OF IRAQ

Al-Mohammedawi Haitham Saad Hasan

Annotation

This article presents the developed author's developing ethno-cultural model of teaching art creativity of pupils of the primary school of the Republic of Iraq. This model includes eleven pedagogical conditions selected by the author, which ensure the most optimal formation, development and functioning of the artistic creativity of schoolchildren in the primary school of the Republic of Iraq. Characteristics of the development of the artistic creativity of the Iraqi school in drawing classes are given, as well as the factors of the teacher's personality activity in developing education. The object of the research is the methodology of studying the Islamic-human basis for teaching artistic creativity in the initial Republic of Iraq. The subject of the research is the system of pedagogical-didactic principles of teaching art creativity in the primary school of the Republic of Iraq. The purpose of the article is the formation of a system of pedagogical-didactic principles for teaching art creativity in the primary school of the Republic of Iraq. Hypothesis: the formation of a system of pedagogical-didactic principles of teaching artistic creativity, which allows to stimulate the development of the personality of a primary school student in the Republic of Iraq.

Objectives: 1. A general assessment of the state of teaching art in an elementary school in the Republic of Iraq. 2. Fixing (description) of the basic methodological principles of teaching art creativity in an elementary school in the Republic of Iraq. 3. Construction of a system of pedagogical-didactic principles of teaching art creativity in an elementary school in the Republic of Iraq.

Keywords: artistic creativity, pupils, primary school, Republic of Iraq, aesthetics, pedagogical principles, ethnocultural model, Islam, primordial tradition, universal values, pedagogy.

Аннотация

В настоящей статье представлена разработанная авторская развивающая этнокультурная модель обучения художественному творчеству учащихся начальной школы Республики Ирак. Данная модель включает одиннадцать выделенных автором педагогических условий, обеспечивающих наиболее оптимальное становление, развитие и функционирование процесса художественного творчества школьников начальной школы Республики Ирак. Дана характеристика условиям развития художественного творчества школы Ирака на занятиях рисованием, а также факторы активности личности учителя в развивающем обучении. Объект исследования – методология исследования исламско-общечеловеческих оснований обучения художественному творчеству в начальной школе Республики Ирак. Предмет исследования – система педагогико-дидактических принципов обучения художественному творчеству в начальной школе Республики Ирак. Цель статьи – формирование системы педагогико-дидактических принципов обучения художественному творчеству в начальной школе Республики Ирак. Гипотеза: формирование системы педагогико-дидактических принципов обучения художественному творчеству, позволяющей стимулировать развитие личности учащегося начальной школы в Республике Ирак.

Задачи: 1. Общая оценка состояния обучения художественному творчеству в начальной школе в Республике Ирак. 2. Фиксирование (описание) базовых методологических принципов обучения художественному творчеству в начальной школе в Республике Ирак. 3. Конструирование системы педагогико-дидактических принципов обучения художественному творчеству в начальной школе в Республике Ирак.

Ключевые слова:

Художественное творчество, учащиеся, начальная школа, Республика Ирак, эстетика, педагогические принципы, этнокультурная модель, ислам, примордиальная традиция, общечеловеческие ценности, педагогика.

ВВЕДЕНИЕ

Центральное место среди условий эффективного и результативного планирования, организации, проведения и анализа образовательного процесса (обучения и

воспитания) в начальной школе Республики Ирак занимает создание возможностей для становления, развития и функционирования процесса художественного творчества. Мы рассматриваем творчество как созидательную (креативную) деятельность, преобразующую социальный

и природный и мир в соответствии с целями, задачам и потребностями человека и человечества на основе объективных законов действительности.

Художественному творчеству, по нашему мнению, необходимо приобрести более глубокое значение в системе образования и следует переместиться с периферийных на центральные позиции в учебно-воспитательных планах начальной школы Республики Ирак. Тогда как в современной образовательной системе Республики Ирак, становлению, развитию и функционированию процесса обучения художественному творчеству в начальной школе уделяется недостаточное внимание. Очень важно учащимся предоставлять возможность (и если это необходимо – искусственно создавать ситуации) познавать себя (самопознание), создавать условия для становления способностей, качеств, заложить основы для развития способностей (улучшенные задатки) и талантов (усовершенствованные способности) в ситуации саморазвития, а также способствовать (в процессе планирования, организации, проведения и анализа) избранной ими созидательно-творческой деятельности. Ребенку необходимо дать возможность проявлять себя в различных видах искусства: декоративно-прикладного (вышивка, ручное ткачество, керамика, батик, резьба по дереву, роспись по дереву, чеканка, выжигание и другое) изобразительного (живопись, графика, скульптура), и театрально-декорационного (декорационное оформление детских спектаклей, пошив одежды сцены, изготовление актерских костюмов, создание светового оформления сцены и зала, изготовление театральных кукол, сценическое мастерство, декламация стихов).

Развитие творчества (процесс производства нечто нового (не существующего ранее) не заимствованного ни у кого и представляющего из себя совершенство в какой-либо области человеческой области) и креативности (природная одаренность, талантливость) позволяет не просто развить эстетическое восприятие мира, эмоциональную сферу личности мелкую моторику руки, но и способствует формированию, становлению и развитию творческого мышления (так необходимого для открытия и изобретения чего-то нового), системного взгляда на мир, личностной свободы, самопознания, самоформирования, саморазвития, самовоспитания, самоопределения и самоактуализации личности в самом широком смысле. [3, 6]

Процесс обучения художественному творчеству должно отвечать требованиям обязательности (непрерывный, безусловный для исполнения) и систематичности (следующий определенной системе, а также склонный к порядку и последовательности в действиях) для каждого учащегося, независимо от степени его художественной способности, одаренности и таланта. Мы считаем, что определение концептуальных основ развития худо-

женственного творчества учащихся в системе начального школьного образования Республики Ирак предполагает выделение четырех уровней – философско-мировоззренческого, теоретико-педагогического, практико-ориентированного и инструментально-технологического.

Объект, предмет, цель, задачи и гипотеза

Объект исследования – методология исследования исламско-общечеловеческих оснований обучения художественному творчеству в начальной Республики Ирак.

Предмет исследования – система педагогико-дидактических принципов обучения художественному творчеству в начальной школе Республики Ирак.

Цель статьи – формирование системы педагогико-дидактических принципов обучения художественному творчеству в начальной школе Республики Ирак.

Гипотеза: формирование системы педагогико-дидактических принципов обучения художественному творчеству, позволяющей стимулировать развитие личности учащегося начальной школы в Республике Ирак.

ЗАДАЧИ

1. Общая оценка состояния обучения художественному творчеству в начальной школе в Республике Ирак. 2. Фиксирование (описание) базовых методологических принципов обучения художественному творчеству в начальной школе в Республике Ирак. 3. Конструирование системы педагогико-дидактических принципов обучения художественному творчеству в начальной школе в Республике Ирак.

Методология исследования

Разработанная нами авторская этнокультурная модель обучения художественному творчеству в начальной школе Республики Ирак опирается на следующие базовые методологические положения:

1. Священный Коран как общая семантика взаимодействия учителя и ученика в начальной школе Республики Ирак.
2. Принцип природосообразности Адольфа Дистервега и Яна Амоса Коменского.
3. Теория самореализации и самоактуализации Абрахама Маслоу.
4. Теория педагогического потенциала ислама Людмилы Алексеевны Харисовой. [7]

ОБСУЖДЕНИЕ

Становление, развитие и функционирование процесса художественного творчества учащихся начальной

школы Республики Ирак предполагает систематическое обеспечение реализации комплексных воспитательно-дидактических условий: 1. Наличие системы философско-педагогических принципов развивающего обучения художественному творчеству; 2. Условия становления, развития и функционирования процесса художественного творчества учащихся начальной школы Республики Ирак на уроках рисования; 3. Факторы активности личности учителя в развивающем обучении.

1. Система философско-педагогических принципов развивающего обучения художественному творчеству

Становление, развитие и функционирование процесса художественного творчества возможно в условиях выполнения смоделированной нами системы принципов теории обучения (дидактики) в процессе преподавания уроков рисования.

1.1. Для осуществления системного (систематического становления, развития и функционирования процесса художественного творчества) комплексного подхода важное значение имеет правильное понимание и использование универсальной системы философско-педагогических принципов.

Данная система понимается как система элементов, связанных и взаимодействующих друг с другом, и обладающая эмерджентными качествами, не присущими этим элементам по отдельности.

Эту систему составляют следующие принципы:

- 1) Принцип стыда, чистосердечия и родственных связей (базирующийся на онтолого-конфессиональном основании и соответствующий исламский тип эстетики);
- 2) Принцип природосообразности Я.А. Коменского и А. Дистервега;
- 3) Принцип развивающе-воспитывающего обучения;
- 4) Принцип формирующее-развивающего эмоционально-ценностного отношения к миру;
- 5) Принцип открывающей (открытие) и изобретающей (изобретение) научности;
- 6) Принцип творческо-побуждающей наглядности в воспитании и обучении;
- 7) Принцип творческо-эвристической активности в воспитании и обучении;
- 8) Принцип осознанного, сознательного обучения;
- 9) Принцип последовательности, систематичности и преемственности в воспитании и обучении;
- 10) Принцип доступности и посильности в воспитании и обучении;
- 11) Принцип эвристических вопросов.

1.2. Реализация принципов в практике работы начальной школы

Рассмотрим особенности реализации данных дидактических (философско-педагогических) принципов в процессе развития художественного творчества.

Принцип стыда, чистосердечия и генеологии (родственных связей) предполагает: стыд (покаяние народа) – осуждение несправедливости и обоснование общего блага; чистосердечие – искренность во взаимоотношениях, сопереживание и сострадание, быть верным человеком в жизни (по жизни); генеология – продолжение в жизни и в творчестве дела отцов и матерей в примордиальной традиции (материнской этнической традиции, связанной с биологической природой этноса) и исправление ошибок отцов.

Принцип природосообразности Яна Амоса Коменского. Каждый период жизнедеятельности ребенка характеризуется, по мнению Я. А. Коменского, природными закономерностями, поэтому по его убеждению, и воспитание ребенка должно проходить "...сообразно с его природой" [1, с.12; 5].

Принцип развивающе-воспитывающего обучения и принцип формирующее-развивающего эмоционально-ценностного отношения к миру состоит в том, что учитель рисования не только формирует, развивает и воспитывает у учащихся в процессе обучения (учения), не только организует и проводит формирование, становление психических процессов и состояний, связанных с детскими потребностями к творчеству и мотивациями к нему (удовлетворения от хорошо нарисованной картины, исполненной песни, выполненной вышивки и так далее). Обучение художественному творчеству есть не самоцель, а инструмент целостного развития ученика в аспектах исламской традиции и общечеловеческих ценностей.

Принцип открывающей (открытие) и изобретающей (изобретение) научности. Задача формирования, становления и развития научного мировоззрения у учащихся состоит в том, чтобы освоить научно-теоретические знания и практические умения, и навыки, научиться правильно мыслить. Так, на уроках рисования учащиеся изучают законы цветоведения, оптики и перспективы, законы пространственного расположения, строения и другие характеристики особенности объектов. На уроках рисования ученики постоянно сравнивают и сопоставляют объекты творчества, анализируют их строение, синтезируют композиции, обобщают.

Принцип последовательности, систематичности и преемственности в обучении и воспитании основывается на усвоении знаний, умений и навыков (о классе предметов, явлений и идей) в их логической связи с предыдущим

и последующим материалом (в процессе обучения и воспитания), и он реализуется через принцип движения от простого к сложному, от частного к общему, либо, напротив, от общего – к частному.

Принцип творческо-эвристической активности в обучении и воспитании основан на стимулировании и поддержке проявления творчества. На уроках изобразительного искусства учащиеся могут свободно выбирать тему для рисования, или выбирать по своему усмотрению содержание рисунка на заданную тему.

Принцип осознанного (осмысленного) и сознательного (правильно оцененного) обучения. Осознанная активность детей на уроке, понимание ими общей цели творческого развития в процессе обучения рисованию, конкретных задач каждого урока, способствуют повышению старательности и активности учеников в процессе рисования, их большой заинтересованности в творческом процессе вообще и художественное творчество, в частности.

Принцип доступности и посильности в обучении и воспитании базируется на необходимости принять во внимание возрастные и индивидуальные особенностей детей и указывает на реальные возможности осознания учащимися объема и содержания учебного материала. Принцип доступности предписывает педагогу учитывать и возрастные, и индивидуальные особенности развития при обучении конкретного ребенка. Индивидуальный подход обозначает выбор способов, методов, темпа обучения, исходя из индивидуальных различий учащихся. Не случайно каждый опытный педагог строит свою преподавательскую работу исходя из индивидуальных особенностей учащихся. К каждому ученику у такого преподавателя свой дифференцированный подход.

Индивидуальный подход в процессе занятий означает также обязательный учет интересов и склонностей учащихся. В практике преподавания рисования часто можно наблюдать, как некоторые ученики слишком много времени уделяют рисованию орнаментов, пейзажа, бытовых сцен или исторических событий. В этих случаях преподаватель должен направить рисование учащихся, дать конкретные задания, подсказать новое решение композиции, помочь в сборе материала.

2. Условия становления, развития и функционирования процесса художественного творчества учащихся начальной школы Республики Ирак на уроках рисования

Данное исследование позволило выявить условия, непосредственно влияющие на становления, развития и функционирования процесса художественного творчества учащихся начальной школы на уроках рисования.

В качестве этих условий выступают: нормализация общей социально-политической и социально-экономической обстановки в стране, развитие интереса; применение разнообразных художественных материалов и техник; использование проблемных ситуаций; использование технических средств и наглядных специальных пособий.

Развитие интереса к изучению рисования

Интерес есть направленность познания личности на явления и объекты, обусловленная специфическим личностным отношением к ним. Как правило, склонность к рисованию связана с появлением интереса к форме и цвету предметов, которые дети видят вокруг себя. Они с интересом начинают относиться к тому, что связано с художественным творчеством: с удовольствием слушают рассказы о художниках, рассматривают репродукции и открытки, посещают выставки.

Важно учитывать то, что учащиеся начальной школы трудно сохраняют внимание, когда материал или задание не интересны. Однако, пора исключительно на интерес и личностную привлекательность для учащихся при построении урока рисования, стремление сделать обучение сделать легким не является верным. Обучение есть, прежде всего, труд, а не забава. С другой стороны, ошибочна и противоположная тенденция – не учитывать в обучении положительных эмоций и заинтересованности учащегося. Выход состоит в соблюдении баланса и постепенности: необходимо постепенно выстраивать процесс обучения таким образом, чтобы делать обучение постепенно всё серьезнее от урока к уроку, одновременно формируя у школьников и интерес к рисованию, и способность к трудовым усилиям.

Применение разнообразных художественных материалов и техник

Важную роль в становлении, развитии и функционировании процесса художественного творчества занимает подбор и наличие художественно-изобразительного материала. На уроках рисования учащимся предлагаются различные материалы: цветная или тонированная бумага, акварель или гуашь, карандаш, уголь, цветные мелки, черная тушь. В начальной школе учитель предлагает указывать детям, что использовать художественный материал для решения конкретной изобразительной задачи. По мере творческого развития, развития навыков учащиеся сами делают выбор.

Также учителям необходимо создавать педагогические условия, которые способствовали бы освоению различных техник художественного творчества.

Использование проблемных ситуаций

Основой проблемного обучения является создание и организация различных типов проблемных ситуаций перед учащимися и управление их деятельностью в ходе решения проблем.

Проблемные ситуации характеризуются условиями, когда человек не может выполнить известными ему способами поставленного перед ним задания, для чего необходима активация процессов его мышления.

Важное место проблемное изложение знаний занимает на уроках рисования. Широко используется такая простейшая форма решения проблемных задач, как постановка перед учащимися проблемных вопросов: Почему? Как? Зачем? и тому подобное. Вопросы, задаваемые учащимися, "направляются на то, чтобы помочь им раскрыть наиболее существенные связи в том или ином изучаемом материале, найти новые способы применения художественных материалов, новые формы линий, штрихов, мазков". [1] Нахождение ответов на проблемные вопросы и выступает в обучении рисованию в форме решения проблемы.

Приведем примеры проблемных ситуаций на уроках рисования в начальной школе.

- ◆ Примеры для 1–2 классов: рисование нетрадиционными материалами вместо красок и кистей (чаем, вареньем, палочкой, пучком перьев, веточкой, пучком трав, мочалкой, губкой); рисование красочными пузырями, катанием шариков, раздувание клякс; печатанье разнообразных фактур (листьями, комком бумаги, целлофаном, тканью с выпуклым рисунком). [1]

- ◆ Примеры для 3–4 классов: нарисовать солнечный свет, используя раздельный мазок; нарисовать пейзаж, применив разнообразные по форме мазки; нарисовать сильный порыв ветра; передать пушистость шерстки котенка. [1]

Использование технических средств и наглядных пособий

Принцип наглядности состоит в том, что учащиеся идут к достоверным знаниям, обращаясь к самим предметам и явлениям как источнику познания. Учителю рисования постоянно приходится использовать средства наглядности. Будет ли это рисование с натуры, декоративное или тематическое рисование, беседы об искусстве – ему всегда нужен наглядный материал.

Наглядные пособия, применяемые на уроках с первого по шестой класс, можно выделить в несколько групп. Предметы, служащие объектами изображения на уроках рисования. В качестве натуры на уроках могут быть использованы предметы кубической, призматической, пи-

рамидальной, цилиндрической, конусообразной, шарообразной и комбинированной формы (фрукты, овощи, посуда, мебель, книги, рабочие инструменты, цветы, вазы, чучела птиц, животных и др.). [2]

Модели, объясняющие конструктивные закономерности построения предметов, законы перспективы, светотени, цветоведения, декоративной переработки форм растительного и животного мира. Это могут быть модели геометрических тел (проволочные и из органического стекла), предметов быта, фигуры человека. [2]

Схематические рисунки и таблицы

На этих пособиях может быть показано поэтапное выполнение рисунка или живописного этюда или даны другие методические указания. Их используют при объяснении законов перспективы, понятий "холодный" и "теплый" цвета, "колорит", "средний цветовой тон", "свет", "тень", "полутень" и многих других. [2]

Репродукции картин, рисунков, изображения предметов декоративно-прикладного искусства. Эти наглядные пособия преподаватель использует для знакомства учащихся с творчеством выдающихся мастеров изобразительного искусства, с искусством народных умельцев. [2]

Демонстрация кинофильма о творчестве того или иного художника, о различных видах и жанрах искусства в процессе беседы. С помощью кино можно продемонстрировать методическую последовательность выполнения рисунка, приемы работы карандашом, акварельными красками, показать технику наложения штриха. Средствами кино можно ярко раскрыть методику отдельных процессов построения рисунка. Быстрые процессы – движения руки, нанесение штриховки, приемы работы кистью – можно показать в замедленном темпе, длительные же процессы представить быстро протекающими.

Педагогический рисунок

Педагогический рисунок является эффективным средством развития художественного творчества. К педагогическому рисунку мы относим рисунок мелом на классной доске, поясняющую зарисовку учителя на полях рисунка учащегося или на отдельном листе бумаги. Сюда же можно отнести выправление работы ученика рукой педагога.

- ◆ *Первый вид педагогического рисунка* – работа на классной доске – помогает понять увиденное. Главное качество педагогического рисунка – это лаконичность изображения, простота и ясность его. Скупыми средствами графического языка учитель дает возможность учащимся ясно понять и представить сказанное. Рисунки на классной доске должны передать самую главную мысль учителя, опуская все случайное и второстепенное.

◆ *Второй вид педагогического рисунка* – это зарисовка учителя на полях рисунка учащегося. Такими зарисовками педагог пользуется в том случае, когда ошибка в рисунке замечена лишь у одного–двух учащихся и нет смысла отвлекать внимание всего класса.

◆ *Третий вид педагогического рисования* – это исправление ошибок в рисунке учащегося рукой учителя. Учащийся видит, как можно исправить именно его рисунок. Наблюдая, как учитель работает в его альбоме, учащийся впитывает все детали этого процесса и потом уже сам старается делать так, как показал преподаватель.

Становление, развитие и функционирование процесса художественного творчества зависит от учителя. Если учитель сумеет пробудить творческое воображение учащихся, направить их работу в нужное русло, то и творчество будет развиваться.

Специалистам изобразительного искусства многих стран (в том числе и в Республике Ирак) стало ясно, что рассчитывать на легкий и быстрый успех в становлении, развитии и функционировании процесса художественного творчества в начальной школе невозможно без использования упражнений.

Процесс систематизированного использования упражнений развивает у учащихся начальной школы способность анализировать форму предметов в зависимости от их пространственного расположения, умение внимательно наблюдать, чувство формы и цвета, пространственные представления, графические и живописные умения и навыки. Как следствие все это развивает художественное творчество.

Главной целью уроков рисования в начальной школе Республики Ирака является развитие художественного творчества учащихся.

Основными задачами использования упражнений на уроках рисования в начальной школе Ирака являются: 1) приобретение технических навыков и развитие критического чувства; 2) воспитание чувства радости и свободы труда через развитие эстетических чувств, творческой активности; 3) пополнение культурного багажа через развитие художественного вкуса и собственного мастерства.

В программах начальной школы по рисованию в Республике Ирак используются следующие виды упражнений:

- 1) композиционные;
- 2) графические;
- 3) стилизационно–декоративные;
- 4) на развитие технических навыков;

- 5) упражнения с цветом;
- 6) на овладение изобразительными материалами;
- 7) на развитие воображения;
- 8) на развитие зрительной памяти.

3. Факторы активности личности учителя в развивающем обучении

В процессе подготовки к уроку рисования преподаватель должен знать и соблюдать ряд условий. Такими условиями являются: 1) четкое определение цели и задач урока рисования, определение структуры, объема и содержания учебного материала; 2) предварительное четкое и конкретное определение обучающего и воспитательного содержания нового материала; 3) определение связей обучения и воспитания на уроке рисования в зависимости от задач и содержания урока; 4) глубокое знание программы по рисованию и на этой основе определение значения и места каждого конкретного урока в общей системе уроков; 5) предварительное планирование учебного материала; 6) изучение специальной и дополнительной литературы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Создана система педагогико–дидактических принципов исламско–общечеловеческого характера, ориентированная на общее развитие учащегося через развитие его художественных способностей.

ВЫВОДЫ

1. Обучение художественному творчеству развивает систему "Я" учащегося, но в системе "Мы" ислама и способствует самореализации и самоактуализации личности учащихся. Обучение художественному творчеству есть не самоцель, а инструмент целостного развития ученика в аспектах исламской традиции и общечеловеческих ценностей. Обучение художественному творчеству не может быть по своей природе ни чисто исламским, ни чисто общечеловеческим, а предполагает совместимость исламской и европейской традиций педагогики и толерантности к различным религиозным ценностям, в том числе к различию шиизма и суннизма. Основная традиция – исламская (премордиальная), а элементы европейской педагогики встраиваются в нее.

2. Обучение (воспитание) художественному творчеству в рамках введенных 11 дидактических принципов и средств их реализации, как показывает опыт реализации этих принципов в начальной школе Ирака, развивает высшие психические функции (мышление, язык и речь, внимания, воображения), сенсорный и эмотивный интеллект, ориентировочно–исследовательский рефлекс (эвристическая функция познания), оценка, рефлексия,

актуализирует функции памяти, причинно-следственное мышление, интуиции, воли, видения нового как открытия и изобретения, то есть резко повышает активность мозга, создавая предпосылки для самопознания, самоформирования и развития чисто интеллектуальных способностей в области всей совокупности наук – философских, гуманитарных, социальных, естественных, технических, развивая гражданскую активность обучающегося (воспитанника) в истории народа и современности.

3. Сформированная система принципов создает педагогическое пространство для введения педагогических технологий развития свободного творчества ученика и учителя средствами художественного образования.

4. Соответственно разработанным принципам вводятся предметно-ориентированные и педагогические средства формирования творческой способности учеников.

5. Субъективным фактором обучения художественному творчеству являются факторы активности учителя (воспитателя) и его коммуникации с учащимися (воспитанниками).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Обучение художественному творчеству носит именно этнокультурный, а не общечеловеческий харак-

тер, осуществляется через совместимость примордиальной традиции иракского этноса и европейской педагогической традиций.

2. Разработанная методология этнокультурной модели обучения художественному творчеству в начальной школе Ирака позволяет соединить внешние средства воздействия на ученика и его творческую самостоятельность в целях развития художественных способностей как части интеллекта и формированию целостной личности учащегося и его активной гражданской позиции и готовность к жизни и труду.

3. Но вместе с тем, обучение художественному творчеству использует традиционные средства в модели европейского развивающего и природосообразного обучения, имея целью открытие и изобретение в чувственной форме творчества.

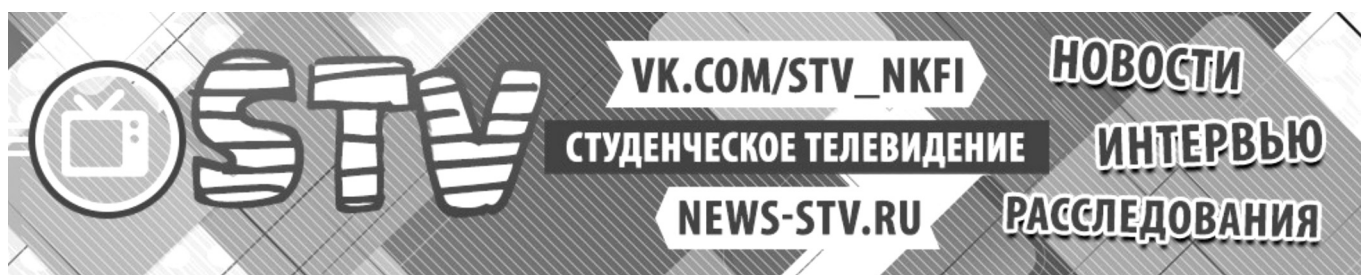
РЕКОМЕНДАЦИИ

Необходимо соединение исламских и общечеловеческих начал в обучении художественному творчеству в начальной школе Республики Ирак. Необходима разработка исламской эстетики как общей методологии обучения художественному творчеству. Развитие системы подготовки кадров для преподавания в начальной школе Республики Ирак.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бардала М.В. Развитие художественно-творческой активности учащихся 1–4 классов в процессе упражнений на уроках изобразительного искусства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/01002741535>
2. Виды наглядных материалов на уроке изобразительного искусства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://studall.org/all3-38355.html>
3. Винтин И. А. Этико-психологические аспекты самоактуализации личности в эгосоциальной теории: дис... канд. филос. Наук. – Саранск, 1999.
4. Деманова С. В. Образование в Республике Ирак: правовые и социальные аспекты // Тенденции развития и образования, 2017. № 29–1. С. 8–13.
5. Коменский Я. А. О воспитании: Золотой фонд педагогики/ Сост. Н.И. Матвеева. – М.: Школьная Пресса, 2003. – 192 с.
6. Кутеева В. П., Винтин И. А. Проблема самосохранения и самореализации в современном социуме // Вестник Мордовского университета, 2009. №2. С. 274–277.
7. Харисова Л. А. Педагогический потенциал ислама. М. : Изд-во "Русское слово", 2008. 352 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.elibrary_24065184_52655465.pdf

© Аль-Мохаммедави Хайтам Саад Хасан, (haithamsaad1@yahoo.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ЗНАКОВО-КОНТЕКСТНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ

THE SIGN-CONTEXTUAL MODEL OF LEARNING AS CONCEPTUAL BASIS FOR IMPROVING THE LANGUAGE COMPETENCE OF STUDENTS

*O. Danko
V. Midova
E. Minasyan*

Annotation

The problem of language competencies formation in the modern information environment in many ways bases on the need for a deeper insight into the communicative process, as well as the development of more general, systemic ideas about the language.

This article analyzes the application of the constructed model to the problem of formation of linguistic competence of students of non-linguistic universities and the expediency of introduction of sign and contextual learning technologies as a tool to realize the approaches to the development of these competencies.

Keywords: language competence, competence approach, skills of professional activities, information society, sign-contextual learning.

*Данько Ольга Александровна
К.п.н., доцент,
РЭУ им. Г.В. Плеханова
Мидова Венера Олеговна
К.псх.н., доцент,
РЭУ им. Г.В. Плеханова
Минасян Ева Тиграновна
К.филол.н., доцент,
РЭУ им. Г.В. Плеханова*

Аннотация

Проблема формирования языковых компетенций в современной информационной среде, во-многом, упирается в необходимость более глубокого проникновения в суть коммуникативного процесса, а также развитие более общих, системных представлений о языке.

В данной статье анализируется применение построенной модели к задаче формирования языковых компетенций студентов неязыковых вузов и обосновывается целесообразность введения технологии знаково-контекстного обучения как инструмента, позволяющего реализовать подходы к формированию этих компетенций.

Ключевые слова:

Языковые компетенции, компетентностный подход, навыки профессиональной деятельности, информационный социум, знаково-контекстное обучение.

Для иностранного языка как учебной дисциплины свойственен ряд характеристик, которые приобретают новые черты в современном информационном универсуме. Профессиональные контакты с представителями зарубежных государств развиваются и расширяются. Уровень владения иностранным языком в современном мире непосредственно влияет на успешность самой разнообразной деятельности.

Еще в XX веке И.Л. Зимняя писала о "беспредметности" и "неоднородности" иностранного языка. Данная характеристика подразумевает специализированный выбор области обучения, например, из сферы искусства, истории, экономики, политики, культуры и др., поскольку изучение языковых аспектов (грамматики, фонетики, лексики) исключительно в целях познания иностранного языка, не отвечает современным требованиям студентов.

Конечно, сложно обучать "беспредметной" учебной дисциплине, но, в то же время, имеется прекрасная воз-

можность повысить мотивацию студентов к изучению иностранного языка, дополнив и обогатив его изучение профессионально-ориентированной тематикой. Эта идея близка многим ученым (Н.Е. Кузовлева, З.А. Литова, Л.А. Милованова, Е.С. Полат и др.) [1, с. 13].

Подобные методы изучения иностранного языка распространены и в других странах.

В начале 1997 года Советом Европы (Council of Europe) была принята новая редакция программы под названием "Современные языки: изучение, обучение, оценка. Общеευропейская компетенция" (Modern Languages: Learning, Teaching, Assessment. A Common European Framework of Reference), в основе которой лежит личностно ориентированный подход. [2, с.4-5] Главная идея документа заключается в том, что при изучении иностранного языка важнейшими категориями являются общая (general competences) и коммуникативная (communicative language competences) компетенции, а

также языковые действия (language activities), при помощи которых осуществляется коммуникативная компетенция и области (сферы) (domainion) языкового общения.

В этих целях для обучения предусматривается четыре группы знаний:

1. savoir – об общепризнанных значениях, распространенных в определенной социальной группе, а также межкультурные и социокультурные знания;

2. savoir-fair – о том, как вести себя в определенных ситуациях, чтобы быть принятыми носителями языка и культуры, то есть практические умения;

3. savoir-etre – это усвоение социальных установок и ценностей, соотнесение своей родной и изучаемой культуры;

4. savoir-apprendr – о развитии умений самостоятельного получения новых знаний (самообучение).

Перечисленные ранее понятия и методы, а также средства информатизации часто применяются при составлении вышеуказанных групп знаний.

К первой группе относятся значения, используемые в определенном социуме и национальном этносе. При классическом формировании языковых компетенций перечисленные значения фиксируются в памяти и со временем переходят в активный словарный запас. Однако, учитывая подверженность языка внешнему влиянию, высокий уровень его разнородности (наглядно иллюстрирует расхожее выражение "England and America are two countries separated by the same language" – "Англия и Америка – две страны, разделенные одним языком") представляется целесообразным совершенствовать данную методику включением в нее общих понятий о корреляции синтаксиса и семантики. Необходимо понимать, что язык точно и ясно выражает всякое социально-общественное явление и, зачастую, только от существования в нем нужных слов зависит его возникновение и существование.

Во вторую группу включены знания, необходимые для формирования моделей поведения в различного рода ситуациях, которые позволяют быть правильно понятым носителем языка. В частности, у англоязычных людей вызывают трудности выражения начала и завершения коммуникаций с русскоговорящими, так как в русском языке практически нет нейтральных, конвенциональных слов вроде: "see you", "take care" и т.д. Говорящие по-русски, как правило, понимают их по смыслу, а для носителя английского языка они только лишь идентичны открывающей и закрывающей скобкам. Данная отличительная черта полностью соответствует треугольной логической модели функционирования знака Г. Фреге: "знак" – "смысл" – "значение".

Третья группа указывает на необходимость формирования социальных установок и ценностей, сопоставления родной и изучаемой культуры. В этом случае, необходимо формирование модельного подхода для оценивания различных языковых явлений, к примеру, речевого этикета характерного для конкретно изучаемого языка, что весьма актуально в условиях взаимовлияния разных культур.

Четвертая группа нам указывает на необходимость самостоятельно научиться получать знания, что, бесспорно, представляет собой информационный момент. Но основная задача состоит не в овладении роботизированными поисковыми системами, а в том, чтобы научиться правильно формулировать запрос и анализировать получаемые сведения [1, с. 14].

Следует подчеркнуть, что понятие "языковая компетенция" было введено Н. Хомским в середине прошлого столетия. В понимании отечественных авторов оно в первую очередь означает комплексность конкретных навыков, требующихся представителю языковой общности для речевых контактов с другими и овладения языком как учебной дисциплиной. В современном поликультурном и мультилингвальном мире языковые компетенции относятся к числу ключевых компетенций. Кроме того, востребованность специалистов со знанием одного, а чаще даже нескольких иностранных языков, актуализировало освоение языков, ориентированных на конкретную предметную область.

Компетентностный подход при изучении иностранного языка является одним из главных методических подходов. При этом для формирования языковых компетенций в качестве средства применяются информационные и коммуникационные технологии (ИКТ). Проблемам разработки содержания и методики обучения иностранному языку с использованием ИКТ посвящены исследования Е.С. Полат, С.В. Титовой, Е.П. Сосниной, Л.В. Турбиной и др. К перспективному направлению относится использование мультимедийных технологий, дающих возможность наглядно представить любую языковую ситуацию, внося таким образом свой вклад в формирование языковых компетенций [2, с.6].

По сложившейся в отечественном образовании традиции формирование языковых компетенций осуществляется в трех плоскостях:

- ◆ формирование фонетических навыков – правильного произношения терминов, особенно касающихся выбранной сферы деятельности;
- ◆ освоение основных грамматических конструкций и их закрепление с помощью профессиональной лексики;
- ◆ освоение профессиональной лексики, основан-

ной на основных видах профессиональной деятельности, в частности:

- а) ведение деловых бумаг, банковской документации;
- б) оформление договоров с англоязычными специалистами.

Освоение основных грамматических конструкций предполагает лингвостатистическое исследование частотности употребления в профессионально-ориентированных текстах тех или иных грамматических явлений. Согласно методике Ж.В. Ветлина, целесообразно устанавливать распространенность по стилям и среднюю частоту встречаемости грамматических явлений в профессионально-ориентированных текстах. Единицами измерения насыщенности текстов могут служить коэффициент частотности, также называемый коэффициентом насыщенности.

В целом, можно выделить следующие психолого-педагогические особенности процесса формирования языковых компетенций, которые следует учитывать при организации подготовки специалистов выбранной сферы деятельности:

1. Развивать навыки профессиональной деятельности средствами языка и формирование потребностей к изучению языка и его применению в профессиональном и межкультурном общении. Это положение развито, в частности, в работах Н.Е. Кузовлевой.

2. "Опредмечивать" английский язык, расширяя его связи с различными дисциплинами, не только профессионального цикла (бизнес, менеджмент, информатика и др.), но и дисциплинами общекультурной направленности.

3. Учитывать активное общение со сверстниками, в частности, с помощью социальных сетей, где в процессе межкультурного общения формируются языковые конструкции, которые очень часто оказываются неадекватными языковым нормам и требуют существенной коррекции со стороны преподавателя. С другой стороны, коммуникация представляет собой исключительно важный (возможно единственный) инструмент социализации. Как подчеркивал известный специалист по социальной психологии Т. Шибутани: "...коммуникация – это, прежде всего, способ деятельности, который облегчает взаимное приспособление поведения людей. Различные движения и звуки становятся коммуникативными, когда они используются в ситуациях взаимодействия.

Суть коммуникативной деятельности, следовательно, не в выражении предшествующих мыслей и чувств, но в установлении такой кооперации, когда поведение каждого изменяется и в известной степени регулируется фактом участия других индивидов" [3, с. 94]

Именно в рамках коммуникации возникает диалог, который по М.М. Бахтину является не только инструментом социализации, но и способом личности "заглянуть внутрь себя". М.М. Бахтин подчеркивает, что "овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним... Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически". Под диалогом у М.М. Бахтина понимается множественность равноправных сознаний с их мирами, которые сочетаются, сохраняя свою "неслиянность". [4, с. 405–406]

4. Учитывать особенности личности обучаемого в плане его соотношения его притязаний и реальных возможностей.

5. Формировать готовность к оперативной смене профессиональной деятельности.

При быстром устаревании специальных знаний, в частности в области экономики и менеджмента важным становится: умение мотивировать себя самостоятельно учиться и повышать свой профессиональный уровень, умение работать в команде, умение видеть в критических ситуациях не только неблагоприятные исходы, но новые возможности личностного роста.

При подготовке менеджеров следует иметь в виду в виду современную тенденцию – переход на подготовку не по специальностям, а по профилям при сокращении их числа. Эта тенденция носит глобальный характер. Например, показательны прогнозы американских психологов, учитывающие изменения характера труда и общих профессиональных требований:

- ◆ большинство людей будет вынужденно неоднократно менять вид деятельности;
- ◆ во всех отраслях профессиональной деятельности потребуются более высокий уровень квалификации работников;
- ◆ конкурентное преимущество будут иметь работники с универсальными навыками и умениями;
- ◆ возникнет необходимость приспособления имеющихся навыков к производству;
- ◆ возникающие (новые) сферы деятельности потребуют более высокого уровня образованности;
- ◆ от работника будут требоваться профессиональная гибкость и адаптируемость. Способность принимать самостоятельные решения.

В "нетехнологических" ситуациях решающим становится наличие предпринимательских качеств, т.е. способностей эффективно вести дело. К оценке предпринимательских качеств существуют разные подходы. Например, в компании British Petroleum считают необхо-

димыми следующие качества:

- ◆ ориентированность на результат (напористость, организационные способности, целеустремленность, коммуникабельность);
- ◆ ориентация на людей (осведомлённость об окружающих, способность работать в команде, убедительность);
- ◆ умение мыслить (способность к анализу, стратегическое мышление, коммерческая рассудительность);
- ◆ ситуативная гибкость (адаптивная ориентация).

6. Формировать умение соединить идею, организацию и финансы, без чего современный предприниматель высокого класса состояться не сможет.

7. Использовать проектную методику как форму самостоятельной (индивидуальной и коллективной) работы обучаемых.

Именно проектная методика позволяет сформировать навыки, необходимые для эффективной работы в современном информационном социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данько О.А. Развитие модельных представлений как средство интеграции учащихся в современный информационный социум. Автореферат дис. ...канд. пед. наук // Институт содержания и методов обучения Российской академии образования. Москва, 2012.
2. Бешенков С.А., Ракитина Е.А., Шутикова М.И. Гуманитарная информатика: от моделей и технологий к информационным принципам // Информатика и образование, №2, 2008. С. 3–7.
3. Данько О.А. Влияние феноменов современного информационного социума на процесс обучения // Вопросы современной науки и практики. Университет им. Вернадского. 2012. №2–40. С.93–95
4. Бахтин М.М. Проблема текста/Собр. соч. в 7 т., том 3, Москва, 1996.

© О.А. Данько, В.О. Мидова, Е.Т. Минасян, (olgadanko@bk.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

КУЛЬТУРА РЕЧИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ

SPEECH CULTURE AS A CONDITION OF FUTURE ENGINEER EFFECTIVE COMMUNICATION

*L. Zakharova
L. Gunina
I. Zarochintseva
Y. Lupinogina*

Annotation

The article is devoted to the speech culture as a condition of effective communication of future specialists in a technical University. It shows the role and significance of speech culture in the formation of a high level of professional communication culture of future engineers. The experience of the "Russian language and speech culture" working program implementation in the technical University is presented. The competence acquired as a result of studying this discipline is considered. The article considers three components of speech: normative, communicative, ethical. Psycholinguistic testing results of students are presented and analysed. The importance of ethics both in business communication and in everyday life as well as the importance of self-education in mastering communication skills is stressed.

Keywords: culture of speech, professional communication, effective communication, knowledge of Russian literary language.

Захарова Любовь Васильевна

К.с.н., доцент

Гунина Лидия Аркадьевна

К.ф.н., доцент

Зарочинцева Ирина Викторовна

К.ф.н., доцент

Лупиногина Юлия Анатольевна

К.п.н., доцент

*Волгодонский инженерно-технический институт
Национального исследовательского ядерного
университета, МИФИ*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению культуры речи в качестве условия эффективного общения будущих специалистов в техническом вузе. Отмечается роль и значимость культуры речи в формировании высокого уровня культуры профессионального общения будущих инженеров. Представлен опыт реализации рабочей программы по дисциплине "Русский язык и культура речи" в техническом вузе. Рассмотрены компетенции, приобретаемые в результате изучения данной дисциплины. В статье рассматриваются три составляющих компонента культуры речи: нормативный, коммуникативный, этический. Представлены и проанализированы результаты психолингвистического тестирования студентов. Подчеркивается важность этических норм как в деловом общении, так и в повседневной жизни, а также значимость роли самообразования в овладении культурой общения.

Ключевые слова:

Культура речи, профессиональное общение, эффективное общение, владение русским литературным языком.

В системе современного высшего профессионального образования к будущему инженеру предъявляются высокие требования, так как современное производство требует от инженера-физика, строителя, менеджера высокой профессиональной и общей культуры. Вопрос о культуре считается одним из главных в контексте интеллектуального и нравственного развития молодого поколения.

Культура входит в число наиболее важных ценностных ориентиров инженеров. Все большее значение придается владению культурой профессионального общения, готовности применять профессионально значимые качества, компетенции (языковедческую, культуроведческую, коммуникативную). Поэтому в учебные планы технических вузов необходимо включать такие гуманитарные дисциплины как "Русский язык и культура речи", "Этика делового

общения", "Основы речевой коммуникации", "Деловой русский язык", связанные с формированием речевой культуры студентов, нацеленные на преодоление обособленности инженерных знаний от гуманитарных достижений человеческой культуры, что является необходимым аспектом обновления содержания образования [1].

Основой профессиональной деятельности будущих инженеров является профессиональное общение. Формирование высокого уровня культуры профессионального общения инженера – компетенция, положенная в основу инженерного образования в техническом вузе. Владение русским языком и культурой речи является необходимой частью профессиональной компетентности современного специалиста. Курс "Русский язык и культура речи" в ВИТИ НИЯУ МИФИ ставит перед собой задачу способствовать формированию профессиональных на-

выков и умений рационального речевого поведения специалиста.

Целью изучения дисциплины является повышение уровня практического владения современным русским литературным языком у студентов технического вуза в разных сферах функционирования русского языка; научить студента устанавливать речевой контакт и обмениваться информацией с другими членами языкового коллектива, связанными с говорящими различными социальными отношениями.

Задачи освоения дисциплины: способствовать развитию речи и мышления; совершенствовать орфографические и пунктуационные навыки студента; расширить знания о функциональных стилях речи; обеспечить практическое умение продуцирования связных, правильно построенных монологических текстов на разные темы в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего и ситуацией общения.

В результате изучения дисциплины студент должен знать языковые нормы устной и письменной речи, основные приемы речевого общения, законы построения публичного выступления, особенности делового общения, виды, особенности оформления курсовой и дипломной работы, особенности функциональных стилей речи, процессы организации эффективной речевой коммуникации; владеть навыками вербального и невербального общения, публичного выступления; составления деловой документации.

В соответствии с ФГОС ВПО в ВИТИ НИЯУ МИФИ процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций: готовность действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и этическую ответственность за принятые решения; готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности.

Для достижения необходимого уровня развития компетенций следует работать над выработкой у студентов следующих речевых умений:

- ◆ умение свободно владеть письменной и устной речью на русском языке;
- ◆ умение использовать профессионально-ориентированную риторичку;
- ◆ умение владеть методами создания понятных текстов;
- ◆ умение использовать и применять языковые нормы и основы культуры речи в профессиональной деятельности и в социальном взаимодействии.

Подробно роль компетенций в изучении русского языка и культуры речи авторы изложили в статье "Роль компетенций владения языком в формировании культуры производства", в данном случае внимание акцентируется на том факте, что для эффективного участия в коммуни-

кации недостаточно просто овладеть определёнными компетенциями. Известно, что правильно поставленная коммуникация является основным в области эффективного общения, поэтому необходимо уметь применять компетенции на практике, а также уметь пользоваться адекватными стратегиями для их практического применения. Хорошим опытом для практического применения коммуникативных компетенций являются международные Интернет-олимпиады, в том числе и по русскому языку, в которых студенты нашего вуза неоднократно принимали участие. Данный вид деятельности является хорошим инструментом повышения качества образования, уровня интеллектуального развития студентов. Студенты имеют уникальную возможность проявить себя, раскрыть свой творческий потенциал. Подобного рода мероприятия воспитывают волю, упорство, стремление к самообразованию, расширению кругозора. В настоящее время русский язык и культура речи в учебных планах является дисциплиной по выбору и, к сожалению, ей уделяется недостаточное внимание [2]. Тем не менее, необходимо постоянно работать над совершенствованием родной речи, и данном случае по-прежнему достаточно эффективным обучением считается самообразование с помощью книг, статей, и других источников информации. Основное внимание самостоятельной работы направлено на проблемы культуры речевого поведения и делового общения, поскольку овладение культурой общения, искусством слова, культурой устной и письменной речи крайне необходимо для будущего инженера, который по роду своей деятельности будет связан с людьми, должен уметь организовывать и направлять их работу, вести деловые переговоры, воспитывать, оказывать людям различные услуги [2].

В данной статье культуру речи мы будем рассматривать в соответствии с определением, данным в учебном пособии по русскому языку и культуре речи Л.А. Введенской, Л.Г. Павловой, Е.Ю. Кашаевой, то есть, как "владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, при котором осуществляются выбор и организация языковых средств, позволяющих в определенной ситуации общения и при соблюдении этики общения обеспечить необходимый эффект в достижении поставленных задач коммуникации" [3.С.67]. Как видно из определения, культура речи содержит три составляющих компонента: нормативный, коммуникативный, этический. Для культуры речи главным является соблюдение языковых норм и правил использования вербальных средств языка, позволяющие соблюдать коммуникативные нормы в любой ситуации общения. За эффективность общения отвечает в первую очередь коммуникативный компонент культуры речи, однако это не означает, что такие компоненты как нормативный и этический менее значимы для эффективности общения. Прежде всего, культура речи предполагает правильность речи, т. е. соблюдение норм литературного языка.

Норма* обязательна как для устной, так и для письменной речи и охватывает все стороны языка.

** Языковая норма (норма литературная) – это правила использования речевых средств в определенный период развития литературного языка, т. е. правила произношения, словоупотребления, использования традиционно сложившихся грамматических, стилистических и других языковых средств, принятых в общественно-языковой практике. Это единообразное, образцовое, общепризнанное употребление элементов языка (слов, словосочетаний, предложений) [3.С.71].*

Рассмотрим лексическую культуру. В разных речевых сферах наблюдается заметное оскудение речи на лексическом уровне, ее небрежность на фонетическом, морфологическом уровнях и на уровне построения высказывания. А, как известно, речевой портрет языковой личности в значительной степени определяется богатством и разнообразием ее лексики. Именно это обеспечивает свободу и эффективность речевого поведения, способность полноценно воспринимать и перерабатывать поступающую в вербальной форме информацию[1].

Нарушение лексических норм приводит к искажению смысла высказывания. Это связано с тем, что говорящие путают слова, близкие по звучанию, но различные по значению (паронимы). Вот некоторые из них: "информативный" вместо "информационный", "эффектный" вместо "эффективный", "объектный" или "объективный", "обидный" или "обидчивый"; в ударениях: догово'р, хода'тайствовать, сре'дства, обеспе'чение, танцо'вщица и др. Происходит явное снижение общего уровня речевой культуры в профессиональном и бытовом общении. Для человека, стремящегося к профессиональной карьере, это недопустимо. Слово должно использоваться в том значении (в прямом или переносном), которое зафиксировано в словарях русского языка [4]. Но было бы неверно сводить культуру речи к перечню запретов и определений "правильно–неправильно". Понятие "культура речи" связано с закономерностями и особенностями функционирования языка, а также с речевой деятельностью во всем ее многообразии. В зависимости от целей и задач общения, от особенностей функционирования языковых средств в том или ином стиле, возможно сознательное и мотивированное отступление от нормы.

С понятием "языковая норма" тесно связан этический аспект культуры речи, который "предписывает знание и применение правил языкового поведения в конкретных ситуациях. Под этическими нормами общения понимается речевой этикет (речевые формулы приветствия, просьбы, вопросы, благодарности, поздравления и т.п.; обращение на "ты" и "вы"; выбор полного или сокращенного имени, формы обращения и др.)" [3.С. 70].

Владение речевым этикетом способствует приобретению авторитета, порождает доверие и уважение. Уметь общаться, вести диалог особенно важно для деловых людей, предпринимателей, менеджеров, руководителей – людей, занятых в сфере управления. На практике мы видим, что, несмотря на использование различных методов

и приемов, нацеленных на формирование у студентов коммуникативных компетенций, уровень владения разговорными нормами языка оказывается не адекватным процессу коммуникации в реальной языковой среде. Принято считать, что в диалоге человек раскован, уверен в себе и не испытывает барьеров и затруднений в общении. Однако в реальности часто бывает иначе: участники могут быть скованными и неуверенными в себе. На самом деле, диалог не всегда предполагает раскованность в общении. Диалог является более сложным структурным образованием, которое не укладывается в теоретические описания и схемы. Это тонкий, деликатный процесс. Часто диалог бывает асимметричен и неравновесен, и его характеристики "в реальном общении отличаются от его описаний в философских и психологических источниках"[5].

Есть ряд препятствий, тормозящих диалог, такие как страх межличностного общения, плохие условия коммуникации, отношение субъектов взаимодействия друг к другу, а также фактор скованности в высказываниях. Для каждой конкретной культуры, социального слоя или группы есть принятые темы разговора, существуют многочисленные табу и ограничения, регламентирована общая тональность общения, определены многие другие параметры общения. Например, в традициях ряда стран Европы речевые правила регламентированы, носят обязательный характер. В англоговорящих странах существуют обязательные речевые формулы обращения, официальные и неофициальные приветствия, обязательная стратегия ведения этикетного диалога, речевые формы выражения согласия или несогласия, удовлетворения или неудовлетворения. Есть также ограничения и запреты на определённые темы, фразы, отдельные слова и даже интонации и тембр голоса. Это так называемая светская беседа или Small Talk – один из речевых жанров, являющихся неотъемлемой частью светского этикета и культуры общения в образованных слоях общества большинства стран мира.

Для многих современных людей понятие "светская беседа" кажется устаревшим. Однако это не так, исследователи данного жанра считают, что элементы светской беседы обязательно должны присутствовать в деловом разговоре. Светское общение представляет собой ритуальную беседу, которую этикет предписывает вести людям в официальной обстановке, или ситуациях, когда они выступают в официальных ролях – гостей, участников какого-либо приема, собрания, мероприятия, либо в роли только что представленных друг другу и еще мало знакомых друг с другом людей. Часто Small Talk используется для первичного знакомства людей друг с другом, как средство узнать друг друга поближе, ведь не секрет, что люди, которые могут часами говорить о своей работе, иногда чувствуют себя неуверенно и скованно в подобном общении. Светское общение преследует цель поддержания контакта, подтверждения отношений между членами той или иной социальной профессиональной группы, группы общения [6].

В мире стремительно развивающихся международных деловых отношений Small Talk используется в начале деловых переговоров, позволяя наладить доверительные, человеческие отношения с собеседником. Во время переговоров Small Talk нужен в перерывах, для переключения и отдыха, как обмен мнениями, кроме того, Small Talk заполняет возникшую паузу.

Длительность такого разговора зависит от культуры общения и может быть от пяти до двадцати минут. Кажется бы, что может быть проще, чем спросить "Как дела?" или "Как вам здесь нравится?". Однако на практике все может быть сложнее. Возможно, человек, с которым вы пытаетесь начать беседу, отвечает односложно или вы находитесь на конференции, где может быть слишком шумно и вам кажется, что вас не услышат. Знание правил речевого этикета, их соблюдение позволит человеку чувствовать себя уверенно и непринужденно, кроме того, поддерживает положительную репутацию всей организации.

Известный филолог, крупный специалист по культуре речи Г. О. Винокур писал: "Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества" [3]. Научиться отбирать и употреблять языковые средства в процессе речевого общения, формировать сознательное отношение к их использованию в речевой практике в соответствии с коммуникативными задачами – это цель культуры речи. За выбор необходимых для данной цели языковых средств отвечает коммуникативный аспект культуры речи, основными коммуникативными качествами которого являются точность, понятность, чистота, богатство и разнообразие, выразительность.

Точность речи определяется знанием предмета, логикой мышления, умением выбирать нужные слова. Понятность языка определяется отбором речевых средств. Есть лексика общеупотребительная, в которую входят понятные всем слова, и лексика ограниченного употребления, в которую входят профессионализмы, диалектизмы, жаргонизмы, термины, то есть слова, употребляемые в определенной сфере. Лексика ограниченной сферы употребления требует вдумчивого с ней обращения. Степень владения лексическим запасом языка, умение вести диалог влияют на коммуникабельность студентов.

Подготовка студентов к их будущей жизни и профессиональной деятельности во многом определяется степенью их речевого развития и овладения всеми видами речевой деятельности. Умение четко и ясно выразить свои мысли, говорить грамотно, воздействовать на слушателей, владение культурой речи – своеобразная характеристика профессиональной пригодности будущих инженеров. В связи с этим на кафедре иностранных языков ВИТИ МИФИ было проведено психолингвистическое тестирование студентов первого и второго курсов. В тестировании принимали участие 74 студента дневного отделения следующих направлений: менеджмент производства, строительство уникальных зданий и сооружений, промышленно-гражданское строительство, микро-

электроника, энергетическое машиностроение (назовем их условно "группа 1"). Данная группа студентов не изучала курс русского языка и культуры речи в нашем вузе. Параллельно проводилось тестирование группы студентов нашего института, которые обучались по дополнительной образовательной программе "Переводчик в сфере профессиональной коммуникации", в учебный план которой входит изучение курса русского языка и культуры речи (назовем их условно "группа 2"). Рассмотрим компаративный анализ результатов психолингвистического тестирования.

На вопрос "Умеете ли вы излагать свои мысли?" среди студентов группы 1 отличный результат показали 80,3%, средний – 19,7%, плохой – 0%. В группе студентов 2 отличный результат показали 100% студентов, средний и плохой – 0%.

Как видно из результатов тестирования, все студенты группы 2, обучавшиеся по дополнительной образовательной программе "Переводчик в сфере профессиональной коммуникации", изучавшие русский язык и культуру речи в объеме 72 часов, умеют достаточно точно и ясно высказываться, следить за логичностью мыслей и высказываний, обдумывать форму изложения мысли, прежде чем высказаться. Для студентов ВИТИ группы 1, показавших отличный результат, 80,3% тоже хороший показатель, но он мог бы быть выше при условии изучения курса "Русский язык и культура речи". Следует обратить внимание на то, что в группе полностью отсутствует плохой результат.

Теперь посмотрим, насколько коммуникабельны студенты. В группе 1 основное количество студентов – 49,2% – являются людьми весьма общительными, любопытными, разговорчивыми и любят высказываться по разным вопросам, охотно знакомятся с новыми людьми. Правда, им недостает усидчивости, терпения, но это свойственно данной возрастной группе.

Очень общительными, всегда в курсе всех дел и охотно принимающими участие в дискуссиях студентов в группе 1 – 24, 6%. Однако такие студенты не всегда доводят дело до конца, поэтому преподаватели относятся к ним с некоторой опаской и сомнениями.

Среди студентов с нормальной коммуникабельностью в группе 1 – 16,9%. Это любознательные студенты, достаточно терпеливые в общении с другими, отстаивают свою точку зрения без вспыльчивости. Они не любят шумных компаний и многословности.

Однако в группе 1 есть студенты и с чрезмерной коммуникабельностью – 4,6%. Такие люди часто бывают причиной многих конфликтов, они вспыльчивы, часто бывают необъективны. Им прежде всего необходимо воспитывать в себе терпеливость и сдержанность, уважительно относиться к людям. Это достаточно большой процент для студентов, чья будущая профессия связана с работой с людьми и умением принимать ответственные решения. Как показывает опыт, если подобные затруднения не устраняются на первых курсах обучения, то впоследствии

такие студенты отчисляются из вуза.

Есть еще 3,07% студентов, в известной степени общительных, которые чувствуют себя вполне уверенно в незнакомой обстановке, но с новыми людьми сходятся с оглядкой, в спорах и диспутах участвуют неохотно, возможно, из-за неуверенности в себе. Как правило, к концу обучения в институте процент таких студентов уменьшается.

Такой же процент студентов – 3,07% – предпочитают одиночество, они неразговорчивы, необходимость новых контактов выводит их из равновесия. В данном случае можно предположить, что такие студенты случайно попали в инженерный вуз, и им следует сменить специальность.

Теперь рассмотрим результаты тестирования в группе 2. В данной группе образовалось две категории студентов. Как и в первой группе, основной процент – 62,5% – составляют весьма общительные, любопытные, разговорчивые студенты, которые любят высказываться по разным вопросам, охотно знакомятся с новыми людьми, и как мы уже подчеркнули, недостаток усидчивости и терпения свойственен этой возрастной группе. Следующая категория студентов – 38,5% – студенты с нормальной коммуникабельностью, немногословные, можно сказать, типичные представители инженерных профессий. В группе 2 полностью отсутствуют студенты категории конфликтных и чрезмерной коммуникабельности и людей-одиночек.

Тестирование на предмет коммуникабельности ставило своей целью выявить уровень коммуникабельности будущих инженеров, которым предстоит общаться в деловом мире, уметь вести диалог с незнакомыми людьми и в непредсказуемых ситуациях. Мы видим, что основная часть студентов и в 1, и во 2 группе достаточно общительны, разговорчивы, активны, легко общаются и знакомятся с новыми людьми. Но в группе 2 отсутствуют студенты с чрезмерной коммуникабельностью, конфликтные и предпочитающие одиночество. Это можно объяснить тем, что студенты, дополнительно получающие специальность переводчика в сфере профессиональной коммуникации, более толерантны и уважительны к высказываниям собеседника, они более информированы и

адаптированы к проявлениям другой культуры, что дает им больше шансов на успех и, безусловно, влияет на формирование стратегий самоопределения.

Либерализация современной речи, ее очевидный демократизм оказывают существенное влияние на оценку речевого поведения. Свобода и раскрепощенность языка влекут за собой расшатывание языковых норм, рост языковой вариативности [1]. Забота о чистоте речи повышает качество речевой деятельности. Чтобы выражать свои мысли четко и ясно, необходимо иметь достаточный запас слов. Богатство и разнообразие речи определяются прежде всего словарным запасом говорящего. Важно постоянно заботиться о расширении этого запаса, стараться использовать богатства родного языка.

Будущему инженеру придется ясно и точно формулировать инженерно-технические задачи, аргументировать, обосновывать их, выдвигать и отстаивать идеи, гипотезы, грамотно оформлять документацию и т.д., поэтому на практических занятиях курса "Русский язык и культура речи" студенты учатся реализовать полученные знания в ситуациях устного и письменного делового общения: обсуждать вопросы, связанные с организацией производства, с жизнью трудового коллектива, выполнением должностных и служебных обязанностей, заключением различного рода сделок, договоров, принятием решений, оформлением документов. Содержательная, логичная, правильная речь должна стать характеризующим признаком инженера, маркирующим соответствующий стиль жизни.

Все выше изложенное позволяет сделать вывод, что владение русским языком и культурой речи является необходимым условием эффективного общения будущих инженеров. Индивидуальная речь современного специалиста должна соответствовать нормам русского языка, а инженер должен уметь использовать языковые средства в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи. Соблюдение современных языковых норм и этики общения позволяет обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рязанова Л.З., Гарифуллина Н.К., Гаязова Г.С. Культура речи: учеб. пособие. – Казань: КНИТ, 2013. – 142с.
2. Гунина Л.А., и др. Роль компетенций владения языком в формировании культуры производства. //Л.А. Гунина, Л.В. Захарова, И.В. Зарочинцева // Москва. – Глобальная ядерная безопасность. –2013. – №4(9). – С.72–76.
3. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи: учеб. пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. – Изд. 27-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 539с.
4. Чуйкина Л. А., Алдыназарова Р. М.. Культура речи как составная часть профессионального образования будущего инженера. *Linguamobilis*– 2012. – № 1(34). – С.62
5. Дмитриева Л.Г. Проблема асимметричности и неравновесности психологических позиций в диалогическом взаимодействии. //Психологическая наука и образование. – 2009.– №4.
6. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Полиграф, 2001. – 230.

КОГНИТИВНЫЕ СТИЛИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

COGNITIVE STYLES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

M. Konkol

Annotation

The article explores cognitive styles in teaching foreign languages. The analysis is focused on linguo-psychology and psychic features considered when learning a foreign language. The research studies cognitive styles connected with expressing individual characteristics and their links with all personal features. Cognitive styles are considered as a way to acquire an individual map of the world including the linguistic one. Language is an essential part of cognition and a means of forming a linguistic map of the world. Thus the process of teaching a foreign language should be based on peculiarities of a learner's cognitive part.

Keywords: linguo-psychology, teaching foreign languages, learning foreign languages, cognitive style, individual style, individually-oriented approach, psychic features, linguistic competence, socio-cultural competence, social competence.

Конколь Марина Михайловна

Ст. преподаватель,

*Московский государственный
институт международных отношений
(университет) МИД России*

Аннотация

Исследование посвящено когнитивным стилям в обучении иностранным языкам. В фокусе внимания – лингвопсихология и психические особенности, учитываемые при освоении человеком иностранных языков. В статье анализируются когнитивные стили, связанные непосредственно с выражением индивидуальных своеобразий характера и их связи со всеми свойствами человека. Когнитивные стили рассматриваются как способ овладения индивидуумом картиной мира, в том числе языковой. И, так как язык – это неотделимая и важная часть познания и средство формирования языковой картины мира, то процесс обучения иностранному языку должен строиться на особенностях когнитивной области личности обучающихся.

Ключевые слова:

Лингвопсихология, обучение иностранному языку, изучение иностранного языка, когнитивный стиль, индивидуальный стиль, личностно-ориентированный подход, психические особенности, лингвистическая компетенция, социокультурная компетенция, социальная компетенция.

В образовательном процессе становится очевидной необходимость уделять внимание формированию у учащихся способности эффективно участвовать в межкультурной коммуникации. В современном мире все чаще встает вопрос об изучении иностранного языка с раннего детства. Принято считать, что двуязычие или билингвизм влияет на развитие памяти, умение понимать и анализировать явления языка.

Любая деятельность человека непосредственно связана с психическими процессами индивида, именно поэтому пристальное внимание уделяется лингвопсихологии и психическим особенностям при освоении человеком иностранных языков.

Основной целью обучения иностранному языку в пороговом уровне является формирование коммуникативной компетенции, где выделяются несколько составляющих: лингвистическая компетенция, социолингвистическая, социокультурная компетенция, стратегическая, дискурсивная и социальная компетенции. [17]

Современное обучение иностранному языку основано на личностно-ориентированном подходе к обучению (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, И.А. Зимняя), предполагающем, что все методические решения препода-

вателя "должны преломляться через призму личности обучающегося – его потребностей, мотивов, способностей, активности, интеллекта и других индивидуально-психологических особенностей" [9, с.6]. В таком случае личность обучающегося рассматривается как субъект педагогической деятельности, который самостоятельно определяет характер этой деятельности и общения.

Особую важность на сегодняшний день имеет дифференциация и индивидуализация процесса обучения. По словам Г.В. Елизаровой, в процессе обучения иностранный язык "должен оказывать такое воздействие на личность, в результате которого она преобразуется в саморазвивающийся эмоционально зрелый интеллектуально-познавательный организм, способный справляться с непредвиденными культурно обусловленными ситуациями общения посредством определения или создания уникальных инструментов поиска, обработки и практического применения информации" [7, с.22].

В связи с этим, актуальными становятся проблемы, которые связаны с учетом в обучении когнитивных стилей учащихся. Многие зарубежные и отечественные психологи и педагоги (Г. Уиткин, Б. Лу Ливер, В.С. Мерлин, М.Н. Берулава, Г.А. Берулава, В.А. Колга, И.М. Палей, М.А.

Холодная и др. Б. Лу Ливер] считают, что внимательное отношение к познавательным стилям представляется на сегодняшний день наиболее эффективным принципом обучения языку, так как универсального метода обучения для всех не существует [20].

Изучение когнитивных стилей непосредственно выражает индивидуальное своеобразие характера связи между всеми свойствами человека [14]. Создатели одной из наиболее известных многокомпонентных систем индивидуальности Дж. Ройс и А. Пауэлл определяют индивидуальность как структуру психологических характеристик, которая определяется шестью взаимодействующими системами – сенсорной, моторной, когнитивной, аффективной, а также системой стилей и системой ценностей [20].

Сенсорная и моторная системы отвечают за процессы входа и выхода информации, ее кодирования и декодирования. Когнитивная система связана с анализом и обработкой информации. Аффективная система активирует обработанную информацию. Исходя из этого, когнитивная и аффективная системы являются главными элементами, отвечающими за обработку информации. Система стилей тесно связана с системой ценностей, так как она зависит от обобщения и преобразования информации, получаемой от когнитивной и аффективной систем. Кроме всего этого, система стилей отвечает за выбор способов обработки информации. Система ценностей также обобщает информацию, но не для выбора способа действия, а для того, чтобы выделить цели и определить возможности и пути их достижения. Важно отметить, что системы стилей и ценностей, как и когнитивная и аффективная системы, связаны с переработкой информации, но при этом уровень обобщения, обеспечиваемый данными системами, более высокий. Выходит, что они интегрируют информацию на уровне целостной индивидуальности.

Индивидуальность основана на различиях в волевой, интеллектуальной, мотивационной сферах, в свойствах нервной системы, темперамента и т.д. В отечественной науке широко распространены структура индивидуальности, предложенная Б.Г. Ананьевым, который выделяет в ней свойства индивида, свойства личности и свойства субъекта деятельности. Поэтому отечественная наука рассматривает индивидуальность во взаимосвязи с индивидуальным стилем познавательной (когнитивной) деятельности [2].

Как отмечают исследователи, стиль индивидуальной познавательной деятельности (т.е. способы переработки информации, ее получения, организации, хранения и использования) формируется в зависимости от индивидуально-психологических особенностей личности учащегося, таких как: темперамент, функциональная симметрия или асимметрия полушарий головного мозга, а отсюда и особенности восприятия информации (зрительной, слуховой или кинестетической).

Индивидуальный стиль отражает характеристику системы операций, к которой личность предрасположена в силу своих индивидуальных свойств и представляет собой систему способов вербального преобразования инфор-

мации, формирующуюся на основе мотивов и целей деятельности путем опосредования словом когнитивных стилей, которые трактуются как индивидуальные операциональные системы способов переработки информации на довербальном уровне [16, с.68].

Когнитивные же стили, определяют индивидуально-психологические особенности познавательных процессов, склонность к применению характерных для человека способов взаимодействия с информацией, специфическую познавательную структуру личности, опосредующую процессы оперирования информацией на всех уровнях познавательной сферы.

На основе всего сказанного, можно сделать вывод о том, что когнитивный стиль относится к процессуальной характеристике познавательной деятельности. Параметры стиля соизмеряются со множеством разных психологических характеристик личности (особенностями сенсомоторики и психофизиологическими характеристиками, в том числе и с темпераментом). Когнитивный стиль связан со всеми уровнями индивидуальных свойств, влияет на индивидуальный стиль деятельности и сам от него зависит.

Находясь между психическими и личностными уровнями индивидуальности, когнитивные стили рассматриваются как способ овладения индивидуумом картиной мира, в том числе языковой. И так как язык – это неотделимая и важная часть познания и средство формирования языковой картины мира, то процесс обучения иностранному языку должен строиться на особенностях когнитивной области личности обучающихся.

В зарубежной и отечественной литературе по психологии около полутора десятков индивидуальных приемов оперирования информацией (параметров когнитивного стиля). В статье Обдаловой О. А., Соболевой А. В. "Учет когнитивных стилей обучающихся как способ индивидуализации процесса обучения иностранному языку" из многообразия когнитивных стилей авторы предпочли выделить те, которые напрямую влияют на интеллектуальные и психологические процессы усвоения языкового материала и могут быть применены в условиях современной российской системы высшего образования. Авторы также выделяют такие "биполярные конструкторы", как полезависимость/полenezависимость, узкий/широкий диапазон эквивалентности (аналитичность/синтетичность), ригидность/гибкость познавательного контроля, узость/широта категории, толерантность/нетолерантность к нереалистическому опыту, конкретная/абстрактная концептуализация, высокая/низкая когнитивная сложность (заострение/сглаживание), фокусирующий/сканирующий контроль.

По мнению психологов, индивидуальные значения людей по каждому из этих когнитивных стилей расположены между полюсами, образуя равномерное распределение, т.е. по каждому когнитивному стилю большая часть людей имеет средние значения, а крайние значения встречаются гораздо реже [20]. Люди, у которых крайняя степень выраженности какого-либо из когнитивных стилей, менее

адаптивны, чем те, кто располагает в средней части диапазона. Самые адаптивные – это лица с мобильным когнитивным стилем, которые могут сознательно изменять настройки своего когнитивного аппарата исходя из условий ситуации. Личностная и интеллектуальная зрелость помогают студентам соединять умение действовать по-разному в зависимости от требований ситуации, сохраняя некоторое тяготение к одному из полюсов. Мобильность считается психологами свидетельством высокой зрелости когнитивных структур личности. Таким образом, можно сделать вывод, что индивидуализация в основе когнитивных стилей в значительной степени обуславливает развитие стиля индивидуальной деятельности, который складывается как интегральный эффект взаимодействия личности с предметной и социальной средой и может меняться с изменением условий деятельности, вырабатывается в процессе развития, обучения и воспитания.

Как отмечает М.А. Холодная, обучение общению на иностранном языке с учетом когнитивных стилей подразумевает создание условий как для актуализации существующей системы стилиевых характеристик интеллектуального поведения, так и для расширения состава стилиевого поведения путем освоения разных стилей на различных уровнях стилиевого поведения, а также для взаимо-

действия различных познавательных стилей при изучении какой-либо учебной темы, усвоении понятий и решении задач [18, с.189].

Из всего этого следует, что когнитивные стили, с одной стороны, имеют непосредственное отношение к процессу освоения информации, формированию знаний, навыков и умений, а с другой стороны – формируют область межличностных отношений и контролируют коммуникации участников общения. Таким образом, одна из главных задач педагогического процесса – это создание условий для развития и совершенствования студентами всей системы стилиевых характеристик интеллектуального поведения, что связано с эффективностью и результативностью учебной деятельности. Кроме этого, привлечение когнитивных стилей в последовательное обучение иностранным языкам помогает индивидуализации этого процесса, направленной на создание каждому обучающемуся условий для оптимального развития его способностей и удовлетворения познавательных потребностей. Развитие перечня познавательных стилей и расширение базы для взаимодействия различных стилиевых характеристик позволяют обучаемым обнаружить свои оптимальные способы решения практических и коммуникативных задач при изучении определенной языковой учебной темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. – М., 1997. – 191с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288.
3. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 1969. – 279с.
4. Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник – М.: МПСИ, 2003. – 232с.
5. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. Изд. 2-е – М.: Просвещение, 1965. – 228с.
6. Верещагин Е.М. Психолингвистика и методическая характеристика. – М.: Изд. ЛитРес, 2016. – 260с.
7. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 352с.
8. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе / Библиотека учителя иностранных языков. – М., 1991. – 222с.
9. Зимняя И. А. Педагогическая психология, издание 2-е, – М: Логос, 2000. – 384с.
10. Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. – М.: ПЕР СЭ, –2002. – 416 с.
11. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник – М., 1997. – 287с.
12. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2001. – 444с.
13. Марей А.А., Марей М.А. Интерференция и трансференция в преподавании иностранных языков. // Иностранные язык: теория и практика. Т.22, №2 – М.: Тезаурус, 2014. – с.86–101.
14. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М., 1986.
15. Рогова Г.В., И.Н. Верещагина. Методика обучения английскому языку на начальном этапе общеобразовательных учреждениях, 2-е издание, – М.: Просвещение, 1998. – 235с.
16. Скотникова И.Г. Когнитивные стили и стратегии решения познавательных задач // Стиль человека. Изд-во "Смысл". – М., 1998. – с.64–78
17. Соловова Е.Н. Методика обучения ИЯ. Базовый курс лекций. – М.: Астрель, 2005. – 239с.
18. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. – СПб., 2004. – 384с.
19. Зюбанов В. Ю. Создание условий активной самостоятельной познавательной деятельности при изучении иностранного языка сообразно психологическим особенностям будущего специалиста // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. №2–5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-usloviy-aktivnoy-samostoyatelnoy-poznavatelnoy-deyatelnosti-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka-soobrazno-psihologicheskim> (дата обращения: 16.02.2017).
20. Обдалова О. А., Соболева А. В. Учет когнитивных стилей обучающихся как способ индивидуализации процесса обучения иностранному языку // Язык и культура. 2013. №2 (22). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchet-kognitivnyh-stiley-obuchayuschihya-kak-sposob-individualizatsii-protsesta-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (Дата обращения: 16.02.2017).

ИКТ-КОМПЕТЕНЦИЯ И ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

ICT COMPETENCE
AND ITS COMPONENTS

V. Ryabkova

Annotation

Due to computer and mobile technologies we possess a fast access to information, it is necessary to benefit from it in the sphere of language education. Therefore we focus on the main modern competences: ICT and mobile, different components of which are regarded. The necessity of their formation and development with learners and teachers is discussed. One of the examples of mobile literacy development is provided.

Keywords: ICT competence, mobile literacy, digital citizenship, digital literacy, listening.

Рябкова Валерия Валерьевна
Аспирант,
Российский университет
дружбы народов, Москва

Аннотация

Благодаря развитию компьютерных и мобильных технологий люди получили более быстрый доступ к информации, что не должно обойти стороной сферу языкового образования. Поэтому в данной статье рассматриваются важнейшие на сегодняшний день ИКТ и мобильная компетенции. Изучаются их составляющие, и рассматривается необходимость формирования и развития этих компетенций как у преподавателей, так и обучающихся. Приводится пример заданий на развитие мобильной компетенции.

Ключевые слова:

ИКТ-компетенция, мобильная компетенция, цифровое гражданство, цифровая грамотность, аудирование.

В связи с постоянно меняющейся реальностью и требованиями, которые предъявляет современная профессиональная среда, происходит, соответственно, и модернизация сферы образования. Это касается не только "портрета студента на выходе" (иными словами, его умений и навыков), но и профессиональной подготовки преподавателей. В 2015 году Американский совет по преподаванию иностранных языков (American Council on the Teaching of Foreign Languages) выпустил контрольный перечень умений и навыков для изучающих иностранный язык ('Can-do statements') [10]. Данный перечень, который делится на умения и навыки в сфере межличностного общения, продуцирования устной и письменной речи, аудирования и чтения, позволяет изучающим иностранный язык самостоятельно определить уровень их подготовленности. В тоже время помогает определить новые цели и стратегии дальнейшего изучения. Чем больше обучающиеся вовлечены в процесс изучения языка, тем больше они мотивированы на дальнейшее развитие и повышение уровня владения иностранным языком.

В современном контексте изучения иностранных языков мы рассматриваем компетентностный подход к их обучению. Данный подход заключается в формировании языковой и вторичной языковой личностей обучающегося, овладением межкультурной коммуникативной компетенцией и знанием иноязычной культуры. Следовательно, "на выходе" у обучающегося должен сформироваться определенный набор компетенций, которые

будут опорой в его дальнейшей профессиональной деятельности.

Однако требования к овладению компетенциями предъявляются не только к обучающемуся, но и к преподавателю, который будет выступать примером. В документе проекта "Профессиональный стандарт педагога" от 15 февраля 2013 года Министерства образования и науки РФ приводится следующее определение профессиональной компетенции – "это способность успешно действовать на основе практического опыта, умений и знаний при решении профессиональных задач" [5]. С развитием современных компьютерных, мобильных и интернет технологий перечень компетенций постоянно дополняется. В приказе Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 года к педагогам предъявлены следующие требования: "умение применять современные технические средства обучения, ... в том числе при необходимости осуществлять электронное обучение, использовать информационно-коммуникационные технологии, электронные образовательные и информационные ресурсы" [4].

Следовательно, на сегодняшний день одной из ключевых профессиональных компетенций преподавателя становится ИКТ-компетенция. М. Н. Евстигнеев (2011) отмечает, что ИКТ-компетенция – "это конструкт, который состоит из теоретических знаний о современных информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) и практических умений использования подобных техно-

логий в процессе обучения иностранному языку и культуре" [2, с.119]. Здесь уместно говорить о "цифровой грамотности". Под цифровой грамотностью понимают знания и умения, которые необходимы для использования цифровых технологий и интернета [9]. В России действует специальный проект ("Цифровая грамотность"), нацеленный на повышение уровня владения компетенциями в данной области. В сфере языкового образования данный проект особенно актуален для изучающих и преподающих иностранный язык.

Проанализировав работы исследователей (Бажанова, Глухова, 2013; Евстигнеев, 2011; Стариченко, 2015; Третьякова, 2016), мы можем сделать вывод, что к компетенциям ИКТ-компетенции можно отнести следующие умения:

- ◆ использовать компьютерные, мобильные и другие виды современных технологий;
- ◆ использовать интернет ресурсы и технологии Веб 2.0.;
- ◆ использовать виртуальные средства коммуникации;
- ◆ создавать/выполнять он-лайн задания и тесты для контроля при помощи специальных сайтов и программ;
- ◆ осуществлять поиск информации в сети Интернет;
- ◆ использовать информационные ресурсы Интернета (электронные учебники, словари, корпуса и другие ресурсы).

Все вышеперечисленные умения относятся как к преподавателю, так и к обучающемуся. Поскольку преподаватель – это своего рода пример для обучающихся, то для начала следует привести его компетенции и профессиональные умения в соответствие с экономическими и социальными изменениями страны. Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании еще в 2008 году впервые выпустил рекомендации в сфере ИКТ-компетентности учителей. В данном документе, который был обновлен в 2011 году с учетом последних на тот момент изменений, предлагается разделить структуру ИКТ-компетенции учителей, принимая во внимание три подхода к информатизации: "применение ИКТ", "освоение знаний", "производство знаний" [7, с.11]. Поскольку невозможно требовать от уже состоявшихся преподавателей того, что они не умеют и чему не обучались, политика ЮНЕСКО как раз направлена на переориентирование преподавателей на современные технологии обучения и на подготовку будущих преподавателей уже с учетом последних тенденций. Подразумевается, что преподаватели должны использовать ИКТ не только в своей практике на занятиях, но и для собственного профессионального развития. В данном контексте речь идет о цифровом гражданстве (digital citizenship)

преподавателя и обучающегося. Термин подразумевает "обладание техническими средствами ИКТ и соответствующими навыками, чтобы участвовать в жизни цифрового общества (например, ... пользоваться мобильным телефоном)" [7, с.113].

Сегодня практически у всех обучающихся и преподавателей есть портативные устройства, которые в большинстве случаев рассматриваются как средства повседневного общения. Они удобны в использовании в любом месте и в любое время и всегда находятся под рукой. Однако с каждым годом растет количество людей, которые используют такие устройства для образовательных целей. Мы считаем, что задача преподавателя сегодня – познакомить обучающихся с возможностями мобильных технологий в процессе изучения иностранных языков для повышения уровня своего образования. Но для эффективного их внедрения в процесс обучения требуются определенные знания и умения со стороны преподавателя, который поможет сформировать и развить соответствующие компетенции у обучающихся. Следовательно, стоит обратить внимание на относительно новое понятие: мобильная компетенция (mobile literacy [11]). Термин, который оперируют западные и отечественные коллеги, и который мы считаем справедливо выделенным.

Мобильная компетенция – понятие более узкое, нежели ИКТ-компетенция, которая его в себя включает. Особенность мобильной компетенции в том, что она подразумевает овладение знаниями и умениями поиска информации и общения при помощи мобильного интернета; использования функций мобильных устройств в процессе обучения и при решении профессиональных задач. Многие западные исследователи, говорят о том, что мобильная компетенция становится ключевой в современном образовании. Невозможно представить будущего работника, который бы не использовал мобильное устройство в рабочих целях. Однако для того, чтобы сегодняшний обучающийся, который станет успешным работником в будущем, мог эффективно использовать мобильное устройство, следует его этому обучить.

Мы считаем необходимым разделить интеграцию мобильных технологий в процессе обучения иностранных языков на несколько этапов. В качестве начального этапа, который станет основой для дальнейших более сложных манипуляций, мы предлагаем знакомство с базовыми функциями устройства. Например, функция "проигрыватель аудио файлов". При помощи этой функции и персональных наушников обучающиеся прослушивают необходимые файлы с комфортной для каждого из них громкостью и, при необходимости, с возможностью повтора. При выполнении такого задания обучающиеся обычно чувствуют себя более уверенными, поскольку они сами контролируют процесс аудирования,

это мотивирует их, и в тоже время вырабатываются навыки самоконтроля. Для данного вида упражнения преподаватель заранее подготавливает необходимый аудио материал, который соответствует рабочей программе, и с помощью интернета передает обучающимся ссылку на файл. Упражнения на понимание, следующие за прослушиванием, подготавливаются с помощью специальных сайтов. Например, тест на выбор правильного ответа (test multiple choice) может быть разработан преподавателем с использованием программы Google Формы (Google Forms [12]). Это будет очень удобно и для обучающегося, и для преподавателя, поскольку их ответы преподаватель получит в режиме реального времени в виде графика или таблицы, на основе которых он проанализирует уровень понимания прослушанного текста.

Аудирование ("понимание речи на слух" [3, с. 183]) является одним из видов речевой деятельности, который представляет наибольшие трудности для обучающихся. Многие испытывают чувство страха, боясь не понять, что говорят, и персональное мобильное устройство с наушниками призвано побороть этот страх, поскольку прослушивание аудиофайлов становится для обучающихся более комфортно. Также аудирование доступно для изучающих иностранный язык не только на занятии. Они могут выполнять это упражнение в любом удобном для них месте, не мешая окружающим. Сформированные и развитые навыки "слушания с пониманием"[3, с. 183]

будут им очень полезны в работе, поскольку нередко приходится общаться по телефону по рабочим вопросам как на родном, так и иностранном языках, и будущий работник должен быть готов воспринимать и понимать информацию дистанционно.

Проведя опрос в группе слушателей, которые изучают английский язык по программе дополнительного образования, мы сделали вывод, что они заинтересованы в том, чтобы научиться грамотно использовать свои мобильные устройства не только на занятиях, но и во время самостоятельной работы для дальнейшего своего развития, а также для решения профессиональных задач как на родном языке, так и на иностранном. Кроме того, у 100 % опрошенных имеется в наличии минимум одно портативное электронное устройство с выходом в интернет.

Современные технологии не стоят на месте, и работодатели уже давно предъявляют в качестве одного из обязательных требований – умение работать на компьютере и в сети интернет. Следовательно, мы должны уже на данном этапе выпускать специалистов, которые будут готовы к работе с ИКТ. Поэтому на сегодняшний день ИКТ–компетенция и ее составная часть – мобильная компетенция должны стать одними из ключевых профессиональных компетенций преподавателя. Также эти компетенции должны быть обязательными при составлении "портрета обучающегося на выходе".

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухова Т. В. Бажанова С. В. ИКТ–компетентность в современном образовании/ Т. В. Глухова, С. В. Бажанова// Интеграция образования , 2013. – № 2. – С. 130–135.
2. Евстигнеев М. Н. Структура ИКТ компетентности учителя иностранного языка/ М. Н. Евстигнеев// Язык и культура, 2011. – С. 119–125.
3. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М: Рус.яз., 1989. – С. 276.
4. Приказ об утверждении профессионального стандарта "Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования". URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/16279?items=1&page=2> (дата обращения: 28.03.2018).
5. Проект "Профессиональный стандарт педагога". [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80abucjiiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B%2F3071> (дата обращения: 28.03.2018).
6. Стариченко Б. Е. Профессиональный стандарт и ИКТ– компетенции педагога /Б. Е. Стариченко// Педагогическое образование в России, 2015. – № 7. – С. 6–15.
7. Структура ИКТ–компетентности учителей. Рекомендации ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. URL: <http://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214694.pdf> (дата обращения: 30.03.2018).
8. Тертякова Л. А. Особенности формирования ИКТ– компетентности педагогических работников /Л. А. Тертякова // Электронное обучение в непрерывном образовании, 2016. – № 1(3). – С. 909–920.
9. Цифровая грамотность. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80aefw2ahcfbneslids6a8jyb.xn--p1ai/> (дата обращения: 28.03.2018).
10. Can-do Statements. [Электронный ресурс]. URL: https://www.actfl.org/sites/default/files/pdfs/Can-Do_Statements_2015.pdf (дата обращения: 28.03.2018).
11. Dudeney G., Hockly N., Pegrum M. Digital literacies. Routledge, 2014. – С. 400.
12. Google Формы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/intl/ru/forms/about/> (дата обращения: 03.04.2018)

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ (BLENDED LEARNING) РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Семина Александра Игоревна
Соискатель,
Московский Педагогический
Государственный Университет

THE IMPLEMENTATION OF THE BLENDED LEARNING MODEL IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

A. Semina

Annotation

The article reveals the possibilities of using modern information technologies for the implementation of the blended learning model in teaching Russian as a foreign language. The article considers the world tendencies in the development of information technologies, the models for integrating blended learning in the educational process. The advantages of blended learning are determined. Various educational resources are considered on the example of different countries and universities, which make it possible to implement the blended learning model when teaching Russian as a foreign language.

Keywords: blended learning, educational resource, information technology, educational process, content-provider, mnemonic simulator, facilitator.

Аннотация

Статья раскрывает возможности использования современных информационных технологий для реализации модели смешанного обучения при обучении русскому языку как иностранному. Рассматриваются мировые тенденции развития информационных технологий, модели интеграции смешанного обучения в образовательный процесс. Проводится анализ преимуществ смешанного обучения blended learning а также обзор образовательных ресурсов на примере различных стран и вузов, позволяющих реализовать модель blended learning при обучении русскому как иностранному.

Ключевые слова:

Blended learning, образовательный ресурс, информационные технологии, учебный процесс, контент –провайдер, мнемический тренажер, фасилитатор.

В данной статье представлены результаты исследования моделей смешанного обучения русскому языку как иностранному.

В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ образовательных программ по обучению русскому как иностранному (РКИ) как российских, так и иностранных вузов (РУДН, МПГУ, Новосибирский государственный университет, Московский физико-технический институт, Stanford University, Princeton University, University of Michigan, University of Pennsylvania, California University of Technology и др.), партнерских программ, предоставляющих возможность онлайн-обучения (TED-ed, MOODLE, Schoology, Lang-land, Couersera, Универсариум, онлайн-сервисы Google).

На современном этапе развития образовательный процесс характеризуется преобладанием интегрированных информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют применять новые формы и методы педагогической деятельности и тем самым оказать положительное влияние на процесс изучения языка в целом.

Среди мировых тенденций развития информационных технологий можно назвать:

- ◆ использование возможностей информационных технологий Smart-общества;
- ◆ переход к технологиям смешанного обучения (blended learning);
- ◆ использование открытых образовательных ресурсов (Open Course Ware);
- ◆ создание и реализация курсов на межвузовских площадках электронного образования (MOOCs: Massive Open Online Courses) [6].

Рассмотрим сущность blended learning в обучении иностранного языка.

На основе анализа методической литературы и современных тенденции в развитии образовательных технологий можно обозначить данное явление как образовательную концепцию, комбинирующую традиционное обучение с дистанционными и онлайн-методами.

В переводе с английского blend значит "смешивать".

Сущность данной модели заключается в получении студентом знаний как в процессе общения со сверстниками и преподавателем, так и в процессе самостоятельного обучения с помощью современных информационных технологий.

Термин *blended learning* стал активно использоваться после выхода в 2005 году книги *The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs* Кёртиса Бонка (Curtis Bonk) и Чарльза Грэхема (Charles Graham). [6] В западных источниках можно встретить и другие похожие термины: гибридное обучение – *hybrid learning*, комбинированное обучение – *mixed-model instruction*, интегрированное, или веб-расширенное, обучение – *web-enhanced instruction*, однако в них акценты расставлены в какую-то определенную сторону. Смешанное обучение – это общее понятие для различных направлений.

При интеграции смешанного обучения в образовательный процесс выделяют следующие виды обучения: ротационная модель (*Rotation model*), гибкая модель (*Flex model*), модель самостоятельного выбора (*Self-blend model*, также известная как *A La Carte model*) и виртуальная модель обучения (*Enriched-virtual model*). В рамках нашего исследования наибольший интерес представляют первые две модели, т.к. в отличие от последних двух они имеют непосредственное отношение к определённому предмету и курсу, а не к образовательной программе в целом.

Ротационная модель (*Rotation Model*) предполагает, что основная часть обучения проходит очно в формате работы со всей группой, работы в мини-группах или индивидуальных консультаций. В остальное время обучение осуществляется в онлайн-среде.

В ротационной модели выделяются следующие виды:

А. Смена рабочих зон (*Station Rotation*) в рамках одного занятия. Данный вид предполагает наличие как минимум трех рабочих зон:

а) рабочая зона под руководством преподавателя, который знакомит обучающихся с темой или проводит инструктаж дальнейших действий, осуществляет активизацию необходимой лексики и грамматические конструкции;

б) рабочая зона с компьютерами, планшетами для индивидуальной работы в рамках изучения нового учебного материала разной сложности, самостоятельного поиска необходимой информации для решения речевых и языковых заданий;

в) коммуникативная рабочая зона, предполагающая работу в мини-группах, проектных группах, кейсовых и игровых заданиях.

В мировом опыте преподавания иностранных языков данная модель особенно популярна в школах США (например, *Rocketship public schools, Thrive public schools*).

В. Перевернутый класс (*Flipped Classroom*), являющийся наиболее распространенной моделью смешанного обучения. Она предполагает самостоятельную подготовку учащихся в режиме онлайн, затем в аудитории под руководством преподавателя проходит обсуждение выполненной работы, решение коммуникативных задач, выполнение практических заданий, проектной работы. Данная модель обучения иностранным языкам и русскому языку, в частности, является очень распространенной в Российских вузах МГУ, НИТУ МИСиС, РУДН, Уральский Федеральный Университете и многих других. Так же данный подход к преподаванию языков распространён в странах Юго-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея) о чем свидетельствуют материалы различных международных конференции, посвященных смешанному обучению (например, *Blended Learning Asia, 2016, Сингапур*).

С. Смена лабораторий (*Lab Rotation*) предполагает смену аудиторий и форм работы в течение одного учебного дня. Например, в одной аудитории проводится занятие под руководством преподавателя со всей группой (могут проводиться как семинары, письменные работы). В другой аудитории обучающиеся решают онлайн – задания, затем их разделяют на мини-группы, где выполняются коммуникативные задания. В Европе такая форма реализации смешанного обучения распространена в университетах Финляндии (Университет Хельсинки – ротационная модель вида В и С) [11], Германии (разные виды ротационной модели) [4], Великобритании (например, Образовательный центр в Корнуолле).

Д. Индивидуальный маршрут (*Individual Rotation*) направлена на реализацию индивидуального плана обучения каждого отдельного обучающегося. Данная модель предполагает наличие индивидуального расписания, определения учебных целей и задач, выполнение индивидуальных рекомендаций. По нашему мнению, в целях массового обучения РКИ, данный подход очень сложен в реализации ввиду необходимости отказа от традиционной организации обучения (работа в группе, аудиторные групповые занятия), заменяя обучение на онлайн-задания и индивидуальные тьюторские консультации. Тем не менее в случае обучения иностранных студентов с ограниченными возможностями здоровья применение индивидуального маршрута является оптимальным решением.

2. Гибкая модель (*Flex Model*), которая целиком и полностью ориентирована на онлайн-обучение. Студенты обучаются онлайн: выполняют групповые задания, онлайн взаимодействуют с преподавателем и согласно

расписанию посещают аудиторные занятия. Данная модель обучения РКИ приемлема в ситуации, когда студенты находятся за пределами места обучения и не имеют возможности посещать занятия. В данной модели широко распространены вебинары, заменяющие традиционные аудиторные занятия [6].

Такая модель обучения русскому языку наблюдается в Университет Глазго [13], на некоторых курсах русского языка в Кэмбриджском университете [14] и других высших заведениях Европы.

Рассмотрим реализуемые образовательные ресурсы, позволяющие реализовать модель blended learning при обучении русскому как иностранному.

Площадки-организаторы, направленные на управление учебным процессом, позволяют обмениваться со студентами материалами, проводить обсуждать разные вопросы.

Таковыми ресурсами могут быть система LMS (learning management system), международные площадки Moodle и Schoology. Активными пользователями Moodle являются Сибирский федеральный университет, РУДН, ЮУрГУ; европейские вузы, в частности, Германии распространены как Moodle, так и Schoology, так же активно эту платформу используют в Великобритании и в Европе (Кэмбриджский Университет, Университет Глазго, Университет Хельсинки и другие [3]. Еще одной образовательной платформой, применяемой в смешанном обучении РКИ в России, является Canvas, которая активно используется для реализации адаптационного курса на подготовительном отделении и первом курсе НИТУ МИСиС. Несмотря на довольно простой контент, основным преимуществом этой платформы является то, что преподаватель может создавать задания с открытыми вариантами ответа, задания на соответствие и использовать медиа компонент. В средних профессиональных учебных заведениях на базе вуза (колледжах, к примеру) помимо указанных технологий используются и универсальные платформы обмена файлами типа Google Disc, Google Forms, а также социальные сети, Skype.

В вузах европейской части России в настоящий момент широко распространено традиционное обучение с Web поддержкой, т.е. использование электронного обучения для организации самостоятельной работы студентов (СРС).

Широко распространен образовательный контент на платформе WebCT Blackboard, система управления обучением Moodle. На базе Moodle возможно массовое внедрение смешанного обучения РКИ для обеспечения организации учебного процесса в вузе [3].

Ярким примером использования этого подхода является РУДН, где при обучении РКИ в целях контроля знаний, умений обучающихся используются различные тесты, кроссворды, проверочные работы, задания для самопроверки. Например, после выполнения заданий результаты высылаются индивидуально каждому обучающемуся. Анализ индивидуальной работы проводится непосредственно в аудитории под руководством преподавателя: обобщаются ошибки, обсуждаются сложные ситуации, прогнозируются возможные трудности при изучении последующих тем. Данный вид ротационной модели "Перевернутый класс" (Flipped Classroom) в совокупности с Face-to-Face, с одной стороны, способствует повышению самостоятельности, мотивации к обучению РКИ, с другой, позволяет избежать информационного хаоса при самостоятельном выборе источников знаний.

Еще одной новой гибридной моделью смешанного обучения является образовательная платформа Lang-land, широко используемая при обучении РКИ в МПГУ. Уникальность этой платформы заключается в том, что она позволяет одновременно объединять два формата организации занятия: посредством интерактивных модулей и занятий с преподавателем.

Сервис позволяет проводить занятия посредством проведения аудио- и видео- чата с одновременным использованием обучающих модулей. Например, наряду с видео- и аудио- чатом такой инструмент, как "Классная доска", представлен в виде текстового сообщения, и, в отличие от многих других интерактивных программ для реализации онлайн обучения, редактировать и писать на ней могут как преподаватели, так и сами студенты в режиме реального времени.

Организация освоения лексики на данной платформе существенно облегчает процесс обучения русскому языку как иностранному посредством использования средств семантизации. В качестве контрольных заданий можно использовать задания модулей: написать название предмета на картинке, выбрать подходящее к картинке слово, составить слово из букв, сопоставить слова с картинками, найти правильную картинку [10].

Более того, Lang-land позволяет проводить занятия – экскурсии, репортажи, позволяющие проводить занятие непосредственно из места обсуждения (музея, учреждения, исторического места), что позволяет сразу реализовать две цели: общение с носителем русского языка и знакомство с культурой и историей страны изучаемого языка. Так, например, занятие, посвященное теме "Красная площадь", может проводиться непосредственно с Красной площади, что создает иллюзию присутствия и способствует более эффективному восприятию, усвоению учебного материала [7].

Контент-провайдеры, которые облегчают работу с учебным материалом, связанную, например, с поиском необходимой литературы, проверкой языковых знаний, редактированием текста. К таким ресурсам относятся Google Scholar (особенно функцию cite для оформления списка литературы, например, в формате APA), а также электронные ресурсы ВУЗа. Находясь на стажировках, когда студенты выпадают из аудиторного учебного процесса, используют открытые онлайн-курсы (MOOCs) на платформе Coursera. Партнерами Coursera являются Новосибирский государственный университет, Московский физико-технический институт. Активными пользователями данного ресурса являются и вузы США: Stanford University, Princeton University, University of Michigan, University of Pennsylvania, California University of Technology. Курс включает учебные видеосюжеты, подкасты, аутентичные видеотексты для аудирования, аутентичные тексты для чтения, разделы "Грамматика", "Говорение", "Взаимопроверка" [8]. Русским аналогом данной платформы является Универсариум, все курсы которого являются бесплатными и доступными для всех желающих. На данном ресурсе представлены видео лекции и уроки по русскому языку Московского Педагогического Государственного Университета, Высшей Школы Экономики, Тульского Государственного Педагогического Университета. Еще одной мировой платформой с открытыми образовательными курсами является ED, на которой представлен курс МИФИ, посвященный обучению русскому академическому письму.

Также интересные идеи для обсуждения на русском языке находятся на платформе TED-ed.

TED – аббревиатура от англ. Technology Entertainment Design – технологии, концепция которой состоит в распространении уникальных идей.

Посредством данной платформы реализуются следующие формы и методы смешанного обучения:

- ◆ составление вопросов к видео открытого или закрытого характера, а также подсказок для студентов;
- ◆ проведение дискуссии: страница обсуждения видео организована по принципу древовидного веб-форума, в котором участники могут оценить высказывания друг друга, указать, к кому они обращаются, создать свои темы для обсуждения;
- ◆ создание дополнительного описания видео в виде текста или ссылок [9].

Возможности данной платформы при обучении РКИ позволяет развивать два вида мотивации: самомотивация способствует совершенствованию знаний и практическому освоению учебного материала, мотивация формируется и повышается посредством демонстрации того, что студент может понять и освоить русский язык.

Документы Google (англ. Google Docs) так же активно используются в разных странах при реализации смешанного и дистанционного обучения. Этот инструмент представляет собой бесплатный онлайн-офис, включающий в себя текстовый, табличный процессор и сервис для создания презентаций, а также интернет-сервис облачного хранения файлов с функциями файлообмена. С помощью веб-сервиса Googledrawings преподаватель может создавать интерактивные рабочие листы. Интерактивный рабочий лист как электронный рабочий лист, созданный преподавателем для самостоятельной работы студента, представляет собой результат объединения интерактивного подхода, форм учебно-исследовательской деятельности и применения компьютерной техники и информационных технологий, значительно повышающих эффективность процесса обучения благодаря его индивидуализации, наличию обратной связи, расширению наглядности, позволяющих оперировать большим объемом информации и усиливающих, мотивации учащихся к учебной деятельности.

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина при обучении РКИ активно использует площадки-презентаторы и flash-тренажеры. Площадки – презентаторы предлагают создание коллективной презентации, написание текста, оформить результаты пройденного на занятии мозгового штурма. Можно также создавать презентации на Google Docs, а набрасывать идеи и связи между ними при помощи MindMeister [3].

При обучении китайских студентов на начальном этапе изучения РКИ с помощью flash – модулей моделируется реальный процесс общения на занятиях, что обеспечивает быстрое формирование речевых компетенций, необходимых для общения с носителями языка. Особую эффективность данные тренажеры приобретают при изучении сложных тем, например, речевого этикета в русском языке. Для китайских студентов сложны для понимания формы обращения, а также уменьшительно-ласкательные формы имен при обращении. Обычно при традиционном обучении студентам сложно овладеть речевыми конструкциями, поскольку отсутствуют реальные ситуации, к тому же часто преподаватель не готов общаться по всем нормам русского языка. Flash-тренажер позволяет приблизить речевые модули и реальным ситуациям общения, выбрать варианты, решить коммуникативную задачу разными способами.

Широко используемые мнемические тренажеры позволяют представить наглядно учебный материал с целью лучшего запоминания и отработки в практических упражнениях. Например, можно строить ментальные карты на mindmeister.com и делать инфографику на piktochart.com. Приложение Quizlet предлагает упражнения для запоминания набора слов или словосочетаний, кото-

рые записываются самими пользователями – студентами. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина при обучении РКИ используются тренажеры для классификации, обобщения языковых единиц, запоминания и тренировки их употребления в практике речевого общения.

В РУДН закрепление новой лексики осуществляется с помощью тренажера "Слова, слова, слова", обучающие игры типа "Смотри, слушай, запоминай" [4].

Инструменты-фасилитаторы, в свою очередь, позволяют автоматизировать какой-либо аудиторный процесс и тем самым облегчить жизнь преподавателя. Например, задать вопрос студентам курса и получить на него быстрый и визуализированный ответ помогает *mentimeter.com*. Другой способ собрать мнения студентов – *Google Forms*. Еще одним новым инструментом реализации как синхронного, так и асинхронного смешанного обучения является приложение *Realtimеboard*, активно используемое рядом иностранных вузов (например, Лондонская Школа Экономических и Политических наук, Колумбийский Университет, Стаффордский Университет), которое позволяет в режиме онлайн осуществлять групповую и индивидуальную работы, а так же проводить всевозможные мозговые штурмы с дополнительной опцией объединения и выведения результатов всех учеников на один экран.

Таким образом, модель смешанного обучения при обучении русскому языку как иностранному может включать в себя элементы как традиционного обучения, так и элементы онлайн-обучения посредством современных информационных технологий, сочетая лучший опыт классического подхода и интерактивного взаимодействия в сети Интернет, представляя собой систему, которая, постоянно интегрируясь, образует единое целое.

Анализ мирового опыта обучения иностранным языкам, в целом, и русскому языку, в частности, свидетельствует о том, что наиболее часто используемой моделью *blended learning* является "перевернутый класс" (*Flipped classroom*), особенно активно применяемая в Азии и в России, и гибкая модель (*Flex model*), наиболее широко используемая в США и в ряде вузов Европы. В практике смешанного обучения РКИ очень часто прибегают к использованию электронных образовательных платформ, среди которых наибольшей популярностью в европей-

ских и Российских вузах пользуется MOODLE. По прогнозам источников, которые занимаются перспективами развития мирового образования (*Ambient Insight, UNESCO iito*) планируется, что к 2025 году значительная часть обучения будет реализовываться при помощи открытых образовательных ресурсов (OER) и открытых образовательных курсов (MOOC). Эта тенденция активно прослеживается уже и на сегодняшний день: все больше и больше институтов и школ при обучении разным предметам, в том числе и РКИ, прибегают к таким ресурсам как *Coursera, УНИВЕРСАРИУМ, EDx*. Так же большие ставки делаются на пока еще не очень хорошо развитое в России мобильное обучение (*mobile learning*). Однако данная сфера имеет растущий потенциал: технологии не стоят на месте, все большей популярностью пользуются смартфоны с широкими экранами, что позволяет делать процесс обучения удобнее, не прибегая при этом к помощи дополнительных устройств, таких как компьютер или планшет. Уже на данный момент многие студенты при обучении русскому языку могут просматривать лекции с экранов телефонов, а так же скачивать мобильные приложения и электронные интерактивные учебники (например, "Russian for Beginners" Мультимедийное приложение для Apple iOS к печатному учебнику И. С. Гусева, Н.М. Румянцева М.: Дрофа, 2013. или "Easy Russian" Интенсивный курс русского языка" Мультимедийное приложение для Apple iOS к печатному учебнику И.С. Гусева, Н.М. Румянцева, а некоторые преподаватели используют различные мобильные приложения на занятиях (*Mentimeter, Blippar, Realtimеboard*).

На сегодняшний день смешанное обучение считается образованием третьего поколения, которое представляет с собой проведение аудиторных занятий с применением интернет технологий с уклоном на самостоятельную работу студентов. Таким образом, исходя из современных мировых образовательных тенденций совершенно очевидным становится факт необходимости высокой степени интеграции интернет технологий в процесс обучения, при котором, смешанное обучение является единственным ресурсом, позволяющим сделать процесс обучения гибким, модульным, а также более ученикоориентированным; появляются возможности определить индивидуальные траектории обучения, которые могли бы быть адаптированы не только исходя из нужд ученика, но и экономических и географических условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, Я.К. Опыт внедрения модели смешанного обучения при реализации образовательных программ в американских вузах // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. № 1–2. 2014. С. 4–7.
2. Белова, Н.В., Рублева, Е.В. Урок-экскурсия в Третьяковскую галерею как пример "смешанного обучения" в практике преподавания русского языка как иностранного // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика, № 2, 2015. С. 111–117.
3. Бехтерев А.Н., Логинова А.В. Использование системы дистанционного обучения "MOODLE" при обучении профессиональному иностранному языку // Открытое образование. – 2013. – №4. – С. 91–97.

4. Костина Е.В. Модель смешанного обучения (blended-learning) и ее использование в преподавании иностранных языков // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №1(2). С. 141–144.
5. Хромов С.С., Гуляева Н.А., Апальков В.Г., Никонова Н.К. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе (уровень А1, А2) // Открытое образование. 2015. №2 С.75–81.
6. Bonk C.J. & Graham C.R. Handbook of blended learning: Global Perspectives, local designs. – San Francisco, CA: Pfeiffer Publishing, 2005.
7. Хамраева Е. А., Кириенко В. А., Соловьёва А. М. Смешанное обучение русскому языку как иностранному в программе "Русский ассистент" – новая реальность российской высшей школы [Электронный ресурс]. URL: <http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2017/05/smешанное-obuchenie.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
8. <https://ru.coursera.org/learn/russskiy-b2>
9. <http://tedrus.com/>
10. http://lang-land.com/promo_rus_form_RS/
11. <https://weboodi.helsinki.fi/hy/opetushaku/haku.html?nimiTaiTunniste=russian%20language>
12. <https://www.gla.ac.uk/postgraduate/taught/russianforsocialscienstistspgdip/>
13. https://www.gla.ac.uk/media/media_297622_en.pdf
14. <http://www.langcen.cam.ac.uk/lc/culp/culp-general-courses.html>
15. <https://universarium.org/>
16. <https://www.mentimeter.com/>
17. <https://www.web.blippar.com>

© А.И. Семина, (supermegasandy@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

XXIX Международный конгресс по обогащению полезных ископаемых IMPC-EXPO2018.

Основные темы

- Технологическая минералогия.
- Измельчение и классификация.
- Физические методы обогащения – гравитационное обогащение, магнитная и электрическая сепарация.
- Химия поверхности. Фундаментальные основы флотации. Флотационные реагенты. Технология флотации.
- Переработка тонкодисперсных продуктов и шламов.
- Гидрометаллургия и технологии бактериального выщелачивания.
- Экологические проблемы и утилизация минеральных отходов.
- Моделирование технологических процессов.
- Окомкование, агломерация и спекание.
- Обезвоживание.
- Средства инструментального контроля и передовые модели интеллектуального управления.

Москва 15 – 21 сентября 2018. Центр Международной Торговли

РЕКЛАМА

ЖАНРЫ И ТИПЫ УЧЕБНОГО ТЕКСТА-КОММЕНТАРИЯ, АДРЕСОВАННОГО ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ-ФИЛОЛОГАМ

GENRES AND TYPES OF ACADEMIC TEXT,
A REVIEW ADDRESSED TO FOREIGN
STUDENTS-PHILOLOGISTS

*I. Feoktistova
M. Bazarova*

Annotation

The article is devoted to the teaching of linguistic disciplines to foreign students – philologists. It discusses the main genres and types of educational texts used in teaching foreigners different types of speech communication in the educational and professional sphere.

Keywords: Russian as a foreign language, genre, text type, theme–rheme division.

Феоктистова Ирина Анатольевна
Ассистент, Бурятский
государственный университет
Базарова Марина Юрьевна
Преподаватель,
Бурятский государственный
университет

Аннотация

Статья посвящена вопросам преподавания дисциплин лингвистического цикла иностранным студентам – филологам. В ней рассматриваются основные жанры и типы учебных текстов, используемых при обучении иностранцев разным видам речевого общения в учебно-профессиональной сфере.

Ключевые слова:

Русский язык как иностранный, жанр текста, тип текста, тема–рематическое членение.

Обучение иностранных студентов–филологов разным видам речевого общения в учебно–профессиональной сфере осуществляется на материале текстов профилирующих специальных дисциплин. Это обусловлено тем, что для иностранных студентов–филологов традиционная форма презентации знаний – лекция – не дает ожидаемого эффекта в связи со сложностью материала и трудностью восприятия структуры учебного научного текста. Если для российских студентов текст, наполненный исторической информацией о языке, представляет определенную трудность, то студентами–иностранцами эти тексты практически не воспринимаются и отчасти разрушают их учебную мотивацию. В этой ситуации преподаватель теоретического курса истории русского языка оказывается в сложной ситуации, которая может быть разрешена при помощи использования специально созданных учебных текстов, содержащих доступный исторический комментарий фактов языка, о которых будет идти речь на лекции. Такие тексты должны представлять презентацию лекционного материала, облегчая тем самым восприятие и усвоение излагаемых фактов истории русского языка.

В этом случае в качестве высшей единицы обучения выступает текст и на первый план выдвигается проблема поиска критериев отбора и систематизации профессионально ориентированного текстового материала и создания моделей построения текстов заданного содержания и определенной функциональной направленности.

Говоря об учебном научном тексте, необходимо отметить, что научная речь в любом общенациональном языке выделяется в качестве особого функционального стиля. Научный стиль понимается как "общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне единая совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа" (определение В. В. Виноградова). [1: 75]

Как и другие функциональные речевые разновидности, научный стиль не является абсолютно замкнутой системой, а использует лексику общелитературного языка, подчиняется тем же грамматическим законам, но имеет свою специфическую организацию и системность. Таким образом, отдельные стили различаются не только набором языковых средств, но и своей структурной организацией. Сфера научных знаний имеет свои нормы употребления лексического, грамматического и структурно – семантического построения. И дело не только в специфическом наборе лексических единиц, большом количестве терминов, относящихся к той или иной области науки, предпочтительном употреблении тех или иных синтаксических конструкций, а в общем строе речи, который задается и во многом определяется спецификой профессиональной коммуникации. Это своеобразие научной речи не

может не быть предметом усвоения на уроках русского языка как иностранного.

На сегодняшний день научный функциональный стиль представляет собой устойчивую разновидность национального общелитературного языка, потому что подчиняется фонетическим, морфологическим, синтаксическим и прочим нормам общелитературного языка и при этом характеризуется рядом особенностей.

Для научной сферы общения, являющейся сферой ограниченной коммуникации, характерны значительное своеобразие применения языковых средств, принадлежащих общелитературному языку, специфический набор и организация синтаксических структур, грамматики и лексики.

Исследователи научной речи отмечают такие ее основные черты, как логичность, точность, однозначность, безличность научного изложения, отсутствие в ней образности, эмоциональности, связывая эти отличительные особенности с отвлеченно-обобщенным характером научного мышления, его логико-понятийной основой.

Кроме того, текст как коммуникативная единица должен отвечать требованиям цельности, связности, завершенности, отграниченности.

Цельность, завершенность текста проявляются прежде всего в тема-рема-тическом единстве и тема-рема-тических чередованиях, аналогичных в устных и письменных научных контекстах. Цельность – характеристика текста как смыслового единства, как единой структуры. Она не соотносима непосредственно с лингвистическими категориями и единицами и имеет психолингвистическую природу: феномен цельности заключается не столько в единстве коммуникативной интенции говорящего, сколько в иерархической организации программ речевого высказывания, используемых реципиентом при восприятии.

К числу признаков цельности текста могут относиться коммуникативные, грамматические, фонетические и другие особенности речевой организации, в том числе понятия и категории психолингвистики (см. работы Л. С. Цветковой, А. А. Брудного и др.).

Условием цельности текста является его связность, определяемая рядом последовательно расположенных предложений (не менее двух), принадлежащих одному говорящему. По мнению исследователя С. И. Гиндина, текст – это такая структурная организация, которая на всем своем протяжении не может не быть диалектическим единством связности и несвязности: связность обеспечивает целостность текста, но лишь нарушение связности делает возможным внутреннее развитие, динамику текста. [2]

В общем виде связность – это способность текста удерживать предмет обсуждения, поворачивая его разными сторонами, переходить от одного предмета к другому. Связность проявляется и в том, что строение отдельного предложения зависит от строения других предложений того же текста.

Следующим критерием учебного научного текста является критерий отграниченности. Отграниченность выражается в установлении верхней и нижней его границы. При всей неопределенности этой границы, наличие ее всегда предполагается, так как только благодаря ей текст выделяется как законченное целое и может члениться на более мелкие законченные единицы – сверхфразовые единства, сложные синтаксические целые и т. п.

Членение текста на два – три СФЕ (сверхфразовых единства) может производиться с разными целями:

- ◆ аннотирование сущности языкового факта;
- ◆ историческое комментирование факта современного русского языка;
- ◆ резюмирование наблюдений над языковыми фактами по исторической грамматике русского языка.

В зависимости от целей членения текста возможны два подхода к отбору учебных научных текстов по исторической грамматике русского языка:

1. Поиск структурных границ научного текста, содержащих значимую информацию, позволяющий вычленять в учебном научном тексте-комментарии разные микро-темы.
2. Определение структурно-семантических границ текстовых единиц (абзац, СФЕ), которые позволяют осознать соотношение плана содержания с планом выражения в тексте.

Такие лингвистические тексты, иллюстрирующие историю языкового факта и представляющие собой единство смыслового содержания и языковой формы, должны отличаться особой прозрачностью структурной и семантической организации. В них реализуется определенная последовательность языковых значений, содержится конкретная информация, оформленная последовательностью смысловых категорий, отмечается сцепление компонентов, включающих синтаксические построения различной структуры и межфразовые связи, характеризующиеся разной степенью выраженности.

Организация типичного текста-комментария характеризуется определенной формой и стилем речи, жанровой и тематической направленностью, индивидуальными особенностями языка автора и т. п. Выделение текста как завершенного элемента речевой коммуникации основывается, прежде всего, на соблюдении коммуникативных и грамматических параметров, поэтому крите-

рии цельности, связности, завершенности и отграниченности должны учитываться при создании учебных научных текстов. Текст–комментарий в качестве единицы обучения должен характеризоваться специфической композицией. В зависимости от композиции, можно выделить следующие типы учебных научных текстов: тексты типа описания (сообщения), содержащие фрагменты повествования и тексты типа рассуждения, содержащие фрагменты доказательства.

Функционально–смысловые типы речи, хотя и стали предметом исследовательского внимания (Нечаева О.А., Одинцов В.В., Посева Л.М., Гальперин И.Р.), в настоящее время нуждаются в дальнейшем изучении. В частности, недостаточно дифференцированы речевые формы по разным видам текста; не уточнены закономерности в коммуникативной организации типов речи, не проанализированы разные виды тематических и рематических компонентов коммуникативной структуры высказываний данных текстов. По всем этим и другим вопросам существуют разные точки зрения, например, по мнению Ф. Данеша, тема играет в организации текста первостепенную роль, т.к. она вызывает появление информативно значимой ремы [3]. Работы Г.А. Золотовой, ее концепция рематических доминант обнаруживают особую роль ремы. Именно Г.А. Золотова направила интерес лингвистов на рему и ее текстовые функции [4]. Видимо, и тематические процессы в тексте и рематическая организация его в равной степени значимы.

Предназначение ремы в тексте заключается не только в репрезентации нового смысла, не только в актуализации коммуникативно–значимой информации, но и в организации текстовой семантики. Это обусловлено тем, что "за пределами предложения рема вступает в смысловые отношения с ремами соседних предложений, при этом она создает рематическую доминанту текстового фрагмента, сигнализирующую его семантическую общность и способствующую членению текста" [5].

Рематическая часть предложения может быть выражена различными категориально–грамматическими и семантическими классами слов, здесь нет жестких ограничений. Обычно текстовые фрагменты имеют однотипную коммуникативную структуру, обнаруживают определенные закономерности в ее организации.

В зависимости от максимальной представленности лексико–грамматического воплощения ремы Г.А. Золотова выделила разновидности рематических доминант: предметную, качественную, стально–динамическую, импрессивную, стальноую, акциональную [4].

По нашим наблюдениям, наиболее распространенными типами рематических доминант в описательных текстах являются – предметная и качественная.

Каждый тип текста выступает как специфическая информационно–коммуникативная единица макротекста, как относительно самостоятельное речевое произведение и отличается семантической завершенностью, синтаксической связностью, отдельностью и обладает рядом повторяющихся композиционно–структурных признаков.

Так, тексты типа описания широко распространены в научной литературе разных жанров. Они содержат систематизированные и методически обработанные сведения собственно научного или прикладного характера, изложенные в соответствии с конкретными задачами обучения. В них сообщаются, как правило, только объективные, установленные, проверенные и бесспорные данные. Такие тексты обычно насыщены фактическим материалом. Специфическим свойством текстов типа описания является то, что все элементы имеют одинаковую функцию – функцию приписывания свойств вещам, предметам явлениям и установления отношения между ними.

Для текстов, в которых имеет место презентация исторических фактов в структуре слов, словосочетаний характерно повествование, которое отражает временную последовательность событий, действий, явлений. Информация в таких текстах организуется при помощи цепной связи. Предметом повествования выступают процессы, ход или течение событий, действия человека. Подобные тексты обычно представлены жанрами сообщения, исторических экскурсов и справок.

Резюме (умозаключение) является наиболее распространенным типом текста – комментария, создаваемого самим учащимся в результате анализа исторических процессов. Оно представлено такими вариантами, как объяснение нового понятия, факта, процесса, явления; установление причинно–следственных отношений между ними; обоснование гипотезы и т. д. Здесь всегда имеется проблемная ситуация, которая создается и решается в целом тексте. Предметным содержанием таких текстов являются размышление, пояснение, комментарий и т. п. Структурную модель такого текста организует логическая последовательность рассуждения. Высказываемые суждения сравниваются, группируются в логической последовательности, на основе чего затем делаются определенные заключения и выводы. В текстах этого типа в отличие от предыдущих преобладает не конкретная, а абстрактная лексика. Содержательно–композиционной разновидностью рассуждения являются тексты–выводы и тексты–резюме.

Близким к рассуждению структурно–семантическим построением являются тексты типа аргументирования и доказательства. В этих текстах изложение материала строится на основе общего постулируемого положения,

которое затем конкретизируется на определенном частном примере. Окончательный вывод делается на основании этих частных умозаключений.

Рассмотренные типы текстов в чистом виде встречаются редко. В научном учебном тексте–комментарии сочетаются фрагменты охарактеризованных выше типов научных текстов.

В конкретном научном тексте на "чистую" или "смешанную" основу накладываются другие особенности, определяемые рядом факторов: приближенностью к тому или иному подстилю, жанровыми характеристиками, авторской индивидуальностью и т. п., однако видится необходимым и целесообразным введение наиболее общих, традиционно сложившихся, устойчиво повторяющихся текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981 – 320 с.
2. Гиндин С.И. О понятии текста// Гиндин С.И., Леонтьева Н.Н. Проблемы анализа и синтеза целого текста в системах машинного перевода, информационных и диалоговых системах. М., 1978. – с. 75 – 83.
3. Данеш Ф., Гаузенблас К. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказываний и система языковых средств // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969. – С. 7–20
4. Золотова Г.А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. – М., 1979.
5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998, 2–ое изд. М., 2004.

© И.А. Феоктистова, М.Ю. Базарова, (feoktistova_bsu@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

**Международная выставка IMPC–EXPO2018
добыча и переработка минерального сырья.**

Эффективные технологии – ключ к успешному обогащению полезных ископаемых

Москва 16 – 18 сентября 2018. ЦВК «Экспоцентр», павильон 7, зал №1

Тематические направления выставки:

- Предприятия горнодобывающей и металлургической промышленности.
- Предприятия нефтяной и газовой отрасли и золотодобывающие компании.
- Производители и поставщики машин и оборудования для горной промышленности, шахт, горно-обогатительных комбинатов.
- Технологии, оборудование и приборы для обработки и обогащения полезных ископаемых.
- Геология и геофизика: оборудование, научные исследования, информационные системы.
- Научно-производственные центры, исследовательские и проектные институты.
- Экология. Охрана окружающей среды, экологический мониторинг полезных ископаемых.

Организаторы:

РЕКЛАМА

Спонсоры:

Официальный конгресс-организатор Международное Агентство Конгрессного Обслуживания МАКО

<http://www.makongress.ru> / +7 499 705 79 25 / info@makongress.ru

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА АНГЛИЙСКОГО НЕФОРМАЛЬНОГО ПИСЬМА

ON THE PROBLEM OF ENGLISH INFORMAL LETTER GENRE PERCEPTION

Yu. Bagrov

Annotation

This paper is devoted to the genre structure of English informal letter and the problem of its perception. Letter etiquette features, set expressions and verbal formulae are often perceived as a strict formal canon whereas they have, in fact, their own expediency and functional load. Thus informal letter differs from formal one. Bilateral by definition, in informal letter the act of communication tends to monological unilaterality. The genre structure and the etiquette are intended to overcome this paradox.

Keywords: informal letter, writing, genre, foreign language, English language, communication, etiquette, ESL.

Багров Юрий Дмитриевич

К.филол.н., доцент,

*Северо-Западный институт печати
Санкт-Петербургского государственного
университета промышленных
технологий и дизайна*

Аннотация

Статья посвящена жанровой структуре английского неформального письма и проблемам её восприятия. Особенности речевого этикета и характерные речевые обороты, и устойчивые формулы нередко воспринимаются как строгий формальный канон, тогда как в действительности имеют свою внутреннюю целесообразность и несут, прежде всего, функциональную нагрузку. Этим личное письмо отличается от формального делового. Двусторонний по определению акт коммуникации в личном письме по своему строю тяготеет к монологической односторонности. Жанровая структура и речевой этикет направлены на преодоление этого парадокса.

Ключевые слова:

Письмо, жанр, иностранный язык, английский язык, коммуникация, речевой этикет.

Эпистолярный жанр занимает нерядовое место в английской языковой культуре. Различным жанровым разновидностям официальных и неофициальных писем традиционно уделяется значительное внимание в обучении английскому языку. С развитием современных коммуникаций к ним прибавились и электронные письма, которые, кстати, породили серьёзную дискуссию в английском обществе о том, удастся ли с упорщением письменной коммуникации на дальние расстояния сохранить саму культуру английского письма [5], из чего можно сделать вывод о том, что традиционное "бумажное" письмо является в известной степени и элементом английской идентичности.

В сложившейся практике обучение написанию писем делится на несколько обязательных этапов, логически вытекающих из жанрового канона и самой коммуникативной ситуации письма:

1. Выбор стилистического регистра (formal, informal, semi-formal).
2. Стандартные элементы оформления (написание адреса, обращение, подпись).
3. Структура письма (вступление, основная часть, заключение).
4. Этикетные особенности вводной и заключитель-

ной части, то есть соответствующие им речевые формулы и устойчивые обороты.

5. Структура основной части, её зависимость от логики развития основной темы.

6. Структура отдельного абзаца.

Как видно, в обучении написанию писем уделяется внимание в большей степени аспекту формы (структура, этикетные обороты) [8]. Неофициальное письмо включено в часть С ЕГЭ по английскому языку, а этот экзамен известен формализацией критериев оценки с целью повышения объективности, что при обучении аутентичному жанру усугубляет проблему формального его восприятия старшеклассниками, и такое представление переносится в высшие учебные заведения.

Форме уделяется основное внимание и в англоязычных пособиях, а данные в них модельные тексты приводят к тому, что работа обучающегося по самостоятельному написанию письма сводится к заполнению шаблона из учебника [6], в результате чего даже сама структура жанра, не говоря уже о логических связях между её элементами, должным образом не усваивается студентом, а достаточно технический характер такой работы снижает мотивацию наиболее способных учащихся.

Не способствует мотивации, конечно, и снижающаяся связь жанра с реальностью. В эпоху интернета многие школьники и студенты не имеют опыта написания бумажных писем даже на родном языке и не видят функциональной значимости вступительных и заключительных оборотов, искренне не понимают, зачем так долго "обхватывать" адресата, задавать ему вопросы и почему нельзя сразу перейти к сути.

В действительности, формальный подход, характерный для большинства современных пособий, не представляется нам существенной и тем паче непреодолимой проблемой. Недостаток внимания к содержанию объясняется индивидуальностью данного компонента. В реальной жизни нет исчерпывающего перечня тем для письма, но все письма имеют общую логику и вытекающий из неё структурный и этикетный канон, который и должен быть освоен учащимися, чтобы применяться к любому содержанию. Если сделать определённое содержание частью упражнения или объяснения, оно начнёт восприниматься как часть шаблона, что хорошо видно по работе учащихся с такими упражнениями. Иными словами, содержание не должно подаваться готовым при изучении, но должно при этом оцениваться при самостоятельной работе студента. В демонстрации зависимости формы и содержания в жанре неофициального письма заключается активная роль преподавателя иностранного языка.

В этой связи не последним является вопрос о подготовке педагогических кадров [1]. Очевидно, что такой активный подход требует от преподавателя иностранного языка развитых компетенций, как общепрофессиональных (общекультурной, коммуникативной, познавательной), так и специальных (филологической, педагогической, методической). Причём первые не менее важны, так как если методическая и педагогическая необходимы и при использовании традиционных методов обучения письму, в том числе и по модельным текстам, то более активный подход в обучении тому, как писать письмо, а не тому, что в нём писать, предполагает в том числе не только более глубокое понимание эпистолярной культуры стран изучаемого языка, но и способность взглянуть на мир глазами учащегося, а также определённый творческий подход к задаче.

Интересен в этом плане опыт Боба Фрая, профессора Техасского Христианского университета, который описывает общение со своими студентами посредством личных писем как часть своего очного курса по композиции. Еженедельно студенты писали профессору письма и получали от него ответы, и хотя такие задания не оценивались, они воспринимались как неотъемлемый элемент курса [4]. Отсутствие оценки позволяло при этом сохранить аутентичность коммуникативной ситуации, которая подкреплялась и иными условиями задания, включая неразглашение личных сведений или имени автора при анализе отдельных фрагментов во время занятия.

Написание неформального письма может быть отне-

сено к так называемым аутентичным заданиям, однако в учебной ситуации оно как правило лишено конкретного контекста и функционирует, скорее, в качестве заданного фрейма, наследуя и известные недостатки фреймового подхода, включая искусственность предложенных ситуаций и шаблонность используемых речевых единиц. В действительности, неформальное письмо, характерное для дружеских или родственных отношений, предполагает довольно широкий контекст взаимоотношений, который не может иметь вымышленная учебная ситуация.

Между тем, именно от контекста зависят во многом устойчивые элементы письма, в том числе этикетные обороты, вводные и вступительные замечания. Именно они вызывают у студентов существенные затруднения. Формальное их восприятие, выше нами уже отмеченное, приводит в лучшем случае к повторению шаблонных формул, в худшем же к минимизации или пропуску вступительной, или заключительной части, поскольку эти структурные единицы воспринимаются как функционально избыточные. В сознании учащегося они, если прибегать к литературоведческой терминологии, уже автоматизированы [3], лишены живого содержания, рассматриваются как сугубо служебные элементы или дань эпистолярной традиции.

Иными словами, личное письмо воспринимается при таком подходе как формальный жанровый канон, требующий сугубо механического воспроизведения конструктивных частей. Их связь с коммуникативным контекстом часто оказывается вне поля зрения. Столь же механически воспроизводятся и стандартные формулы, тогда как этикет также имеет свою телеологию. Об этом свидетельствуют и типичные ошибки русскоязычных учащихся при написании неформальных писем.

Шаблонный подход призван заместить собой отсутствие контекста в учебном фрейме, выполняет ситуацию неполноценной коммуникации, обусловленную в учебном процессе отсутствием реального адресата, однако он не даёт понимания важности и функциональной нагрузки контекстозависимых и этикетных элементов жанровой структуры. Формирование коммуникативной компетенции, позволяющей свободно и правильно оперировать этими элементами, относится к задачам преподавателя.

Однако если деловое письмо может быть обращено и к вовсе незнакомому человеку, несколькими людям или своего рода адресату-функции, который будет его рассматривать в рамках служебных обязанностей (откуда и более строгие требования к форме, структуре), письмо неформальное в действительности всегда имеет реального адресата и, как уже было отмечено, контекст и историю взаимоотношений. Оно тяготеет к выражению чувств и эмоций и, на самом деле, к значительно меньшему вниманию к форме [7]. В учебной ситуации реального адресата нет, а восполнению этого недостатка не уделяется, как правило, существенного внимания, и жанровая разnovидность личного письма усваивается, по сути, также, как усваивается формальное письмо – через обращение

к вымышленному или условному адресату–функции. В результате теряются или шаблонизируются многие характерные черты жанра.

Рассмотрим теперь особенности речевого этикета в жанре неформального письма и их внутреннюю логику.

Из обозначенных нами в самом начале статьи основных узловых точек личного письма выбор стилистического регистра, который прямо вытекает из характера отношений между адресатом и адресантом, и стандартное оформление, которому как раз весьма адекватен шаблонный подход, вызывают меньше всего трудностей при усвоении владения соответствующим каноном.

Трёхчастная структура также, казалось бы, в этом случае вполне соотносится с принятой в русскоязычной письменной речи. Однако каждая из частей несёт свою функциональную нагрузку. Из неё вытекают как содержательные, так и этикетные требования.

Вводная часть служит контактоустанавливающей функции и традиционно включает в себя соответствующие ремарки, обращённые к адресату. Ситуация письменного общения, особенно в его бумажной форме, относится к ситуациям неполноценной коммуникации, когда участники общения лишены возможности отвечать друг другу непосредственно и в реальном времени. Отсюда, например, вытекает такая особенность английского (в отличие от русского) письма, как отсутствие приветствия, которое, в английской речевой логике, уместно в ситуации непосредственного диалогического общения. По этой же причине письма тяготеют к монологическому строю: пишущий рассказывает о своих новостях, чувствах. С преодолением такой односторонности и связан эпистолярный этикет, важность которого ощущается только в ситуации реального общения. Установление и поддержание контакта в ситуации неполноценной коммуникации должно поддерживать внимание читающего, избавлять от ощущения замкнутости пишущего на самом себе, демонстрировать его интерес к фигуре адресата,

как бы компенсируя, восстанавливая двусторонность коммуникации.

К принятым элементам вводной части относятся: реакция на прежде полученное письмо и его содержание, вопросы к адресату, объявление повода к написанию письма, которое обычно выступает и плавным переходом к основной части. Элементы эти контекстозависимы, и их шаблонное механическое воспроизведение как раз противоречит их основной функции. Внимание к фигуре адресата обусловлено тем, что мы знакомы с ним, знаем что-то о его жизни, следовательно, нас что-то интересует о нём, о произошедших с ним событиях. В этом состоит отличие от универсальных формул делового письма.

К типичным ошибкам формального восприятия жанрового канона относится использование в этой части письма слишком общих отстранённых фраз и слишком общих вопросов, мало связанных с конкретной (пусть и воображаемой) личностью. Фреймовый подход не предполагает решения указанной проблемы. В части С ЕГЭ, например, она была решена введением в задание письма–стимула, на которое требовался ответ, и контекст взаимоотношений пишущего с воображаемым адресатом вытекал из него, как и тематика возможных вопросов. Для сравнения, в письменном задании IELTS прямо предписываются темы для раскрытия в письме, но и сам экзамен оценивается строже. Кстати, за использование стандартных заученных формул и фраз предусмотрены отдельные штрафные баллы в графе "Memorised".

Таким образом, жанр личного неформального письма представляет собой своего рода коммуникативный парадокс. Являясь, прежде всего, актом коммуникации, то есть передачи сообщения от адресанта адресату, процессом двусторонним по своей природе, текст этого жанра по строю своему стремится к монологичности, односторонности. Необходимость преодоления этой односторонности сформировала как жанровую структуру личного письма, так и характерные особенности речевого этикета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. Е. К вопросу о профессиональной педагогической компетентности преподавателя иностранного языка вуза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 2. С. 98–106.
2. Иванова А. Д., Мендограло В. Ю. ЕГЭ по английскому языку: объекты контроля и типичные ошибки, допускаемые выпускниками в разделах "письмо" и "говорение" // Journal of Siberian Medical Sciences. 2016. № 1. С. 1.
3. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. С. 255 – 269.
4. Frye B. A habit of being: Some uses of personal letters in freshman composition // Rhetoric Review. 1983. Vol. 1, № 2. P. 89 – 119.
5. Jolly M. Lamenting the Letter and the Truth about Email // Life Writing. 2011. Vol. 8, № 2. P. 153 – 167.
6. Qing Liu, Xiaodi Zhou & Danling Fu. Native–English Speaking Instructors Teaching Writing in China // Changing English. 2015. Vol. 22, № 1. P. 99 – 111.
7. Plummer G, Newman K, Winter R. Exchanging Letters: a format for collaborative action research? // Educational Action Research. 1993. Vol. 1, № 2. P. 305 – 314.
8. Silva, T. 1991. Second Language Composition Instruction: Developments, Issues and Directions in ESL // Second Language Writing: Research Insights for the Classroom. Cambridge: University of Cambridge Press. P. 7–21.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПРИ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СИДНИ ШЕЛДОНА

PECULIARITIES OF USING LANGUAGE MEANS IN SPEECH CHARACTERISTICS OF CHARACTERS OF SIDNEY SHELDON'S NOVELS

D. Denisov

Annotation

The article considers the peculiarities of the use of linguistic means while characterizing speech behavior of the characters of S. Sheldon's works and the ways of their representation in the original texts (free indirect discourse, the techniques of contrast and analogy, speech game). Using the method of analysis of a lexical-semantic field 'success' and its periphery fields 'power', 'game' and 'revenge', the author shows the relationship between the lexical-semantic field 'success' and concept 'life' for a successful image of Americans in the works of S. Sheldon.

Keywords: literary text, concept, image, speech characteristic, verbal behavior, lexical-and-semantic field.

Денисов Денис Русланович

Аспирант,

Московский Государственный

Областной Университет

Аннотация

В статье рассматриваются особенности использования языковых средств при характеристике речевого поведения персонажей художественных произведений С. Шелдона, а также способы их репрезентации в тексте оригинала (несобственно-прямая речь, приёмы контраста и аналогии, речевая игра). Методом анализа лексико-семантического поля 'success' и его периферийных полей 'power', 'game' и 'revenge', автор предпринял попытку показать, как связаны между собой лексико-семантическое поле 'success' через его другие периферийные поля с понятием 'life' для успешного американца в романах С. Шелдона.

Ключевые слова:

Художественный текст, концепт, образ, речевая характеристика, речевое поведение, лексико-семантическое поле.

Романы Сидни Шелдона получили широкую известность во всём мире, а сам писатель вошёл в Книгу рекордов Гиннеса как самый переводимый автор. При этом творчество писателя крайне мало исследовано как с точки зрения литературоведения, так и с точки зрения его лингвистического материала. Между тем, в речевой характеристике героев романов С. Шелдона используется широкий спектр разнообразных лингвистических средств, которые помогают автору создавать в своих произведениях яркие образы неординарных, часто противоречивых, но всегда стремящихся любой ценой к успеху и богатству личностей[7].

Целью предпринятого исследования является описание основных лингвистических средств, использованных при речевой характеристике героев произведений Сидни Шелдона и особенностей их употребления.

Поставленная цель реализуется посредством решения задач, связанных с оценкой жанровой природы романов Сидни Шелдона; с кратким описанием особенностей его авторского стиля; с исследованием основного типа личностей, представленных в романах С. Шелдона; с выделением и описанием семантических полей, верба-

лизирующих основные концепты дискурса произведений С. Шелдона; и непосредственно с исследованием особенностей применяемых автором языковых средств при речевой характеристике персонажей его романов.

Новизна работы заключается в научном исследовании и оценке романов Сидни Шелдона с точки зрения использования в них определенных языковых средств при речевой характеристике героев его произведений.

Теоретическая значимость и актуальность исследования заключается в описании языковых средств, которые применяются в художественных произведениях на английском языке, относящихся к разряду беллетристики, а также в разработке подходов и приёмов анализа произведений популярной литературы, что способствует в целом определению места последней в дискурсе художественной литературы.

Практическая значимость исследования заключается в накоплении материала, иллюстрирующего способы речевой характеристики персонажей, позволяющие воплощать значимые понятия(концепты)в дискурсе беллетристики.

Идея разработки некоторых подходов к анализу произведений, относящихся к беллетристике, привлекла внимание ученых сравнительно недавно. М.А. Черняк в своей докторской диссертации разделяет понятия беллетристика и массовая литература, считая первую неким "срединным образованием", жанровые модели которого соответствуют ожиданиям читателей [6, с. 13].

Отличие беллетристики от массовой литературы заключается еще и в устойчивом интересе к ней читателей, который не ослабевает даже со временем. Именно так можно определить характер романов американского писателя Сидни Шелдона.

Большинство жанров в литературе, относящихся к разряду беллетристики построены на приёмах, эксплицитно представляющих методы создания напряжённости в художественном тексте. Наиболее яркими возможностями в этом смысле обладают детектив и триллер – жанры, основные каноны которых сформировались в русле американской литературной традиции. В произведениях С. Шелдона, как правило, присутствуют черты детектива, о чем говорит в своих исследованиях В.П. Булычёва [1, с. 34].

Триллер же по отношению к детективу "характеризуется обратной схемой развития сюжета" – он наполнен ожиданием катастрофы, что также держит читателя в напряжении [2, с.33].

В большинстве произведений С. Шелдона взаимодействуют элементы как триллера, так и детектива, создавая в работах автора разнообразные вариации этих жанров:

- ◆ авантурные романы – 'Master of the Game' ("Интриганка"), 'If Tomorrow Comes' ("Если завтра наступит");
- ◆ конспирологический детектив – 'Are You Afraid of the Dark?' ("Ты боишься темноты?");
- ◆ фантастический триллер – 'The Doomsday Conspiracy' ("Конец света");
- ◆ криминальный роман – 'The Naked Face' ("Сорвать маску");
- ◆ политический детектив – 'Windmills of the Gods' ("Мельницы богов");
- ◆ медицинский триллер – 'Nothing Lasts Forever' ("Ничто не вечно");
- ◆ семейные саги – 'Bloodline' ("Узы крови"), 'Morning, Noon, and Night' ("Утро, день, ночь");
- ◆ любовная драма – 'The Other Side of Midnight' ("Оборотная сторона полуночи");
- ◆ психологический триллер – 'Tell Me Your Dreams' ("Расколотые сны");
- ◆ журналистские расследования – 'The Sky is Falling' ("Пухнувшие небеса"), 'Best Laid Plans' ("Тонкий расчёт").

Все эти элементы, включая соответствующие языковые средства, настолько тесно взаимодействуют в творчестве С. Шелдона, что затрудняют определение точного жанра, в котором работал писатель, однако лексические средства, используемые автором, всегда были яркими и обогащали его язык в целом.

Особенность авторского стиля С. Шелдона и, соответственно, используемых им языковых единиц, помогающих автору раскрыть этот стиль, заключается в особом внимании писателя к деталям, в наглядности и точности их определения. Успешные герои произведений писателя путешествуют по всему миру, вовлечены в различную профессиональную деятельность – и автор вместе с ними погружается в тонкости их профессии, познавая особенности местного колорита. Так, в романе 'Master of the Game' ("Интриганка") часть действия происходит в Южной Африке – и С. Шелдон посвящает читателей в особенности взаимоотношений местных племён, активно используя этнонимы, незнакомые большинству читателей:

There were many tribes in southern Africa: the Basutos, Zulus, Bechuanas, the Matabele- all of them Bantu. The very word bantu came from abantu-the people. But the Barolongs - Banda's tribe - were the aristocracy [10, p. 46].

В другом романе – 'If Tomorrow Comes' ("Если наступит завтра"), для объяснения некоторых черт характера героини С. Шелдон использует широко известные этнонимы, которые несут в себе определённые намеки на характеристики поведения или качеств личности в англоязычной лингвокультуре:

In her was the mixed blood of the English and the Irish and the Scots, and she had inherited the best of their qualities, the intelligence and the courage and the will [9, p. 58].

Из последнего примера видно также, что автор с симпатией относится к представителям самых разных народов, отмечая в них определенные национальные черты и качества, достойные восхищения. В этом, кстати, заключается один из признаков американской национальной культуры, вобравшей в себя характеристики многих народов мира.

Герои романов С. Шелдона – люди от смешанных браков различных наций, культур и религиозных взглядов, отсюда в произведениях писателя достаточно много религиозной лексики:

The evangelists were Fundamentalists, Holy Rollers and Pentecostals and Methodists and Adventists, and they all breathed Hell-fire and Damnation' [11, p. 36].

С. Шелдон вовлекает читателя в мир, насыщенный разнообразными событиями, знакомит его с интересами ярких личностей, которые постоянно открывают для себя что-то новое в жизни. Так, например, героиня романа "Если наступит завтра", не имеющая представления о шахматах, вызывает на сеанс одновременной игры двух величайших шахматистов мира – и читатель погружается детально в мир "шахматной лексики":

'Negulesco moved the queen's bishop pawn two squares, and Tracy went back to Melnikov and repeated Negulesco's move' [9, p. 202].

Та же героиня чуть позже легко обходит службу безопасности банка, и автор знакомит читателей теперь уже с внутренней "кухней" банковской сферы и одновременно с употребляющимися в ней профессионализмами: *'I understand we're going in on the Mexican rescuepackage for fifty million' [9, p. 7].*

In the center of the bank were four tables that held containers of blank deposit and withdrawal slips, and the tables were crowded with people busily filling out forms" [9, p. 109].

Путешествия по миру героев С. Шелдона, представителем высших слоев общества, помогают узнать читателю лексику "экзотической кулинарии":

He was a gourmet cook, and he liked preparing esoteric dishes such as Moroccan bistilla and guo bu li, the dumplings of northern China, and tahine de poulet au citron for Tracy and himself [9, p. 33].

Couscous and lamb en brochette and rice and platters of roast chicken and fish, followed by sweetmeats and cheese and fresh fruits' [8, p. 96].

А описание жуткой картины катастрофы на ночной трассе в произведении 'Bloodline' ("Узы крови") потребовала от автора употребления специальной "автомобильной лексики":

Chris Amon was in fourth place when his throttles jammed open. He sideswiped Brian Redman's Cooper before he brought his own car under control by cutting the ignition, but both cars were finished. Reine Wisell was in first position, with JJacky Ickx close behind the BRM. On the far turn, the BRM gearbox disintegrated and the battery and electrical equipment caught fire [8, p. 37].

Ещё одна отличительная черта произведений С. Шелдона – их определённая композиционная структура, с характерной фрагментарностью, а именно, в конце каждого фрагмента читателю сообщается неожиданный факт, полностью меняющий смысл происходящего. Такие неожиданные повороты сюжета всегда позволяли автору создавать напряжённость и удерживать внимание читателей, и поэтому отличительной чертой авторского стиля С. Шелдона можно назвать его воздействующий потенциал.

Основным средством выражения характеров персо-

нажей, безусловно, является их речевая характеристика. Следует отметить, что С. Шелдон для раскрытия внутреннего мира героев довольно часто прибегает к такому способу их речевой характеристики как употребление несобственно-прямой речи, что не раз отмечалось исследователями его творчества и в частности, Л.П. Позняк, как особенность авторского языка[4].

Несобственно-прямая речь является особым художественным приёмом и существует лишь в ткани литературного произведения. Несобственно-прямой речью называется способ передачи чужеродной речи, которая сочетает в себе прямую и косвенную речь. Этот тип речи схватывает нечто между речью и мыслью, что невозможно ни переформулировать в форме пропозиции, ни передать с новым референтом для первого лица. Несобственно-прямая речь может содержать в себе экспрессивно окрашенные элементы и неполные предложения, что придаёт ей эмоциональный характер. В отличие от прямой речи, в несобственно-прямом высказывании не может быть первого лица, за исключением вводных предложений. Отличие этого типа речи от прямой заключается в том, что в ней не происходит перемены местоимений при переходе из вводного предложения в цитируемое. Таким образом, как и косвенная речь, несобственно-прямая речь не воспроизводит речевой акт, а лишь сообщает о его осуществлении и передаёт его содержание и интерпретацию.

В произведениях С. Шелдона несобственно-прямая речь отражает образ героя в глазах окружающих, а также его реакции на события окружающего мира. В этих реакциях четко прослеживается достаточно напряжённая внутренняя жизнь персонажей.

'Oh, my God!', Paige thought. She felt as though she were caught up in the middle of some endless terrifying nightmare [12, p. 57].

Paige was on morning rounds with the Beast, as she secretly referred to Dr. Barker. She had assisted him in the cardiological surgeries, and in spite of her bitter feelings toward him, she could not help but admire his incredible skills. Within a few weeks, Paige thought, that patient will be able to return to a normal life. No wonder surgeons think they're Gods. They bring the dead back to life [12, p. 183].

Следует отметить и ещё одно лингвистическое средство, с помощью которого, как утверждает Л.П. Позняк в своей работе, создаётся, например, напряжённость в отношениях героев романов С. Шелдона – это контекст контраста и аналогии [5].

Для реализации этого приёма активизируются средства, которые процентируются не только на лингвистическом уровне, но также на стилистическом и экстралингвистическом.

Контраст и аналогия могут быть осуществлены как в пространстве одной синтаксической единицы:

She was tall and slender, with eyes that were startling dark brown in her pale face [12, p. 2],

так и в пространстве текста:

With no mother or father, Kate thought repeatedly, it's a blessing that they have each other and love each other so much. The night before their fifth birthday, Eve tried to murder Alexandra [10, p. 302].

Контраст и аналогия представлены также в дискурсе всего творчества автора, когда его разные произведения взаимодействуют друг с другом. Именно так, например, связаны романы С. Шелдона 'The Other Side of Midnight' ("Оборотная сторона полуночи"), 'Memories of Midnight' ("Полночные воспоминания"), 'A Stranger in the Mirror' ("Незнакомец в зеркале"), и 'The Best Laid Plans' ("Тонкий расчёт").

Хотелось бы отметить, что и прямая речь персонажей романов С. Шелдона позволяет не только выявить индивидуальные черты героев, но также представить читателю значимые лингвокультурные типажи и образы американцев [7]. Например, целеустремлённые герои С. Шелдона, как правило, жаждут успеха, символом которого для себя они видят очень часто жизнь в США:

'They call America the land of opportunity, don't they? That's all we need' [10, p. 105].

Так, герои романа С. Шелдона "Интриганка" переезжают в США, поскольку именно там, по их мнению, вершатся судьбы и мировая экономика. Точно так же для героев романа "Незнакомец в зеркале" Нью-Йорк видится центром актёрского мастерства, городом, где только и возможно завоевать признание:

He was going to be in Show Business. He was going to be a star; he was going to be famous [11, p. 22].

Успех (success) для персонажей С. Шелдона – понятие достаточно сложное. Оно включает в себя множество компонентов, где наибольшую значимость имеют материальные блага, хотя и не всегда:

He would have it all- the breads, the money, the applause. Mostly the applause [11, p. 24].

Для большинства героев романов С. Шелдона путь к успеху лежит через борьбу за жизнь, которая начинается для них в тяжёлых и совсем неблагоприятных условиях:

Somewhat he would get them both out of this terrible ghetto, this stinking, overcrowded prison. And he would become a great success [8, p. 73].

В этом контексте понятие (концепт) "успех" ближе у героев Шелдона скорее не к понятию "цель жизни", а к "жизни" ("life") как таковой:

'You want to die very rich, don't you?' - 'I don't want to die at all' [10, p. 79].

По мере развития сюжета понятие (концепт) "успех" ('success') для героев романа усложняется. Если в начале произведения оно обычно включает в себя компоненты "богатство" и "сохранение жизни", то постепенно в тексте презентуется более сложная его структура:

He was successful and wealthy beyond his boyhood dreams, but it meant little to him [10, p. 99].

Концепт "успех" в произведениях С. Шелдона связан с лексико-семантическим полем, ядром которого является лексема 'success' ("успех"), а ближняя периферия представлена единицами, выбор которых зависит от контекста произведения, например: 'power', 'Hollywood', 'game'.

Контекстом в широком смысле – пространством целостного художественного произведения – обусловлено и вхождение в ближнюю периферию поля 'success' ещё одной единицы, создающей собственное лексико-семантическое поле 'power' ("сила, власть"):

Power. If you had power, you had food. You had medicine. You I had freedom. She saw those around her fall ill and die, and she equated power with life. One day, Kate thought, I'll have power [10, p. 183].

В контексте романа "Незнакомец в зеркале" в ближнюю периферию поля 'success' входит и топоним 'Hollywood'. Реальная топографическая единица в течение XX века приобрела черты лингвокультурного феномена, введение которого в текст создаёт сложную систему синонимических и антонимических связей в пределах поля 'success'.

It was a state of mind, a phony dream that lured thousands of otherwise normal people into the insanity of trying to become a star. The word Hollywood had become a lodestone for miracles, a trap that seduced people with wonderful promises, siren songs of dreams fulfilled, and then destroyed them [11 p. 43].

Ещё одним значимым компонентом в ближней периферии семантического поля 'success' в пространстве романов С. Шелдона является лексико-семантическое поле 'game' ("игра"). Различные приёмы, тактики и стратегии успешных и богатых героев романов С. Шелдона в играх разного плана помогают при представлении речевой характеристики героев автора. В этом смысле наиболее выразителен язык в романе 'Master of the Game', название которого переводится на русский язык несколькими вариантами: "Мастер игры" и "Интриганка". В романе лексико-семантическое поле 'game' представлено довольно разнообразно: 'unsolvable puzzle', 'outsmart', 'maneuvering', 'machinations', 'adventure'.

It started as a game, a possible solution to an unsolvable puzzle [10, p. 122].

Семантическое поле 'game' в этом романе напрямую связано с его главной героиней Кейт и её отцом Джей-

ми, обстоятельства успешной жизни которых определяются в том числе и составом семантического поля 'game' в пространстве всего произведения:

'Well, Jamie thought, we're going to outsmart you (пр.в игре)' [10, p. 89].

Kate took a delight in the maneuvering and machinations of the game [10, p.95]

Business school was an exciting new adventure [10, p. 151].

Кроме конкретных лексем, названных выше, лексико-семантическое поле 'game' из ближней периферии семантического поля 'success', реализуется в романах С. Шелдона и посредством определённых речевых тактик и стратегий. В романе 'If Tomorrow Comes', например, героиня, вынужденно встав на криминальный путь, с блеском выходит из трудных ситуаций, примеряя на себя разные образы и достигая успеха в обществе. В лингвистическом плане для маркировки смены масок С. Шелдон использует приёмы речевой игры, имитируя манеру говорить, свойственную разным социальным слоям, а также акценты, присущие американцам различно происхождения:

Мексиканский акцент: '*I'm sorry, senior. I hurt mi mano - my hand - in an accident*' [9, p. 138].

Техасская манера речи: '*Afternoon, sport. Hey, pardner, you English fellows are fast workers, ain'cha?*' [9, p. 209].

Итальянский акцент: '*No, scusi, I am afraid I am very busy right now*' [9, p. 218].

Такая яркая речевая характеристика становится выразительным средством, с помощью которого создаётся образ героини, воплощающий образец успешности в американском обществе. В контексте романа в ближайшую периферию лексико-семантического поля 'success' – 'game', включаются метафорические лексемы 'chameleon' ("хамелеон"), 'masquerade' ("маскарад") и прилагательное 'exciting' ("захватывающий"):

Tracy became a chameleon, an expert in makeup and disguises and accents. [9, p. 224].

I'm living a masquerade' [9, p. 225].

Таким образом семантическое поле 'game' через указанные лексемы не только находится в периферии семантического поля 'success', но и сближается с лексико-семантическим полем 'life' ("жизнь"), причём такое сближение наблюдается во многих произведениях С. Шелдона:

Each was filled with the excitement of the adventure that lay ahead [Sheldon S. Master of the Game [10, p. 303].

The life they led was too exciting and stimulating and rewarding [9, p. 227].

В зависимости от контекста в семантическом поле 'game' усиливаются и другие единицы, например: 'right',

'wrong', 'rules', 'play'], которые не просто помогают характеризовать главных героев, но и становятся некими средствами воздействия на читателя, обозначая для него некие правила поведения, советы, мысли, мудрость:

'Right and wrong are the rules we make up ourselves so that we can play in the game with other people. Without rules, there can't be a game. But never

forget ? the rules are artificial' [13, p. 66].

Своеобразной игрой со смертью становится существование героев в пространстве триллера. Попытка переиграть сильного противника может быть предпринята только сильной личностью:

Your problem is, you're standin' at home plate strikin' at curve balls, an' you don't know if anyone's pitchin'. nFirst we're gonna find out if there's a ballgame goin' on; then we're gonna find out who the players are[13, p. 75]

В периферию лексико-семантического поля 'success' может включаться лексико-семантическое поле 'revenge' ("мечь"), которое представлено лексическими единицами: 'vengeance', 'destroyed', 'punish':

I want vengeance' [10, p. 29].

The time had come for revenge [10, p. 33].

Her thoughts burned and blazed until her mind was empty of every emotion but one: vengeance [9, p. 103].

'No; she was after the men who had done this to her, who had destroyed her life' [9, p. 98].

He hated her and he punished her[11, p. 57].

Лексема 'to give smb to smb' как часть семантического поля 'revenge' приобретает дополнительную семантику, отражающуюся в значении "расплатиться", "вернуть долг":

'Because you're going to give me Salomon van der Merwe' [10, p. 59].

Лексема 'to pay' также можно считать частью семантического поля 'revenge':

Joe Romano is going to pay for killing my mother, Tracy swore to herself [9, p. 122].

She was going to make them pay [9, p. 138].

Лексемы 'to punish', 'to threaten' и 'hatred' можно отнести к этому же полю:

Jamie had threatened Van der Merwe, and Van der Merwe had punished him as easily as one punished a small child. But he'll find out I'm no child, Jamie promised himself. Not anymore. I'm an avenger [10, p. 62].

Since the wedding, a new ingredient had been added: hatred. Because Toby could not take out his aggressions on his wife, he turned his fury on his audiences [11, p. 87].

В романе 'Master of the Game' мотив мести улавливается в связи с взрослением героя, который хочет во что бы это не стало войти в мир богатых и играть с ними толь-

ко на равных. Фактически месть – это лишь ход в большой игре под названием жизнь (*life*), путь к успеху и богатству в ней. Лексико-семантическое поле '*revenge*' представлено лексемами '*hatred*', '*avenger*':

His hatred for Van der Merwe had consumed him for the last year, his thirst or vengeance was all that had sustained him, kept him alive [10, p. 68].

'An avenger. That's what I've become. And an adventuress, perhaps' [9, p. 156].

Рассмотренные нами примеры из романов Сидни Шелдона безусловно демонстрируют общие приёмы писателя при речевой характеристике своих героев (несобственно-прямая речь, приёмы контраста и аналогии, речевая игра), а также организация и вербализация концептов (понятий) '*success*', '*game*' и '*revenge*', посредством одноименных лексико-семантических полей, которые по сути составляют для американца концепт '*life*'.

С помощью широкого спектра лексических единиц, активизирующих связи семантических полей, создаются речевые портреты героев романов С. Шелдона, а также

возможна и реализация функции воздействия всего дискурса творчества писателя на читателя.

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что творчество Сидни Шелдона, которое представляет собой синтез различных жанров, несомненно интересно для ученых-литературоведов по американистике, но внимание самого писателя всегда было приковано к личности, часто неординарной, которая обязательно и любыми путями добивается успеха, поэтому через речевые характеристики своих "успешных героев", используя широкий диапазон лингвистических средств: несобственно-прямую речь, приёмы контраста и аналогии, речевую игру автор смог создать образ успешного человека, "который сам всего добился" (*self-made man*) и для которого жить – значит обязательно быть богатым? и последствия не важны. Путем частичного рассмотрения лексико-семантического поля '*success*' и его периферийных полей '*power*', '*game*' и '*revenge*', мы предприняли попытку показать, как при использовании определенных языковых средств, автор связывает понятие '*success*' с понятием '*life*' для американца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булычёва В. П. Структурно-композиционные особенности детективного жанра // Актуальные вопросы филологических наук: материалы II международной научной конференции. – Чита: Издательство Молодой учёный, 2013. С. 32–38.
2. Дьякова Т.В. Характеристика жанра "Триллер" и его поджанры // *Lingua mobilis*, 2013, № 5 (44). С. 32–36.
3. Крохмаль А.П. К вопросу о лингвостилистических особенностях современной английской прозы // Вестник СамГУ, 2008, № 4(63). С. 61–69.
4. Позняк Л.П. Особенности речевой характеристики главного персонажа в романе С. Шелдона "Ничто не вечно" // Вестник ИГЛУ, 2008, № 1. С. 73–85.
5. Позняк Л.П. Три типа контекста контраста и аналогии в художественном тексте // *Magister Dixit*, 2014, № 2 (14). С. 25–37.
6. Черняк М.А. Феномен массовой литературы XX века: проблемы генезиса и поэтики: дис. докт. филол. наук. С–Пб., 2005. 488с.
7. Шведова Е.В. Мотив "Притворство" в романе Сидни Шелдона "Если наступит завтра" // Сборники конференций НИЦ "Социосфера", 2014, № 36. С. 116–120.
8. Sheldon S. Bloodline [Электронный ресурс] – <http://samaragbi.ru/Thriller/e5523.html> (Дата обращения: 22.03. 2018)
9. Sheldon S. If Tomorrow Comes [Электронный ресурс] – <https://knigogid.ru/books/609843-if-tomorrow-comes/toread> (Дата обращения: 21.03. 2018)
10. Sheldon S. Master of the Game [Электронный ресурс] – <http://booksonline.com.ua/view.php?book=139871> (Дата обращения: 19.03. 2018)
11. Sheldon S. A Stranger in the Mirror [Электронный ресурс] – <http://2novels.net/242707-a-stranger-in-the-mirror.html> (Дата обращения: 21.03. 2018)
12. Sheldon S. Nothing Lasts Forever. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 1995.376 pp
13. Sheldon S. The Naked Face [Электронный ресурс] – <http://www.8novels.net/mystery/u6225.html> (Дата обращения: 22.03. 2018)

© Д.Р. Денисов, (denisderden2015@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru
АСЭР
 Группы

Управление государственной и муниципальной собственностью

XX Всероссийская Конференция, Конгресс-центр ГК "КОСМОС", Москва

26 сентября 2018

ГК Агентство Социально-Экономического Развития
 тел: (495) 971-5681
<http://www.asergroup.ru>

Реклама

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА: ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ

MIGRATION LINGUISTICS: DYNAMIC PROCESSES IN LANGUAGE

*E. Zubareva
S. Shustova*

Annotation

The proposed article considers the history of the term's formation "migration" and the impact of increasing migration flows on language of a host society. The relevance of the topic is justified by the increased interest of linguists in this issue, as well as the absence of a single and comprehensive linguistic theory of the study of migration processes. The object of the study is the influence of migration processes on the development of the title language. The subject of the study is dynamic language processes. The aim of the article is an attempt to systematize theoretical prerequisites for the formation of the new scientific direction "migration linguistics". To achieve this goal, authors of the article set the following tasks: review of the history of the concept of "migration" in domestic and foreign works; analysis of linguistic works of domestic and foreign researchers carried out in this direction; the definition of the object and subject of migration linguistics; description of the range of problems of migration linguistics.

Keywords: migration, migration processes, migration linguistics, title language, modeling of language migration processes, language conflict.

Зубарева Екатерина Олеговна

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Шустова Светлана Викторовна

Д.филол.н., профессор,

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается история формирования термина "миграция" и влияние возрастающих миграционных потоков на язык принимающего общества. Актуальность темы обоснована повышенным интересом лингвистов к данной проблеме, а также отсутствием единой и всесторонней лингвистической теории изучения миграционных процессов. Объектом исследования является влияние миграционных процессов на развитие титульного языка. Предмет исследования – динамические языковые процессы. Целью статьи является попытка систематизировать теоретические предпосылки формирования нового научного направления "миграционная лингвистика". Для достижения поставленной цели авторы ставят перед собой следующие задачи: рассмотрение истории понятия "миграция" в отечественных и зарубежных работах; анализ лингвистических работ отечественных и зарубежных исследователей, выполненных в данном направлении; определение объекта и предмета миграционной лингвистики; описание круга проблем миграционной лингвистики.

Ключевые слова:

Миграция, миграционные процессы, миграционная лингвистика, титульный язык, моделирование языковых миграционных процессов, языковой конфликт.

В современном мире, учитывая процесс глобализации, разумно предположить, что миграция является одним из ключевых моментов, который влияет практически на все сферы деятельности в обществе. Именно поэтому этот процесс вызывает большой интерес и становится объектом исследований в разных науках. До сих пор не существует четкого определения термина "миграция". Проводя исследование в этом направлении, В.А. Ионцев и Ю.А. Прохорова выявили в общей сложности свыше 36 различных определений миграции в отечественной литературе. Авторы отмечают, что 17 научных дисциплин изучает феномен миграции с различных позиций. Миграция представляет собой не просто демографический процесс, а "многоплановое явление". В связи с этим исследователи отмечают, что можно выделить самостоятельную науку как "миграциология", в рамках которой будут систематизированы теоретические подхо-

ды, разработаны основные позиции миграционных законов, определены базовые концепты миграционных процессов [6, с. 84]. В настоящее время сформировалась особая наука, изучающая миграционные процессы как перемещение населения с учетом географических, экономических и политических факторов. Предметом миграциологии являются иммиграция и эмиграция населения. В силу того, что данное направление имеет дискуссионный характер, не все исследователи признают его и включают изучение аспектов миграциологии в отдельный раздел той или иной науки.

Известный российский демограф Л.Л. Рыбаковский указывает, что "в науке ни одно понятие не имеет столько различных трактовок как миграция" [12, с. 26]. Так, например, в сфере номинации одного из базовых концептов нового направления "мигрант" исследователи используют

ют синонимичные термины: "мигранты", "этнические меньшинства", "переселенцы", "этнические общины", "диаспоры" [9, с. 104]. В 1885 г. в британском журнале "Journal of the Statistical Society" появилась статья, которая стала отправной точкой для многих западных, а впоследствии и отечественных, исследователей миграционных процессов. Э.Г. Равенштайн опубликовал свои знаменитые законы миграции: большинство мигрантов перемещаются на короткие расстояния; каждый миграционный поток вызывает противопоток; сельские жители гораздо чаще переезжают, чем горожане; большинство мигрантов ? мужского пола, хотя женщины более предрасположены к переселению; объем миграционных потоков увеличивается пропорционально экономическому росту [28]. Разные исследователи изучали отдельные законы этого процесса. Например, С. Стоуффер анализировал закон расстояния и отмечал, что миграция чаще всего происходит на короткие расстояния, так как мигранты, как правило, не имеют больших финансовых возможностей, а длительный переезд требует больших затрат [31]. Д.К. Зипф определил главный принцип миграции как затрату наименьших усилий [32]. Все эти выводы служат доказательством закона расстояния Э.Г. Равенштайна. В современной науке математическое моделирование стало главным принципом изучения миграционных процессов.

Основные современные теории в области миграции представляют собой разные вариации теории Э.Г. Равенштайна. Можно выделить две группы исследователей, различно трактующих термин "миграция". Первая группа рассматривает миграцию как социальное явление, например, Я. Щепаньский считает миграцией любое перемещение между общностями и группами, даже без изменения географического места [18, с. 16]. О. Пискун утверждает, что миграция связана со сменой не только территориального места жительства, но и соответствующего социума, социального и политико-правового окружения [11, с. 40]. М.В. Курман полагает, что к миграции следует относить все виды движения населения, имеющие общественную значимость – движение кадров, переход из одной образовательной или профессиональной группы в другую [7, с. 34-35].

Вторая группа рассматривает миграцию только как изменение географического места проживания. Н.Н. Тоцкий определяет ее как перемещение по разным причинам людей через границу тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного места жительства [15, с. 12]. Е.Ю. Садовская считает, что миграция – это передвижение через государственные границы, связанное с переменной места жительства и требующее внутригосударственного и межгосударственного регулирования [13, с. 20]. В.И. Переведенцев полагает, что миграцию населения следует рассматривать как

совокупность любых перемещений людей в пространстве [10, с. 9]. Подобный подход нашел свое отражение в различных толковых словарях [14].

Проблема миграции привлекает внимание многих исследователей в области географии, экономики, истории, политики, социологии. В современной научной парадигме антропоцентризма миграция и миграционные процессы вызывают большой интерес с точки зрения изучения влияния данного феномена на язык и языковую структуру общества. Например, У. Хинрихс изучает влияние мигрантов на немецкий язык. Мигранты, даже усердно пытаясь выучить этот язык, допускают большое количество ошибок, и самые распространенные из них в устной речи постепенно перенимают носители языка. У. Хинрихс отмечает, что самую большую сложность для изучающих немецкий язык представляют артикли – для упрощения речи мигранты опускают их, что начинает делать и коренное население [23].

Все больше исследователей И. Пиллер [27], К. Силберрайзен, П. Титцман [30], К. Дишер [22] обращают внимание на тесную взаимосвязь миграционных процессов, влекущих неизбежные изменения титульного языка, и указывают на круг проблем, которые при этом возникают. Они считают, что миграция является неотъемлемой частью процесса межкультурной коммуникации. По словам Е.С. Ашнина, "увеличение миграционных потоков обострили уже существующие и создали новые проблемы... наиболее важными из которых являются обеспечение продуктивного межкультурного взаимодействия и построение мультикультурного общества" [2, с. 136]. П. Керсвилл отмечает, что миграция является основной причиной изменения титульного языка того или иного этноса, вызванного многочисленными межкультурными контактами. Принимающее общество неизбежно вбирает те или иные черты повседневного быта, традиционные модели организации жизни, элементы художественной культуры и литературы, фольклора, духовные ценности, особенности этикета, языковые обороты, лексические и грамматические средства. Миграция формирует этнолингвистическое меньшинство, которое вносит новое и трансформирует титульный язык [24, р. 8]. Но при этом теория межкультурной коммуникации как наука не ставит перед собой задачу объяснить и решить проблемы, которые возникают в языке при больших миграционных потоках.

Самый яркий лингвистический эффект миграции – это такие элементы как пиджины (структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей) и креолы (языки, сформировавшиеся на основе пиджинов), а также формирование новых диалектов в процессе коинизации [29]. Массовая миграция имеет очевидные лингвистические последствия – билингвизм. Например, для 33 % детей младшего школьного возраста

та в Лондоне (город с населением 8 миллионов человек) английский язык не является родным [20]. По данным Федеральной службы государственной статистики в России в 2016 г. прибыло 575158 мигрантов, в то время как в 2010 г. число мигрантов составляло всего лишь 191656 [16].

Изучение разного рода изменений в языке как следствие миграции требует системного и теоретического осмысления. Г.Г. Гамзатов, рассматривая актуальные проблемы особенностей малочисленных языков, а также состояние изучения двуязычия, трехязычия и многоязычия, подчеркивает, что "проблема языковой действительности и миграционных процессов нуждается во всестороннем комплексном и более глубоком изучении, осмыслении и обосновании" [5, с. 3]. Л.Е. Веснина связывает актуальность данного направления с ростом миграционных процессов, которые становятся одной из ведущих тем средств массовой информации, что является интересным полем для лингвистического изучения. Сопоставление метафорических моделей, представленных в СМИ и обнаруженных в ходе психолингвистического эксперимента, способствует более полному пониманию разных смысловых областей. Проанализировав метафорическое представление миграции в публицистическом дискурсе и в результате ассоциативного эксперимента, используя методы моделирования, когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа, автор делает следующие выводы: в СМИ выделяются восемь метафорических моделей (милитарная, криминальная, этническая, гидронимная, экономическая, зооморфная, морбиальная и физиологическая); по результатам ассоциативного эксперимента появляются четыре дополнительные модели (пространственная, предметная, фитоморфная, театральная, а также метафоры со сферой-источником "Неживая природа"). В публицистическом дискурсе метафорическое представление миграции имеет негативный характер ("армия мигрантов", "орда мигрантов", "наплыв мигрантов", "нашествие мигрантов"), чего нельзя сказать о результатах ассоциативного эксперимента. При этом милитарная метафорическая модель является рекуррентной [4, с. 8].

Из вышесказанного следует, что действительно существуют конкретные теоретические предпосылки, которые позволяют говорить о необходимости формирования и развития нового междисциплинарного направления в лингвистике. В его рамках можно было бы всесторонне и полно изучить и объяснить всевозможные многочисленные изменения в языке, вызванные миграционными процессами, а также помочь устранить нередко возникающие неблагоприятные последствия языковых конфликтов, которые практически невозможно урегулировать лишь с помощью политических или правовых мер. Д. Лапонс отмечает, что язык, как и религия "не способны при-

вести сами себя к простому компромиссу" [25, р. 599]. Изменение языковой структуры общества – очень опасный момент, который может привести к разного рода катастрофам [19]. Аналитический центр Ю.А. Левады в феврале 2017 г. провел опрос, в котором приняли участие 1600 респондентов. Одним из пунктов опроса было отношение к мигрантам: 54 % опрошенных воспринимают мигрантов как лишнюю нагрузку для страны; 44 % считают, что мигранты повышают вероятность терактов в стране [1, с. 172]. По данным архива аналитического центра в 2002 г. 45 % респондентов ответили, что правительству России должно ограничить приток приезжих, а в 2017 г. подобный ответ дали 80 % опрошенных [1, с. 169].

В рамках миграционной лингвистики, как обособленного направления, можно описывать и систематизировать языковые трансформации, вызванные миграционными процессами, разрабатывать инструментарий управления процессом языковой адаптации. Так, например, Д. Бойл попытался дать лингвистическое определение термина "миграция", выделив четыре основных свойства, которые необходимо учитывать, оценивая степень влияния этого процесса на титульный язык: пространство, время, мотивация, социально-культурные факторы [21, р. 34–38]. Пространство и расстояние являются основными факторами, определяющими степень изменения языка при миграции: чем меньше расстояние, тем больше сохраняется связь с исходным языком и культурой, тем меньше будет влияние на титульный язык; при значительном расстоянии мигранты в большей степени оторваны от своего языка и культуры, они вынуждены адаптироваться к новому языку. В данном случае титульный язык вберет себя некоторые языковые особенности данной общности.

Миграционная лингвистика определяет уровень изменения титульного языка, учитывает приоритет переселения из сельского в городское пространство (субурбанизацию) или, наоборот, контрурбанизацию [26, р. 53]. Категория времени позволяет определить характер влияния на исходный язык: миграция может быть краткосрочной (периодической, сезонной, маятниковой, эпизодической) и долгосрочной. Д. Бойл приводит пример миграции из Восточной Германии в Западную Германию после крупной промышленной аварии, в результате которой многие мигранты вернулись к особенностям верхнего саксонского диалекта. Время пребывания мигрантов на чужой территории также определяет, насколько и каким образом может измениться титульный язык [21, р. 34–38]. Еще одна характеристика? это циркуляция, то есть "большое разнообразие движений, как правило, краткосрочные повторяющиеся или циклические по характеру" [26, р. 18]. Примером может послужить возвращение студентов в родные места во время каникул. Циркуляция

может привести к новым языковым шаблонам и смешению диалектов. Мотивация или причины перемещений, а также социокультурные факторы также должны приниматься во внимание при изучении языковой миграции.

Таким образом, миграцию в лингвистике можно рассматривать как постоянный или временный процесс трансформации языка, который напрямую зависит от категорий пространства, времени, мотивации, а также социокультурных факторов. Учитывая определенный тип миграции, можно сделать обобщения и даже рациональные прогнозы, смоделировать языковые миграционные процессы. Исходя из вышеизложенного, можно определить основные задачи изучения миграционной лингвистики: – лингвистическое моделирование миграционных процессов; разработка ключевых категорий миграционных процессов и теоретико-методологической базы.

Существующие теории миграции и типы адаптации также определяют круг проблем миграционной лингвистики. Теория ассимиляции означает полное включение мигрантов в принимающее общество, в том числе на языковом уровне. Большинство ученых говорит о том, что этот процесс невозможен, именно поэтому, например, возникают трудности при изучении иностранных языков, так как говорящий все равно мыслит на родном ему язык

ке. При массовой миграции зачастую образуются этнические общества, тогда речь идет о теории мультикультуризма, согласно которой разные этнические меньшинства сохраняют свой язык и культуру, и при этом не вступают в противоречие с принимающим обществом. Но мультикультурализм приводит к снижению мотивации у мигрантов к изучению языка принимающей страны, а также к образованию языковых анклавов, что может привести к серьезным конфликтам. В последнее время получила распространение теория транснационализма, согласно которой мигрант воспринимается как носитель нескольких языков и культур. По типу адаптации можно выделить процесс сегрегации (отказ изучать новый язык) и маргинализации (отказ от собственных ценностей и при этом неприятие новых).

Рост миграционных потоков актуализирует лингвистический интерес к этим процессам. Миграцию можно рассматривать как главную причину изменения языковой структуры общества: упрощение языка, появление в нем новых элементов, языковая адаптация, языковые конфликты, языковая политика и т.п. В русле различных научных дисциплин в силу их специфики миграция, как правило, рассматривается лишь в одном плане. Миграционная лингвистика, как новое научное направление, могла бы изучить данный феномен всестороннее и полно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический центр Ю. Левады. URL: <http://www.levada.ru> (дата обращения: 06.05.2018).
2. Ашнин Е.С. Социолингвистические аспекты межкультурной коммуникации в Германии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследование молодых ученых. 2012. № 10. С. 136?138.
3. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 36?42.
4. Веснина Л.Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2010. 250 с.
5. Газматов Г.Г. Лингвистическая планета Дагестан. Этноязыковой аспект освоения. М.: Букинист, 2005. 100 с.
6. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3. С. 83?91.
7. Курман М.В. Актуальные вопросы демографии. М.: Статистика, 1976. 89 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. (дата обращения: 05.05.2018).
9. Моросанова В.И., Нестерова А.А., Суслова Т.Ф. Факторы позитивной адаптации мигрантов: анализ теоретических подходов // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 104?116.
10. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
11. Пискун О. Основы миграционного права. Киев: Леся, 1998. 356 с.
12. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования) // Электронная библиотека социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // <http://lib.socio.msu.ru> (дата обращения: 05.05.2018).
13. Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. Алматы: Фалым, 2001. 260 с.
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова. М.: Мир, 2012. 1375 с.
15. Тоцкий Н.Н. Введение в миграционное право. Миграционное право как подотрасль конституционного права Российской Федерации. Нормативные акты, регулирующие правоотношения с участием мигрантов. М.: Диалог МГУ, 1999. 153 с.
16. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.08.2018).
17. Центр гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН. URL: <http://цги.инион.рф/archives/153>. (дата обращения: 03.05.2018).
18. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
19. Яковлева Э.Б. Языковые процессы миграционных процессов: лингвозоологические заметки. Центр гуманитарных научно-информационных

- исследователей ИНИОН РАН, 2016, <http://цгнии.инионран.рф/archives/153>. (дата обращения: 04.05.2018).
20. Baker Ph., Eversley J. Multilingual capital. The languages of London's schoolchildren and their relevance to economic, social and educational policies. London: Battlebridge, 2000. 96 p.
21. Boyle P., Halfacree K., Robinson V. Exploring contemporary migration. London: Routledge, 2014. 296 p.
22. Discher C. Sprachkontakt, Migration und Variation: Die frankophone Integration von Rumanien in Paris nach 1989. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2015. 272 p.
23. Hinrichs U. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: C.H. Beck, 2013. 591 p.
24. Kerswill P. Migration and language // Klaus Mattheier, Ulrich Ammon & Peter Trudgill (eds.) Sociolinguistics / Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society. 2nd edn. Vol 3. Berlin: De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.
25. Laponce J. Language and Politics in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Encyclopedia of Government and Politics. London: Routledge, 1992. P. 586?602.
26. Lewis G. Human migration: A geographical perspective. London: Croom Helm, 1982. 220 p.
27. Piller I. Language and Migration. London: Routledge, 2016. 1600 p.
28. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society. 1885. № 46. P.167?235.
29. Schuchardt H. Pidgin and creole languages: selected essays / edited and translated by G. G. Gilbert. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 157 p.
30. Silbereisen K., Titzmann P.F. The Challenges of Diaspora Migration: Interdisciplinary Perspectives on Israel and Germany. London: Routledge, 2016. 354 p.
31. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. № 5. P. 845?867.
32. Zipf G. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge: Addison Wesley Press. 1949. 573 p.

© Е.О. Зубарева, С.В. Шустова, (sialpsu@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ВАРИАТИВНОСТЬ "ЦЫГАНСКИХ" РОМАНСОВ И ИХ БЫТОВАНИЕ В ШАДРИНСКОМ УЕЗДЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере собрания Д.М. Торопова "Новый русский Наутилус")

Зыков Антон Андреевич
Курганский

государственный университет

VERSIONS OF "GYPSY'S" ROMANCES
AND THEIR APPLICATION IN SHADRINSK
PROVINCE IN THE EARLY TWENTIETH
CENTURY (for example, the collection of
D.M. Toropov "New Russian Nautilus")

A. Zykov

Annotation

Handwritten meeting of the "New Russian Nautilus" is a unique and rare books, preserved information about the existence of folklore genres on the territory of Kurgan region in early XX century. Its author–compiler is a farmer–folklorist and ethnographer Dmitry M. Toropov. He was born in the village Crosses Shadrinski province. His book saved in the archive of the famous Ural historian V. P. Biryukov and we can study it. The meeting included songs, ballads, legends, limericks, jokes, stories, satirical verses, which contain the talent of the Zaural peasant–farmer. The Toropov's manuscript speaks to the erudition of the originator, its high axiological scale of perception of literature. This article discusses the cycle of romance songs recorded Toropov. The work presents the results of a comparative analysis of regional versions of the romances with their Russian variants, the conclusions about the uniqueness of regional variants of texts.

Keywords: folklore, ballads, regional folklore, the existence, variability, farmer–folklorist, manuscript collection, comparative analysis.

Аннотация

Рукописное собрание "Новый русский Наутилус" – уникальный памятник, сохранивший информацию о бытовании фольклорных жанров на территории Курганской области начала XX века. Его автором–составителем является крестьянин–фольклорист и краевед Дмитрий Михайлович Торопов, уроженец деревни Кресты Шадринского уезда. Благодаря арх иву В.П. Бирюкова мы имеем возможность детального изучения этого объемного издания, сохранившего информацию о различных фольклорных жанрах. В собрание включены песни, баллады, легенды, частушки, анекдоты, устные рассказы, сатирические куплеты, которые поистине раскрывают одарённость зауральского крестьянина–земледельца. Рукопись Д.М. Торопова свидетельствует о значимости составителя, его высокой аксиологической шкале восприятия литературы. В данной статье рассматривается цикл романсовых песен, записанных Тороповым. Также в работе представлены результаты сравнительного анализа региональных вариантов текстов романсов с их общерусскими вариантами, сделаны обобщающие выводы о закономерных особенностях появления вариативности, обусловленных природой бытования жанра в деревенской среде.

Ключевые слова:

Фольклор, романсы, региональная фольклористика, бытование, вариативность, крестьянин–фольклорист, рукописное собрание, сравнительный анализ.

О б уникальном рукописном собрании крестьянина Дмитрия Михайловича Торопова "Новый русский Наутилус" мы знаем благодаря архивному фонду известного уральского краеведа В.П. Бирюкова, сохранившемуся в Государственном архиве Свердловской области, а также книге "Дореволюционный фольклор на Урале" [1, с. 349–351], в которой Торопову отводится отдельная статья. Интерес к его творческому наследию обозначился относительно недавно и связан с изучением коллекции Бирюкова профессором Курганского государственного университета В.П. Федоровой. Это послужило основой для появления первых публикаций о фольклорной работе Торопова [7], [11]. Факт создания Тороповым обширного фольклорного фонда отмечен и в диссертационном исследовании Е.Н. Колесниченко [5, с. 88].

"Новый русский Наутилус" – многожанровое собрание, в котором автор отобрал наиболее интересные и ак-

туальные, на его взгляд, образцы сказок, легенд, преданий, анекдотов, лирических песен, частушек и др. Но с точки зрения вариативности особое место в нем занимают романсы.

Обращение к песням литературного происхождения обусловило интерес к другому песенному жанру – романсу. Рабочих и крестьян очень привлекал этот жанр. И одной из причин его популярности стала именно доступность понимания широкого спектра раскрывающихся в нем тем (от актуальных социально–бытовых проблем до чувственной лирики). Более того, романсы подкупали как исполнителей, так и слушателей своей неподдельной искренностью и душевной открытостью. Текст романсов активизировал именно те человеческие чувства, которых так не хватало людям в сложный для России переходный период войн, революций и смены управленческого режима. Большинство романсов были основаны на

лучших стихотворениях известных поэтов XIX века (Вяземского, Дельвига, Хованского и др.). Огромный вклад в развитие и становление романса внесли А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. На протяжении всего существования и развития жанра проблемами его исследования занимались известные ученые: А.А. Веселовский, Т.М. Акимова, Н.Б. Томашевский, Э.В. Померанцева. Сегодня жанр романса не утратил своей актуальности и активно изучается учеными культурологами, литературоведами и лингвистами. Среди последних крупных работ отметим диссертации Воловой С.И. [2], Черва В.Е. [9], Карабут Е.В. [4], Хорошко Е.Ю. [8] и др.

Большинство исследователей говорят о богатом внутрижанровом многообразии, которое в большинстве своем придумали сами исполнители (слушатели), и выделяют поджанры классического, бытового, городского, цыганского, жестокого романса. Последние работы говорят о том, что "поэтические тексты русского романса не всегда целесообразно подвергать делению на подгруппы" [9, с. 4]. Согласимся с данным утверждением лишь отчасти. На наш взгляд, исследователю, в первую очередь, необходимо руководствоваться целью исследования и задействованным инструментарием. С точки зрения лингвистики все романсы независимо от их разновидности строятся по единообразной модели с преобладанием императивных конструкций и задействованием определенных концептов (например, встреча, воспоминания, разлука и т.д.). С позиции фольклористики градация на поджанры принципиально важна, так как главным предметом исследования является не язык, а сюжет. Так, в рукописном песеннике "Новый русский наугилус" Д.М. Торопов поместил 18 романсов, шесть из которых имеют авторскую пометку "цыганский романс", три зафиксированы с пометкой "модный романс". Отметим, что все романсы, записанные Тороповым, относятся к разряду именно "цыганских". В них не идет речь о городской жизни или бытовых проблемах. Тематическая доминанта – неразделенная или несчастная любовь. Поскольку отсутствует трагическая концовка, можно сказать, что романсы "Наугилуса" стремятся к переходу в разряд "жестоких романсов", но в действительности остаются именно "цыганскими", основная цель которых заключается больше в развлечении слушателей. Неслучайно в свое собрание Д.М. Торопов помещает романсы из репертуара цыганки В.В. Паниной ("Вчера ожидала я друга", "Как хорошо", "Хочу веселья", "Хризантемы"), которая, являясь художественным руководителем одного из московских цыганских хоров, в начале XX века прославилась благодаря специфической манере исполнения данного песенного жанра.

Сравнивая тексты романсов, записанных Тороповым, с их общеизвестными вариантами, мы установили ряд несоответствий. В крестовских вариантах отличия заключаются не только в употреблении предлогов, изменении окончаний, замене определенных слов, но и за-

трагивают структурно-лексический уровень текста. Например, известный романс "Разлука", написанный Николаем Владимировичем Зубовым в 1899 г., в авторском варианте начинается со слов:

*Не уходи, побудь со мной,
Мне так отрадно и светло,
У самых нежных слов нет сил
Пересказать, как я любил,
Кумир прелестный.*

Н.В. Зубов [10]

Вариант, записанный Тороповым, отличается не только принципом построения строк (как варианте песни "Зеленая роща"), но и начинается не с первой, а со второй фразы и выглядит следующим образом:

*У самых нежных
Слов нет сил
Пересказать как
Я любил,
Кумир прелестный.*

Вариант Д.М. Торопова [3, с. 532]

Уникальность крестовского варианта романса подтверждается вкраплением в текст после восьмой строки поэтического дополнения, авторство которого не установлено и не зафиксировано в фольклоре:

*Мне говорят
Со всех сторон,
Что детский
И наивный сон
В тебя вселился.
Что прежде, чем себя отдать,
Должна ты
Сердце разгадать
Кому отдать.*

Вариант Д.М. Торопова [3, с. 533]

Анализируя особенности романсов в крестьянском рукописном собрании "Новый русский Наугилус", приходим к выводу о том, что все 18 романсов имеют свои региональные особенности, проявляющиеся в вариативности текстовой составляющей.

Отметим, что для зауральских вариантов романсов свойственна раздробленность строк в отличие от первоисточников. Иногда некоторые четверостишия отсутствуют, а строки одной строфы начинают рифмоваться с последующей. (например, романс "Вчера ожидала я друга", где строки "Нет, я не верю, чтоб милый / Покинул меня навсегда" зарифмованы с заключительными строками "Не верю, не верю измене / Любима и буду верна", при этом три строки, расположенные между ними в оригинальном тексте, полностью отсутствуют).

Из всего представленного количество романсов у трех из них нам не удалось определить происхождение, это романсы: "Месяц чудесный", "Розы ваш аромат", "Роман". По стилистике, тематике, форме стихосложения и даже названию данные произведения вполне могут быть отнесены к жанру "цыганского романса", тем не менее, известные нам песенники не сохранили о них никакой информации. Возможно, этот уникальный фольклорный материал сохранился только на территории Зауралья.

Такое обилие вариантов свидетельствует об исключительной популярности "цыганских" романсов в крестьянской среде. И это, на наш взгляд, вполне законо-

мерно. Жизнь в деревне, даже не смотря на наличие крупномасштабной ярмарки, была скучной, обыденной и тяжелой. Романсы своим накалом страстей становились своеобразным центром психологической разрядки, генератором необходимых эмоций, заменяющих отсутствие таковых в реальной действительности. Более того, в "цыганских" романсах присутствует широкий спектр как положительных, так и отрицательных персонажей, проиллюстрированы сцены "другой" жизни, в которой людей волнует не заработок и урожай, а, так называемые, "голые" чувства. Несомненно, такая жизнь привлекала недавних крепостных, которым только совсем недавно было позволено (пусть только с юридической точки зрения) почувствовать себя свободными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков, В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. ОГИЗ, Свердловское областное издательство, Свердловск. – 1936. – 364 с.
2. Валова, С. И. Русский романс XVIII–I пол. XIX в. Генезис. Типология. Поэтика. : автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Москва, 1995. – 17 с.
3. ГАСО, коллекция Р–2757, ед. хранения 1194.
4. Карабут Е.В. Романсовый текст: прагматика, лексика, образные парадигмы : автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Краснодар, 2001. – 25 с.
5. Колесниченко Е.Н. Фольклор в краеведческой и просветительской деятельности священнослужителя Е.Д. Золотова : дис. ... канд. филол. наук: на правах рукописи. – Курган, 2011. – 230 с.
6. Мальцева, Н. Н. Зауральская фольклористика XIX века : дисс. на соиск. уч. степени канд. фил. наук. Спец. 10.01.09 / Мальцева Наталья Николаевна; [Челяб. гос. ун–т]. – Челябинск, 2004. – 239 с.
7. Мильченко Т.С. Свет пушкинского творчества в сборнике Д.М. Торопова "Наутилус" // Зырянские чтения: материалы Всерос. науч.–практ. конф. "VIII Зырянские чтения" / Правительство Курган. обл. [и др.]. – Курган: Изд–во Курган. гос. ун–та, 2010/4. – С. 182–183.
8. Хорошко Е.Ю. Лингвостилистические особенности русского романса : дисс. ... канд. фил. наук. Белгород, 2004. – 196 с.
9. Черва В.Е. Романс в истории русской художественной культуры : дисс. ... канд. культурол. наук. Санкт–Петербург, 1999. – 169 с.
10. Чумаков В. Не уходи, побудь со мной // Портал "Проза.ру" / URL : <https://www.proza.ru/2016/08/27/950> [дата обращения: 16.05.2017 г.]
11. Шорин А. "Наутилус" жег врага... глаголом // Областная газета Свердловской области / URL: <http://www.oblgazeta.ru/society/20718/>

© А.А. Зыков, (az_zykov@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Курганский государственный университет

МЕЖДУ ГАМЛЕТОМ И ДОН КИХОТОМ (к вопросу о театральной и литературной пародии в рассказе А.П. Чехова "Барон")

AMONG HAMLET AND DON QUIXOTE
(About theatre and literature parody in story
"Baron" by A.P. Chekhov)

E. Ivanshina
Y. Yarmonov

Annotation

The article on the material of the story "Baron" raises one of the aspects of the relationship between art and life in the works of Anton Chekhov. During the analysis of the story the clothing of the character is actualized, which is an allegorical props, referring to various literary contexts, allowing you to enter the hero in a certain literary series (Bashmachkin, "underground", don Quixote). Particular attention is paid to the ingenious position, which is allocated to the theater prompter and which allows him to combine the functions of actors and spectators in one person. The hero of the story, despite all his parody, transforms the ordinary place in which he serves, because he plays the role of guardian of the memory of the ideal theater. But, once on stage just for a moment, he was like touching my dream, he is "burnt". In Chekhov's works there is a similar situation: the protagonist, who wants to become a part of the theatrical world, fails in his aspirations.

Keywords: theatre, occupation, allegorical props, case, scandal, underground, parody.

Иваньшина Елена Александровна
Д.филол.н., профессор,
Воронежский государственный
педагогический университет
Ярмонов Юрий Михайлович
Аспирант,
Воронежский государственный
педагогический университет

Аннотация

В статье на материале рассказа "Барон" поднимается один из аспектов проблемы соотношения искусства и жизни в творчестве А. П. Чехова. В ходе анализа рассказа актуализируется одежда персонажа, которая представляет собой аллегорический реквизит, отсылающий к различным литературным контекстам, позволяющим вписать героя в определённый литературный ряд (Башмачкин, "подпольщик", Дон Кихот). Особое внимание уделяется тому остроумному положению, которое отведено театральному суфлёру и которое позволяет ему совмещать функции актёров и зрителей в одном лице. Герой рассказа, не смотря на всю свою пародийность, преображает обыденность места, в котором служит, поскольку играет роль хранителя памяти об идеальном театре. Но, оказавшись на сцене лишь на мгновение, он, словно прикоснувшись к своей мечте, "сгорает". В произведениях Чехова неоднократно встречается подобная ситуация: протагонист, желающий стать частью театрального мира, терпит крах в своих стремлениях.

Ключевые слова:

Театр, служба, аллегорический реквизит, футляр, скандал, подполье, пародия.

Вопрос об отношениях между театром и жизнью начинает осмысливаться ещё в раннем творчестве А. П. Чехова. Одним из примеров выступает рассказ "Барон", опубликованный в "Мирском толке" в 1882 году.

Герой рассказа не имеет собственного имени. По словам повествователя, "прошло уже двадцать лет с тех пор, как его стали дразнить "бароном"..." [8, с. 454]. Прозвище носит иронический характер. Носящий звание барона относится к низшей степени именованного дворянства; иногда барон, баронство берётся в значении дворянства, рыцарства вообще [3, с. 51]. Служебная обязанность чеховского героя заключается в чтении текста актёрам из суфлёрской будки. Этот герой принадлежит не к дворян-

ству или к рыцарству, а к театру, который поднимает его над обыденностью и придаёт смысл его существованию. Барон не имеет ничего в жизни вне театра: его "можно видеть только в трёх местах: в кассе, в суфлёрской будке и за сценой в мужской уборной. Вне этих мест он не существует и едва ли мыслим..." [8, с. 453]. Применительно к чеховскому персонажу именованное его бароном является указанием на роль, вне которой он тоже не существует, поэтому и не имеет другого имени.

Постоянное пребывание в театре как будто превращает главного героя в часть театрального пространства, причём не только физического, но и ментального. Барон настолько вписан в это пространство, настолько неотъемлем от него, что даже его одежда представляет собой

аллегорический реквизит, который выполняет функции не одежды, а театральной памяти. "По правилу аллегорического реквизита, вещь как раз должна быть вырвана из органического контекста; перенесенная в другой контекст, она превращается в мнемонический знак, актуализирующий культурную память как память о тексте, из которого она пришла; образы памяти вторгаются в со-зерцаемую картину, постепенно вытесняя ее из поля зрения. Аллегорическая "вещь" – цитата, интертекстуальная отсылка" [5, с. 223]. М. Ямпольский отмечает, что во Франции и Англии между 1830 и 1860 годами сложился театральный миф, в котором театр предстает как место хаотического нагромождения атрибутов и масок минувших времен, как костюмерная ролей, отыгранных в феодальную эпоху. В связи с этим представлением М. Ямпольский приводит высказывание Теофиля Готье, так определяющего характер времени: "Наши времена обвиняют <...> в том, что они не имеют своего собственного лица и вдохновляются модами прошлого; при этом забывают, что их оригинальность как раз состоит в том, что они являются карнавалом минувших эпох. Это эпоха пародий" [9, с. 21]. Одежда барона для самого барона – овеществлённые и собранные на его теле–вешалке* роли, которые самому ему сыграть не довелось.

** Сравнение тела с вешалкой эксплицировано: "Коричневый сюртук без пуговиц, с лоснящимися локтями и подкладкой, обратившейся в бахрому, – замечательный сюртук. Он болтается на узких плечах барона, как на поломанной вешалке" [452]. С вешалки, как известно, и начинается театр.*

Этот знаковый гардероб разбирается на вещи, которые используются как цитаты: старый сюртук "облекал когда-то гениальное тело величайших комиков" [8, с. 452], бархатная жилетка найдена "в номере, в котором жил могучий Сальвини" [8, с. 452], галстук выкроен из остатков плаща, "которым когда-то покрывал свои плечи Эрнесто Росси" [8, с. 453]. Изъятые из первоначальных театральных контекстов, снятые с плеч великих актёров, все эти предметы, собранные вместе, составляют подобие лавки старьёвщика. Такая лавка, как пишет М. Ямпольский, сама по себе является магическим театром, вызывающим тени прошлого; время лавок старья связано с областью памяти [9, с. 38]. Одежда барона так же связана с памятью, как деньги пушкинского скупого рыцаря, который носит тот же титул. В пушкинском бароне давно распознан не жадина, но поэт, для которого каждый грош в его подвале – жизненная история. То же можно сказать о гоголевском Плюшкине, чей образ близок к образу старьёвщика как символического воплощения поэта или художника. Барон носит на себе не одежду, а символические вещи, в которых материализуются призраки театра. "От моего галстука пахнет кровью короля Дункана!" – говорит герой [8, 453]. Заимствуя вещи великих актёров, он переносит на себя (причём переносит буквально) их роли, живёт в их облачении. Барон пред-

ставляет собой человека в театральном футляре. Функцию футляра выполняют и одежда, и суфлёрская будка.

Но для читателя чеховского рассказа одежда барона отсылает не к тем ролям, которые являются частью его кругозора, а к известным литературным сюжетам, из которых сделан рассказ и которые являются частью кругозора читателя.

К нетеатральной реальности из облачения барона имеют отношение только калоши, которые используются вместо сапог и нужны для того, чтобы не простудить старческих ревматических ног героя. Только ноги не вписываются в театральный центон. Вместе с упоминанием сапог, которые бережёт персонаж, и ролей, которые он переписывает для кого-то, обувь барона, возможно, является косвенной отсылкой к гоголевской "Шинели", герой которой носит "обувную" фамилию. Барон, по сути, похож на Башмачкина: подобно тому, как Башмачкин живёт в мире–тексте, барон живёт в мире–театре. У обоих в этом мире нет выраженной "первоичной" позиции, оба скрыты от реальности: Башмачкин за буквами, которые он переписывает, барон – в суфлёрской будке. К гоголевскому герою нас отсылает и набросок портрета барона: "У него большая угловатая голова, кислые глаза, нос шишкой и лиловатый подбородок" [8, с. 452]. Применительно к Башмачкину употребляются слова с теми же "приблизительными" суффиксами ("несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат" [2, с. 109]). Над бароном и издеваются, как над Башмачкиным: "Заставить его переписать роль и не заплатить ему – тоже можно. Всё можно! Он улыбается, извиняется и конфузится, когда наступают ему на ногу. Побейте его публично по морщинистым щекам, и, ручаюсь вам честным словом, он не пойдет с жалобой к мировому. Оторвите от его замечательного, горячо любимого сюртука кусок подкладки, как это сделал недавно *jeune premier*, он только замигает глазками и покраснеет. Такова сила его забитости и смирения! Его никто не уважает. Пока он жив, его выносят, когда же умрет, его забудут немедленно. Жалкое он создание!" [8, с. 454].

Можно было бы отнести к нетеатральной реальности спирт, который употребляет барон, но и тот казённый, хранится в шкафу, запираемом бутяфором, а шампанское герой находит на доньшках стаканов и бутылок в актёрских уборных. У напитков, употребляемых бароном, та же функция, что и у предметов его гардероба: они позаминствованы из театрального мира.

История жизни барона – история его сложных взаимоотношений с этим миром. Когда-то он намеревался стать артистом и, по словам повествователя, обладал необходимыми данными: "Таланта было много, желания... но не хватило пустяка: смелости" [8, с. 454]. Не решаясь

выйти на сцену, опасаясь неприятия зрителя, осмеяния, от откладывал "на потом" свой дебют: "Ему вечно казалось, что они, эти головы, которыми усеяны все пять ярусов, низ и верх, захохочут и зашикают, если он позволит себе показаться на сцене. Он бледнел, краснел и немел от ужаса, когда предлагали ему подебютировать" [8, с. 454]. Этот страх перед смеющимися и шикающими головами напоминает страх Башмачкина, который тот испытывает при необходимости "переменить кое-где глаголы из первого лица в третье" [2, с. 112].

История барона рассказана таким образом, что мы ощущаем иронию его положения в мире*.

** Это положение можно сравнить с той профессиональной позицией, которую занимает ещё один литературный персонаж - пушкинский гробовщик, не принадлежащий в полной мере ни миру мёртвых, ни миру живых [1, с. 48]. В профессиональной фабуле суфлёра остроумно смешаны позиции актёров и зрителей.*

Из-за нерешительности в молодости герой как будто наказан судьбой: он все время находится в театре, но не может выйти на сцену, потому что его время прошло; актёра в нём видят лишь "новички", принимая его собственный облик за роль:

"— Bravo! Bravo! – говорят они. Вы прелестно загримировались! Какая у вас смешная рожица! А где вы достали такой оригинальный костюм? Бедный барон! Люди не могут допустить, что он имеет собственную физиономию!" [8, с. 453]

Он боялся, что его засмеют на сцене – теперь над ним потешается любой, кто захочет "попробовать своё остроумие" [8, с. 454]. Остроумным и каламбурным является само положение в театральном мире старого суфлёра. Пространственное положение суфлёрской будки – между сценой и зрительным залом – обрекает её обитателя на раздвоение. Он представляет собой пограничный феномен, совмещающая в себе и актёра, и зрителя. Барон счастлив, ведь "... его не выгонят из театра за неимение билета: он должностное лицо. Он сидит впереди первого ряда, видит лучше всех и не платит за свое место ни копейки..." [8, с. 454–455]. Если одежда барона – одежда актёров, то место впереди первого ряда – это место привилегированного зрителя*.

** Вспомним фильм Б. Бертолуччи "Мечтатели", герои которого живут в мире кино (замещают реальность кинематографом) и всегда садятся в кинотеатре на места в первом ряду, чтобы между ними и той реальностью, в которую они погружены, никого не было.*

Находясь в своей суфлёрской будке, он, с одной стороны, актёрствует, а с другой – остаётся зрителем: жестикуют, ругается, размахивает руками, краснеет, бледнеет, зачастую поправляет актёров. Барон не просто является частью театра, он его олицетворённый двойник,

пародия и парадокс. Можно сказать по-другому: он дух театра, его призрак и сторож (суфлёрская будка – подобие собачьей конуры). Театр принято сравнивать с зеркалом, и барон – зеркало этого зеркала, то есть удваивающая феномен театра пародия.

Может показаться, что за годы унижений и насмешек этот безымянный человек попросту стал безликим. Однако в случае с бароном не имеет собственного лица – показатель не несчастья, а слияния с тем миром, которому он целиком принадлежит. Как и Башмачкин, он с неподдельной любовью относится к своему месту в этом мире: "...Обязанность свою исполняет он прекрасно. Перед спектаклем он несколько раз прочитывает пьесу, чтобы не ошибиться, а когда бьёт первый звонок, он уже сидит в будке и перелистывает свою книжку. Усердней его трудно найти кого-либо во всём театре" [8, с. 455]*.

** Ср. с характеристикой Башмачкина: "Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, - нет, он служил с любовью" [с. 111].*

Он настолько пропитан любовью к театру, что не может контролировать эмоции, когда видит прекрасную игру ("...отрывает глаза от своей книжки и перестаёт шептать..." [8, с. 455]) или, наоборот, игру плохую. Иначе и быть не может, потому что положение суфлёра и та палитра невидимых ролей, к которым он причастен, делает его арбитром игры.

Переписывание и перечитывание ролей (очевидно, он читает их и про себя, и вслух) – то занятие, которое ставит суфлёра в ещё одно пограничное положение – между сценой и собственно литературой. Эти две сферы – литература и актёрская игра – в театре существуют неразрывно, и позиция суфлёра, подсказывающего актёрам слова ролей, – позиция, которую занимает литература в театре. Возможно, поэтому, создавая рассказ о суфлёре, Чехов воспроизводит остроумную позицию героя, создавая остроумный текст, отсылающий к различным литературным источникам, текст-целтон, сравнимый с костюмом героя.

Кроме театра другой жизни у героя нет. Как было сказано выше, он нигде не мыслим, нежели как в помещениях театра. В его остроумной профессиональной позиции театр и жизнь сливаются. При этом в мире театра (как бы ни был сам герой рад этому факту) он может рассчитывать лишь на "подпольное" положение, так как фактически его владением, его баронским наделом оказывается только суфлёрская будка, где никто над ним не потешается, а, наоборот, где он оценивает чужую игру и воспринимает её как личное оскорбление или личный успех. Суфлёрская будка – чрево театра и его сердце. Но она же делает её обитателя подпольным человеком как в буквальном, так и в переносном смысле.

Можно сравнить Барона с подпольным героем Ф. М. Достоевского. "Подпольщику" сорок лет, двадцать из них он провёл в "подполье"* . Чеховский герой своё прозвище носит тоже около двадцати лет** .

* "Я уже давно так живу - лет двадцать" [4, с. 453].

** "Прошло уже двадцать лет с тех пор, как его начали дразнить "бароном", но за все эти двадцать лет он ни разу не протестовал против этого прозвища" [8, с. 454].

У обоих нет имени. Практически всю свою предыдущую жизнь "подпольный человек" подвергался насмешкам и издевательствам со стороны окружающих, как и барон, который становится объектом насмешек, когда выходит из своей будки. Барона можно поставить и в один ряд с Чацким, потому что его скандальная выходка делает его "лишним", несоответствующим тому месту, которое отведено ему в театре. Человек, терпящий насмешки и унижения в свой адрес, объявляется "скандалистом", когда во время представления наполовину вылезает из своей будки, потому что не способен вынести фальши актёров. Лишним его объявляет повествователь: "Напрасно терпят этого чудака. Если бы его выгнали, то публике не пришлось бы быть свидетельницей скандала, который произошёл на этих днях" [8, с. 455].

"Скандал предполагает выход из системы и взгляд на неё со стороны, он диктует поведение, которое предполагает незнание или игнорирование её правил. Можно сказать, что скандал является реализацией принципа острашения" [7, с. 9]. В чеховском рассказе скандалом становится выход (точнее, полу-выход) суфлёра из будки: его видят не зрители, а актёры (зрители только слышат его голос). Этот выход героя за отведённые ему суфлёрской должностью рамки является, безусловно, разрушительным для системы "театр". Но, если посмотреть на ситуацию с позиции барона, учинённый суфлёром скандал является реакцией на тот сбой, который возник в этой системе из-за несоответствия актёра роли Гамлета ("Гамлета дали играть мальчишке, говорящему жидким тенором, а главное – рыжему. Неужели Гамлет был рыж? <...> Ему страстно хотелось повыщипать из рыжей головы все волосы до единого. Пусть Гамлет будет лучше лис, чем рыж! Шарж – так шарж, чёрт возьми!" [8, с. 456]). То есть суфлёр в данном скандале и представляет ту самую норму, которая, будучи нарушенной, утверждает себя путём трансгрессии. Интересно, что, определяя скандал, Н. Брукс приводит в пример именно Гамлета: "Скандалист как бы не знает приличий или "забыл" о них, – он часто использует маску безумца (вспомним Гамлета)" [7, с. 9]. И именно Гамлет становится причиной выходки ("вылазки") барона, в чьё сознание такой Гамлет не вписывается. Скандал вызван завистью и злостью, перемешанных с переживанием за театральное искусство: "...Хоть бы раз в жизни ему посчастливилось пройтись по сцене в принцессовой куртке, вблизи моря, около скал..." [8, с. 456]. Барон

начинает делать актёру замечания, прерывает игру и, выскунувшись из будки, сам произносит слова роли. В этот момент герой как бы выходит из подполья и становится актёром. Это его дебют и одновременно служебное несоответствие. Это компенсация за годы невидимой суфлёрской службы. Суфлёр переходит грань и на несколько мгновений присваивает роль Гамлета, перенимая её у рыжего актёра, который тоже не соответствует той роли, которую исполняет: " – Хорош Гамлет! – бранился он. – Нечего сказать! Ха-ха! Господа юнкера не знают своего места! Им следует за швейками бегать, а не на сцене играть! Если бы у Гамлета было такое глупое лицо, то едва ли Шекспир написал бы свою трагедию!" [8, с. 456] Суфлёр разоблачает ложного Гамлета подобно тому, как сам Гамлет у Шекспира разоблачает плохого актёра: "Беседуя с актерами, рыжий Гамлет был ужасен. Он ломался, как тот "дюжий длинноволосый молодец" – актер, о котором сам Гамлет говорит: "Такого актера я в состоянии бы высечь"" [8, с. 457]. В ходе пересказа скандальной выходки суфлёра происходят перекодировки: Барон сравнивает актёра в роли Гамлета с актёром, о котором высказывается Гамлет внутри пьесы как зритель. Суфлёр присваивает роль Гамлета и как актёра, и как зрителя.

С другой стороны, следует отметить, что барон не только "подпольный человек", но и "мечтатель". Сцена для него, подобно мнимой возлюбленной героя "Белых ночей", становится объектом мечтаний: "Если даже мечты заставляют таять не по дням, а по часам, то каким огнём сгорел бы лысый барон, если бы мечта приняла форму действительности" [8, с. 456]. На мгновение мечта барона стала явью. Вероятно, в тот момент он забыл, что стар и лыс. И этого мгновения хватило, чтобы "сгореть", ведь теперь его придётся выгнать из театра.

В творчестве А. П. Чехова часто возникают ситуации, когда герой или героиня, очарованные миром искусства, пытаются стать его частью, но эта попытка оборачивается крахом. Театральный мир представляет собой нечто завершенное, доступное другим людям только в качестве зрелища. У состоявшихся актёров, как правило, нет никакой предыстории, как будто они пришли в этот мир уже таковыми, со всеми своими талантами и пороками. Особым же достает роковое разочарование, так как мир театра не щадит никого. Но относится ли это к герою данного рассказа?

"Рыцарский" титул героя в сочетании с такой одеждой отсылают к ещё одному знаковому литературному персонажу, который символизирует "рыцарство, живущее второй, посмертной жизнью в сознании потомства" [6, с. 331]. Это Дон Кихот. Подобно Дон Кихоту, представляющему идеальный рыцарский роман и живущему в нём буквально, барон представляет идеальный театр. С. Г. Боча-

ров пишет о Дон Кихоте: "Он совершает роман, как жизнь, и он живёт, как в романе" [1, с. 6]. Театр для барона – то же, что рыцарский роман для героя Сервантеса: как сознание Дон Кихота преобразует мир в рыцарский роман, так сознание барона преобразует мир в театр; как Дон Кихот – живое доказательство тождества мира с книгой, так барон – живое доказательство тождества мира с театром; как Дон Кихот – зеркало рыцарства, так и барон – зеркало театра. Для обеих персонажей "нет перехода из реального мира в иллюзию, так как нет <...> такого различия и такого противопоставления" [1, с. 10].

Поэтому жалеть о том, что Дон Кихот или барон живут выдуманной жизнью, что они не имеют собственного лица – значит не понимать их предназначения.

Театр в этом раннем чеховском рассказе, с одной стороны, изображён как вполне обычное место службы, в котором выстроена та же иерархия, что и в любом другом департаменте. С другой стороны, маленький человек, коим является в театре безымянный старый суфлёр, хранит память об идеальном театре, который он воплощает в одном лице. Это и есть подлинное лицо театра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С. Г. О художественных мирах. М.: "Советская Россия", 1985. – 296 с.
2. Гоголь Н. В. Собр. Соч.: В 9-ти тт. Т.3. М.: "Русская книга", 1994. – 560 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь. М.: Художественная литература, 1935. Т.1. – 724 с.
4. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : В 15-ти тт. Т.4. Л.: "Наука", 1989. – 784 с.
5. Пинский Л. Реализм эпохи Возрождения. М.: "ГИХЛ", 1961. – 368 с.
6. Семиотика скандала. М.: "Европа", 2008. – 584 с.
7. Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Сочинения: В 18-ти тт. Т. 1. – М.: "Наука", 1974. – С. 452–458.
8. Ямпольский М. Наблюдатель. Очерки истории видения. – М.: "Ad Marginem", 2000. – 288 с.

© Е.А. Иваньшина, Ю.М. Ярмонов, (sergiencou@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Воронежский государственный педагогический университет

ПАРЕМИЯ В ДИСКУРСЕ (на примере малагасийской лингвокультуры)

Раадранириана Антса Миангола Малала
Аспирант,
Российский университет
дружбы народов

THE PAREMY IN DISCOURSE (on the example of Malagasy linguoculture)

A. Rahadraniriana

Annotation

This article deals with the use of paremia in all types of discourse. This topic is currently relevant in the linguistic sphere due to the prevalence of paremias in different types of communication. The aim of the study was to define the paremia as an element of discourse in the linguistic and cultural aspect. The subject is the paremiological units in the Malagasy language. An important component of the article is the consideration of the proverb as a precedent text. In this article, based on the semantic analysis of the proverbs presented, their significance in Malagasy linguistic culture and the characteristic particularity of oral communication in it will be determined. Our tasks are to analyse the use of paremia in speech or in the text, to consider its place in modern communication, to identify their features in the Malagasy language. Scientific novelty lies in the fact that the use of paremic units in the Malagasy language is described for the first time. This research gives interest to linguistic paremiologists and specialists dealing with the languages of the Austronesian language family.

Keywords: discourse, paremia, precedent text, Internet communication, Malagasy linguoculture.

Аннотация

Данная работа посвящена употреблению паремии в любых типах дискурса. Рассматриваемая тема актуальна в настоящее время в лингвистической сфере в связи с распространенностью паремий в разных видах коммуникации. Цель исследования – определение паремии как элемента дискурса в лингвокультурологическом аспекте. Предметом исследования автора статьи являются паремиологические единицы малагасийского языка. Важным компонентом статьи является рассмотрение пословицы как прецедентного текста. В данной статье на основе семантического анализа представленных пословиц будет определено их значение в малагасийской лингвокультуре и рассмотрены характерные черты устной коммуникации в ней. Задачами данной работы является изучение использования паремии в речи или в тексте, рассмотрение ее места в современной коммуникации, выявление их особенностей в малагасийском языке. Научная новизна заключается в том, что впервые описано употребление паремических единиц в малагасийском языке. Наше исследование предоставляет интерес для лингвистов-паремиологов и специалистов, занимающихся языками австронезийской языковой семьи.

Ключевые слова:

Дискурс, паремия, прецедентный текст, интернет-коммуникация, малагасийская лингвокультура.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс и паремия – важные элементы лингвистики и они взаимодействуют в своих реализациях. Дискурс является центром существования паремии, а паремия – необходимым элементом дискурса, паремия играет важную роль в коммуникативном действии. "Пословицы и поговорки, выступая в роли общественных истин, заключенных в отточенную веками образную форму, подпитывают нашу мысль, дисциплинируют логику суждений, помогают более глубоко высветить новое старым опытом народа" [15, с. 85]. В любом типе дискурса пословицы и поговорки выявляются и телесообразно выполняют функцию прецедентного текста. В современное время, в связи с тем, что средства коммуникация непрерывно развиваются, традиционный способ передачи пословицы, то есть из уст в уста, стал менее употребителен, а интернет-общение выходит на первое место в использовании пословиц и поговорок.

1- Общее понятие "дискурс"

Термин дискурс является широко употребительным в таких научных дисциплинах, как теоретическая лингвистика, в исследовательских направлениях, в психологии, философии, антропологии, теории и практики перевода, политологии,.... и особенно в социологии. С этим связано отсутствие общепризнанного определения этого термина.

В каждой эпохе лингвисты-ученые трактуют по-разному понятие дискурса. Термин, таким образом, является многозначным словом. В данной статье мы рассмотрим дискурс в лингвистическом аспекте, в частности, в его взаимодействии с паремией, выступающей как прецедентный текст.

1-1 Дискурс в лингвистике

Первое толкование понятия дискурс встречается в учении классических философов Платона и Аристотеля (как выражение дискурсивного мышления) и понимается

как эмпирическое мышление [25, с. 36]. В середине XX века возникли несколько основных определений и использований этого понятия. История употребления термина дискурс и его наполнение начинается с трудов американского лингвиста Э. Харриса (1952), который ввел термин "дискурс-анализ". Данное определение дополняет Н.Д. Арутюнова, которая подчеркивает, что дискурс – это "речь, погруженная в жизнь", то есть связанная с экстралингвистическими факторами [1, с. 136]. Таким образом, дискурс раскрывает социальное действие, вписывающееся в коммуникативную ситуацию и в диалоговое действие.

Помимо этого, наполнение термина дискурс может быть прослежено от французского слова 'discours', означающего "речь", в концепции дискурса в русле французского структурализма и постструктурализма. В данном случае речь идет, прежде всего, об учении французского философа М. Фуко, который описывает речь как стиль коммуникации, т.е. выражение в определенной социальной тематике (историческое событие), имеющее специфический способ убеждения (или особое знание): "... перед нами откроются беспредельные области, которые мы в состоянии будем определить, ибо они обусловлены совокупностями всех актуализированных высказываний (написанных или произнесенных) в событийном рассеивании и в настойчивости, соответствующей каждому из них" [18, с. 29]. Следует отметить, что в этом толковании лингвист М. Пешё и такие языковеды, как А. Греймас, Ж. Деррида [5, с. 164], отчасти модифицировали наполнение данного термина, представляя его как средство актуализации речи. В результате этого в лингвистике возникли такие терминологические сочетания как политический дискурс, медийный дискурс, технический дискурс, медицинский дискурс и др.

1-2 Дискурс как текст и его развитие

Одним из общепризнанных признаков дискурса является его близость с текстом, например, в работах многих лингвистов-философов. Так, по мнению В.Г. Борботько, текст является более общим понятием, чем дискурс. Не все тексты являются дискурсом, а дискурс – частью текста [3, с. 8]. Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что дискурс – это связанный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. В концепции Ю.С. Степанова дискурс – это, прежде всего, тексты, но не только они. [17, с. 37]. "Концепция дискурса вносит его определение как текста в совокупности с широким экстралингвистическим контекстом принципиальное уточнение: под контекстом понимается непосредственно обществственный контекст, историческая социокультурная, политическая и идеологическая практика" [2, с. 3]. В концепции Т. ван Дейка дискурс является актуализированным текстом с понятием коммуникативного события [7, с. 122].

Исходя из анализа ряда определений дискурса, мы предлагаем общую характеристику данного термина, та-

ким образом, дискурс основывается на коммуникативном событии и на требовании экстралингвистического понимания у участников коммуникации. В связи с этими необходимо иметь достаточное знание о представленной теме для того, чтобы защищать и аргументировать свое мнение или свою информацию. В этом качестве могут выступать паремии как прецедентные тексты, играющие роль актуализации высказываний в устном или письменном дискурсах. В настоящее время, в лингвистике отмечается изменение традиционной формы пословиц в современной коммуникации при развитии интернет-технологий. Несмотря на это, во всех языках мира исходные или трансформированные формы пословиц активно используются в интернет общении и в социальных сетях.

2- Пословицы как прецедентный текст любого дискурса

2-1 – Определение

Многозначность термина "прецедентный текст" обусловлена разными интерпретациями термина "текст". В дискурсе, на наш взгляд, необходимо опираться на работы Г.Г. Слышкина, в которых представлена следующая классификация прецедентного феномена по его социальной значимости распространения:

1. социумно-прецедентные феномены: эти феномены известны людям одного социума, независимо от национальности. Тем не менее, они делятся на макрогрупповые прецедентные, то есть для большой группы людей (профессиональная группа, группа одноклассников...) и микрогрупповые прецедентные феномены для маленькой группы людей, то есть обычно для семейной группы;
2. национально-прецедентные феномены: та категория, которая должна быть известна всем представителям одного национально-лингвокультурного сообщества;
3. универсально-прецедентные феномены, которые известны среднему современному homo sapiens и входят в "универсальное" когнитивное пространство человечества.

Прецедентные феномены являются разнообразными по своей форме: различаются прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные имена. В разных типах дискурса [13, с. 104] зачастую используются прецедентные тексты, с помощью которых говорящий ссылается на исходный текст, связанный с языковым национальным сознанием. По Г. Г. Слышкину, прецедентный текст – это "любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательностью знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы" [16, с. 28].

Современное коммуникативное развитие связано с использованием в тексте других текстов, на которые

ссылаются пользователи. В этом есть сущность прецедентного текста. Ю.Е. Прохоров уточняет, что "прецедентные тексты есть принадлежность к языковой культуре данного этноса, использование которых связано с их достаточно стерео типизированной форме в стандартных ситуациях речевого общения" [14, с. 155]. Выдающийся лингвист Ю.Н. Караулов называет прецедентный текст значимым "для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности" [9, с. 216].

В широком смысле прецедентный текст обладает текстовыми функциями и к нему относятся те слова или выражения, которые известны носителям национально-лингвокультурного общества, в том числе крылатые слова, пословицы и поговорки, афоризмы, говорящие имена, цитаты из художественной литературы и т.п. общеизвестные отдельные или связанные слова в конкретной лингвокультуре.

Использование данного феномена в речи или в тексте является знаком высокой культуры и знаний говорящего. Прецедентный текст позволяет, с одной стороны, коммуниканту аргументировать и актуализировать речь, показать свой уровень знания, и с другой стороны, слушателю вступить в мир высокой культуры собеседника и поощрить его страсть к интеллектуальному росту. Следовательно, прецедентный текст выступает чаще всего в виде примера, иллюстрации, доказательства представленного аргумента. Одним из частотных используемых видов прецедентных текстов является паремия.

2-2 Паремия как прецедентный текст

В современном мире распространяется использование пословиц и поговорок, крылатых выражений в политической речи, в языке СМИ, в научной литературе, в образовательной дискуссии или просто в беседах в повседневной жизни.

Паремия, термин, определяющий пословицы и поговорки, является значимой единицей в лингвистике. Следует отметить, что паремия обладает всеми характеристиками текста. Действительно, это минимальный художественный текст, и как слово – ее воспринимают по индивидуальному вкусу в зависимости от уровня языковой личности человека. В связи с этим, чаще всего она используется в речах интеллектуальных людей, так как сама паремия содержит высокоуровневое значение и требует достаточного уровня понимания пользователей.

В пословицах прямо или переносно отражается жизненный опыт народа, который представляется через наблюдение свойств людей и явлений, их оценивание и предписание определенного образа действия.

Итак, по Г.Л. Пермякову, использования пословицы как прецедентного текста выполняет в основном следующие функции: аргументативную, поучительную, орнаментальную, развлекательную, аттрактивную [12, с. 254–255]. Нужно подчеркнуть, что пословица может выполнить разные функции одновременно. В политическом дискурсе паремия может быть использована в качестве введения или призыва к вниманию слушателей: в качестве примера нами предлагается к рассмотрению отрывок речи президента Российской Федерации В. В. Путина в ответ на призывы США вернуть Крым Украине: "... Есть древняя пословица: 'Что позволено Юпитеру, то не позволено быку' Но медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. И тайги своей не отдаст. К нам не лезьте и не корчите из себя вершителей судеб мира" (www.yaplakal.com) В бытовых диалогах пословицы играют роль резюме и украшения.

В любом дискурсе реферирование с помощью пословицы – это средство выразиться лаконично, содержательно и качественно. Паремия усиливает выразительность и образность дискурса и оказывает воздействие на человека на разных уровнях, охарактеризовывает языковую личность участников дискурса: в процессе протекания акта коммуникации измеряется языковая личность участников: умение передать смысл говорящего и уровень понимания слушающего. Выбор пословицы и поговорки и их употребление в речи рассматриваются как характерная черта языковой личности. "Обильное насыщение речи шаблонами, стандартными выражениями и автоматически воспроизводимыми фразами свидетельствует об известной консервативности, стабильности, однолинейности и однопрограммности данной языковой личности" [15, с. 80]. Поэтому текстовые функции и прецедентное свойство пословиц обуславливают специфику ее употребление в речи.

Как прецедентный текст пословица должна быть связанной с другими частями текста, быть произносима в определенной ситуации для достижения определенного эффекта, ожидаемого пользующимся пословицей. Место ее расположения определяет не только ее речевую роль, но и коммуникативную цель пользователя. По мере того, как пословица выполняет функции аргументации в дискурсе, она произносится после представления главной идеи.

Следует отметить, что выбранная пословица должна контекстуально соответствовать представленной ситуации. Предполагается, что содержание прецедентного текста, или паремии в нашем случае, должно быть уместно для данного типа дискурса. Этот речевой контекст пословицы добавляет ей дополнительные нюансы смысла, позволяет говорящему актуализировать его речь. Это и есть текстовый смысл пословицы. Кроме этого, необходимо учитывать, что пословицы имеют традиционное

духовное содержание и отражают унаследованную культуру конкретного народа. Использование пословиц как прецедентного текста не должно терять их фонового значения. В этом есть задача лингвокультурологии, предметом которой В. А. Маслова определяет "паремиологический фонд языка, поскольку большинство пословиц – это стереотипы народного сознания, дающие достаточно широкий простор для выбора" [10, с. 12].

3 -Пословицы в интернет-дискурсе

Ранее распространение пословиц опиралось на контексты в литературных произведениях или на необычные случаи в повседневной жизни старого поколения, выражаемые в их разговорной речи. В настоящее время новые технологии позволяют расширить область использования пословиц в коммуникативном действии.

Известно, что письменный и разговорный стили языка отличает друг от друга, и поскольку письменная коммуникация детально фиксируется, адресат может сделать предположение о том, как адресанту удалось использовать какие-то единицы или выражения. В связи с этим соприкосновение разговорного и письменного стили в интернете дает лингвистам другую исследовательскую задачу. Имеется в виду дискуссионный интернет-форум, в котором пересекаются устное общение и письменная форма, и происходит расширение арсенала лингвистических средств, в том числе использования пословиц.

Исследователь Роберт Арпо [19, с. 279] анализирует новое сочетание старых форм коммуникации во взаимодействии на интернет-форумах. Из всех письменных форм общения только личный дневник, письма редактору и переписки в СМС или по электронной почте существовали до онлайн-текстов. Распространившееся употребление пословиц в разговорной речи в виртуальной форме общения позволяет народной мудрости легко передаваться от поколения к поколению, таким образом, любая пословица выполняет задачу передачи языковой традиции. Американский лингвист-фольклорист Стивен Д. Уиник считает, что распространение пословиц, опубликованных ранее в сборниках и признанных принадлежащими к определенной традиции, остается важной формой сохранения этнической культуры [24, с. 573]. Существование интернет-форумов является теперь актуальным средством распространения этих пословичных выражений. Тем более, что пословицы, усвоенные в виртуальном контексте, выходят на новый этап своего развития как традиционной формы. Употребление пословицы, известной адресантам и адресатам, вызывает у них чувство "общего языка"; ознакомление адресатом с новой пословицей подталкивает его к принятию соответствующего утверждения и внесению паремии в пассивный состав своего лексикона.

Следует отметить, что феномен трансформации пословиц или так называемый феномен антипаремии стал особо распространенным именно в интернете. Матти Кууси пишет: "Проблематика, касающаяся возникновения, распространения и стилистических приемов слоганов и пословиц в значительной степени сходна" [15, с. 17]. Употребление трансформированных пословиц действует в современной культуре так же, как традиционные пословицы действовали в традиции предыдущих поколений. Они расширяют социальные навыки, поддерживают в культуре чьи-то идеи и являются прецедентным текстом.

Например:

◆ Паремия: Время – лучший доктор.

Трансформированная паремия: Время – лучший доктор, но плохой косметолог [4, с. 78];

◆ Паремия: Aleo very tsikalakalam-bola, toy izay very tsikalakalam-pihavanana. 'Потеря денег лучше чем потеря дружбы' (здесь и далее перевод наш – А.М.).

Трансформированная паремия: Aleo very tsikalakalam-pihavanana, toy izay very tsikalakalam-bola 'потеря дружбы лучше чем потеря денег' [forum.serasera.com];

◆ Паремия: Ny fo rano mafana: ny tendrom-po tsy mba namana 'сердце как горячая вода: первые действия после гнева – не всегда правильные',

Трансформированная паремия: Ny fo ranomafana 'сердце как горячая вода' [www.midi-madagasikara.mg] или только: Ny tendrom-po tsy mba namana 'первые действия после гнева – не всегда правильные' [www.lagazette.dgi.com].

Чаще всего в трансформированных пословицах изменяется два-три слова и происходит расширение или изменение значения, с целью быть уверенным в том, что идея дойдет до читателя. Это вызывает стремление читателей использовать антипаремии в своей речи, в общении, в частности, в сети.

Пользователи сети интернет лаконично выражают свои мысли. Длинных сообщений или комментариев оказывается немного. Большинство коммуникантов использует фразеологические клише либо пословичные выражения, трансформированные или нет, добавляя два-три слова, или, наоборот, удаляя часть пословицы, особенно в комментариях. Таким образом, на практике тот, кто употребляет пословицы как комментарии или как ответ, просто вспоминает ее как нечто цельное применительно к предлагаемой ситуации, и хочет, по крайней мере, подвести беседу к очевидному заключению.

Итак, в настоящее время лингвистами, изучающими паремии в интернет-общении, не создано достаточного количества работ, посвященных паремиям; людей, признающих эффективность распространения пословиц в

интернет-форумах, также еще не достаточно много. Это определяет актуальность нашего исследования.

4 - Пословицы в малагасийской лингвокультуре

4-1 Определение пословицы в малагасийском языке:

Термин "пословица" в малагасийском языке переводится как 'ohabolana', от слов ohatra, что означает 'образец или пример', и volana – 'месяц, луна' или 'речь'. Итак, ohabolana – это результат наблюдения повседневной жизни, который красиво выражен словом или словосочетаниями. Мадагаскар – это общество, в котором преобладает устная форма речи, а пословица является художественным произведением, в котором эстетические чувства сочетаются с этическим измерением. Таким образом, словесное красноречие измеряется частотностью пословиц, воспроизведенных во время каждого устного выступления. Пословица – это текст, лаконичный, точный и легко запоминаемый из-за ритмически организованной формы.

На Мадагаскаре всякий качественный оратор имеет мнемотехническую способность для того, чтобы прозвучала та или иная убедительная пословица в его речи, и, одновременно, был создан художественный мост в эмоциональных обменах собеседников. Умение привлекать внимание аудитории благодаря точности выражения, укрепляя его эмоционально наполненными пословицами, является гениальным словесным искусством. В коммуникативном действии с помощью пословицами, возможно, сочетать серьезность к релаксации, строгость рассуждений и простоты юмора. Одним словом, в малагасийской лингвокультуре пословица оживляет и украшает речь.

Определяя функцию пословицы, Е. Р. Мангалаза подчеркивает, что "comme une corde habilement tressée, cette catégorie de parole que sont les proverbes, sert à lier, pour mieux empaquetter toutes les expériences sensibles et cognitives des uns et des autres pour enrichir ainsi le patrimoine culturel du groupe. A l'image d'un fagot de brindilles, il n'y a que les idées bien ficelées par les proverbes qui sont faciles à transporter sans qu'elles risquent d'être défaites en chemin par le vent de l'oubli" 'Подобно искусно плетеной веревке, эта категория слов, которые являются пословицами, используется для связи, чтобы лучше упаковать все чувствительные и познавательные переживания каждого из них, тем самым привлекая культурное наследие группы. Точно так же, как пучок веток, есть только идеи, хорошо привязанные пословицами, которые легко передать, не рискуя быть побежденными по пути ветром забвения' [23]. В связи с этим, среди общих функций пословиц задача поучения является основной в данной лингвокультуре.

Известно, что пословицы возникают из жизненного и опыта и присутствуют во всех сферах общения, они диктуют нормы поведения данного народа. Тем более, что количество безграмотных людей является значительным, особенно в далеких деревнях острова. Приведем примеры:

◆ Manan-joky afak'olan-teny, manan-jandry afak'olan'entana 'есть старший – освобождаешь от речи, есть младший – освобождаешь от ношения багажа'.

Итак, пословицы служат пропуском в малагасийское мировоззрение для того, чтобы понять уникальность данного социума.

4-2 Использование пословицы в речи

Человеческая память не способствует запоминанию целой речи по определенному поводу, но можно вспомнить одно выделенное предложение, называемое пословицей. Ее употребление в речи или в каком-либо дискурсе имеет прецедентный характер. На Мадагаскаре умение правильно применить пословицу – это значительное преимущество для статусной социальной позиции. Такая способность принимается как знак осторожного отношения к ее обладателю с одной стороны, и доказательство его знаний и умений, с другой. " Car les proverbes ont, aux yeux des malgaches, cette vertu magique de pouvoir metamorphoser la banalité du quotidien et l'insignifiance d'un fait en une réelle source d'émerveillement" 'Пословицы имеют, в глазах малагасийцев, эту магическую добродетель способность трансформировать банальность повседневной жизни и ничтожество факта в настоящий источник чуда' [20, с. 2].

В качестве примера, на Мадагаскаре в неожиданной ситуации образованный человек не говорит просто:

◆ Tena tsy nampoziko iny 'это вообще неожиданно', а говорит:

◆ Tifi-danitra nahavao tany, tsy araky ny nampozina 'Выстрел в воздух, который попадает в землю, не соответствует ожидаемым результатам'.

Такая резкая пословица добавляет речи свежесть и убедительность. Это метафорическое красноречие, содержащее "волнистую мысль" [20, с. 2], восходит к старинной малагасийской философии.

Красота пословицы может быть связана не только с ее метафорическим значением, но она может иметь также философское значение. В этом смысле пословица является примером или парадигматической моделью для того, чтобы описать незначительное действие: например:

◆ Mandrora mitsilany ka mahavao tena 'плевать, лежа на спине, и так плюнуть на себя' – употребляется, когда мы делаем зло кому-либо, и оно к нам возвращается;

◆ Sakamalao sy havozo, ka samy mitondra ny hani-
tra ho azy 'имбирь и анис: у каждого из них свой аромат'
– произносится при споре о вкусах.

С другой стороны, мы замечаем, что пословицы со-
держат нравоучения. Это "чистая истина", здравая мысль,
которую каждый может применить для себя.

Пословицы не понимаются по первому значению их
компонентов, их нужно изучить с точки зрения когнитив-
ного подхода. Использование пословиц измеряет уро-
вень зрелости человека, "Parole de maturite de l'homme
adulte" [20, с. 3] 'слово зрелости взрослого человека'.

В малагасийской лингвокультуре пословицы исполь-
зуются в разных ситуациях:

◆ они украшают общение в повседневной жизни,
например,

Aza manantena haren-drahalahy 'не рассчитывай на
богатство брата',

Soa kenda hahay mitsako, soa lavo hahay mamindra 'хо-
рошо задушить, чтобы научиться жевать лучше, хорошо
падать, чтобы научиться ходить лучше',

Aleo manontanitany foana hihomehezana, toy izay
hapaonao foana hotezerana 'лучше спрашивать, и засме-
ются люди, чем сделать плохо';

◆ пословицы обязательно присутствуют в ритуале
обмена речей (kabary ifamaliana) во время предложения
руки у родителей невесты, например,

Anambadian-ko namana, iterahan-ko dimby 'женятся
чтобы быть вместе, рожают ради наследника',

Miteraaha fitolahy, fitovavy 'рожайте по семь мальчиков,
и по семь девочек',

Ny fanambadiana toy ny lamban'akoho, ka faty no isara-
hana 'свадьба как перо курицы – будет с вами до самой
смерти',

Ho katsaka ladinim-bahy, ka hifaningotra aman'aina 'ку-
куруза (плод) готова тогда, когда уже не растёт стебель';

◆ также паремия обязательно прозвучит при теле-
визионных дебатах политических лидеров, например,

Kabary misy hena ratsy, ka izay mahery vava no ambon-
injato 'речь с плохим мясом, тот кто много говорит, полу-
чит плохой результат',

Ny teny ifamaliana mahamasina mpanjaka 'обмен сло-
вами усиливает авторитет власти',

Arivo teny, zato kabary: faran'ny teny ifanatrehana 'сто
речей, тысячи слов, последнее слово закончится спора-
ми'.

Малагасийская пословица связана со всеми измере-
ниями жизни, соответственно произносится в разных ти-
пах дискурсов. Таким образом, подтверждается ее пре-
цедентный характер. Пословица используется:

◆ в обычных посещениях друзей или семьи, напри-
мер,

Izay mahavangivangy tia an-kavana 'чаще приходишь в
гости к семье, любишь ее больше',

Aza mandalo tanana misy havana 'не проходите мимо
дома родственников',

Misy rony, miara-misotro; misy ventiny, miara-mitsako
'если бульон – выпьем вместе, если кусочек (мяса) – жу-
ем вместе',

Ny andro iray ihaonana toy ny zato andro 'один день,
проведенный вместе, лучше ста, проведенных врозь',

◆ в представлении соблезнований, например,

Ny aina aloka aman-javona: mielina dia lasa 'жизнь – это
тма и дым, пройдёт и больше не вернется',

Izao isika izao maty iray fasana, velona iray trano 'мы
едины в смерти, едины в жизни',

Ny enta-jaray mora zaka, ny fahoriana iaraha-mitondra
maivana 'совместное дело легче нести, совместную пе-
чаль легче перенести',

Tsara levenana ny maty, heni-kaja henim-boninahitra ny
velona 'умеривший похоронен, а живущие полны уваже-
нием и славой',

◆ по случаю поздравления новорожденного, на-
пример,

Arahabaina fa nomen'Andriamanitra ny fara aman-
dimby 'поздравляем за то, что Бог дал наследника',

Raha lahy nahazo tafika, raha vavy nahazo mpatsaka
'если мальчик – то солдат, а если девочка – та, которая
ходит за водой'.

Важно отметить, что малагасийская пословичная те-
матическая группа "Множество людей" относится к мо-
лодым и старым, к инвалидам, таким как прокаженным,
слепым, глупым или глухим, к ленивцам, безумным, к пья-
ницам.

Также пословица относится к минеральному, к расти-
тельному или к животному миру, и т.п. так как "Les
proverbes denotent la situation, ils rattachent la situa-
tion a laquelle ils font reference a une classe de situation
reconnue. On s'en sert dans la conversation de la vie quoti-
dienne, dans les contes, dans l'education des enfants, ou les
proverbes ont une fonction didactique manifeste" [20, с. 5]
'Притчи обозначают ситуацию, они соотносят ситуацию, к
которой они относятся, к классу признанной ситуации. Он
используется в разговоре повседневной жизни, в сказ-
ках, в воспитании детей, где пословицы имеют четкую ди-
дактическую функцию'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог данной работе, мы наблюдаем, что ре-
ферирование с помощью паремии в речи или в тексте яв-
ляется универсальным способом аргументирования лю-
бой мысли по любой тематике. В последнее время интер-
нет-общение увеличивает частотность использования
паремий и помогает в их распространении в любом язы-
ке мира, в котором используются как исходные, так и
трансформированные ее формы употребления.

Пословицы имеют текстовый характер и прецедентные свойства, таким образом, они выступают как прецедентный текст в речи.

В традиционном социуме Мадагаскара пословицы иг-

рают значительную роль в устном общении. Они присутствуют во всех сферах жизни, включены в разные обрядовые комплексы, в обыденной жизни. В малагасийском обществе их применение оценивается как свойство высокого уровня интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс. М.: Большой энциклопедический словарь, 1998. 412 с.
2. Бакирова А. А. К вопросу о разграничении дискурса и текста в языкознании. URL: http://docviewer.yandex.ru//831_Bakirova_A.A..pdf (дата обращения: 10.03.2018).
3. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный: ЧИГУ, 1981. 480 с.
4. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский дом "Нева", 2005. 576 с.
5. Ващекина Т. В., Абакумова О. Б., Шмарев Д. С. О референциальной типологии, оценке и культурных кодах в пословицах // Единицы языка и речи: типология, функционирование, семантика: коллективная монография. Орел: ОГУ, 2012. С. 14–19.
6. Даль В. И. Пословицы русского языка. М.: Художественная литература, 1957. 992 с.
7. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
8. Иванова Л. А., Сквородникова А. П., Ширяева Е. Н. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, 2011. 840 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
10. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2001. С. 3–36.
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских пословиц и поговорок. Более 45 000 образных выражений. Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО "ОЛМА Медиа Групп", 2008. 800 с.
12. Пермяков Г. Л. К вопросу о структуре паремииологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 247–274.
13. Перфильева Н. В., Новоспасская Н. В., Лазарева О. В. Эффективность коммерческого имени // Вопросы психолингвистики. 2017. 3(33). С. 92–108.
14. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Эксперимент, 1996. 257 с.
15. Паремииология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремииологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. Сост.: Бредис М. А., Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Мокиенко В. М.. Под ред. Ломакиной О. В.. М.: ЛЕНАНД, 2015. 304 с.
16. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
17. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. 432 с.
18. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
19. Arpo R. Discussion cultures on the internet. Joensuu: Joensuu yliopisto, 2005.
20. Fanony F. Ohabolana betsimisarak (Proverbes betsimisarak). Universite de Toamasina. [Электронный ресурс]: URL: http://www.anthropomada.com/ibliotheque/FANONYFulgence-ohabolana_betsimisarak_ou_proverbes.pdf (дата обращения: 10.03.2018).
21. Harris Z. Discourse analysis. Language. 1952, vol. 28, №1. P. 1–30.
22. Houlder J. A. Ohabolana, ou proverbes malgaches. Tananarive: Imprimerie Lutherienne, 1990. 216 p.
23. Mangalaza E. R. Sensibilites malgache. Paris: Revue Hermes, 40. 2004. P. 84–86
24. Winick S. Intertextuality and Innovation in a Definition of the proverb Genre. Essen: Schneider Verlag Hohengehren, Baltmannsweiler, 2003. P. 571–601.
25. URL: http://docviewer.yandex.ru//002_chast_pervaya_I_Aristotel_28-43.pdf (дата обращения: 14.03.2018).

© А.М.М. Раадранириана, (antsaah88@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Открой Мир в одном
Университете!

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА УСИЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ (на материале современного английского языка)

LANGUAGE MEANS OF INFLUENCE
STRENGTHENING IN ENGLISH POLITICAL
SPEECH (based on contemporary English)

G. Ramberdiyeva

Annotation

The article is devoted to the English language expressiveness means and appropriateness of their use to make appeal suggestion function as strong as possible. As means of political speech appeal function intensification there stand out metaphor, epithet, pun: lexical, root, semantic reiteration, antithesis, inversion, cataphora.

Keywords: political propaganda, speeches of politicians, functional semantic category of appeal, expressiveness, stylistic devices, metaphor, pun.

Рамбердиева Гайша Сыралханкызы
Аспирант,
Оренбургский государственный
педагогический университет

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению экспрессивных средств английского языка и закономерностей их использования для усиления реализации апеллятивной функции побуждения адресата к совершению действия в текстах английских политических выступлений. В качестве языковых средств усиления апеллятивной функции текстов политических выступлений выделяются метафора, эпитет, игра слов, лексический, корневой, семантические повторы, антитеза, инверсия, катафора.

Ключевые слова:

Политическая пропаганда, выступления политиков, функционально-семантическая категория апеллативности, экспрессивность, стилистические средства, метафора, игра слов.

Представление об образе адресата текста политического выступления, целенаправленная обращенность к данному адресату, заложены в основу порождения текстов политических выступлений. Отличительным признаком данных текстов является наличие ФСКА (функционально-семантическая категория апеллативности), значением которой является побуждение определенного адресата к совершению речевого или посткоммуникативного действия [5].

Пропагандист ориентируется на целевую аудиторию, с которой он вступает в диалогические отношения, выстраивая свою публичную речь таким образом, чтобы добиться назначенной цели, а именно убедить аудиторию принять определенную точку зрения, скорректировать взгляд на окружающую политическую действительность, стимулировать к запоминанию и ретрансляции описанных исторических фактов. При этом пропагандист, тщательно планируя и формируя свое пропагандистское выступление, антиципирует возможности и способности восприятия политической картины мира самой широкой аудиторией слушателей и, соответственно, выстраивает свою речь, формируя определенную стратегию завоевания внимания адресата с помощью языковой игры [7, с. 11].

Поведение языковой личности политического пропагандиста является интенциональным, что обуславливает его стремление эффективно воздействовать на свою аудиторию через демонстрацию политических знаний, личного мнения, оценок политической ситуации. Примером сказанному может служить выступление американского президента Б. Клинтона перед журналистами 11 декабря 1998 г. в Белом Доме. Американский президент призывает американцев простить его за допущенные им ошибки и оплошности, не отказывать в доверие. Данное выступление было ответом президента на обвинение в маnipуляциях со стороны его оппонентов.

Выступление начинается с экспрессивного речевого акта приветствия "Good afternoon" [15]. Весь текст публичного выступления можно рассматривать как экспрессивный речевой акт извинения, побуждающий целевую аудиторию, в которую входят журналисты, принять извинения и сохранить доверие к Б. Клинтону как к президенту США.

Степень признания Б. Клинтонem своей вины и допущенных ошибок, которые он считает досадными и готов исправить, находит свое выражение уже в названии текста выступления "I Am Profoundly Sorry" [15], экспрес-

сивный потенциал которого усиливается эпитетом "profoundly".

Profoundly - stemming from the depths of one's nature / глубоко; intensely / сильно; extensively / основательно [10].

Б. Клинтон, как оратор, выражая свое извинение, обозначает в качестве косвенных адресатов все отечество (the country), Конгресс (the Congress), своих друзей (my friends) и родственников (my family).

I never should have misled the country, the Congress, my friends or my family. Quite simply, I gave in to my shame. I have been condemned by my accusers with harsh words [15] (Выделено нами, Р.Г.).

Воздействие на адресата в данном случае находит свое выражение при помощи совокупности следующих стилистических средств: метафоры (*mislead = lead or guide in the wrong direction / give false or misleading information to; give in = yield; admit defeat*), метафоры и эпитета (*harsh = rough or grating to the senses / stern, severe, cruel*), вводного слова (*Quite simply*), слов-усилителей (*never; to my shame*) [15].

What I want the American people to know, what I want the Congress to know is that I am profoundly sorry for all I have done wrong in words and deeds [15] (Выделено нами, Р.Г.).

Не менее важным средством усиления воздействия являются также лексический (*What I want, profoundly sorry, the Congress*) и семантический (*the American people / the country*) повторы.

Используя лексический и семантический повторы, адресант политического выступления добивается большей семантической связности своей политической речи и эффективности воздействия на сознание и подсознание реципиента.

В следующем фрагменте данного текста политической пропаганды, мы можем заметить, что средствами усиления воздействия на адресата с целью принять точку зрения адресанта являются также корневой (*profoundly, profound*), семантический повторы (*shame, remorse*), усиленные наличием литоты (*mere = being nothing more than something specified*) [10].

Mere words cannot fully express the profound remorse I feel for what our country is going through and for what members of both parties in Congress are now forced to deal with [15] (Выделено нами, Р.Г.).

Важным способом усиления прагматической цели побуждения адресата к действию является также антитеза (*As anyone close to me knows, for months I have been grappling with how best to reconcile myself to the American people... / Others are presenting my defense on the facts, the law and the Constitution [15] (Подчеркнуто нами, Р.Г.).*

Активное использование антитезы в текстах политической пропаганды, на наш взгляд, мотивировано выражением личной оценки и критического отношения к политической обстановке в мире. Использование речевой стратегии контраста/противопоставления помогает усилить эффект вовлечения адресата в политический контекст.

Не менее важным средством воздействия в политических выступлениях является также инверсия.

Painful as the condemnation of the Congress would be, it would pale in comparison to the consequences of the pain I have caused my family. There is no greater agony [15] (Выделено нами, Р.Г.).

Инверсия (в предложении "Painful as ...") в данном случае демонстрирует рематическую специфику – новизну информации для адресата (*rainful = causing pain; distressing / extremely bad*). Добавляет экспрессивности данному отрывку метафорический эпитет в словосочетании "greater agony" (*great (= relatively large in size or extent; big / extreme or more than usual)*, *agony (= acute physical or mental pain / anguish)*) [10].

Should they determine that my errors of word and deed require their rebuke and censure, I am ready to accept that [15].

Инверсия в данном случае обусловлена эллиптически (*Should they determine... = if they determine...*) и связана, очевидно, со стремлением автора политического выступления быть более эксплицитным при выражении извинений перед большой аудиторией.

Реализации воздействия в тексте политической пропаганды способствует также и наличие вспомогательного глагола *do* в повествовательных неотрицательных предложениях.

And while it's hard to hear yourself called deceitful and manipulative, I remember Ben Franklin's admonition that our critics are our friends, for they do show us our faults [15] (Выделено нами, Р.Г.).

Вспомогательный глагол *do* в данном случае связан с выражением рематичности сказуемого (выделяемости в рамках актуального членения части предложения, представляющей собою коммуникативный центр высказывания и несущей сообщение (новую информацию) о предмете высказывания – теме) и имплицитного смысла, обусловленного подчеркиванием ключевой значимости "в самом деле / действительно".

Стратегия убеждения данного текста политического выступления усиливается при помощи катафоры как употребления слова, в семантику которого входит отсылка к другим словам и словосочетаниям, следующим далее в тексте).

So nothing, not piety, nor tears, nor wit, nor torment can alter what I have done [15] (Выделено нами, Р.Г.).

Убедительности воздействия политической пропаганды служит широкий ассортимент политических терминов и реалий. Использование политических реалий обусловлено прагматическим желанием адресанта, повышая общественно-значимый статус пропагандистского текста, внушить адресату определенную мысль. Повышение общественно-политического статуса осуществляется привнесением в текст политических реалий. Так, например, в речи посвященной после голосования "выхода Великобритании из Евросоюза" Д. Камерон опирается на такую политическую реалию, как *European Union* (=Европейский союз, экономическую ассоциацию, объединяющую в настоящее время 28 европейских государств), внушая британцам, что они являются нацией, с мнением которой должны считаться все другие страны мира.

В иной публичной речи Д. Камерон опирается на такую политическую реалию, как "Prime Minister" (=the head of a parliamentary government, премьер-министр) [10].

You are the greatest team a Prime Minister could ever have [12].

Использование политической реалий здесь связывается с коммуникативной стратегией одобрения, похвалы и комплимента, выраженного метафорой *team* и эпитетом *greatest*. При помощи данной метафоры и эпитета Д. Камерон добивается симпатии со стороны британцев, стимулирует их разделить его точку зрения на будущее Великобритании и воплотить ее в жизнь.

Многие публичные выступления Д. Камерона изобилуют географическими реалиями. Приведем примеры (в примерах выделено нами, Р.Г.):

The Conservatives, winning across Wales; on the march in the Midlands.

Bolton West, Derby North, Berwick, Wells - Conservative once more...

...Gower for the first time ever.

The North, more Tory; the South, the East, almost a clean sweep...

...and Cornwall - that wonderful county - 100 per cent Conservative. [12].

Wales (a principality that is part of the United Kingdom, in the west of Great Britain, Уэльс), the Midlands (the central counties of England, including Northamptonshire, Warwickshire, Leicestershire, Nottinghamshire, Staffordshire, Derbyshire, the former West Midlands metropolitan county, and Worcestershire: characterized by manufacturing industries),

Bolton West (a town in NW England, in Bolton unitary authority, Greater Manchester: centre of the woollen trade since the 14th century; later important for cotton),

Derby (an annual horse race run at Epsom Downs, Surrey, since 1780: one of the English flat-racing classics),

Berwick (a former county of Scotland),

Wells (a city in SW England, in Somerset),

the Gower (a peninsula in S Wales, in Swansea county on the Bristol Channel) [10].

Наличие данных реалий, которые подразумевают широкую группу адресатов, обусловлено необходимостью ведения диалога с объемной аудиторией, с желанием политика учесть интересы каждого отдельного региона Великобритании.

Д. Камерон также употребляет в речи многочисленные политические реалии: *Conservatives (in Britain, Canada, and elsewhere - supporters or members of a Conservative Party, консерваторы), Tory (a member or supporter of the Conservative Party in Great Britain or Canada, Тору).*

No other party made that commitment.

Not Labour. Not the Liberal Democrats. Just us - the Conservatives [13].

Перечисление названий влиятельных политических партий стимулирует британцев к выбору в пользу одной из них, а именно, в пользу консервативной партии, название которой автор выносит в конец текста – в одну из сильных текстовых позиций. Каждый отдельный участник политического дискурса стремится ориентировать свое выступление на слушателя, вступает с ним в диалогические отношения, строит свою речь таким образом, чтобы добиться назначенной цели, а именно убедить слушателей, стимулировать их разделить описанную точку зрения [6, с. 93]. В этой связи В.З. Демьянков справедливо утверждает, политическая пропаганда обусловлена интенцией "внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость "политически правильных" действий и/или оценок", "убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию", убедить аудиторию в правомерности определенной интерпретации того или иного политического явления, не всегда прибегая к логически связным аргументам [3, с. 39], а иногда, используя только повторы. Приведем пример:

Thank you. Thank you all very much. Thank you so much. A very rowdy group. Thank you, my friends. Thank you. Thank you [16].

В выступлении Х. Клинтон речевое воздействие усиливается при помощи лексического повтора речевого акта благодарности "Thank you", а также двух обращений "A very rowdy group" и "my friends", что позволяет оратору подчеркнуть ее близость к рядовым американцам. Рядовых американцев Х. Клинтон, несмотря на их шумный и буйный характер (*rowdy = tending to create noisy disturbances; rough, loud, or disorderly*), расценивает как друзей, союзников и сторонников ее политического курса (*friend = a person known well to another and regarded with liking, affection, and loyalty; an intimate \ an ally in a fight or cause; supporter*) [10].

Выражение апеллятивной функции часто усиливается в текстах политической пропаганды метафорическими приемами. Большинство политиков активно опираются на метафору как средство выражения собственных эмоций и экспрессивной оценки того, что привлекает не только их внимание, но и волнует целевую аудиторию [4, с. 18].

Приведем пример:

I have also always believed that we have to confront big decisions - not duck them [11].

duck = уклоняться, избегать, увиливать

duck an issue = обходить проблему стороной

duck away from a question = увиливать от вопроса [8]

duck = any of various small aquatic birds of the family Anatidae, typically having short legs, webbed feet, and a broad blunt bill / утка [10].

Реализация апеллятивной функции констукцией "have to infinitive" (в тексте подчеркнуто нами, Р.Г.) подкрепляется метафорически переосмысленным глаголом "to duck" (в тексте выделено нами, Р.Г.). Данная метафора необходима для популяризации политических действий, стимулирования рядовых британцев, не равнодушных к проблеме своевременного принятия мудрых политических решений.

На прагматический аспект использования метафоры в политической пропаганде обращают внимание многие современные исследователи. Так, по мнению Д. З. Шапировой, "возможность типового эмоционального воздействия на адресата метафорическими высказываниями составляет прагматический потенциал метафорической модели" [9, с. 7]. По словам Э. В. Будаева, "...метафоры обладают значительным прагматическим потенциалом и способностью трансформировать понятийную систему языковой личности, влиять на поведение людей" [2, с. 41].

В политических выступлениях достаточно часто используется такая фигура речи, как сравнение. Сравнение также служит достижению большего эмоционального воздействия на аудиторию, усиливая апеллятивный потенциал.

Ten years ago, I stood on a stage just like this one and said if we changed our party we could change our country [12].

Сравнение *on a stage just like this one*, несомненно, усиливает призыв *if we changed our party we could change our country* через коммуникативную тактику эмоционального воздействия на аудиторию.

Like most people, I found it impossible to get the image of that poor Syrian boy Aylan Kurdi out of my mind [12].

Сравнение *Like most people* усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию, подчеркивая, что автор не одинок в своих устремлениях.

But the real answer to the refugee crisis lies in helping countries like Syria become places where people actually want to live [12].

Сравнение "countries like Syria" помогает оратору расширить политические горизонты аудитории, стимулируя ее к осознанию необходимости экономической поддержки другим экономически неблагополучным странам, а не только Сирии.

Ораторы политических пропагандистских речей, опираясь на использование той или иной экспрессивно-оценочной по своему характеру метафоры, усиливают тем самым, реализацию апеллятивной функции, стремятся продемонстрировать аудитории масштаб политической проблемы.

When I first stood here in Downing Street on that evening in May 2010, I said we would confront our problems as a country and lead people through difficult decisions, so that together we could reach better times. It has not been an easy journey ...[14].

В данном примере апеллятивная функция реализуется сослагательным наклонением (в тексте подчеркнуто нами, Р.Г.).

Этот отрывок заимствован из прощальной речи Д. Камерона. Оратор опирается на широкий ассортимент экспрессивно-оценочных метафор, употребление которых вызвано созданием собственного положительного имиджа через высказывание опасений, что будущий премьер-министр Великобритании окажется недостаточно мудрым и смелым, интенцией сделать свою прощальную речь максимально экспрессивной и эмоциональной.

Эффективность побуждения реципиента к пропагандируемому политическому действию или бездействию наиболее плодотворно выражается при помощи широкого ряда экспрессивной, эмоциональной, позитивно-оценочной и негативно-оценочной лексики, учитывающей психологию целевой аудитории [1, с. 89]. Так, в политических выступлениях Д. Камерона 2006–2016 гг. мы можем обнаружить немало экспрессивных, эмоциональных, позитивно-оценочных и негативно-оценочных эпитетов, использование которых в большинстве случаев связано с намерением оратора добиться поддержки, расширить свое влияние на умы британцев, дискредитировать своих оппонентов и т.п. Рассмотрим пример (в тексте выделено нами, Р.Г.):

But above all this will require strong, determined and committed leadership. I am very proud and very honored to have been prime minister of this country for six years. I believe we have made great steps, with more people in work than ever before in our history, with reforms to welfare and education, increasing people's life chances, building a bigger and stronger society, keeping our promises to the poorest people in the world, and enabling those who love each other to get married whatever their sexuality. But above all restoring Britain's economic strength, and I am grateful to everyone who has helped to make that happen [11].

Приведем толкование выделенных нами эпитетов:

strong = having a resolute will or morally firm and incorruptible character \твёрдый, убеждённый

determined = of unwavering mind; resolute; firm \ решительный, твёрдый, непоколебимый, стойкий; непреклонный

committed = aligned to a particular cause or action \ преданный, приверженный, активно участвующий в общественно-полити-

ческих событиях

great = of significant importance or consequence \ великий

big = having great significance; important. важный, значительный

grateful = showing gratitude \ благодарный; признательный [10].

Не трудно заметить, что многие используемые в данном случае эпитеты положительной оценки являются синонимами, которые способствуют выражению поощре-

ния и поддержки национального самосознания британцев.

Таким образом, стремление автора политического выступления добиться максимально эффективного воздействия с целью побуждения аудитории к действиям (речевым, посткоммуникативным, ментальным) стимулирует его к использованию самого широкого ассортимента стилистических приемов, помогающих усилить ясность, экспрессивность, эмоциональность, убедительность выступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.
2. Будаев, Э. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации [Текст] / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2008. – С. 37–48.
3. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Текст] / В. З. Демьянков // Политическая наука. – 2002. – №3. – С. 32–43.
4. Каримова, А. А. Современный политический дискурс [Текст] / А. А. Каримова: автореф. дис. ... канд. филол. н. – Уфа, 2013. – 38 с.
5. Комлева, Е. В. Апеллятивность и текст (на мат. совр. нем. яз.) [Текст] / Е. В. Комлева. – СПб.: Реноме, 2014. – 354 с.
6. Медведева, А. В. Коммуникативные стратегии и тактики при выражении критического суждения в английской лингвокультуре (на материале совр. англ. языка) [Текст] / А. В. Медведева. – Уфа: Восточная печать, 2016. – 165 с.
7. Морева А. Н. Коммуникативные стратегии и тактики в медиажанре литературной рецензии (на мат-ле "Литературной газеты"): автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2016. – 22 с.
8. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь [Текст] / В. К. Мюллер. – М.: Советская энциклопедия, 2000. – 1987 с.
9. Шапиева, Д. З. Лексико-стилистические средства выражения оценки в политическом дискурсе [Текст] / Д. З. Шапиева: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Д. З. Шапиева. – М., 2014. – 18 с.
10. Collins English Dictionary [Текст]. – HarperCollins Publishers, 2006. – 1789 p.
11. Cameron, D. Speech After 'Brexit' Vote [Электронный ресурс] / D. Cameron. – London, 2016 (2). – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2016/06/25/world/europe/david-cameron-speech-transcript.html>. – [Дата обращения 28.10.2017]
12. Cameron, D. Leader's speech [Электронный ресурс] / D. Cameron. – Manchester, 2015. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=360>. – [Дата обращения 28.10.2017]
13. Cameron, D. Leader's Speech [Электронный ресурс] / D. Cameron. – Birmingham, 2012 (1). – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm>. – [Дата обращения 28.10.2017]
14. Cameron, D. Farewell speech [Электронный ресурс] / D. Cameron. – London, 2016 (1). – Режим доступа: <http://blogs.spectator.co.uk/2016/07/david-camersons-final-speech-downing-street/> – [Дата обращения 28.10.2017]
15. Clinton B. I Am Profoundly Sorry / B. Clinton. – 11.12.1998. – <http://www.historyplace.com/speeches/clinton-rose-garden.htm>
16. Clinton, H. Concession Speech [Электронный ресурс]. – 9.11.2016. – Режим доступа: <https://hillaryspeeches.com/tag/transcript/> – [Дата обращения 28.10.2017]

© Г.С. Рамбердиева, (gainulia@inbox.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский международный книжный салон

Время читать!
Time to read!

"Ни о чем не думает лишь тот, кто ничего не читает."
Д.Дидро

Реклама

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФТОНИМИИ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

METAPHONYMY CRITICAL ANALYSIS IN ADVERTISING SLOGANS

*D. Remyannikova
S. Mishlanova*

Annotation

Currently special attention is paid to the cognitive linguistics study, established in the last decades. Cognitive linguistics is an approach to the study of language which is based upon human perception and conceptualization of the world. The study represents a research carried out within a cognitive paradigm of modern linguistics. The study conducts an analysis to determine the way of interaction between metaphor and metonymy (metaphonymy). The material of the research is advertising slogans of fast-food restaurant McDonald's. This article focuses on methods of cognitive and critical-discourse analysis. The results of the study demonstrates what kind of the ideological background contains slogans, what role metaphonymy plays in advertising slogans creation, as well as how metaphonymy influences the decision-making process in recipients who receive messages.

Keywords: metaphor, metonymy, metaphonymy, advertising discourse, critical discourse analysis.

*Ремянникова Дарья Олеговна
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Мишланова Светлана Леонидовна
Д.филол.н., профессор,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

Аннотация

В настоящий момент особое внимание уделяется изучению языковых явлений в рамках когнитивной лингвистики, утвердившейся в языкознании в течение последних десятилетий. Когнитивный подход способствует рассмотрению языковых форм как производных концептуализации мира человеческим сознанием, а их значений как определённых структур знаний, концептов. Данное исследование выполнено в рамках когнитивной парадигмы современной лингвистики. В исследовании проводится анализ, позволяющий определить способы взаимодействия метафоры и метонимии (метафтонимии). Для осуществления анализа применяются методы когнитивного и критического анализа дискурса. В качестве материала исследования используются рекламные слоганы ресторана быстрого питания "Макдоналдс". Результаты анализа показывают, какие скрытые идеологические предпосылки могут содержать в себе слоганы, какую роль играет метафтонимия в создании рекламных слоганов, а также как метафтонимия оказывает воздействие на процесс принятия решений получателями сообщений.

Ключевые слова:

Метафора, метонимия, метафтонимия, рекламный дискурс, критический дискурс-анализ.

В виду развивающейся на рубеже двух тысячелетий современной антропоцентрической парадигмы появилась необходимость рассматривать язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека.

Основными направлениями антропоцентрической парадигмы являются лингвокультурология и когнитивная лингвистика. Среди вопросов, изучаемых когнитивной лингвистикой, особое место занимает метафора как понятийная конструкция, как способ познания и категоризации окружающей действительности [22]. Однако не только метафора способствует познанию окружающего мира, метонимия подобно метафоре является когнитивным инструментом, с помощью которого строится познание мира человеком, кроме того, метонимия даёт возможность концептуализировать воспринимаемый объект через его отношение к другому [22].

Идея о взаимодействии метафоры и метонимии восходит к трудам Р. О. Якобсона, которые указывают на то, что "речевое событие может развиваться по двум смысловым направлениям: одна тема может переходить в другую либо по сходству, либо по смежности" [9, с. 110]. Показательным для иллюстрации действия метонимического и метафорического механизмов оказывается тот факт, что они оба играют огромную роль в когнитивной деятельности человека, в том числе и порождении речи. В настоящее время лингвистами признается, что метафора и метонимия являются эффективными средствами концептуализации новых элементов современной картины мира, поскольку по мере усложнения концептов усложняются и механизмы осмысления окружающей действительности. Одним из примеров сложных языковых механизмов служит метафтонимия. Впервые термин "метафтонимия" был предложен Л. Гуссенсом в 1990 г. для обозначения сложных процессов взаимо-

действия метафоры и метонимии в естественном языке и впоследствии получил широкое применение в работах таких лингвистов, как Ф. Руиз де Мендоза, А. Мазегоза, Р. Майрал [27; 28].

Выделяются два основных типа метафтонимии: комплексная метафтонимия – слияние метафоры и метонимии в одном выражении (метонимия в метафоре, метафора в метонимии) и кумулятивная метафтонимия, допускающая либо образование метафоры от метонимии, либо метонимии от метафоры [20, с. 349]. Ввиду того, что метафтонимия является сложным языковым феноменом, подход к ее анализу должен быть интегративным, объединяющим в себе сразу несколько методов.

В рамках данного исследования нами была предпринята попытка создания собственной методики для анализа метафтонимии, которая объединяет известные методы, разработанные ранее. Необходимо отметить, что некоторые шаги данных методов были редуцированы, в результате чего была получена методика, адаптированная под анализ метафтонимии.

Предлагаемая нами методика опирается на критический анализ метафоры [11] и строится по аналогии с ним, включая в себя три этапа:

1. Процедура идентификации метафоры ("Metaphor Identification Procedure" – MIPVU, где две последние буквы "VU" указывают на место разработки данной процедуры – Vrije Universiteit te Amsterdam, "Свободный университет Амстердама") применяется для определения фокуса метафор в тексте и является надежным методом, подлинная научность которого была доказана С.Л. Мишлановой и М.В. Суворовой [3, с. 46]. Данная процедура представляет собой систематическую пошаговую разработку, позволяющую выполнить маркирование элементов естественного языка, имеющих метафорическое значение [25; 31].

2. Продолжать исследование, начатое с помощью MIPVU, целесообразно, опираясь на пятишаговый анализ метафоры ("Five-step metaphor analysis" был разработан Г. Стейном), который также отвечает основным критериям подлинно научного метода [7, с. 289].

Выявленные метафоры анализируются с трех точек зрения: лингвистической, концептуальной и коммуникативной. Цель пятишагового анализа определяется как применение метода, позволяющего "идентифицировать концептуальные метафорические структуры в дискурсе так, чтобы исследователи речи и текста могли следовать единой процедуре" [29, с. 55].

Важно подчеркнуть, что пятишаговый анализ применяется для метафтонимии столько раз, сколько метафорических или метонимических фокусов было выявлено в ходе проведения MIPVU и для каждого фокуса в отдельности. Результатом данного шага является отображение области-источника на область-цель (conceptual mapping).

3. На заключительном этапе проводится критический дискурс-анализ, который служит инструментом, помогающим извлечению максимально полного количества имплицитных смыслов, заключенных в контексте и подтверждает идею о том, что использование языка может быть идеологическим [13; 16; 33].

На первоначальном этапе, применяя процедуру идентификации метафоры (MIPVU), необходимо определить фокус метафоры, то есть лексем, представленных в переносном значении в окружении лексем с буквальным значением. Для этого приводились контекстуальные и базовые значения лексем, входящих в состав слогана McDonald's "Не проспи настроение" на основе "Толкового словаря русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [4]:

Таблица 1.

Идентификация метафоры.

Лексическая единица (ЛЕ)	Базовое значение	Контекстуальное значение
(1) Не (частица)	Служит для выражения отрицания при разных членах предложения.	Служит для выражения отрицания при глаголе "проспать".
(2) Проспать (гл.)	Пробыть некоторое, обычно длительное, время в состоянии сна.	Находясь в состоянии сна пропустить что-либо; упустить возможность; пропустить "счастливые часы" завтрака в McDonald's (с 7:00 до 10:00).
(3) Настроение (сущ.)	Внутренне состояние, когда вы готовы делать что-либо определенным образом.	Завтрак в McDonald's, от которого зависит на работу в течение дня.

В случаях 2 и 3 контекстуальные и базовые значения не совпадают, соответственно, следует рассматривать данные лексические единицы как метафорические, а т.к. они представлены на фоне группы лексических единиц с буквальным значением, то можно сделать вывод, что проспать, настроение являются метафорическими фокусами. Необходимо отметить, чем короче текст, чем глубже смысловые связи между контекстами в рамках этого текста, тем больше вопросов возникает перед исследователем.

После определения метафорического фокуса представляется необходимым проведение пропозиционального анализа, который позволяет выявить метафорическую идею, содержащуюся в слогане. Пропозиция понимается нами как минимальная смысловая единица идеи, представляющей концептуальное содержание лингвистического выражения. Пропозициональный анализ помогает определить отношение метафорических фокусов к другим элементам высказывания и выявить концепты, находящиеся не в буквальном взаимоотношении друг с другом. Результатом данного этапа является выстраивание иерархически организованного ряда пропозиций, состоящих из предиката и одного или нескольких аргументов.

Метафорическая идея данного слогана структурно может быть представлена следующим рядом пропозиций:

1. "Проспать" входит в четыре пропозиции:

P1 [ПРОСПАТЬ] ==> P2 [MOD ПРЕБЫВАТЬ В НЕАКТИВНОМ СОСТОЯНИИ] ==> P3 [MOD ПРОБЫТЬ В НЕАКТИВНОМ СОСТОЯНИИ ДОЛЬШЕ ПОЛОЖЕННОГО] ==> P4 [MOD НАХОДЯСЬ В СОСТОЯНИИ СНА, УПУСТИТЬ ЧТО-ЛИБО]

2. "Не проспать" в значении "проснуться" входит в пять пропозиций:

P1 [НЕ ПРОСПАТЬ] ==> P2 [MOD ВЫЙТИ ИЗ НЕАКТИВНОГО СОСТОЯНИЯ] ==> P3 [MOD ВЫЙТИ ИЗ НЕАКТИВНОГО СОСТОЯНИЯ К ОПРЕДЕЛЕННОМУ ВРЕМЕНИ] ==> P4 [MOD ПРОСНУТЬСЯ К ОПРЕДЕЛЕННОМУ ВРЕМЕНИ] ==> P5 [MOD ПРОСНУТЬСЯ В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00]

3. "Не проспать" в значении "успеть" входит в пять пропозиций:

P1 [НЕ ПРОСПАТЬ] ==> P2 [MOD ВЫЙТИ ИЗ СОСТОЯНИЯ СНА И НЕ УПУСТИТЬ ЧТО-ЛИБО] ==> P3 [MOD ПРОСНУТЬСЯ ВОВРЕМЯ] ==> P4 [MOD ПРОСНУТЬСЯ ЗА УТРО] ==> P5 [MOD ПРОСНУТЬСЯ В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00] ==> P6 [MOD УСПЕТЬ НА ЗАВТРАК В MCDONALD'S]

4. "Не проспать" в значении "сэкономить" входит в пять пропозиций:

P1 [НЕ ПРОСПАТЬ] ==> P2 [MOD ПРОСНУТЬСЯ ВОВРЕМЯ] ==> P3 [MOD ПРОСНУТЬСЯ В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00] ==> P4 [MOD НЕ

УПУСТИТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОЗАВТРАКАТЬ В MCDONALD'S] ==> P5 [MOD ПОЛУЧИТЬ СКИДКУ В MCDONALD'S] ==> P6 [MOD СЭКОНОМИТЬ ДЕНЬГИ]

5. "Настроение" входит в пятнадцать пропозиций:

P1 [НАСТРОЕНИЕ]
 P2 [MOD ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ]
 P3 [MOD РАСПОЛОЖЕНИЕ ДУХА]
 P4 [MOD БОДРОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ДУХА]
 P5 [MOD ГОТОВНОСТЬ К ЧЕМУ-ЛИБО]
 P6 [MOD ЖЕЛАНИЕ ЧТО-ЛИБО ДЕЛАТЬ]
 P7 [MOD НАСТРОЙ НА ЧТО-ЛИБО]
 P8 [MOD НАСТРОЙ НА РАБОТУ]
 P9 [MOD ЖЕЛАНИЕ ТРУДИТЬСЯ]
 P10 [MOD НАСТРОЙ НА РАБОТУ ЗАВИСИТ ОТ ЗАВТРАКА]
 P11 [ЗАВТРАК]
 P12 [MOD ТРАПЕЗА УТРЕННЕГО ПРОБУЖДЕНИЯ]
 P13 [MOD ПЕРВЫЙ ПРИМЕМ ПИЩИ ПОСЛЕ СНА]
 P14 [MOD ЗАВТРАК ЗАПУСКАЕТ ОРГАНИЗМ ПОСЛЕ СНА]
 P15 [MOD ЗАВТРАК ЗАРЯЖАЕТ ЭНЕРГИЕЙ НА ВЕСЬ ДЕНЬ]
 P16 [MOD ЗАВТРАК В MCDONALD'S]
 P17 [MOD КОМПЛЕКСНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СО СКИДКОЙ]
 P18 [MOD ЗАВТРАК В MCDONALD'S ДЛИТСЯ В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00]

Под настроением понимается эмоциональный процесс, выражающий отношение человека к его жизненной ситуации в целом. Обычно настроение отличается устойчивостью и продолжительностью во времени, а также невысокой интенсивностью. В отличие от чувств, настроение не имеет объектной привязки: оно возникает не по отношению к кому или чему-либо, а по отношению к жизненной ситуации в целом. Синонимом этому значению является слово "настрой", в данном контексте речь идет о "настрое на работу в течение дня", "о желании трудиться". Именно завтрак помогает настроиться на работу, так как он повышает работоспособность человека. Поэтому независимо от того, предстоит тяжелый рабочий день или легкий – позавтракав, человек справится с работой быстрее и сделает ее более качественно.

6. "Проспать", "настроение" входят в одиннадцать пропозиций:

P1 [ПРОСПАТЬ НАСТРОЕНИЕ]
 P2 [MOD ПРЕБЫВАТЬ В НЕАКТИВНОМ СОСТОЯНИИ]
 P3 [MOD ПРЕБЫВАТЬ В НЕАКТИВНОМ СОСТОЯНИИ В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00]
 P4 [MOD ПРОПУСТИТЬ ЗАВТРАК]
 P5 [MOD БЫТЬ ВЯЛЫМ ОТ ЖЕЛАНИЯ СПАТЬ]
 P6 [MOD ЗАВТРАК В MCDONALD'S]
 P7 [MOD КОМПЛЕКСНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СО СКИДКОЙ]
 P8 [MOD ЗАВТРАК В MCDONALD'S ДЛИТСЯ В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00]
 P9 [MOD ПРОПУСТИТЬ ЗАВТРАК В MCDONALD'S]
 P10 [MOD БЫТЬ НЕ В ДУХЕ ИЗ-ЗА УПУЩЕННОЙ ВЫГОДЫ]

P11 [MOD ПОТЕРЯТЬ НАСТРОЙ НА РАБОТУ И ЖЕЛАНИЕ ТРУДИТЬСЯ]

7. "Не", "проспать", "настроение"

входят в пятнадцать пропозиций:

- P1 [НЕ ПРОСПАТЬ НАСТРОЕНИЕ]
- P2 [MOD ВЫЙТИ ИЗ НЕАКТИВНОГО СОСТОЯНИЯ В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00]
- P3 [MOD ПРОСНУТЬСЯ ВОВРЕМЯ]
- P4 [MOD ПРОСНУТЬСЯ ЗА УТРО]
- P5 [MOD УСПЕТЬ НА ЧАСЫ ЗАВТРАКА В MCDONALD'S С 7:00 ДО 10:00]
- P6 [MOD ПОПАСТЬ НА КОМПЛЕКСНЫЙ ЗАВТРАК СО СКИДКОЙ]
- P7 [MOD ПОЛУЧИТЬ СКИДКУ]
- P8 [MOD БЫТЬ В НАСТРОЕНИИ ОТ СЭКОНОМЛЕННЫХ ДЕНЕГ]
- P9 [MOD БЫТЬ В НАСТРОЕНИИ ОТ ПОЛУЧЕННОЙ ВЫГОДЫ]
- P10 [MOD БЫТЬ ЭНЕРГИЧНЫМ ВЕСЬ ДЕНЬ]
- P11 [MOD БЫТЬ В БОДРОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА]
- P12 [MOD ПРИОБРЕСТИ НАСТРОЙ НА РАБОТУ]
- P13 [MOD РАБОТАТЬ В УДОВОЛЬСТВИЕ]
- P14 [MOD ПОВЫСИТЬ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ В ТЕЧЕНИИ ДНЯ]
- P15 [MOD ЗАВТРАК СО СКИДКОЙ - ЗАЛОГ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ]

Из проведенного пропозиционального анализа можно сделать выводы, что здоровый сон и хорошее настроение – неразделимые понятия. Именно поэтому очень важно полноценно отдыхать. Пренебрегая сном, мы часто испытываем усталость, раздражительность, находимся в плохом настроении. Для восстановления хорошего самочувствия и, как следствия, чудесного расположения духа, важно соблюдать режим сна. Правильное начало дня – залог хорошего настроения и самочувствия, а так как за пробуждением следует завтрак, то именно он задает тон всему дню.

Человек, который проснулся вовремя и хорошо позавтракал:

1. Наполняет организм энергией после сна;
2. Человек будет пребывать в хорошем настроении, так как завтрак повышает жизненный тонус;
3. У человека будет высокая работоспособность и мозговая активность в течение дня, так как завтрак является своеобразным "запуском" для работы организма.

Кроме того, настроение поднимает не только правильный сон и хороший завтрак, но и сэкономленные деньги от покупки завтрака со скидкой в сети ресторанов быстрого питания McDonald's. Для того чтобы сэкономить деньги и вкусно позавтракать необходимо проснуться в период с 7:00 до 10:00 и успеть на утренние часы завтрака в McDonald's, именно в этот короткий промежуток времени, в ресторане предлагаются особые цены на различные блюда и напитки, представленные в меню.

Исходя из вышесказанного, выстраивается следующая цепочка метонимий:

- (1) "Не проспать" ==> (2) "проснуться вовремя" ==> (3) "успеть позавтракать" ==> (4) "попасть на часы завтрака со скидкой в McDonald's" ==> (5) "экономить деньги" ==> (6) "получить выгоду" ==> (7) "быть в хорошем настроении весь день" ==> (8) "повысить работоспособность".

В исследовании, проведенном ранее, на материале слогана ресторана быстрого питания KFC, нами была выявлена метафтонимия, образующаяся из цепочки метафор, в данном случае под метафтонимией мы понимаем цепочку метонимий. На уровне предложения она проявляется в частичном отображении пропозиции с помощью схемы часть–целое: не проспай настроение ==> проснись к завтраку. В данном примере кодируется событие завтрака, включающее процесс сна, утреннее пробуждение, трапезу утреннего пробуждения и настроение, которое будет зависеть от выполнения или не выполнения этих пунктов. Таким образом, кодируется целая сеть пропозициональных составляющих.

Далее, нами определялось переносное сравнение. На данном этапе необходимо было реконструировать концептуальную основу сравнения с определением незаполненных смысловых слотов. Так как перед нами метафтонимия, состоящая из цепочки метонимий, данный шаг проводился столько раз, сколько метонимий было выявлено на предыдущих этапах исследования, следовательно, переносное сравнение определялось восемь раз и для каждой метонимии в отдельности:

1. SIM { F, a }
[F ЗАВТРАК]t [ПРОСПАТЬ a]s }
2. SIM { F, a }
[F ПОЕСТЬ]t [НЕ ПРОСПАТЬ a]s }
3. SIM { F, a }
[F УСПЕТЬ]t [НЕ ПРОСПАТЬ a]s }
4. SIM { F, a }
[F ПОЛУЧИТЬ]t [НЕ ПРОСПАТЬ a]s }
5. SIM { F, a }
[F ВЫГОДА]t [СКИДКА a]s }
6. SIM { F, a }
[F НАСТРОЙ]t [ЗАВТРАК a]s }
7. SIM { F, a }
[F УВЕЛИЧИТЬ]t [СЭКОНОМИТЬ a]s }
8. SIM { F, a }
[F НАСТРОЕНИЕ]t [НЕ ПРОСПАТЬ a]s }

На следующем этапе определяется переносная аналогия, направленная на заполнение пустых слотов предполагаемыми концептами (пустые слоты обозначены переменными величинами F, a):

1. SIM {
[ПРОПУСТИТЬ ЗАВТРАК СО СКИДКОЙ В MCDONALD'S]t
[ПРЕБЫВАТЬ В НЕАКТИВНОМ СОСТОЯНИИ УТРОМ]s }

- 2. SIM {
[ПОЕСТЬ ВОВРЕМЯ]t
[ПРОСНУТЬСЯ В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00]s }
- 3. SIM {
[УСПЕТЬ НА ЗАВТРАК В MCDONALD'S]t
[НЕ ПРОСПАТЬ ДО ОБЕДА]s }
- 4. SIM {
[ПОЛУЧИТЬ СКИДКУ]t
[ПРОСНУТЬСЯ ВОВРЕМЯ]s }
- 5. SIM {
[ОБРЕСТИ ВЫГОДУ]t
[ПОЛУЧИТЬ СКИДКУ]s }
- 6. SIM {

- [БЫТЬ В ТОНУСЕ ВЕСЬ ДЕНЬ]t
[УСПЕТЬ НА ЗАВТРАК В MCDONALD'S]s }
- 7. SIM {
[УВЕЛИЧИТЬ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ]t
[СЭКОНОМИТЬ ДЕНЬГИ]s }
- 8. SIM {
[БЫТЬ В ХОРОШЕМ НАСТРОЕНИИ]t
[НЕ ПРОСПАТЬ ЧАСЫ ЗАВТРАКА В MCDONALD'S]s }

На заключительном этапе, на основании аналогии формируется перечень соответствий компонентов области-цели и области-источника, составляющих концептуально-альное пересечение (conceptual mapping):

Таблица 2.

Концептуальные пересечения.

	Область-источник	Область-цель
(1)	ПРЕБЫВАТЬ ==> В НЕАКТИВНОМ СОСТОЯНИИ УТРОМ ==>	ПРОПУСТИТЬ ЗАВТРАК СО СКИДКОЙ В MCDONALD'S
(2)	ПРОСНУТЬСЯ ==> В ПЕРИОД С 7:00 ДО 10:00 ==>	ПОЕСТЬ ВОВРЕМЯ
(3)	НЕ ПРОСПАТЬ ==> ДО ОБЕДА ==>	УСПЕТЬ НА ЗАВТРАК В MCDONALD'S
(4)	ПРОСНУТЬСЯ ==> ВОВРЕМЯ ==>	ПОЛУЧИТЬ СКИДКУ
(5)	ПОЛУЧИТЬ ==> СКИДКУ ==>	ОБРЕСТИ ВЫГОДУ
(6)	УСПЕТЬ ==> НА ЗАВТРАК В MCDONALD'S ==>	БЫТЬ В ТОНУСЕ ВЕСЬ ДЕНЬ
(7)	СЭКОНОМИТЬ ==> ДЕНЬГИ ==>	УВЕЛИЧИТЬ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ
(8)	НЕ ПРОСПАТЬ ==> ЧАСЫ ЗАВТРАКА В MCDONALD'S ==>	БЫТЬ В ХОРОШЕМ НАСТРОЕНИИ

В результате проведенного анализа было выявлено, что идея, содержащаяся в слогане "Не проспи настроение", может быть интерпретирована следующим образом: "Приобретая больше еды, за меньшие деньги, клиент не только экономит денежные средства, но и заряжается энергией на весь день, удовлетворяя свои потребности, для того чтобы работать в течение дня еще больше, активнее, интенсивнее, выполнять работу более качественно и зарабатывать еще больше денег, а затем вновь вернуться в McDonald's за очередной порцией хорошего настроения. Таким образом, клиент экономит сразу по двум позициям, сокращая расходы, он получает большие результаты при минимуме затрат".

Метонимия широко используется в речи, поскольку является частью нашего каждодневного процесса мышления. Одной из причин метонимичности мышления является невозможность заключения всех возможных аспектов значения в языке в их одновременном проецировании [24, с. 5]. Метонимия является своеобразным

коммуникативным "мостом", позволяющим людям использовать разделяемое всеми знание о мире для коммуникации с меньшим количеством языковых единиц [23]. Изучение такого сложного языкового феномена, как метафтонимия, должно быть комплексным для привлечения максимально полного количества имплицитных смыслов, заключенных в контексте и, как следствия, раскрытия идеологии. По закону о бизнесе, государство, осуществляя расходы, оказывает прямое воздействие на ресторан быстрого питания. Использование бюджетных средств нацеливает на то, чтобы не рассредоточивать их по многочисленным направлениям и программам, а определять приоритеты и концентрировать их на четко сформулированные цели, сокращать расходы и получать большие результаты при минимуме затрат [2].

Завтрак в ресторане – тенденция современной жизни. Особенно это касается больших городов, где высокий жизненный ритм просто не оставляет возможности работающим с раннего утра руководителям и менедже-

рам всевозможных организаций готовить завтраки дома. И если еще недавно перекусить утром, выпив чашечку кофе, можно было фактически только в кафе, то сейчас предоставлять эту услугу начинает все больше ресторанов [1]. Первым на рынке завтраков среди заведений быстрого обслуживания был McDonald's, который еще с начала 70-х годов прошлого столетия начал успешно конкурировать с региональными сетями типа "кофе + пончик", предлагая посетителям Egg McMuffin (яйцо на сдобной булочке). Реальные крупномасштабные военные действия вокруг завтрака начались уже в этом веке, а точнее в 2006 г., когда все тот же McDonald's ввел в свое меню кофе премиум-класса, зайдя на территорию Starbucks. Рестораны быстрого питания стараются всячески привлечь и удержать потребителей, "усиливая" утренние предложения вариантами овсянки с фруктами и дизайнерскими сэндвичами.

Если внимательно изучить мотивационные особенности поведения клиентов ресторанных брендов, лидирующих в номинации "завтрак", то становится очевидным некий набор правил или принципов, которым разумно следовать в борьбе за утреннего посетителя. В целом выбор людей основывается на удобстве, наличии любимого высококачественного горячего напитка, сочетании цены и потребительской стоимости и, что особенно важно, наличии здоровой и свежеприготовленной пищи. Рестораны быстрого питания McDonald's стремятся создать атмосферу, в которой одинаково комфортно быстро подкрепиться перед напряженным днём или устроить продолжительный семейный завтрак с маленькими детьми. Немаловажно и то, что практически любое блюдо из утреннего меню McDonald's можно есть, не слишком отрываясь от вождения машины. Большинство посетителей отмечают "портативность" в сочетании с "удобством" как определяющий момент при выборе места завтрака [5].

А как заставить дневных посетителей заглянуть в ранние часы, чтобы попробовать утреннее меню? В этом заключается задача слогана рекламной кампании

McDonald's, чтобы привлечь большее число клиентов и закрепить в их сознании следующую мысль: "Завтрак у нас сделает твой день особенным". Так, в основной акцент при помощи метафтонимии смещается в сторону эмоционального восприятия "МакЗавтрака". Ключевой темой является утреннее настроение: легкое, бодрое, энергичное и вдохновляющее. Как показывает практика, рекламная кампания имеет успех. Проведенная программа популяризировала завтрак в сети McDonald's. Меню было реорганизовано таким образом, чтобы в нем были блюда традиционные, домашние и уже полюбившиеся обывателями варианты бургеров и роллов. Если человеку понравилась блюдо, то, во сколько бы ни начинались завтраки в McDonald's, он придет в следующий раз и "не проспит хорошее настроение" [6].

Таким образом, рекламный слоган может служить мощным средством воздействия на общественное мнение, так как подсказывает реципиенту информации, на каких свойствах объекта сосредоточиться, чтобы понять более сложные абстрактные явления (область-цель) в терминах более знакомых конкретных (область-источник). Это неизбежно способствует созданию и закреплению определенных стереотипов и доминирующей идеологии. В результате проведенного исследования было выявлено, что специфика рекламного воздействия обусловлена многочисленными экстралингвистическими факторами и их взаимодействием с лингвистическими особенностями рекламных сообщений, что определяет выбор языковых средств, используемых в рекламных слоганах для достижения прагматического эффекта. Предлагаемый нами критический анализ метафтонимии позволяет наглядно продемонстрировать, как реализуется имплицитная информация при функционировании метафтонимии в рекламных слоганах. Отсюда следует что, когнитивный подход к анализу метафоры и метонимии позволяет выйти на метафтонимическое моделирование. Дискурсивный подход, в свою очередь, раскрывает взаимодействие метафоры и метонимии как сложного механизма формирования идеологии и ценностных смыслов, реализующихся в дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстров С.А. Экономика и организация ресторанного бизнеса. М: ФОРУМ, 2011. 464 с.
2. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. XIV. № 2. С. 6–40.
3. Мишланова С.Л., Суворова М.В. Оценка соответствия процедуры идентификации метафоры MIPVU критериям подлинной научности метода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 46–52.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Москва: Азбуковник, 1999. URL: <http://slovari.ru/> (дата обращения 15.04.2018)
5. Семелева Е.В. Фаст-фуд, или модные тенденции питания // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 11. С. 216–219.
6. Скарнев Д.С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантико-прагматический аспект. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. 248 с.
7. Суворова М.В., Мишланова С.Л. Оценка соответствия метода пятишагового анализа метафоры требованиям, предъявляемым к подлинно научному методу // Вестник молодых ученых ПГНИУ: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Бячкова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Вып. 5. Пермь, 2015. С. 289–293.

8. Ци Сяосяо. Об исследовании метафоры в американском президентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-issledovanii-metafory-v-amerikanskom-prezidentskom-diskurse> (дата обращения: 15.04.2018).
9. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 110–132.
10. Barcelona A. Types of Arguments for Metonymic Motivation of Conceptual Metaphor // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective: Review of Antonio Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 31758.
11. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 263 p.
12. Croft W. The Role of Domains in the Interpretation of Metaphors and Metonymies // Cognitive Linguistics. 2003. Vol. 4. P. 335–370.
13. Dijk T.A. van. Discourse and Context: A sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 284 p.
14. Dirven R. Metonymy and Metaphor: Different Mental Strategies of Conceptualisation // Metaphor and Metonymy in comparison and contrast. New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 75–111.
15. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: Indiana U.P. Midland Book Edition, 1986. 254 p.
16. Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Dijk T. A. van (ed.). Discourse Studies. A multidisciplinary introduction. Bd. 2: Discourse as social interaction. London: Sage, 1997. P. 258–284.
17. Fauconnier G., Turner M. Metaphor, Metonymy and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 133–145.
18. Feysaerts K. Refining the Inheritance Hypothesis: Interaction between Metaphoric and Metonymic Hierarchies // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 59–78.
19. Gibbs R. Speaking and Thinking with Metonymy // Metonymy in Language and Thought. 1999. Vol. 4. P. 61–76.
20. Goossens L. Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 3497377.
21. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.
22. Lackoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. London: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
23. Langacker R. Reference-Point Constructions // Cognitive Linguistics. 1993. No. 4. P. 1–38.
24. Littlemore J. Metonymy: Hidden Shortcuts in Language, Thought and Communication. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 227 p.
25. Praggeljaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and Symbol. 2007. No. 22(1). P. 1739.
26. Radden G., Kovecses Z. Towards a Theory of Metonymy // Metonymy in Language and Thought. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 17–59.
27. Ruiz de Mendoza F.J., Galera-Masegosa A. Metaphoric and Metonymic Complexes in Phrasal Verb Interpretation: Metaphoric Chains. Frankfurt: Peter Lang, 2012. P. 161–190.
28. Ruiz de Mendoza F.J., Mairal R. High-level Metaphor and Metonymy in Meaning Construction. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 33–51.
29. Steen G.J. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps // Metaphor in Cognitive Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 55777.
30. Steen G.J. Metaphor Identification: A Cognitive Approach // Style. 2005. No. 36. P. 3867407.
31. Steen G.J., Dorst A.G., Kaal A.A., Herrmann J.B., Krennmayr T. A Method for Linguistic Metaphor Identification: From MIP to MIPVU. Amsterdam: Benjamins, 2010. 238 p.
32. Taylor J.R. Category Extension by Metonymy and Metaphor // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. New York: Mouton de Gruyter, 2002. 620 p.
33. Wodak R. Aspects of Critical Discourse Analysis // Zeitschrift fur Angewandte Linguistik. 2002. Vol. 36. P. 5–31.

© Д.О. Ремяникова, С.Л. Мишланова, (dasharemyannukova94@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Образовательный центр
"Языки и культуры
мира"
Открыт набор на
языковые курсы
www.wlc.vspu.ru

Реклама

"СТИХИ МНЕ СТАЛИ КАЗАТЬСЯ НЕНУЖНЫМИ": ОСОБЕННОСТИ СТИХОВОЙ ФОРМЫ ПОЭМОРОМАНА С.Е. НЕЛЬДИХЕНА "ПРАЗДНИК (ИЛЬЯ РАДАЛЁТ)"

'POEMS SEEMED TO BE USELESS FOR ME':
PECULIARITIES OF THE VERSE FORM
OF S.E. NELDIKHEN'S 'HOLIDAY
(ILYA RADALYET)' POEM-NOVEL

M. Ryabova

Annotation

Verse form of S.E. Neldikhen's 'Holiday (Ilya Radalyet)' poem-novel is analyzed in the article. The research is focused on the peculiarities of vers libre chapters and those fragments of the work that are organized according to the laws of syllabic-accentual and accentual versification. Individual peculiarities of a long stanza are determined, which is preferred by the author in the form of free verse. Special role of the work's rhythmic structure is defined.

Keywords: S.E. Neldikhen, poem-novel, 'Holiday (Ilya Radalyet)', verse form, vers libre, syllabic-accentual verse, verse 'secondary signs'.

Рябова Мария Викторовна

Аспирант,

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический
университет

Аннотация

Статья посвящается анализу стиховой формы поэморомана С.Е. Нельдихена "Праздник (Илья Радалёт)". Исследовательское внимание фокусируется на особенностях верлибрических глав и тех фрагментах произведения, которые организованы по законам силлабо-тонического и тонического стихосложения. Устанавливаются индивидуальные характеристики длинной строки, которой отдает предпочтение автор в форме свободного стиха. Определяется особая роль ритмической структуры произведения.

Ключевые слова:

С.Е. Нельдихен, поэмороман, "Праздник (Илья Радалёт)", стиховая форма, верлибр, силлабо-тонический стих, "вторичные признаки" стиха.

Сергей Евгеньевич Нельдихен

(1891–1942) – поэт-авангардист, драматург, теоретик литературы. Его поэмороман "Праздник (Илья Радалёт)" (1920–1922) и историко-литературная статья "Основы литературного синтетизма" (1920–1921, 1929) неразрывно связаны между собой. Во время работы над поэмороманом Нельдихен находился в поиске новой художественной формы, которую в "Основах..." – своеобразном авторском манифесте – назвал "синтетической", то есть интегрирующей в разных пропорциях элементы прозаической и стиховой речи. В теоретическом обосновании поэт стремился к упразднению элементов стиха, о чем свидетельствуют такие характеристики "синтетической формы", как "уничтожение вообще "рифм"", "неподсчитанность ритма", "свободная расстановка слов, независимых от метра, строф" [Нельдихен, 2013, 343–344]. Как известно, авангардистские эстетические манифесты подчас не совпадали с художественной практикой их авторов и даже исключали ее [Турчин, 1993, 8], [Карасик, 2000, 132]. Какое же место отводится стиху, который признается Нельдихеном-теоретиком "ненужным" и "узким", внутри сложноорганизованной художественной формы поэморомана? Цель данной статьи – выявить специфику стиховой формы в речевом целом поэморо-

мана "Праздник (Илья Радалёт)" и на ее основе определить характер взаимоотношения двух граней творческой индивидуальности автора: Нельдихена-теоретика и Нельдихена-поэта.

Заметим, что речевая художественная структура "Праздника" уже становилась предметом исследовательского интереса. Примечательно, что стиховеды обращались к поэмороману, чтобы на его материале продемонстрировать специфическое свойство стиха. Так, Б.В. Томашевский, например, доказывая, что расчлененность стиха на "изолированные строки" – один из важнейших отличительных признаков стиха от прозы, приводил пример из поэморомана Нельдихена и утверждал: "Если эти стихи мы напечатать прозой, сплошь, то в прозаических строках исчезнет ритмическое намерение автора, фраза сольется, и мы потеряем стиховую канву, определяющую композицию данного произведения" [Томашевский, 2001, 103].

М.Л. Гаспаров отмечал в "Празднике" прозаическое содержание и полагал потенциально возможным написание текста сплошными строчками. Тем не менее исследователь подчеркивал важность авторского деления

на сопоставимые и соизмеримые отрезки и представлял фрагмент поэморомана в качестве образца верлибра: "Такой стих, отличающийся от прозы только заданной расчлененностью и свободный от правильного ритма и рифмы, называется свободным стихом (фр. vers libre, верлибр)" [Гаспаров, 2001, 15].

Подобные наблюдения формировали представление о поэморомане как верлибрическом тексте. Продолжая их, критик и поэт Е. Даенин в работе "Современный свободный русский стих" указывал, что лишь графическое исполнение позволяет отнести "Праздник" к стихотворной речи. Однако он замечал, что там, где привычно длинные стиховые отрезки уменьшаются, "возникает отчетливо ощущаемая на слух относительная их соизмеримость", и речь, таким образом, обретает метрическую ритмичность [Даенин, 1989].

М. Амелин сопоставлял отрывок из первой главы "Праздника" с панегириком М.Г. Собакина "Благополучное соединение свойств..." – первым оригинальным произведением, написанным свободным стихом, обозначая их "явное ритмическое и некое структурное сходство" [Амелин, 2007, 121]. Он же писал, что "Праздник", а точнее глава "– Лаборатория для медицинских исследований...", является "первым опытом обращения Нельдихена к форме свободного стиха" [Амелин, 2013, 358].

На основе сказанного можно сделать вывод о доминирующем положении верлибра в речевом целом поэморомана. Отметим, что в работах А.П. Квятковского [Квятковский, 1963], А.Л. Жовтиса [Жовтис, 2013], О.А. Овчаренко [Овчаренко, 1984], посвященных изучению верлибра, свободный стих рассматривается не как пограничное явление между стихом и прозой, а как самостоятельное специфическое стиховое образование. Нами свободный стих понимается вслед за М.Л. Гаспаровым как "стих, отличающийся от прозы только заданной расчлененностью и свободный от правильного ритма и рифмы" [Гаспаров, 2001, 15].

Ю.Б. Орлицкий называет опыты Нельдихена в области свободного стиха "индивидуальным "синтаксическим" верлибром". Это значит, что поэт, как правило, использует возможности длинной строки "с минимумом переносов" [Орлицкий, 2008, 270]. Если строка превышает стандартную типографскую, то продолжается во второй и последующих "полустроках" с необходимым отступом.

Длинная строка чрезвычайно важна для Нельдихена. Она является результатом реализации принципа независимости, лежащего в основе положения о "свободной искусственной расстановке слов" [Нельдихен, 2013, 344]. Кроме того, длинная строка позволяет уравновесить две противоположных характеристики "синтетической формы". Нельдихен пишет об "усложненности композиции"

текста, спровоцированной условиями "экономии", "сжатости речи", и в то же время утверждает "расширение речи", которое устраняет "требования экономии", а значит, строка не должна прерываться стиховой паузировкой [Нельдихен, 2013, 336–337]. Длинная строка оперирует смыслами компактными, сжатыми, но при воспроизведении не прерывается паузами, следовательно, нуждается в применении произносительных усилий. Требования произносительных усилий открывают корреляцию стиховой протяженности с дыханием. Согласно рассуждениям Н.М. Азаровой, к этой связи примыкает сопоставление с грамматической категорией времени глагола: "Телесность, телесный опыт, опыт дыхания связаны с планом настоящего. В этом смысле прошедшее и будущее бес-телесны" [Азарова, 2015, 34]. Как ни парадоксально, но подтверждение этой гипотезе можно найти в нельдихенском "Празднике", глаголы в длинной строке которого, как правило, стоят в форме настоящего времени: "Три четверти города, должно быть, сейчас любовью занимаются", "И выбираем игроводителя не по величине мускулов и не по возрасту", "Звенят пластинками ксилофона рассыпанные льда деревяшки" и др. [Нельдихен, 2013, 57, 61, 77].

Итак, отдавая предпочтение длинной строке, Нельдихен стремится к практическому воплощению разрабатываемой теории и преобразованию модели "обычного стиха"* [Нельдихен, 2013, 335].

** Очевидно, что под "обычным стихом" Нельдихен понимает "любое лирическое силлабо-тоническое равностопное стихотворение, регулярно зарифмованное, обладающее отчетливой системой внутрострочных повторов согласных и гласных и разделенное на равные друг другу по всем параметрам и выделенные пробелами строфы" (Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002. С. 17).*

Важно сказать о том, что намерение реорганизовать "обычный стих" заставляет поэта постулировать отказ от "вторичных признаков" стиховой речи. Один из основных тезисов "Основ литературного синтетизма" – "протест против ритмизации, утверждаемое в современном искусстве" [Нельдихен, 2013, 336]. В связи с этим любопытно отметить проявление силлабо-тонического метра в некоторых участках текста. Так, внутри верлибрических глав встречаются

– одиночные метрические вкрапления:

**"Легко, легко нести, совсем легко!" - 5-ст. ямб,*

**"А волны воркуют, воркуют, воркуют" - 4-ст. амфибрахий;*

– метрические вставки-двустипии:

**"Хочу торжественно, спокойно умереть, / Если когда-нибудь и я убитым буду" - 6-ст. ямб с женской клаузулой во втором стихе (с учетом хорямба в первой стопе второго стиха),*

**"Отныне только слабонервные старцы / Пусть слушают скрипок пискливый скрип" - практически соответствует схеме 4-ст. амфибрахия с мужской клаузулой во втором стихе;*

– метрически организованные четверостишия. При-
чем возможно, как использование отдельного метра в
каждой строке:

**Заглавными буквами Т - 3-ст. амфибрахий с мужской кла-
зулой,*

Торчат трамвайные столбы – 4–ст. ямба,
Решеткой связанный в пук – 3–иктный дольник,
Серым облаком сад навис – 4–иктный дольник;
так и попытка подвести четыре строки под единый
ритмический рисунок:

**На фисгармонии чердачных скважин
Ветер подбирает трезвучья для хорала,
Литавричек-дождь бьет палками по стеклам,
А сосны потные потягиваются сонно...*

[Нельдихен, 2013, 68].

Замысловатый ритм в приведенном примере ближе
всего напоминает 4–иктный тактовик, так как интервалы
между иктами составляют 1 – 3 слога. Добавим, что в по-
следнем стихе наблюдается скопление 4–х слабых пози-
ций, что свидетельствует о движении общей метрической
структуры к чисто тонической.

Подобные вставки нельзя назвать случайными: ам-
фибрахий, например, подчеркивает прием звукописи, ак-
тивно используемый автором в приведенных примерах, а
структура тактовика, вырабатываемая на основе ямба,
помогает передать и "музыкальность" отрывка, и его рез-
кое звучание. Помимо стилистической функции, возни-
кающая ритмическая организованность доказывает, что
стремление Нельдихена преодолеть в себе поэта терпит
неудачу.

На фоне такой фрагментарной полиметричности осо-
бенно выделяются отрывки текста и целые главы, со-
зданные в соответствии с каноном силлабо–тонического
стихосложения. Первое их проявление наблюдается в
главе "В небе выключили вентилятор...": длина строки со-
ставляет от 9 до 11 слогов, которые урегулированы 5–ст.
хореем. В образной системе главы реализуется важное
свойство авангардной эстетики – интерес к механизму:
ветер воспринимается не как природное явление, а как
продукт техногенной среды ("В небе выключили вентиля-
тор, – / Не проветриваются с утра" [Нельдихен, 2013,
56]), человек уподобляется машине, которая со време-
нем портится и ломается, а, значит, нуждается в ремонте:

*На сто лет моей машины хватит,
Но потом потребуется смазка*

[Нельдихен, 2013, 56].

Мотивы машинного мифа в содержании гармонично
сочетаются с формальной метрической упорядоченнос-
тью, ведь, как писал Е. Замятин, "красота механизма – в
неуклонном и точном, как маятник, ритме" [Замятин,
1999, 198]. Однако заметим, что семантический ореол
метра отсылает, главным образом, к поэзии М. Лермон-

това, в частности, к стихотворению "Выхожу один я на до-
рогу..." [Томашевский, 2001, 160; Гаспаров, 1974, 61].
По утверждению К.Ф. Тарановского, семантика 5–ст. хо-
рея, восходящая к лермонтовской традиции, в первую
очередь, передает противостояние "динамического мо-
тива пути" "статическому мотиву жизни" [Тарановский,
2000, 381]. Каким же образом преломляется мотив
жизненного пути, ведущего к смерти, в хореической гла-
ве "Праздника"?

Начнем с того, что путь в данном контексте понима-
ется абсолютно конкретно, впрочем, как и у М. Лермонтова
("Выхожу один я на дорогу"). Казалось бы, положение ли-
рического субъекта зафиксировано в пространстве, он
не движется ("Отдохну, пока подует ветер" [Нельдихен,
2013, 56]), но, очевидно, что мы застаем его в момент
перерыва в пути. Интересно, что в тексте встречаются
"отголоски" лермонтовского хронотопа пустыни: герой
Нельдихена лежит на песке, готовый в любой миг дви-
нуться дальше ("Надоело на песке валяться!.." [Нельди-
хен, 2013, 56]).

Понимание пути как метафоры (размышление о
смерти как о конечном пределе человеческого бытия) со-
ставляет центр лирического монолога героя. У М. Лер-
монтова приближающийся исход ведет ко "сну" в удиви-
тельном личном Эдеме, к некой космической гармонии
("Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, / Про любовь
мне сладкий голос пел, / Надо мной чтоб вечно зеленея /
Темный дуб склонялся и шумел" [Лермонтов, 1961, 544]).
Носитель речи в нельдихенском тексте откровенно низ-
водит саму поэтизацию образа смерти:

*Люди выдумали неслучайно
Миф веселый о загробной жизни;
Нету дела мне до мертвецов, -
Верить в смерть позорно человеку*

[Нельдихен, 2013, 56].

Бог обозначается местоимением ("тот") и восприни-
мается как часть механистического мира:

*Тот, кто в мире выстроил машины,
Не открыл ремонтных мастерских,
Разбросал и закопал повсюду
Материалы нужные в починках.*

Образ неба теряет лермонтовский ореол таинствен-
ности ("В небесах торжественно и чудно!"). Оно – "еле
вздутое полотнище" [Нельдихен, 2013, 56], причем ме-
тафора создана при помощи суффикса субъективной
оценки –ищ, который вносит явные негативные коннота-
ции. Образ покрывается семантикой искусственности,
недолговечности: небо подобно потолку "передвижного
цирка", который можно то собрать, то снова раскинуть. В
этих строках очевидна отсылка к шекспировской мета-
форе "мир – театр", которую носитель речи с иронией мо-
дифицирует.

Итак, формируя концепцию мира и человека в рамках художественного целого главы, Нельдихен отталкивается от темы жизни и смерти, заданной, в том числе и семантическим потенциалом 5-ст. хореев. Характерно, что поэт обращается к хореем и в последующих главах. Так, в восьмой главе "Бирюзою перстня божьего..." воспроизведена песня, которую исполняют товарищи Радалёта. Текст разбит на шесть строф, каждая из которых упорядочена 4-2-ст. хореем:

*Бирюзою перстня божьего
Небо нынче не заткнуто, -
Небо серое*

[Нельдихен, 2013, 67].

Ритм хореев органически связан с песенной традицией, этим и обусловлен его поэтический выбор [Гаспаров, 1990, 5]. Песенный мотив продолжается в завершающей главе "Засыпающий не должен думать о себе...". Включенная в нее часть песни грабителей написана также 4-ст. хореем, кроме того, женские окончания стихов урегулированы рифмой, а строки равны по числу слогов – 8:

*Слава богу, - бога нету,
разбуживай девчонок,
эх, наддай, качай бочонок!..*

[Нельдихен, 2013, 91].

Отдельно следует сказать о ресторанной песне в шестой главе второй части "Je donne, tu donne, elle donne, il donne...". Проявление в ней "вторичных признаков" стиха налицо: текст упорядочен 4-ст. ямбом, изосиллабизм составляет 8 слогов. Помимо этого, встречается разнообразная рифмовка: кольцевая (исчезай – звон – телефон – трамвай), смежная (не всегда – иногда – пьян – цыган). Примечательно, что в качестве метра Нельдихен использует ямб, который, по мнению М.Л. Гаспарова, противостоит хореем как метр "непесенный": "Песня для четкости ритма предпочитает размер с сильным местом на первом слоге, без затакта, т. е. хорей" [Гаспаров, 1990, 5]. Дело в том, что шестая глава травестирует поэмороман на разных уровнях: в аспекте субъектной организации наблюдается травестия субъекта сознания, на уровне хронотопа – травестия образа рая. На уровне художественной речи автор продолжает пародийную имитацию, поэтому строки структурированы не песенным хореем, а противостоящим ему в этом аспекте ямбом.

Вообще, ямб является, наряду с хореем, еще одним метром, который Нельдихен активно использует в "Празднике". В этой связи интерес вызывает ритмическая организация второй главы второй части "По луне, по луне иду!". На первый взгляд, все стихи этого фрагмента текста – "чистый" верлибр (по типологии Ю.Б. Орлицкого), длина строки включает от 2-х до 26-ти слогов. Однако завершающие стихи подвергаются слоговой унификации: последние пять строк состоят из 11 слогов:

*На опытах телогневающей жизни
Мы научились мудрости беспечной,
И все исканья нового театра,
Уверен, приведут к единой форме
Трагедии с развязкою счастливой*

[Нельдихен, 2013, 79].

Более того, слоговой состав каждой строки урегулирован 5-ст. ямбом. Метрическая упорядоченность, к которой движется глава, объединяет ее со следующим участком текста: слоговой метр фрагмента "Так закипает медленно вода" также 5-ст. ямб. В нем наблюдается левосторонняя рифма, которая объединяет 5 и 6 стихи: "Ведь без препятствий только на ослице" – "Возможно въехать в Иерусалим", а также ассонансная рифма, связывающая 9 и 12 стихи: "Осмеян подвиг одинокий, ждущий" – "Все нужное и признанное лучшим" [Нельдихен, 2013, 80]. Другие "вторичные признаки" стиховой речи в третьей главе не актуализированы: отсутствует дробление на строфы, некорректно говорить и об изотонии и изосиллабизме (количество сильных позиций в строке – от 3-х до 5-ти, слогов – 10–11).

По мнению М.Л. Гаспарова, 5-ст. ямб достигает необычайной популярности в 1890–1935 гг. Исследователь подчеркивает его относительную "нейтральность" и замечает, что пятистопник, как правило, опирается на традиции "философской и интимной элегической лирики" [Гаспаров, 1974, 108, 58]. Эти выводы подтверждают В.Е. Хализевым, который пишет, что белый пятистопный ямб прочно закрепился в лирике "серебряного века" и последующей поэзии как выразитель "определенного эмоционально-смыслового начала": стихи, написанные таким размером, при всем их отличии между собой "сходны глубинной тональностью, возвышенной, неторопливо спокойной, но внутренне напряженной" [Хализев, 1999, 238–239]. Таков и стихотворный фрагмент поэморомана Нельдихена, представляющий собой философское размышление о влиянии исторической предопределенности на судьбу человека, судьбу художника.

Обратим внимание на абсолютно сильную позицию нельдихенского текста – его завершение, куда автор поместил "Посвящение". В нем поэт обращается к традиционной в литературе теме памятника. Ритмически текст представляет собой 6-ст. ямб с кольцевой рифмовкой, чередующей женские и мужские окончания. Характерно, что таким же размером написаны стихотворения А.С. Пушкина и Г.Р. Державина, поднимающие обозначенную тему.

В случае Нельдихена наблюдается несоответствие между размером и используемой рифмой: 6-ст. ямб – размер классицизма, тавтологическая рифма же – признак примитивистской поэзии. Однако такая рифма играет очень важную роль. В некоторых случаях в двух упо-

треблениях идентичных слов можно заметить разницу в смысловых оттенках. Слово "повесть" в первом случае называет конкретный текст Нельдихена ("О времени моем искусственную повесть" [Нельдихен, 2013, 94]), а во втором – множество самых разнообразных будущих текстов ("Другие поднесут в различных формах повесть" [Нельдихен, 2013, 94]). Словоформа "венка" в одной строке относится к поэту, который считает себя достойным признания ("Открыто говорю: достоин я венка" [Нельдихен, 2013, 94]), в другой – к каждому, кто тайно или явно считает себя талантом и ждет успеха ("Так каждый думает, и каждый ждет венка" [Нельдихен, 2013, 94]). Местоимение-прилагательное "моих" в одном стихе относится к контексту, в котором существует говорящий ("Пытливо наблюдал я спутников моих" [Нельдихен, 2013, 94]), в другом – к самому говорящему, примеряющему пьедестал ("Что пьедестал литой из бронзы вечной, твердой / Удобен, подходящ для твердых ног моих" [Нельдихен, 2013, 94]). В данном случае тавтологическая рифма сопоставима с метрической организованностью глав по выполняемой ею роли. С ее помощью автор вступает в диалог с предшествующей традицией, осознает себя как

часть современного эстетического дискурса, охватывает будущее литературы.

Проведенные нами наблюдения показывают, что Нельдихен-теоретик диссонирует с Нельдихеном-поэтом. В поэморомане наблюдается не столько синтез стиха и прозы, сколько синтез разных вариантов стиховой речи: синтаксического верлибра с определенной долей метрических вкраплений и силлабо-тонического стиха с разной степенью выраженности "вторичных признаков" стиха. Примечательно, что Нельдихен использует не дольник или тактовик – самые свободные в ритмическом отношении метры, а отдает предпочтение классическим размерам силлаботоники – 5-ст. и 6-ст. ямбу и 4-ст. и 5-ст. хорю. Вопреки утверждению о стиховом "выдохе", стремлению устранить из речевой структуры "вторичные признаки" стиха, автор обращается к возможностям стиха метрически организованного и зарифмованного, чтобы посредством стиховой формы включить себя в актуальный литературный контекст и выстроить отношения с литературной традицией, от которой он отталкивается, которую стремится преодолеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Н.М. О длине стихотворной строки, или можно ли формализовать телесность в стихе // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 28–36.
2. Амелин М. Младенчествующая речь: к 270-летию русского свободного стиха // Арион. 2007. № 3. С. 116–122.
3. Амелин М. Примечания. Праздник <Илья Радалёт>. Поэмороман // Нельдихен С. Органное многоголосье. М., 2013. С. 357–366.
4. Бек Т. Да здравствует умная глупость! [Электронный ресурс] URL: http://www.ng.ru/lit/2003-07-24/4_nonsense.html?print=Y (дата обращения: 20.09.2017).
5. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001.
6. Гаспаров М.Л. Семантический ореол пушкинского четырехстопного хоря // Пушкинские чтения: Сб. статей. Таллинн, 1990. С. 5–14.
7. Гаспаров М.Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974.
8. Даенин Е. Современный русский свободный стих, 1989. [Электронный ресурс] URL: <https://sites.google.com/site/dayenin/Home/vers1989> (дата обращения: 19.09.2017).
9. Жовтис А.Л. О критериях типологической характеристики свободного стиха // Избранные статьи. Алматы, 2013. С. 104–124.
10. Замятин Е. Мы // Замятин Е.И. Уездное. Мы. Платонов А.П. Котлован. Ювенильное море. М., 1999. С. 73–236.
11. Карасик И.Н. Манифест в культуре русского авангарда // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И. Харджиева. М., 2000. С. 129–138.
12. Квятковский А. Русский свободный стих // Вопросы литературы. 1963. № 12. С. 60–77.
13. Лермонтов М.Ю. "Выхожу один я на дорогу..." // Собр. соч.: в 4-х т. Т. 1. М., Л., 1961. С. 543–544.
14. Нельдихен С. <Послесловие к поэмороману "Праздник"> // Нельдихен С. Органное многоголосье. М., 2013. С. 335–338.
15. Нельдихен С. Основы литературного синтетизма // Нельдихен С. Органное многоголосье. М., 2013. С. 341–346.
16. Нельдихен С. Праздник <Илья Радалёт>. Поэмороман // Нельдихен С. Органное многоголосье. М., 2013. С. 47–94.
17. Овчаренко О.А. Русский свободный стих. М., 1984.
18. Орлицкий Ю.Б. "В гордом одиночестве": С.Е. Нельдихен – практик и теоретик русского свободного стиха // XX век: альманах. Сб. статей. Вып. 5. СПб.: Островитянин, 2013. С. 149–160.
19. Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М., 2008.
20. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
21. Тарановский К.Д. О поэзии и поэтике. М., 2000.
22. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 2001.
23. Турчин В.С. По лабиринтам авангарда. М., 1993.
24. Хализев Е.В. Теория литературы. М., 1999.

АПЕЛЛЯТИВАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ТУРЕЦКОМ, КУРДСКОМ И ТАЛЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

APPELLATIVE FORMS OF PROPER NAMES IN TURKISH, KURDISH AND TALYSH

O. Sarigoz
A. Pobedonosteva Kaya
I. Abilov

Annotation

In this work the comparative analysis of morphological peculiarities of Turkish, Kurdish and Talysh appellative forms expressed by own names are performed. This work attempts to establish and describe appellatives as an independent category. For the first time the concepts of "vocative", "vocative", "appellative", "appeal" are applied to the proper names in the three above-named languages. An analysis of new affixes of the Turkish language is carried out through the prism of the theory of substrata borrowings, presumably, from the Kurdish language. The category of the mentioned case, which is absent in the Turkish language, is defined as a neoplasm and is analyzed in comparison with the similar phenomenon in the Kurdish and Talysh languages, the ways of its expression, morphological similarities and differences in education are also described. The paper will consider the form of proper names, which fulfill the function of an appellative, to reveal a number of features that are not fixed in the grammars of the three languages. The collected material and the results of the morphological analysis can be used in the preparation of textbooks on these languages and in the practice of ethnolinguistic research.

Keywords: appellative, address, appellative category, vocative case, vocative, Turkish, Kurdish, Talyshi.

Сарыгёз Ольга Владимировна
Ст. преподаватель,

Белорусский Государственный
Экономический университет

Победоносцева Кая Анжелика Олеговна
К.и.н., Санкт-Петербургский

государственный университет
Абилов Игбал Шахин оглы

Талышская Национальная
Академия, Литва

Аннотация

В данной работе проведен сопоставительный анализ морфологических особенностей турецких, курдских и талышских обращений (апеллятивов), выраженных именами собственными. Предпринята попытка установления и описания апеллятивов как самостоятельной категории. Впервые понятия "звательный падеж", "вокатив", "апеллятив", "апеллятивация" применены к именам собственным в трех вышеназванных языках. Проводится анализ новых аффиксов турецкого языка через призму теории субстратов, заимствованных, предположительно, из курдского языка. Категория звательного падежа, отсутствующая в турецком языке, определяется как новообразование и анализируется в сопоставлении с аналогичным явлением в курдском и талышском языках, описываются способы его выражения, морфологические сходства и различия в образовании. В работе будет рассмотрена форма имен собственных, выполняющих функцию апеллятива, выявлению ряда особенностей, не зафиксированных в грамматиках трех языков. Собранный материал и результаты морфологического анализа могут быть использованы при подготовке учебных пособий по данному языкам и в практике этнолингвистических исследований.

Ключевые слова:

Апеллятив, обращение, категория апеллятивности, звательный падеж, вокатив, турецкий язык, курдский язык, талышский язык.

Определенное общество может быть охарактеризовано с точки зрения коммуникационных процессов. Подчиняясь общепринятым этическим и социокультурным нормам, свойственным конкретным обществам, тем не менее, они все-таки обладают универсальными чертами и развиваются по схожим правилам.

Система обращений, как один из основных элементов коммуникации, представляет сложную парадигму. Обращения, – апеллятивы и апеллятивные формы, – не только называют адресата речи, но и являются индикатором межличностных отношений, обозначая типовое относительное положение адресанта и адресата относительно

друг друга и социальной группы в целом. То есть обращение отражает ролевые функции коммуникантов, выражая равенство или неравенство общественного положения участников речи, соотношение их возраста, пола, степень их знакомства, что доказывает зависимость выбора обращения от сферы общения коммуникантов: от подчеркнуто официальной до фамильярной, интимной.

Предметом анализа в данной статье является принимаемый впервые морфологический анализ имен собственных, выполняющих функцию обращения (апеллятива), и систематизация их сходств и различий в турецком, курдском (диалект курманджи) и талышском (северный диалект) языках.

Основы апеллятивности как категории были разработаны европейскими и отечественными лингвистами (И.С. Андреева [1971], К. Бюлер [1993], А.В. Бондарко [1978], Е. Отто [1954], А.М. Пешковский [1956], Х. Пауль [1960], Е.И. Шендельс [1998], А.П. Володина [1974], Д. Перре [2010] и др.

Мы применили сформулированные этими исследователями критерии вычленения и оценки апеллятивов к исследуемому языку.

Термин "апеллятив" происходит из латинского языка: *appellare* – обращаться с речью, называть. В современной лингвистике существует несколько пониманий данного термина. Мы будем придерживаться определения, предложенного Р. Якобсоном: апеллятивная функция соответствует получателю сообщения, на которого ориентируется говорящий, пытаясь тем или иным образом воздействовать на адресата, вызвать его реакцию. Грамматически это часто выражается повелительным наклоном глаголов, а также вокативом или звательным падежом [14, с.198–199].

Французская исследовательница Д. Перре полагает, что любая лексическая единица, употребленная в дискурсе для упоминания кого-либо, немедленно становится апеллятивом [22, с.35–39]. Исходя из предложенного ею подхода, апеллятив должен быть рассмотрен как со стороны его функций, так и формы.

На функциональном уровне в трех языках была установлена и проанализирована сложная система адресации в зависимости от статуса/родственных отношений между коммуникантами. (Данный вопрос был освещен на Дмитриевских чтениях (Москва) 07.10.2016. Тема выступления "Функционально-семантическая категория апеллятивности в турецком, курдском и талышском языках".) Подробному описанию функциональных групп в турецком языке посвящена статья О.В. Сарыгёз [12]. Схожесть проанализированных явлений подтолкнула авторов к дальнейшему анализу.

Особенностью, которую следует отметить в отношении имен собственных в трех представленных языках, является табуирование в использовании личных имен в кругу семьи, среди близких. Тем не менее, имена собственные не исключаются полностью из коммуникации и продолжают функционировать, хотя и в процентно менее частотном соотношении.

Одни из первых своеобразных форм имен собственных в турецком языке мы встречаем в работе российского тюрколога В.А. Гордлевского: в исследовании "К вопросу личной ономастики у османов" приведены три случая: "Вместо Мехмед – Мемиш, Ибрагим – Ибиш" и имя Уркуш [4, с.131].

Подобные примеры перечислены и в работе английского тюрколога Дж.Л. Льюиса: автор наряду с уменьшительно-ласкательным аффиксом *-çk* перечисляет формы на *-i* и *-o*: *Erci* (от *Ercument*), *Neri* (от *Neriman*), *Memis/Memo* (от *Mehmet*), *Fatos/Fatı̇s/Fatı̇* (от *Fatma*), *Hasso* (от *Hasan*), *Alis* (от *Ali* и *Aliye*), *Cemo* (от *Cemal*), *Ibo* (от *Ibrahim*), подчеркивая их принадлежность больше к разговорному стилю и меньшую социальную приемлемость [20, с.58].

Турецкий исследователь Х. Эрсойлу уже выделяет словообразовательный аффикс *-o* среди других аффиксов арго, причисляя его к иностранным заимствованиям, но, к сожалению, не указывает язык, из которого он мог перейти. В работе перечислены следующие примеры: *Sulo* (от *Suleyman*), *Fato* (от *Fatma*), *Emo* (от *Emine*), *kıro* (от *kır*) [18, с.366].

Интересны описанные в статье Д. Зенгина формы имен, которые были зафиксированы в ходе анкетирования учащихся средних школ и университетов: *Mı̇stı̇k* (от *Mustafa*); *Atis* (от *Atilla*); *Rambo* (от *Ramazan*); *Murti* (от *Murat*); *Hamis* (от *Hamide*); *Ebus* (от *Ebru*); *Fatos* (от *Fatma*); *Neco* (от *Necdet*); *Kadis* (от *Kadriye*); *Yase* (от *Yasemin*); *Kamze* (от *Kalimero*) [25]. Как мы видим, часть имен собственных сокращена, часть – полностью изменена.

Такие формы встречаются и в литературных произведениях:

- *Deli misin, Ismail?* (Ты с ума сошел, Исмаил?)
- *...ismimi sevmiyorum. Sunu Ibis yapsak olmaz mı?* (мне имя мое не нравится. Нельзя его заменить на Ибиш?)
- *Olur. Ben de Memis olayım. Ibis'le Memis'in Maceraları.* (Хорошо. А я тогда стану Мемишем. Приключения Ибиша и Мемиша.) [19, с.21].

Авторами настоящей статьи было проведено самостоятельное анкетирование носителей турецкого, курдского (диалект курманджи) и талышского (главным образом, северного диалекта) языков, целью которого было выявление бытующих в этих языках форм апеллятивов и исследование их употребления. Его результаты представлены в сводных таблицах ниже.

До настоящего времени формообразующие аффиксы *-o*, *-s*, *-is*, *-isko* не были описаны исследователями турецкой грамматики. Для установления их происхождения было принято решение проследить возможные языковые контакты носителей турецкого языка в рамках теории субстрат-суперстрат-адстрат и установить в них формы, которыми выражается категория апеллятивности, одной из которых является звательный падеж. Как известно, долгие столетия одними из языков-адстратов по отношению к турецкому, языку основной массы населения Турции, были курдский и армянский языки. Мы проанализировали апеллятивные формы, которые были

Таблица 1.

Формы мужских (а) и женских (б) имен собственных в турецком языке.

Основной падеж (НОМИНАТИВ)	Апеллятивные формы
а) Cafer Mustafa Mehmet Abdullah Necati Hüseyin Süleyman İsmail Murat	Caferim / Cafercik ¹⁾ / Caferciğim / Cafo / Cafoş / Cafoşum Mustafam / Mıstık / Mustı / Mustafacığim / Mıstıkcığim Memo / Memoş / Memoşum / Mehmetçik ²⁾ / Mehmetciğim Apo/ Apocuğum / Abdullahçığim Neco / Neciş / Necoş / Necoşum / Necoşuğum Hüso / Hüsoş / Hüseyinciğim / Hüsoş / Hüsoşum Süleymancığim / Sülo / Sülom / Süloş / Süloşuğum İsmailim / İso / İsoş / İsoşum / İsoçuğum / İsociğim ³⁾ Murti / Muro / Muratım / Muratçık / Muratçığim / Murtiş / Murtişim Все аппеллятивы, кроме форм на -о, считаются неприемлемыми между малознакомыми мужчинами, т.к. приобретают уничижительную коннотацию.
б) Ayşe Elif Leyla Zeynep Fatma Neriman Defne Saadet Yasemin	Ayşecik ¹⁾ / Ayşem / Ayşo ⁴⁾ / Ayşeciğim Elif / Elifim / Eliş / Elifçiğim Leylam / Leyliş / Leylaciğim / Leylam / Leyliş Zeynepim / Zeyno ⁴⁾ / Zeynepçiğim / Zeynoş / Zeynoşum / Zeynoşuğum Fatmam / Fato ⁴⁾ / Fatoş / Fatmancığim / Fatoşum / Fatoşuğum ³⁾ Nerimancığim / Nero ⁴⁾ / Nerom / Neri / Neroş / Neroşum Defneciğim / Defo ⁴⁾ / Defocuğum / Defociğim ³⁾ Sado ⁴⁾ / Sadiş / Saadetçiğim / Sadocuğum Yase / Yaso ⁴⁾ / Yasoş / Yasoşum / Yaseminciğim / Yasoşuğum
<p>¹⁾ формы на -cik относятся к просторечному регистру, их употребление между малознакомыми людьми неприемлемо. Чаще всего используются в обращении к маленьким детям. В отношении взрослых людей может принять уничижительную коннотацию.</p> <p>²⁾ форма может являться не только аппеллятивом: это также прообраз солдата османской и турецкой армий. Широко используется как в разговорной речи, так и в СМИ.</p> <p>³⁾ форма аффикса противоречит закону гармонии гласных.</p> <p>⁴⁾ данная форма считается весьма грубой, использование ее между женщинами и по отношению к ним считается весьма невежливым. Она позволительна лишь в кругу близких людей.</p>	

отмечены исследователями в этих языках.

Категория звательного падежа отсутствует как в турецком, так и в армянском языке. Тем не менее, в работе по диалектам Армении исследователя Л. Мсерианца (1867–1933) мы находим целый раздел, посвященный описанию звательного падежа. Автор обращает внимание на не объясняемые с помощью грамматики армянского языка формы армянских имен собственных: "звательный падеж, который имеется в таких новоперсидских языках как гиланский, талышинский, в курдском имеет форму

на -о, что составляет общее правило". Автор предполагает, что "в мушском, равно как и в мокском, ванском и т.п., формы звательного падежа должны быть объяснимы скорее всего как возникшие под курдским влиянием. По крайней мере, они преобладают именно на территории тех диалектов, на которой или живет курдское население или которая соприкасается с ним (в тифлисском диалекте таких, например, форм не существует). В мушском, как и в других диалектах, формы звательного на -о употребляются также в значении именительного" [8, с.73].

Последнее замечание объясняет существующие формы имени Сандро и Серхо в армянском языке.

Известный лингвист В.Н. Ярцева справедливо отмечает, что большинство исследователей в своих работах "ограничивается формальным описанием избранного явления сначала в одном языке, а потом в другом, не ставя вопроса о функциональной значимости данного грамматического явления для изучаемого языка и его месте в грамматической системе языка в целом" [цитата по: 10, с.73]. Но именно функциональная значимость и привела нас к выводам, к которым пришел когда-то Л. Мсерианц: появление форм на -о в турецком языке было обусловлено многовековыми языковыми контактами курдского и турецкого народов. Произошло заимствование на функциональном уровне: турецкий язык перенял не только сами апеллятивные формы, но и морфологический показатель курдского языка. При этом лексические заимствования нередко приобретали новую семантику, которую им приписывали сами турки. В работе другого армянского исследователя Г.

Асатрян упоминаются два заимствования из курдского языка: 1. *kuro* (от курд. *kur* – сын, мальчик), получившее у турок (в форме *k(ı)ro*) и у армян иную коннотацию – так стали называть малообразованного, плохо одетого человека (в русском – "деревенщина", "колхоз"); 2. *lawuk* (от курд. *law* – дитя, *lawik* – молодой человек, юноша) [2, с.223] – в турецком (*lavuk*) это слово стало относиться к просторечному регистру: "пацан", "чувак" [15, с.239]. Примечательно, что первое из двух слов было перешло в турецкий язык в форме звательного падежа – произошло функционально-семантическое заимствование.

Культурно-историческое влияние трех народов нашло свое отражение и в литературных произведениях. Армянский писатель М. Маргосян в своем сборнике новелл "Квартал гявуров" описывает жителей исторического района Сур города Диярбакыра, в котором в середине

Таблица 2.

Образование звательного падежа (в том числе для имен нарицательных).

	Курдский язык	Тальпшский язык
ед.ч. муж.р.	-o Xwedê - Xwedêo! (Боже!) kur - kuro (сын, мальчик) [5, с.57-59]. Hiş be, kuro (Успокойся, парень!) 'Elo, were! (Али, иди сюда!)	Ha ... + -a Хьдо - Ha Хьдоа! ([эй,] Боже!) Зоэ - Ha зоэа! ([эй,] мальчик; сынок!) Ha Əлпа, нјо бој! ([эй,] Али, иди сюда!) -(ы)м + -a -(ы)м - аффикс принадлежности 1-го л. ед.ч.
ед.ч. жен.р.	-ê keç - keçê (девочка; девушка) Were, keçê! (Девушка, иди сюда!) Fatê, çay çêke. (Фатима, сделай чай.)	(Ha) Хьдома! (Боже мой!) (Ha) Əлпама, сакит быби! (Али мой, успокойся!) [7, с.88; 1; 24, с.17; 11, с.10] П.Ф. Рисс упоминает также и второй вариант данного аффикса: -aj [11, с.10]. -ə (для отдельных слов) Мерд - Мердə! ([эй,] муженек [мой]!) Жен - Женə! ([эй,] женушка [моя]!) [1]
мн.ч.	-no / -ino heval (друг) - hevalno (друзья) Zû bin, hevalno! (Друзья, поторопитесь!) Ehmedno, lêz kin! (Ахмеды, быстрее!)	-a Дуст (друг) - Ha дустона ([Эй,] друзья) Ha Əhmədona, бозн нјо! (Ахмеды, подойдите сюда!) (он - аффикс мн.числа)
Прим.	Окончание звательного падежа присоединяется преимущественно к кратким формам ИС.	Звательные формы образуются, главным образом, путем присоединения к именам аффикса -a с добавлением перед словом междометия Ha, на которое приходится фразовое ударение. В случае если ИС имеет аффикс принадлежности, употребление междометия Ha становится необязательным.

Таблица 3.

Формы мужских (а) и женских (б) имен собственных в курдском языке.

Прямой падеж (ПП)	Звательный падеж (ЗП)	Другие апеллятивные формы
а) Ali, 'Eli Mustafa Huseyîn Suleyman Hesen Elmed	'Elo Musto / Mistê / Miço Huso ²⁾ Silo Hesso* Ehmo / Hemo / Elmedo	'Eliyê min / 'Eloyê min ¹⁾ Mustoyê min / Miçooyê min Husoyê min Siloyê min Hessoyê min Hemoyê min / Elmedoyê min
б) Ayşe Fatma Rabia Zelal Bejna Gulistan	Ayşo / Ayşê Fatê Ribê Zelo / Zelê Bejnê Gulo / Gulê ²⁾	Ayşoya min / Ayşeya min Fatêya min Ribêya min Zeloya min / Zelêya min Bejnêya min Guloya min / Gulêya min
<p>*Hasso(lar) (от Hasan) и Memo(lar) (от Me(h)met) — имена собственные в звательном падеже; впервые были употреблены политиком Дж.К. Инджедайы, использовавшим эти два апеллятива для обозначения курдского народа [17, с. 101]. В настоящее время употребляется как устойчивый оборот с негативной коннотацией.</p> <p>¹⁾ изафетная конструкция: ИС и притяжательное местоимение min (мой).</p> <p>²⁾ некоторые ИС имеют общую форму ЗП: Huso для <i>Huseyîn, Husamettin, Husnu</i>; İsmo для <i>İsmet, İsmail</i>; Gulo/Gulê для <i>Gul, Gulsum, Gulistan</i>; Pero/Perê для <i>Pervîn, Perihan, Perîn</i>.</p>		

20-го века проживало смешанное турецко-курдско-армянское население. В этом произведении мы встречаем примеры того, как имена собственные претерпевали следующие изменения: женское имя Hanîm становилось Нїно, Nacer - Нїсе, Arsaluys - Erso, Nıvart - Nıvo [21, с.57], мужское имя Nacadir - Naco. Хачо стало общим апеллятивом армян: "Сказать вместо армянина Хачо (Naco), а вместо армяне - Хачолар (Nacolar) считалось даже естественным" [21, с.104]. (Форма Nacolar: звательный падеж от имени Naco и окончание мн.числа [-lar] из турецкого языка.)

Формы звательного падежа курдского языка описаны в работах К.К. Курдоева (1978), Дж.А. Бадрхана, Р. Леско (2004), описание звательного падежа в талышском языке встречаются в работах П.Ф. Рисса (1855), Б.В. Миллера (1953), Л.А. Пирейко (1976), В. Шульце (2000).

В курдском языке апеллятивы в звательном падеже и изафетные конструкции имен собственных и притяжательные местоимения min (мой) обычно используются по отношению к детям, в кругу семьи и друзей, но не приняты по отношению к старшему родственнику и малознакомым собеседникам, т.к. являются признаком неуважительного тона, панибратства. Их использование допускается в слу-

чае, если такая форма обращения к конкретному человеку сложилась в обществе на протяжении долгого времени и является тем самым единственной формой обращения.

Талышский язык перенял помимо лексического и грамматического наследие от древнеиранского языка, который обладал развитой системой флексий: позже полностью элиминированной категорией рода и распавшейся системой склонения [3, с.46]. Б.В. Миллер и Дж. Дармстедтер указывали, что именно в лексике талышского языка сохранились следы древнего авестийского язык [23]. Кроме того, талышский интересен и эргативным падежом, описанным в работах Б.В. Миллера и Л.А. Пирейко.

Важно заметить, что в талышском языке наряду с притяжательными местоимениями, имеющими самостоятельное, отдельное употребление, существуют и их энклитические варианты – несамостоятельные формы, показатели лица, которые присоединяются к основе слова [9]:

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
ед.ч.	-(ы)м	-ы	-(ы)ш
-(ы)ш	-(ы)мон	-он	-(ы)шон

Таблица 4.

Формы мужских (а) и женских (б) имен собственных в талышском языке.

ПП	ЗП	Другие апеллятивные формы
а) Әли	Һа Әлиа/ Һа Әлиша/ Һа Әлишиа/ (Һа) Әлима/ (Һа) Әлишыма/	Әлим/ Әлиш ¹⁾ / Әлишьым/ Әлиши
Зулфугар	Һа Зулфугара/ (Һа) Зулфугарыма/ Һа Зылфия/ (Һа) Зылфима	Зулфугарым/ Зылфи/ Зылфим
Сулејман	Һа Сулејмана/ (Һа) Сулејманьыма/ Һа Сулиа/ (Һа) Сулима/ Һа Сулиша/ (Һа) Сулишыма/ Һа Сулишиа	Сулејманьым/ Сули/ Сулим/ Сулиш ¹⁾ / Сулишьым/ Сулиши
Играр	Һа Играра/ (Һа) Играрьыма/ Һа Игна/ (Һа) Игима/ (Һа) Игилима/ Һа Игаша/ Һа Игашиа/ (Һа) Игашьыма	Играрьым/ Игн ²⁾ / Игим/ Игилиш ²⁾ / Игаш/ Игашш/ Игашьым
Фәхрәддин	Һа Фәхрәдина/ (Һа) Фәхрәдиньыма/ Һа Фәхиа/ (Һа) Фәхима/ Һа Фәхиша/ (Һа) Фәхишыма/ Һа Фәхишиа/ Һа Фәхилеа/ (Һа) Фәхилема	Фәхрәдиньым/ Фәхим/ Фәхиш ¹⁾ / Фәхишьым/ Фәхишиш ¹⁾ / Фәхиле ³⁾
б) Нәрмин	Һа Нәрмина / (Һа) Нәрминьыма/ Һа Нәмиша/ Һа Нәмишиа/ (Һа) Нәмишыма	Нәрминьым/ Нәмш ¹⁾ / Нәмишьым/ Нәмиши
Фатимә	Һа Фатимәа/ (Һа) Фатимәма/ Һа Фатиа/ (Һа) Фатима/ Һа Фатиша/ Һа Фатишиа/ (Һа) Фатишыма	Фатимәм/ Фати/ Фатим/ Фатиш ¹⁾ / Фатишиш ¹⁾ / Фатишьым
Хатирә	Һа Хатирәа/ (Һа) Хатирәма/ Һа Хатиа/ (Һа) Хатима/ Һа Хатиша/ Һа Хатишиа/ (Һа) Хатишыма	Хатирәм/ Хати/ Хатим/ Хатиш ¹⁾ / Хатишиш ¹⁾ / Хатишьым
Улкәр	Һа Улкәра/ (Һа) Улкәрыма/ Һа Улиа/ (Һа) Улима/ Һа Улиша/ Һа Улишиа/ (Һа) Улишыма	Улкәрьым/ Ули/ Улим/ Улиш ¹⁾ / Улишиш ¹⁾ / Улишьым
Лејла	Һа Лејлаа/ (Һа) Лејлама/ Һа Лејлоша/ Һа Лејлошиа/ (Һа) Лејлошыма	Лејлам/ Лејлош/ Лејлошьым/ Лејлоши
<p>1) зафиксированные нами только в северном диалекте талышского языка уменьшительно-ласкательные аффиксы -ш, -аш, -уш и -ош присоединяются к сокращенным формам ИС. К образованным этими аффиксами основам может присоединяться УЛА -и, аффикс принадлежности -ым, а также аффикс ЗП -а.</p> <p>2) некоторые ИС имеют общую форму ЗП: например, Игн для Играр, Игбал, Идрак, Инглаб, Иньгар.</p> <p>3) к ИС (чаще всего в сокращенной форме) могут присоединяться УЛА -ли, -ле, -лә (напр.: Мебиле (от Мегиббәт), Ризоли/Ризолә (от Ризо), Фикиле (от Фикрәт) и др.). Случаи употребления данных аффиксов для ИС становятся все более редкими, они сохраняются прежде всего для имен нарицательных. К образованным этими аффиксами основам может присоединяться аффикс принадлежности -и и аффикс ЗП -а.</p> <p>4) апеллятивные формы с УЛА неприемлемы между незнакомыми людьми.</p>		

Исходя из всего вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

1. Заимствование аффикса звательного падежа –о в турецкий язык произошло из курдского языка в связи с длительным проживанием двух народов на единой территории.

2. Формы на –о практически не употребительны для турецких женских имен, ввиду их ассоциирования с более грубыми формами.

3. Появление в северном диалекте талышского языка уменьшительно–ласкательных форм на –ш, –аш, –уш и –ош для имен собственных, видимо, произошло под влиянием родственного турецкому азербайджанского языка (Носители талышского языка так его и называют – "тюркским языком" (талыш. *тырки*)), с которым соприкасается ареал его распространения. В южном и центральном диалектах они нами не зафиксированы. Апеллятивные формы на –s в турецком языке также обладают уменьшительно–ласкательным значением.

4. В турецком и талышском языках наблюдается полное подчинение новых форм грамматическим законам своих языков:

- ◆ принимают различные словообразовательные аффиксы (тур. –*is*: Isos; тал. –*u*: Лейлоши, Сулиши).

- ◆ спрягаются (тур.: Isocugum; тал.: Фэхишым).

- ◆ склоняются (тур.: *Iso'ya bak!* (Посмотри на Iso!); тал.: *Китоби Нэмишику быстэн!* (Забери книгу у Намиш!)).

5. Общим свойством номинатива и вокатива является их способность к прямой номинации [13, с.83]. То же самое явление и произошло в исследуемых языках и что, в свою очередь, объясняет использование уменьшительно–ласкательных форм имен собственных в турецком и талышском языке в качестве апеллятивных.

6. В талышском языке наблюдаются черты агглютинативности – приемы агглютинативной техники [7, с.93]: к полной или краткой форме слова аффиксы падежей и местоименной энклитики присоединяются в строго фиксированной последовательности.

7. В курдском языке уменьшительно–ласкательные аффиксы к именам собственным не применяются. Для передачи близких, дружеских отношений используется изафетная конструкция с притяжательным местоимением 1–го лица ед.числа *min*. Дополнительным средством для образования конструкций с уменьшительно–ласкательным значением может, как и в талышском, выступать слово *can* (тал. *чон*) (*душа, дорогой/ая*).

8. В трех языках наблюдается сокращение основы слова имен собственных, используемых для апеллятивации. Это вполне объяснимо тем, что "такие длинные слова с практической точки зрения неудобны для обращения и громкого зова, и их избегают" [3, с.56]. При этом во всех трех языках сокращенные или уменьшительно–ласкательные формы имен собственных непозволительны к использованию между малознакомыми людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абосзода Ф.Ф. Грамматика талышского языка. Рукопись.
2. Бакаев Ч.Х. Курдско–русский словарь. – М.: Изд. АН СССР. Институт языкознания, 1957. – 619 с.
3. Иванов В.Б. К классификации именных форм в юго–западных иранских языках // Вопросы языкознания. – 2014. – №2. – С. 46–60
4. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 4: Этнография, история востоковедения, рецензии. – М.: Изд–во восточной литературы, 1968. – 611 с.
5. Курдоев К.К. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. – М.: Наука, 1978. – 295 с.
6. Мамоян А.Д. Грамматические категории существительного и основы индоевропейского праязыка в курдском. – СПб.: Изд–во СПбУ, 2007. – 175 с.
7. Миллер Б.В. Талышский язык. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – 267 с.
8. Мсерианц Л. Этюды по армянской диалектологии. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1901. – 210 с.
9. Пирейко Л.А. Талышко–русский словарь. – М.: "Русский язык", 1976. – 352 с.
10. Реформатский А. А. О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. – М.: 1987. – С. 40–52.
11. Рисс П.Ф. О талышцах, их образе жизни и языке // Записки Кавказского отдела Императорского Рус. географического общ.ва. – Кн. III. – 1855. –С. 1–72.
12. Сарыгёз О.В. Функционально–семантическая категория апеллятивности в турецком языке. // Российская тюркология. 2016 №1 (14) – С. 15–24.
13. Тираспольский Г.И. Морфолого–типологическая эволюция русского языка. – Сыктывкар, 2003. – 353 с.
14. Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
15. Asatrian G. Kurdish Lo–lo // Iran & the Caucasus. – 2006. – Vol. 10. – No. 2. – P. 239–241.
16. Bedir Khan C.A., Lescot R. Kurtce Grameri (Kurmanci lehcesi). Institut kurde de Paris – Istanbul, EDITIONS Avesta, 2004. – 370 s.
17. Bicakci B. Aslandas A.S. Populer Siyasi Deyimler Sozlugu. Istanbul, Iletisim yayin evi, 1995. – 287 s.
18. Ersoylu H. Turk Argosu. Ankara, Otuker yayin evi, 2012. – 382 s.
19. Haldun T. Sersem Kocanın Kurnaz Karisi. Istanbul, YK yayinlari. 2015. – 118 s.
20. Lewis G.L. Turkish Grammar. Oxford University Press, 2001. – 303 p.
21. Margosyan M. Gavur Mahallesi. Istanbul, Aras yayincilik, 2011. – 328 s.
22. Perret D. Les appellatifs (analyse lexical et actes de parole) // Langages. – 1970. – n.17. – P. 35–39.
23. Piriyeva I. Parlons Talysh: Azerbaidjan/Iran. Editions L'Harmattan, 2011. – 126 p.
24. Schulze W. Northern Talysh. Muenchen: LINCUM Europa, 2000. – 96 s.
25. Zengin D. Orta Ogretim ve Universitedeki Ogrencilerle Adlar Uzerine Bir Anket // Ankara Universitesi, Dil ve Tarih–Cografya Fakultesi Dergisi. –2001. –41., –S. 69–93.

НЕФИНИТНЫЕ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

MODERN ENGLISH NON-FINITE FORMS: PROBLEMS AND PROSPECTS FOR RESEARCH

A. Sokolova

Annotation

From the grammatical point of view verb is one of the most complex parts of speech. The verbal paradigm is divided into two subparadigms – finite and non-finite. Among nonfinite forms, the infinitive, gerund, com-munion I, participle II are traditionally distinguished. In the article, non-finite forms of modern English verbs are considered according to three main cri-teria: semantic, formal and functional. For each criterion, issues are identi-fied that require further consideration and study.

Keywords: verb, nonfinite forms, infinitive, gerund, participle I, partici-ple II, semantics, formal criterion, functions.

Соколова Алина Юрьевна
К.филол.н., доцент,
Тверской государственной
медицинский университет

Аннотация

Грамматически глагол является одной из наиболее сложных частей речи. Глагольная парадигмы подразделяется на две субпарадигмы – финитную и нефинитную. Среди нефинитных форм традиционно вы-деляют инфинитив, герундий, причастие I, причастие II. В статье не-финитные формы современного английского языка рассматриваются в совокупности трех основных критериев: семантического, формаль-ного и функционального. При анализе нефинитных форм по каждому из критериев определяется круг спорных вопросов, требующих даль-нейшего рассмотрения и изучения.

Ключевые слова:

Глагол, нефинитные формы, инфинитив, герундий, причастие I, при-частие II, семантика, формальный критерий, функции.

С точки зрения грамматики глагол является одной из наиболее сложных частей речи. Такой вывод можно сделать, рассматривая, многочисленные функции глагола, его категории и сложность классификации, а также с учетом деления глагольной парадигмы на две субпарадигмы – финитную и нефинитную. Можно отметить, что, вопрос о разделении глагольной парадигмы на две субпарадигмы и основаниях, лежащих в основе этого разделения, является, наверное, единственным вопросом грамматики глагольных форм, по которому не наблюдается разногласий среди ученых.

Нерешенными, однако, остаются многие задачи, касающиеся нефинитной парадигмы. А именно, конкретизация (наименование) и количество нефинитных форм, их функции. Цель настоящего исследования – очертить круг подобных вопросов, наметить их возможное решение и причины возникновения.

Традиционно выделяют следующие нефинитные фор-мы:

- ◆ инфинитив
- ◆ герундий
- ◆ причастие I (причастие настоящего времени)
- ◆ причастие II (причастие прошедшего времени)

Рассмотрим эти формы в совокупности трех основных критериев.

1. *Семантический критерий предполагает "оценку аб-страктной семантики слов". Данная семантика опреде-ляется отношением слов к элементам действительности.*

Семантика инфинитива, по мнению М.Я. Блоха, за-ключается в назывании действия или процесса [2, с.101]. А.М. Пешковский отмечает двойственную при-роду и определяет его как "существительное, не дошед-шее один шаг до глагола" [5, с.130–131].

Еще одна нефинитная форма, называющая процесс – герундий, семантически сочетающий свойства глагола и существительного.

Возникает вопрос, не является ли семантика инфинитива и герундия избыточной? М.Я. Блох весьма рас-плывчато указывает на большую динамику, большой акцент на действие в семантике инфинитива. Г.А. Вей-хман также подчеркивает разницу в семантике инфини-тива и герундия [3, с.217–228]. Автор приводит более десятка семантических различий между инфинитивом и герундием, среди которых, например, обозначение про-цесса, более продолжительного действия инфинитивом и не процесса, более краткого действия герундием. Од-нако указанные семантические особенности инфинити-ва и герундия весьма многочисленны и проявляются не всегда. Иногда выбор формы определяется формально (традиционно ряд глаголов требует употребления герун-

дия, другие – инфинитива), иногда обе формы являются допустимыми и взаимозаменяемыми. Существует много случаев, на пример, где инфинитив может быть заменен на герундий с предлогом [8, с.139–140]: He points out that if Russia accepted the agreement, she would not attain her object to clear (of clearing) the situation...

Следующая нефинитная форма – причастие настоящего времени сочетает в своей семантике свойства глагола, прилагательного и наречия. Ещё одна нефинитная форма, ориентированная на прилагательное – это причастие II. Обе формы имеют в своей семантике сходство с прилагательным, чем же они различаются? Этот вопрос также является одним из спорных и нерешенных проблем грамматики английского языка. Причастию II часто приписывают пассивное значение. Однако можно увидеть примеры, в которых причастие II не имеет значение пассивности, например: *advanced students, an escaped prisoner*.

2. Формальный критерий необходим для выделения основных элементов строения, характерных для данного класса слов.

Большинство ученых сходятся в том, что английский инфинитив обладает двумя формами.

Существуют различные точки зрения на грамматический статус форм инфинитива с маркером "to" и без маркера. Согласно традиционной точке зрения, форма инфинитива имеет два варианта – маркированный и немаркированный. Эти формы инфинитива различаются в синтаксическом плане. Немаркированная форма употребляется только в сочетании с модальными глаголами и в конструкции Complex Object. Маркированная форма выполняет различные синтаксические функции, вторичные для глагола.

Ещё одна точка зрения на формы инфинитива заключается в том, что инфинитив без частицы трактуется как отдельная категориальная форма, не соотносимая с инфинитивом с "to" [6, с.14–31]. Предлагается даже специальный термин "семифинитив" для немаркированного инфинитива [9, с.95–112].

Первая точка зрения, согласно которой инфинитив с маркером "to" и инфинитив без маркера представляют собой не отдельные формы, а являются двумя вариантами одной и той же формы – инфинитива – на наш взгляд, не является достаточно корректной. Представители этой точки зрения, например Л.С. Бархударов [1, с.148], утверждают, что различие между этими двумя формами обуславливается той синтаксической конструкцией, в которой употребляется инфинитив. Однако, можно легко

убедится, что различия лежат не только в области синтаксических свойств, но и в семантике, и, естественно, в форме. Так, мы приходим к трем критериям, на основании которых выделяются отдельные классы слов. Следовательно, утверждение о наличии двух отдельных разных компонента нефинитной парадигмы глагола является вполне обоснованным.

Герундий и причастие I имеют омонимичную форму с показателем –ing, идентичную парадигму. Многие лингвисты считают их одной формой, различающейся только функционально. Такого взгляда придерживаются В. Я. Плоткин, Л.С. Бархударов. Спорным моментом, однако, становится само название этой единой формы. Р.Квёрк, например, отказывается от формы герундия, выделяя всего три нефинитные формы – инфинитив, причастие I и причастие II. Майкл Свон, избегая традиционных наименований, выделяет кроме инфинитива две нефинитные формы на основании формального показателя: –ing форма и –ed форма. И приводит различные случаи употребления данных форм, например, –ing forms used like nouns, modifiers, adjectives [12, с.401].

В.Я. Плоткин, выделяет одну –ing форму, называя ее герундием. В этой форме сливаются, начиная со среднеанглийского периода, глагольное прилагательное – причастие I – и восходящий к отглагольному существительному герундий. В плане выражения слияние форм привело к выбору суффикса отглагольного существительного –ing для складывавшейся формы и к вытеснению суффикса причастия –end.

С формальным выделением причастия II дело обстоит не столь спорно. Причастие II имеет свой собственный показатель – ed, -en, -d, -t, -n, в котором имеется скрытое указание на завершенность и пассивность в семантике.

3. Функциональный критерий раскрывает синтаксические свойства слов в предложении.

М.Я. Блох выделяет три различные функции инфинитива [2, с.102–104]. Первая – значимый самостоятельный член предложения, вторая – значимая часть составного глагольного сказуемого и третья функция – составляющая спрягаемой финитной формы. При выполнении этих функций инфинитив является свободным, полусвободным и связанным, соответственно.

Многофункциональность маркированного инфинитива отмечается авторами Теоретической грамматики современного английского языка [4, с. 80–82]. По их мнению, инфинитив может выполнять практически любую синтаксическую функцию.

Также как и инфинитив, герундий функционально может выступать в роли любого члена предложения [4, с. 85–87].

В ряде функций герундий соприкасается с причастием, например функцию определения: *a sleeping dog - a sleeping train*. Можно отметить, что в этой функции герундий часто противопоставлен причастию семантически. Однако следует отметить, что далеко не всегда возникает подобное противопоставление. Вероятно, возможность семантического противопоставления определяется лексическим значением соответствующих форм. Часто совпадают и валентности причастия и герундия. Следовательно, существуют некие перекрестные семантические и функциональные области между герундием и причастием, а формально и парадигматически они вообще полностью совпадают. По-видимому, действительно можно описать герундий и причастие I как "–ing–форму", выступающую то с субстантивным (герундий), то с адъективным (причастие) грамматическим значением. Возможные для них синтаксические позиции определяются именно этими их свойствами, тогда как глагольные черты – наличие форм вида и залога и возможность принимать прямое дополнение – свойственны обоим формам. Семантическая ориентация нефинитных форм на существительное и прилагательное–наречие, соответственно" является основанием для разделения герундия и причастия I и по мнению М.Я. Блоха. Однако автор также указывает на наличие пересекающихся областей – на функциональную возможность выделения формы полу–герундия ("Half–Gerund") или герундиального причастия: *I felt annoyed at his failing to see my point at once. – I felt annoyed at him failing to set my point at once* [2, с. 115].

Авторы книги "The American Heritage. Book of English Usage" [13] называют такую конструкцию "fused participle" и отмечают, что если герундию предшествует существительное или местоимение, то они должны использоваться в притяжательном падеже: верным является предложение *I can understand his wanting to go, но неверным I can understand him wanting to go*. Однако конструкции без притяжательного падежа широко используются в языке, к тому же иногда, синтаксис не позволяет употребить притяжательный падеж: *We have had very few instances of luggage being lost, неверно - of luggage's being lost или What she objects to is men making more money than women for the same work*. Замена *men making* на *men's making* не только звучит неграмотно, но и требует замены на *women's*, что совсем не корректно.

Совместной трактовки герундия и причастия как одной формы на –ing придерживаются в своих исследованиях Джеффри Паллум и Арнольд Звики (Geoffrey Pullum, Arnold Zwicky). Они приводят внушительный список синтаксически и семантически различных контекстов упот-

ребления –ing формы в английском языке, называя эту форму "*gerund participle*" [10, с. 253–254].

Еще один спорный момент, касающийся функций герундия, заключается в разделении форм герундия и отглагольного существительного. М. Свон вообще не проводит такого разделения, указывая лишь на субстантивное использование ing–формы. В подобных случаях ing–форма может определяться артиклями, указательными и притяжательными местоимениями, иметь прямое или косвенное дополнение [12, с. 277–279]. Единственное замечание он делает относительно наличия прямого дополнения: "*When an –ing form is used with an article, it cannot usually have a direct object. Instead we can use an of–structure – the smoking of cigarettes (not the smoking cigarettes)*" [12, с. 279].

Более подробный анализ форм герундия и отглагольного существительного дает Р. Квёрк [11, с. 1290–1291]. Он разделяет герундий, глагольное существительное (*verbal noun – quarrelling, arriving*) и deverбальное (образованное от глагола) существительное (*deverbal noun – quarrel, arrival*).

Причастие I имеет две основные функции – атрибутивную и адвербиальную. Атрибутивно причастие I может употребляться препозитивно или в постпозиции (наиболее характерно для аналитических форм). Причастие I может занимать позицию именного члена составного сказуемого: *The realization was rather disconcerting*.

Возникает спорный вопрос о функциональном сходстве причастия и прилагательного (*a loving mother; it is surprising*). Предлагаются несколько критериев различения причастий и прилагательных. Например, если существует однокорневой глагол (в данном случае – *to love, to surprise*), то анализируемая форма определяется как причастие. Прилагательными же являются формы на –ing, не произведенные от глагола: *heart-breaking* – прилагательное, так как нет глагола *to heartbreak*. Остальные критерии будут рассмотрены далее, так как вопрос корреляции с прилагательными в равной степени характерен и для причастия II.

В адвербиальной функции причастие может обозначать действие, происходящее одновременно с действием, выраженным личной формой глагола или действие, непосредственно предшествующее действию глагола сказуемого. В функции обстоятельства причастие I обычно ассоциируется с семантическим субъектом, примыкающим к причастной конструкции. Однако существуют примеры неоднозначной отнесенности причастия (формально соотносятся с ближайшим существительным, но логически определяют существительное, расположенное в другой части предложения или вовсе отсутствующее): *Turning the corner, the view was quite different*.

Такие случаи в английских грамматических пособиях называются "dangling participles".

Причастие II лишено собственной парадигмы и обладает, в основном, именными, а именно, адъективными чертами. Необходимо разделять самостоятельное (атрибутивное) употребление причастия и предикативное – в составе сказуемого. Причастие может также употребляться в составе абсолютной конструкции; в этих случаях оно имеет свой собственный семантический субъект и, следовательно, реализует свои глагольные черты.

В синтаксическом плане причастие II, как и причастие I, в самостоятельном употреблении сближается с прилагательным, выполняя типичные для прилагательного функции определения в препозиции или постпозиции к имени существительному и члена составного сказуемого. Сближение с прилагательным проявляется также в словообразовательных моделях причастия – оно может принимать типичный для прилагательного отрицательный префикс un- (unchanged, unspoken) и образовывать наречие с помощью суффикса -ly (decidedly, unpreparedly).

Критерий отграничения причастия и прилагательного – вопрос также неоднозначный. Так, например, Р. Кверк называет причастия в атрибутивной функции прилагательными [11, с. 413–416].

Другими критериями разделения причастия и прилагательного могут считаться глагольное управление причастия, например, наличие предлога by после причастия II: We were relieved to find her at home – прилагательное, We were relieved by the next group – причастие; или наличие прямого дополнения у причастия I: His views were alarming me. Употребления слова very указывает на адъективный характер единицы: His views were very alarming. He was very offended. Уже из этих критериев следует, что теоретически невозможно одновременно использовать слово very и прямое дополнение для причастия I и предлога by для причастия II. Для причастия I это вполне справедливо, однако для причастия второго такое употребление вполне приемлемо.

Авторы книги "The American Heritage® Book of English Usage" предлагают следующие тесты, которым должны соответствовать прилагательные [13]:

1. Атрибутивное употребление: an intriguing offer.
2. Использование в качестве именной части составного именного сказуемого, особенно после глагола seem: She thought the party boring и He seems concerned about you.
3. Наличие степеней сравнения: We are even more encouraged now и The results are most encouraging.
4. Возможность употребления слова very или quite: They are very worried about this.

Однако лишь некоторые "чистые" прилагательные соответствуют всем этим тестам, например, прилагательное *Disastrous* проходит по 1, 2, and 3, но не по 4 пункту. А вот причастия в большинстве случаев удовлетворяют всем требованиям. Спорным, только является употребление со словом *very*. Некоторые носители языка используют фразы типа *very appreciated, very astonished, или very heartened*, в то время, как другие предпочитают альтернативный вариант *very much* (поскольку *very* редко используется самостоятельно перед причастиями). Более того, некоторые причастия-прилагательные могут определяться словом *very* в одних контекстах и не могут в других: *a very inflated reputation*, но не *a very inflated tire*.

Достаточно определенно можно определить причастие прошедшего времени в составе глагольной формы пассивного залога, когда за ним следует предложная конструкция "by". Так, например, причастие *married* будет частью глагольного сказуемого в предложении *Chuck and Wendy were married by a bishop*, но прилагательным в предложении *Chuck and Wendy were happily married for about six months*. Чтобы ещё раз убедиться, что это прилагательное, нужно трансформировать предложение так, чтобы искомое слово выступило в функции определения: *For about six months Chuck and Wendy were a happily married couple*.

Таким образом, как и в случае разделения герундия и существительного, здесь можно говорить о проблемах разделения нефинитных форм и именных частей речи.

Как видно из приведенного анализа литературы по нефинитным формам в современном английском языке, совершенно невозможно сделать конкретных выводов о статусе, семантике и функциях нефинитных форм.

По каждому исследуемому пункту лишь очерчивается ряд до сих пор нерешенных вопросов. Среди которых:

1. Каково количество нефинитных форм, как они называются?
2. Не является ли семантика инфинитива и герундия избыточной?
3. Можно ли говорить о парадигматической корреляции причастий?
4. Являются ли формы инфинитива – с маркером "to" и без маркера самостоятельными?
5. Можно ли объединить герундий и причастие?
6. Какой статус имеют конструкции типа "полугерундий" ("Half-Gerund") или "сплавленное причастие" ("Fused Participle")?
7. Как разделять герундий и глагольное существительное, причастие и прилагательное? и т.д.

Такое множество вопросов возникают, на наш взгляд, в связи с тем, что нефинитная парадигма современного английского языка рассматривается в том же русле, с учетом тех же тенденций, которые господствовали в

древнеанглийский период. Нефинитные формы описываются в тех же терминах, заимствованных из грамматики латинского языка, которые использовались еще авторами первых научных грамматик. Однако, при рассмот-

рении синхронного состояния современного языка необходимо учитывать коренные изменения, которые произошли в истории языка, и те новые тенденции, по которым продолжается развитие языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1975.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 2000.
3. Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка. – М.: Астрель-АСТ, 2006.
4. Иванова И.П., Буракова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Наука, 1956.
6. Плоткин В.Я. Типологическая перестройка системы нефинитных форм английского глагола // Новые тенденции в изучении грамматики романских и германских языков / Общ. ред. Е.Н.Старикова. – Киев: Вища школа, 1981. – С. 14–31.
7. Плоткин В.Я. Строй английского языка, – М.: Высшая школа, 1989.
8. Fowler H.W., Fowler F.G. The King's English. – Oxford: The Clarendon Press, 1962.
9. Joos M. The English Verb: Form and Meanings. – Madison & Milwaukee: Wisconsin University of Press, 1964.
10. Pullum G. K., Zwicky A. M. Gerund participles and head-complement inflection conditions in The Clause in English // In Honour of Rodney Huddleston / ed. by Peter Collins and David Lee. – Amsterdam: John Benjamins, 1999. – PP. 251–271.
11. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. The comprehensive grammar of the English language. – London, New York: Longman, 1985.
12. Swan M. Practical English Usage. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
13. The American Heritage® Book of English Usage. A Practical and Authoritative Guide to Contemporary English. – Boston: Houghton Mifflin, 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20060316061722/http://www.bartleby.com/64/1.html> (дата обращения 31.10.2017).

© А.Ю. Соколова, [Alinasokolova.tver@yandex.ru], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Тверской государственный медицинский университет

КОНЦЕПТ ЖИЗНЬ КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТЕКСТАХ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ*

* Данная статья поддержана Китайским комитетом по стипендиям, проект № [2017] 3109.

THE CONCEPT OF LIFE AS A FRAGMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN L. PETRUSHEVSKAYA'S TEXTS

Jiao Fengyue

Annotation

Life as the most important concept for a human being is the object of interest of representatives of various fields of scientific knowledge. This article is devoted to the reconstruction of the associative halo of the concept-word LIFE from the point of view of cognitive linguistics. As a part of the conceptual analysis, such a linguistic tool as "projective sense" is used, which is aimed at revealing a visual image of the name in the speaker's consciousness. The method of identifying projectors is the analysis of metaphor and comparison with the main subject. In L. Petrushevskaya's texts the commitment to metaphorical compatibility is noted.

Keywords: concept LIFE, conceptual analysis, projective sense, metaphor, comparison, compatibility, L. Petrushevskaya's texts.

Цзяо Фэньюе

*Аспирант, Пекинский
педагогический университет;
стажёр, Московский
государственный Университет
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация

Жизнь, как важнейшее для человека понятие, является объектом интереса представителей различных сфер научного знания. Данная статья посвящена реконструированию ассоциативного ореола концепта-слова ЖИЗНЬ с точки зрения когнитивной лингвистики. В рамках концептуального анализа применяется лингвистический инструмент под названием "проективный смысл", ориентированный на выявление наглядного образа имени в сознании говорящего. Метод выявления проективов состоит в анализе метафоры и сравнения с основным субъектом. В текстах Л. Петрушевской отмечается приверженность к метафорической сочетаемости.

Ключевые слова:

Концепт ЖИЗНЬ, концептуальный анализ, проективный смысл, метафора, сравнение, сочетаемость, тексты Л. Петрушевской.

Концепт как объект лингвистического исследования прошёл долгий путь, постепенно меняя своё содержание и приобретая новое. Концепт, являясь сложным ментальным образованием, соединяет в себе понятие и представление носителей языка о каком-либо предмете или явлении. Каждая личность или социум приобретают в процессе своего жизненного пути или развития уникальный индивидуальный/ коллективный опыт, т.е. отношение к концепту складывается различное и у каждого формируется особое чтение концепта. Вместе с тем все концепты обладают общими характеристиками. Таким образом, концепт представляет собой единство субъективности и объективности. Для того чтобы понять содержание концепта, применяется концептуальный анализ, являющийся эффективным методом исследования.

Концепт ЖИЗНЬ имеет к человеку непосредственное отношение как один из его экзистенциально самых значимых параметров. Цель данного исследования – выявление вещных проекций абстрактных сущностей,

представленных в метафорах и сравнениях, где главным компонентом выступает абстрактное имя ЖИЗНЬ, а также определение референтов области источников, из которых абстрактное имя ЖИЗНЬ черпает предикаты. Особенный интерес в этом аспекте представляют именно метафора и сравнение, так как они, в отличие от других тропов, составляют единицы языка подобий. В то же время метафора отличается от сравнения своей логической необходимостью в языке. Материалом для исследования послужили сборники прозы Л. Петрушевской ("Два царства", "Город света", "Колыбельная птичьей родины", "Жизнь это театр", "Черная бабочка").

С точки зрения когнитивной лингвистики, концепт имени охватывает языковое преломление всех видов знания о явлении, которое стоит за ним; это может быть знание эмпирическое, знание по доверию, знание по мнению или знание по вере, одним словом все, что можно подвести под один знак и что предопределяет бытие знака как когнитивной структуры и составляет содержание и объем языкового знания [Чернейко 2013: 238].

Воплощением концепта в языке является прежде всего абстрактное имя, которое выступает в качестве номинации абстрактной сущности и способом членения невидимого, идеального и умопостигаемого мира.

В рамках концептуального анализа применяется и такой лингвистический инструмент изучения нематериальных, непредметных сущностей, стоящих за абстрактным именем, как "проективный смысл", введённый Л.О. Чернейко [Чернейко 2009, 2015, 2017] и позволяющий рассматривать метафору и сравнение как единицы "языка подобий" [Чернейко 2011], в основе которого лежат проекции малоизвестного, непонятого X-а на Y, являющийся предметом опыта.

Выявление проективных смыслов – тактика концептуального анализа абстрактного имени. Его стратегия заключается в буквальном прочтении вторичных предикатов (глаголов или дескриптивных прилагательных) или вспомогательного субъекта (имени), употребленных в сочетании с абстрактным именем в переносном значении. Как отмечает Л.О. Чернейко, сопоставляя переносное значение глагола при абстрактном имени, мы можем выделить имплицитную метафору из стандартного актанта глагола в его буквальном значении; из имплицитных метафор выводится также аксиология абстрактной сущности [Чернейко 2016: 358].

Вопрос о соотношении метафоры и сравнения является предметом изучения во многих научных трудах. Собственно метафора, по мнению исследователей, обладает способностью "сдвигать" представление о различных классах объектов [Арутюнова 1990: 7]. Первым предметом внимания тропов должно стать сравнение как первичная, исходная и потому важнейшая форма языкового образа [Огольцев 1978: 5]. Их различие состоит в том, что, сравнение указывает на подобие одного объекта другому и при этом неважно, является ли оно постоянным или преходящим; метафора же выражает устойчивое подобие, которое составляет сущность предмета и является его постоянным признаком. По этой причине метафорические высказывания не допускают обстоятельств места и времени [Арутюнова 1990: 27]. Несмотря на то, что метафора и сравнение отличаются друг от друга, у них есть общий механизм: сопоставление на основе подобия, по поводу которого Л.О. Чернейко называла их единицами "языка подобий".

Вещная проекция абстрактных имён предопределяет их сочетаемость и выводится из неё. В противоположность термину "вещная коннотация" проективный смысл является инструментальным термином активной грамматики, фокус которого сосредоточен на процессе моделирования языкового знания говорящего. Л.О. Чернейко пишет, что проективный смысл ориентируется на моделирование конвенциональной образности ассоци-

ативного, символического или мифологического пространства абстрактной сущности, которая обуславливает синтагматику ее имени, представленной сочетаемостью с прилагательными и глаголами [Чернейко 2015: 555]. Проекция абстрактной сущности (идеи) распространяется на элементы конкретного опыта, что позволяет выявить её культурно значимые элементы и моделировать как фрагмент языковой картины мира.

Как справедливо отмечает В.М. Огольцев, функционально язык служит для выражения, а художественная речь – для изображения [Огольцев 1978: 5]. Образ прежде всего является фактом языковой системы, прямое назначение которого состоит в выражении предметов и явлений действительности. В художественном тексте метафора и сравнение, основанные на проекциях абстрактной сущности на конкретные предметы индивидуального опыта автора, составляют образную систему. Л.О. Чернейко отмечает важность исследования проективных смыслов абстрактной сущности в художественном тексте, поскольку художественное сознание способно, с одной стороны, вскрывать новые свойства или признаки объекта, рожденные в результате творческой деятельности автора, а с другой, даёт новые проекции уже известных свойств или признаков [Чернейко 2013: 257]. Словоупотребление автора является неотъемлемой частью живого языка. Писатель, как представитель элитарной культуры, обладает особым чутьём к изменению жизни. Так, в настоящей работе описываются различные вещные проекции концепта ЖИЗНЬ в художественном мире российской писательницы Людмилы Петрушевской.

Н.А. Фатеева выделяет несколько типов современной женской прозы. Анализ особенностей художественных произведений Петрушевской позволяет отнести ее к бытоописательной прозе; произведения такого типа отличаются глубоким психологизмом, увлекательным сюжетом, драматизмом, отражающим сложности современной жизни [Фатеева 2000: 573]. Язык Л. Петрушевской наглядно передает особенности женского мышления и основан на уникальной женской эстетике. В данном случае концептуальный анализ является одним из самых эффективных подходов, позволяющих раскрыть способности лингвистического выражения женской психологии, восприятия и понимания окружающего мира, выявить и описать особенности манеры повествования, а также способы текстообразования, характерные для женщин-писательниц.

В ходе анализа произведений Л. Петрушевской было рассмотрено 140 примеров метафор и сравнений, в которых основным субъектом выступает имя ЖИЗНЬ. Среди них:

- ◆ 20 примеров посвящены персонификации жизни;

- ◆ 99 примеров – овеществлению жизни;
- ◆ 10 примеров – жизни как источнику информации;
- ◆ 10 примеров – форме существованию жизни;
- ◆ 1 пример – геометрической форме жизни.

Проведённый анализ сочетаемости позволил нам выделить следующие проективные смыслы сущности, стоящей за именем ЖИЗНЬ:

1. Персонализации жизни

Учитель (...сама Мильгром тоже в молодости была неумеха... а потом научилась: жизнь научила.); Друг (...и все большее число захватывают себе Имант и Эдгар..., а цена слишком высокая, человеческая жизнь, мы не так легко расстаемся с жизнью...); Изготовитель (Однако на одной из лент содержалась явная ошибка..., вот какие шутки выделяет жизнь.); Кузнец (Суrowая жизнь закалила Диму и Геню до состояния стали, а Егорушка рос мягкий, ласковый...); Инвалид (...Алена пользуется аллиментами, но Андрею – то надо подкинуть ... ради его искалеченной в тюрьме жизни).

2. Овеществление (реификация) жизни

Птица (...там, на песчаных пляжах, гнездилась жизнь); Река (Я хотела ее обнять и заплакать, но она отпрянула. Так у нас протекала жизнь. И в это течение жизни воорвался вдруг тревожный голос Матвея по телефону... Владик выбрал первое, не желая ничего вечного, серьезного, ему, наверно, хотелось плыть по жизни легко...); Вода (Там, где раньше кипела трудовая, озлобленно-хлопотливая, сварливая живая жизнь, там теперь все отжило. Он рисовал, питаясь остатками крупы ... и прислушивался к крикам на лестнице – а там шла кипучая жизнь); Дорога (...но нигде не зацеплялась надолго, что-то ее не устраивало там или там, короче, бродила по жизни, имея, видимо, цель изучать жизнь); Деньги (Всегда очень трудная вещь – покинуть работу, которую любишь и на которую потратил жизнь. Она как свою жизнь проиграла); Товар (А может, она хотела теперь прожить совершенно иную жизнь, которая ранее ей была недоступна ... Я готовилась дорого продать свою жизнь.); Театр (Жизнь – это театр. Тут уж для нее кончились все изучения жизни и пошла сама жизнь, последние репетиции, сдача спектакля накануне родов, победа на московском смотре); Здание (...вся наша жизнь, готовая обрушиться. У меня, можно сказать, жизнь обвалилась); Вместилище (Иногда кажется, что там, в недрах ее жизни, расположился в позе эмбриона молодой скелет); Огонь (...эта жизнь продолжается, тлеет, вспыхивает); Цветы (Далее, мать Марты, вылечив неподъемного мужа, внезапно умирает ... в расцвете жизни... дети – цветы вашей жизни!); Пристань (Может показаться, что предыдущая жизнь была тихой пристанью.); Судно (Отсюда и ее

уход из газеты на так называемые вольные хлеба и вообще видимое крушение и потопление всей жизни, ... вскоре жизнь вернулась в свое русло); Дерево (Я вся дрожала, но валерьянка, драгоценный корень жизни, делала свое дело.); Трава (За что, спрашивается, ведь трава растет, и жизнь неистребима вроде бы); Болото (Алексей Петрович... все проваливался как на болоте в этой московской жизни); Гора (Возможно, это вершина их молодой жизни, пик радости); Зеркало (Молодая хозяйка все время жаловалась: все уплывает из рук, что разбита жизнь...); Свеча (Но бедная маленькая бумажка уже догорала, как догорали остатки ее жизни); Ткань (...Кларисса переехала к своему новому мужу... в его трехкомнатную квартиру, и началась новая полоса в жизни нашей героини); Картина (... ему прежде всего перед ними важно было создать картину якобы мирной семейной жизни ..., вся ее последующая жизнь обрисована была Олей в этом разговоре).

3. Формы существования жизни

Природная стихия (А потом – как лавина стала таять жизнь... Жизнь затуманилась, перестала двигаться и сверкать. ... Она уже сама чувствовала, что скатывается куда-то вниз); Сон (Она сумела там, на небесах, продлить свою жизнь как его сон); Рай (Жизнь в труде казалась ей раем, все может быть); Гонки (Меня ждал, оскалившись, пьяный и бесстрашный человек, ждал, чтобы устроить главные гонки своей жизни.); Кинохроника (Вся жизнь прокрутилась перед ней, как кинохроника).

4. Жизнь как источник информации

Учебник (У нас тут произошло и того лучше, добавляют некоторые женские Гомеры и, набравши воздуха, цитируют из учебника жизни); Текст (Мы, хранители текстов чужих жизней, женщины. Вся моя прошлая жизнь была перечеркнута).

5. Геометрические формы жизни

Точка (Это маленькое расстояние между жизнью и смертью видится человеку в редкие минуты его жизни).

В вышеперечисленных примерах посредством проекции имя ЖИЗНЬ опредмечиваются и приобретаются различные проективные смыслы через образы проецированных конкретных предметов. Проведенный статистический анализ показывает, что метафора преобладает над сравнением. Логическая необходимость метафоры состоит в том, что за абстрактным именем не стоит никакого чувственного прототипа, поэтому думать и рассуждать об абстракции можно только через вторичные предикаты, первичная функция которых заключается главным образом в обслуживании предметных имен. В метафорах имя ЖИЗНЬ выступает и как субъект, и как

объект действия при глаголах, позволяющих восстановить общий intersубъективный ассоциативный образ, обусловивший глагольную сочетаемость этого имени, что представляется свойственным русскому языковому сознанию.

Анализ сочетаемости имени ЖИЗНЬ позволяет обнаружить такие семантико-прагматические элементы содержания, как оценка (хорошо-плохо) и стилистические маркеры, которые являются вещными коннотациями абстрактных существительных. Сложившаяся в социуме "конвенциональная образность", позволяющая создать прототип "вещного" портрета, стоящего за именем абстрактного феномена, а также выявить специфику оце-

нивания и понимания жизни у разных индивидов, социумов или культур, определяет и направляет "поверхностную сочетаемость" абстрактных субстантивов.

Совокупность проективных смыслов имени ЖИЗНЬ создает его цельный проективный портрет. Чем абстрактнее имя, тем сложнее его проективный портрет. Его неоднородность и противоречивость свидетельствуют об особенностях мироощущения и мировосприятия автора и выражаются в выбранных им языковых средствах. Таким образом, через сочетаемость имени абстрактной сущности можно выявить его проективные смыслы, имплицитные ассоциативные образы в языковой картине мира данной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С.5–32
2. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии [Текст] / В.М. Огольцев. – Л.: ЛГУ, 1978
3. Фатеева Н.А. Языковые особенности современной женской прозы [Текст] / Н. А. Фатеева // Русский язык сегодня. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 573–586
4. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко. Изд. стереотип. – М.: Либроком, 2013
5. Чернейко Л.О. Грамматика семантики [Электронный ресурс] / Л.О. Чернейко // Памяти А.А. Поликарпова. – МГУ, 2015. – С. 551–556. URL: istina.msu.ru (дата обращения: 19.05.2018)
6. Чернейко Л.О. Роль сравнения как одной из универсалий языка подобий в структуре художественного текста [Текст] / Л.О. Чернейко. – М.: Азбуковник, 2016. – С. 631–642

© Цзяо Фэньюе, (fengyue7@mail.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ООО Торговый дом «Прессмаш»
Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Российской, 279, офис 910
тел/факс: +7 (351) 225-16-22, 225-16-65
e-mail: tdpressmash74@yandex.ru, www.tdpressmash.ru

Реклама

Инжиниринговая компания «ПРЕССМАШ»
специализируется на проектировании, изготовлении и поставке под ключ технологических линий и аппаратов для горнорудных, золотодобывающих, металлургических и химических производств

Линии сушки, прокали и охлаждения сыпучих материалов: аппараты с вращающимися барабанами (печи, сушилки, холодильники), аппараты с кипящим слоем

Резервуары, сборники, аппараты по техническому заданию заказчика

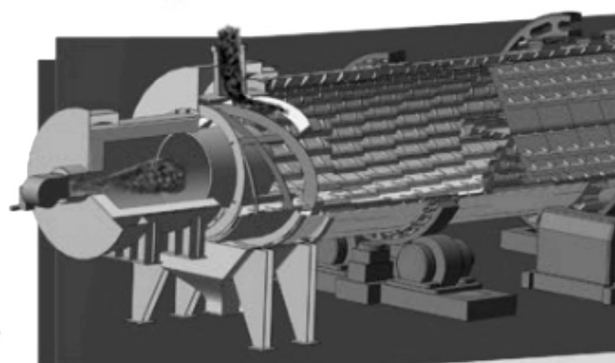
Системы пылегазоочистки и абсорбции

Автоклавы с перемешивающими устройствами и системой охлаждения пульпы

Пачуки

Выпарные и кристаллизационные установки

Тепломассообменное оборудование: аппараты теплообменные кожухотрубчатые, аппараты воздушного охлаждения, реакторы, аппараты с перемешивающими устройствами, аппараты высокого давления

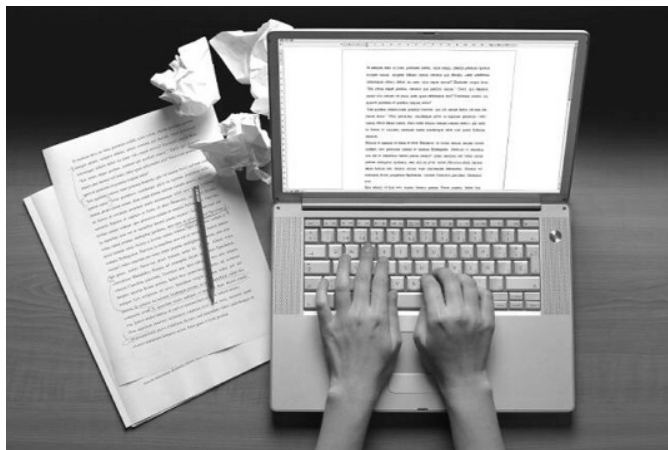
Предприятие проектирует новые, модернизирует действующие объекты горнорудных, металлургических и химических производств, проектирует импортозамещающее оборудование

Модернизация конструкции и внедрение сушильных линий нашими специалистами приводят к следующим результатам:

- повышение производительности линии сушки более чем на 35 %;
- сокращение удельного расхода природного газа (топлива) на 1 тонну высушенного продукта более чем на 30 %;
- снижение удельного расхода электроэнергии не менее чем на 15 %.

Данные показатели достигаются за счет:

- разработки новой системы насадок, учитывающих свойства продукта, обеспечивающих более эффективное взвешивание высушиваемого продукта и, как следствие, увеличение его контакта с топочными газами и увеличение объемного коэффициента теплопередачи;
- разработки новых опорных и приводной станций, обеспечивающих их работоспособность при возросших нагрузках;
- разработки новой топки, обеспечивающей выработку теплоносителя для сушильного барабана в широком интервале температур и с более высоким КПД по сравнению с топками, находившимися в эксплуатации;
- разработки новой системы управления, обеспечивающей безопасную работу линий сушки в автоматическом режиме с контролем и регистрацией технологических параметров процесса сушки.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Abaeva M. – Postgraduate, North–Caucasian Institute branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service
e-mail : madina455s341c913@mail.ru

Abilov I. – Talysh National Academy, Lithuania
e-mail : vestnik@tolish.com

Al–Mohammedawi Haitham Saad Hasan – Ogarev Mordovia State University Saransk, Russian Federation
e-mail : haithamsaad1@yahoo.com

Bagrov Yu. – North–West Institute of Printing Arts of St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design
e-mail : ybagroff@gmail.com

Bazarova M. – Teacher, Buryat state University
e-mail : bazarovamar@mail.ru

Blinov A. – Candidate of History, Associate Professor of the FGBOU VO "Kemerovo State University"
e-mail : blinov_alexey_vlad@mail.ru

Borisyuk A. – Postgraduate student, St. Tikhon's Orthodox University
e-mail : Andreyborisyuk@yandex.ru

Borzykh A. – Cherepovets State University
e-mail : Laigyshonok@yandex.ru

Chekunkova E. – Postgraduate student of UrFU, Ekaterinburg
e-mail : alex_antoshin@mail.ru

Danko O. – Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics
e-mail : olgadanko@bk.ru

Denisov D. – Moscow Region State University
e-mail : denisderden2015@mail.ru

Fazliev A. – Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
e-mail : aivazik@mail.ru

Feoktistova I. – Assistant, Buryat state University
e-mail : feoktistova_bsu@mail.ru

Galeeva M. – Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia
e-mail : galeeva_mariyam@mail.ru

Golovina T. – Cheboksary Institute (branch) Moscow Polytechnic University
e-mail : valesta@mail.ru

Gunina L. – Volgodonsk Engineering Technical Institute the branch of National Research Nuclear University "MEPhI"
e-mail : Gavrik3554@mail.ru

Igumnov E. – PhD in History, associate professor, Saint Petersburg State Academy of Veterinary Medicine
e-mail : eigumnov@list.ru

Ivanshina E. – Voronezh State Pedagogical University
e-mail : sergiencou@yandex.ru

Jiao Fengyue – PHD student of Beijing Normal University, jiont PHD student of Lomonosov Moscow State University
e-mail : fengyue7@mail.ru

Kalimullina F. – Candidate of historical Sciences, senior researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Tatarstan Academy of Sciences, Kazan
e-mail : kfirdaus@list.ru

Kiselev S. – Saint–Petersburg State University
e-mail : stak0607@list.ru

Konkol M. – Senior Teacher, Moscow State Institute of International Relations (University) MGIMO
e-mail : konkolio@mail.ru

Lupinogina Yu. – Volgodonsk Engineering Technical Institute the branch of National Research Nuclear University "MEPhI"
e-mail : matashonok@mail.ru

Marchenko A. – Postgraduate, Moscow Region State University, Moscow
e-mail : 89684905120@yandex.ru

Midova V. – Candidate of psychological sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics
e-mail : veneramid@gmail.com

Minasyan E. – Candidate of philological sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics

e-mail : minaseva2012@gmail.com

Mishlanova S. – Doctor of Philology, Professor, Perm State National Research University

e-mail : mishlanovas@mail.ru

Moiseev A. – Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the branch The military educational and scientific center of the Air Force "Air Force Academy" named after Professor NE Sh. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin in Syzran

e-mail : vertolet_k27tb@mail.ru

Moiseeva T. – Graduate student of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanova

e-mail : t-nekst@mail.ru

Moroz I. – Teacher of the Bryansk branch of Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

e-mail : zima.morozz@yandex.ru

Muzalev A. – Senior Lecturer, Novokuznetsk branch (institute) Kemerovo State University

e-mail : musalew2@gmail.com

Nafikov I. – Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

e-mail : ilsur_nafikov@mail.ru

Oguzova D. – Postgraduate student, North Caucasus Institute – branch of RANePA, Pyatigorsk

e-mail : schurdumova.dinara@yandex.ru

Olshanskaya L. – Ph.D., Moscow Polytechnic University

e-mail : lvo-1976@mail.ru

Petukhova T. – PhD in law, associate Professor, Ural Institute of state fire service of EMERCOM of Russia

e-mail : tatyana.petukhova@mail.ru

Pobedonostseva Kaya A. – History PhD, Saint Petersburg State University

e-mail : apobedonostseva@gmail.com

Rahdraniriana Antsa Miangola Malala – Graduate student, Russian Peoples Friendship University

e-mail : antsah88@gmail.com

Ramberdiyeva G. – Postgraduate, Orenburg State Pedagogical University

e-mail : gainulia@inbox.ru

Remyannikova D. – Perm State National Research University

e-mail : dasharemyannikova94@mail.ru

Rusinov S. – Cherepovets State University

e-mail : artrusinovsm@gmail.com

Ryabkova V. – Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

e-mail : lerys92@mail.ru

Ryabova M. – Perm State Humanitarian and Pedagogical University

e-mail : mary.saseva1508@yandex.ru

Sarigoz O. – Belarusian State Economic University

e-mail : sarigozby@gmail.com

Semina A. – Moscow State Pedagogical University

e-mail : supermegasandy@gmail.com

Shustova S. – Doctor of Philology, Professor of Perm State National Research University

e-mail : lanaschust@mail.ru

Sokolova A. – Tver State Medical University

e-mail : Alinasokolova.tver@yandex.ru

Sun Janan – Postgraduate student of UrFU, Ekaterinburg

e-mail : limmasun@yandex.ru

Vinogradov I. – Moscow State Pedagogical University

e-mail : vinbel19@mail.ru

Yarmonov Y. – Voronezh State Pedagogical University

e-mail : yyarmonov@inbox.ru

Zakharova L. – Volgodonsk Engineering Technical Institute the branch of National Research Nuclear University "MEPhI"

e-mail : zakharova11@mail.ru

Zarochintseva I. – Volgodonsk Engineering Technical Institute the branch of National Research Nuclear University "MEPhI"

e-mail : michael.mus.2000@mail.ru

Zubareva E. – Perm State National Research University

e-mail : sialpsu@mail.ru

Zykov A. – Kurgan State University

e-mail : az_zykov@mail.ru

**НАШИ АВТОРЫ
OUR AUTHORS**

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh.ru).